АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ

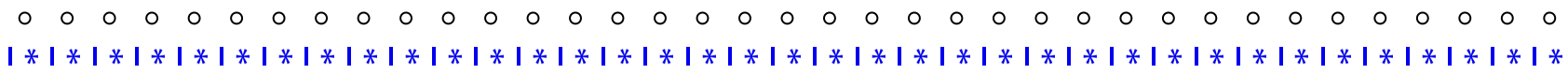
АРГОНАВТИКА

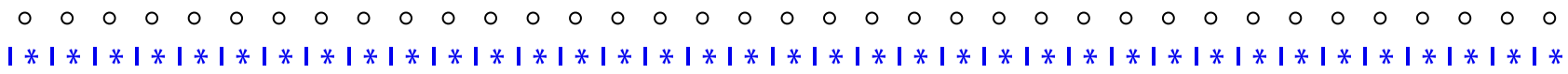
Annotation

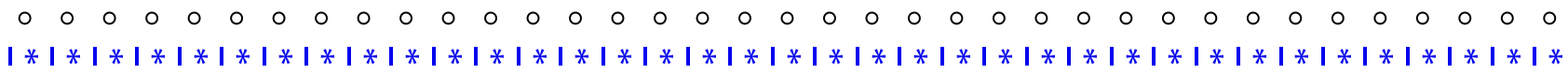
Знаменитая эпическая поэма Аполлония Родосского «Аргонавтика», рассказывающая о полном необычайных приключений походе 55 греческих мореходов на корабле «Арго» за золотым руном к царю колхов Эету, предлагается читателю в новом переводе, выполненном с учетом всех известных рукописей и новонайденных фрагментов поэмы.

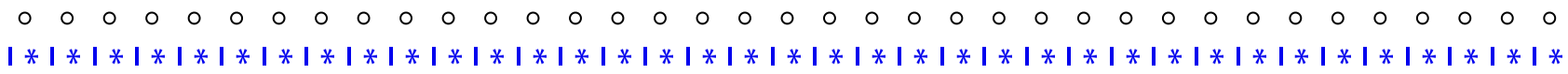
- АРГОНАВТИКА
  -
  - ПЕРВАЯ КНИГА
  - ВТОРАЯ КНИГА
  - ТРЕТЬЯ КНИГА*
  - ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Н. А. Чистякова
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
  - Родословие Ясона и Эета
  - КАТАЛОГ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА (сохранена последовательность упоминания имен в поэме)
  - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ПАТРОНИМОВ, НАРОДОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ
  - ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ[14]
  - СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ, КАРТ И СХЕМ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

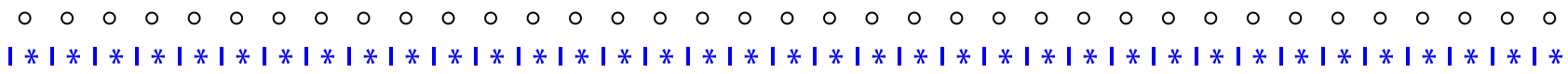
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *
- *

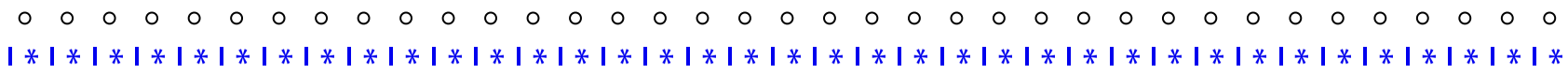


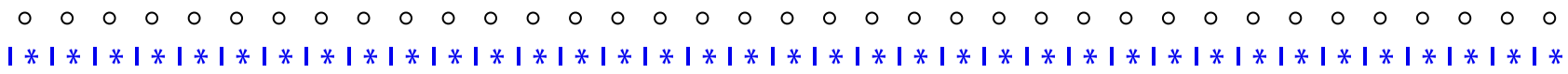


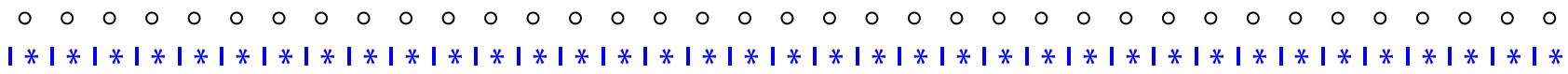












- *

АРГОНАВТИКА

ПЕРВАЯ КНИГА

Феб мой! С тебя начиная, я вспомню о славе героев
Древлерожденных, которые, Пелия следуя воле,
Между темными скалами и по пучинному Понту
Быстро прогнали корабль Арго со скамьями на диво,
Мысля назад привести в Иолк руно золотое.
Пелию сказано было*, что ожидает в грядущем
Лютая доля его: погибнуть от человека,
Кто однообутым придет к нему в землю Иолка.
А перед тем незадолго Ясон, по велению бога,
Переходя холодные струи Анавра, сандалью
Только одну среди ила сберег, а другую оставил
В тине глубокой — увязла она у брега речного.
К Пелию шел Эсонид, потому что услышал о пире.
Пелий пир посвящал Посидону и прочим бессмертным,
Но среди всех богинь пренебрег Пеласгийскою Герой.
Лишь Ясона Пелий узрел, тотчас же задумал
Горестный путь для него в надежде, что в море погибнет
Иль сгинет в дальних краях средь людей чужеземных.
Дней минувших певцы и доныне корабль тот славят.
Арг герой создал его сам по совету Афины.
Я же теперь* о роде и именах всех героев
Вам поведать хочу и про путь их долгий по морю,
И про деяния их. Пусть Музы подскажут мне песню.*
Вспомним сперва про Орфея. Его сама Каллиопа,

Как гласит молва, родила у горы Пимплеиды,
Некогда ложе свое разделив с фракийцем Эагром.
А говорят про него, что он нерушимые скалы
Звуками песен своих чаровал и потоки речные.
В тесном толпятся строю вблизи Фракийского мыса
В пышном убранстве дубы. Их однажды вслед за собою,
Лирой чаруя своей, он свел с Пиерии дальней.
Вот такого Орфея в помощь деяньям грядущим

Принял к себе Эсонид, послушный советам Хирона*.
Был же владыкой Орфей в краю Пиерии Бистонской.
Прибыл к Ясону Астерион, рожденный Коматом.
Жил он близко от бурных стремнин реки Апидана,
В городе людном Пиресиях, возле кручи Филлейской.
Там Апидан многоводный и Энипей достославный
Рядом сперва, а потом в едином потоке несутся.
Следом шел Полифем* Элатид, покинув Ларису.
Некогда юношей он среди могучих лапифов
Бился в первом ряду, избивая дерзких кентавров.
Телом он ослабел, но дух пребывал неизменным.
Также долго Ификл не стал оставаться в Филаке,
Дядя родной Эсонида. С сестрою его Алкимедой
Из Филаки* когда-то Эсон пожелал сочетаться.
Ныне же верность сестре и свойству призвали Ификла.
В Ферах, водою обильных, под Халкодонийскою кручей,
Не задержался нимало Адмет*, владыка отважный.

Не остались в Алопе* и хитроумные дети
Бога Гермеса, Эрит и Эхион, искусные в кознях.
Третьим брат Эфалид за ними прийти не замедлил.
Дочь Мирмидона Евполемея из Фгии у брега
Амфрисса-реки его родила, а те двое
Антианирою рождены, Менетия дщерью.
Прибыл, покинув Гиртон* богатый, Корон, сын Кенея.
Доблестным был он героем, отцу уступал он, однако.
Славу Кенею доныне певцы поют, словно живому.
Стал он жертвой кентавров, которых сумел от лапифов
Лишь один отогнать. Кентавры, вновь нападая,
Ни обратить его вспять не могли, ни насмерть поранить —
Неодолим, нерушим, погрузился он в недра земные,
Яростно в землю забитый ударами сосен могучих.
Мопс прибыл Титарисийский*, его больше всех смертных
Сам Летоид обучил прорицать по полету пернатых.
Евридамант появился, сын Ктимена. Он близ Ксиниды
Озера жил в Ктимене, среди народа Долопов.

Актор пришел и сына* с собою привел из Опунта
Юного, чтобы Менойтий мог видеть лучших из лучших.
Следом явился Евритион с Эриботом могучим.
Сын Телеонта — один, другой — Акторида Ира.
Эрибот достославный сыном был Телеонта,
Сыном Ира — Евритион, а третьим за ними
Был Оилей, отменно силен и отменно обучен

В тыл устремляться врагам, если те прорывали фаланги.
Шел еще Канф* из Евбеи, проникнутый жаждою славы.
Каниф, сын Абанта, отправил его. Не предстояло
Снова в Киринф ему возвратиться. Судьба повелела,
Чтобы вместе с Мопсом, столь в порицаньях искусным,
Был он в скитаньях убит у далеких ливийских пределов.
Вот как людям легко с бедой нежданной столкнуться.
Их обоих в Ливийской земле навсегда схоронили.
Вслед за ним подошли Ифит и Клитий, владыки
Славной Эхалии*, дети сурового сердцем Еврита.
Некогда дал Евриту в подарок лук Дальновержец.
Он же дар бога презрел и не стал с дарителем ладить.
Далее за ними* пришли Эакиды, но только не вместе
И не из той же страны. Вдали от Эгины скрывались
Порознь оба, с тех пор, как они, неразумные, Фока
Брата убили. На острове жил Теламон, на Атфиде,
А Пелей далеко устремился в тучную Фтию.
Вслед им Бут появился*, любезный Аресу. Пришел он
Из Кекропейской страны, сын славного Телеонта.
С ним копьеносца Фалера отправил отец его Алкон.
Старец, он не имел других сыновей, чтобы дома
Старость его берегли б и заботой его окружали.
Единородного все же послал, хоть очень лелеял.

Только Тесея, кто всех* превзошел Эрехфея потомков,
Под Тенарийской землей держали оковы Аида.
За Перифоем пошел он по общей дороге. А были б

Вместе они, много легче свой труд завершили б герои.
Тифис, Гагния сын[*], Сифейский народ феспийцев
Бросил. Всегда он умел волненье широкого моря
Предвозвестить, хорошо знал бурь неизбежных приметы,
Путь проложить по солнцу умел, по звезде путеводной.
Это сама Тритонида Афина прийти побудила
К сонму героев его, и сама к многождавшим предстала.
Это она созидала корабль, и с нею трудился
Сын Арестора Арг[*], повинуясь ее указаньям.
Так у них получился корабль из всех наилучший,
Сколько бы ни было их, терзавших веслами море.
Вслед за ними шел Флиант[*] из Арифиреи,
Где он по воле отца Диониса средь изобилья
Жил в чертоге своем у самых истоков Асопа.
Трое Бианта сынов — это Арий, Талай и Лаодик
Мощный из Аргоса града пришли. Их всех породила
Дочь Нелея Перо[*]. За нее тяжелую муку
Принял Меламп, сын Эола, при стойлах владыки Ификла
Ведомо, сам Геракл[*], могучий силой и духом,
Не пожелал пренебречь Эсонида страстным призывом:
Только дошла до него молва о сборе героев, —
Сразу, пройдя из Аркадии[*] далее в Аргос Лиркейский,

С вепрем живым на плечах, кто пасся в долине Лампейской
Возле горы Эриманфа, вблизи большого болота, —
Он у первых Микенских столбов, веревками спутав,
С мощной спины его сбросил, а сам по собственной воле

В путь устремился. С ним Гил пошел, его преданный спутник
Отрок прекрасный, стрелы несущий и лука хранитель.
После пришел и потомок Даная славного Навплий[*].
Был ему отцом Клитоний, Навбола отпрыск.
Навбол рожден от Лерна героя, а Лерн, как мы знаем,

Прета был сын Навплиада. Данаева дочь Амимона
Навплия встарь еще родила Посидону владыке.
Навплий всех людей превзошел в мореплаванье смелом.
Далее Идмон пришел* последним из тех, кто жили
В Аргосе. Впрочем, участь свою ведал он по пернатым;
Шел тем не менее, боясь, что народ ему в славе откажет.
Сыном Абанта, по правде, он не был, его породил сам
Летоид, и стал он своим среди Эолидов.
Бог его обучил следить за птичьим полетом,
Дар прорицанья вложил и огненных знаков познанье.
А этолиянка Леда* отправила к ним Полидевка
С мощной десницей и Кастора, в конском искусного беге,
Нежно любимых, из Спарты. А там в Тиндареевом доме
Их породила она в единой муке рожденья:
Не отказала она, достойная, Зевсу на ложе.

И сыновья Афарея*, Линкей и Ид горделивый,
Из-под Арены пришли, на силу свою уповая
Оба. Линкей из них прославился зреньем отменным,
Если только правдива молва, что якобы муж сей
Даже в подземную мглу легко проникал своим взором.
С ними Периклимен Нелеид в дорогу пустился;
Старший из всех сыновей, сколько их у Нелея героя
В Пилосе было. Ему Посидон дал особую силу:
Все, о чем он бога молил, вступая в сраженье,
Сразу сбывалось сполна в неистовой воинской распре.
Также Кифей пришел* из Аркадии с Амфидамантом.
Жили они, два сына Алея, в земле Афиданта
И в Тегее. Анкей* пошел с ними спутником третьим.
Был он сыном Ликурга, их старшего брата. Послал тот
Сына, а сам опекать отца и город остался.
Сдерживать сына не стал он, пустив его с братьями вместе.
Шел Анкей одетым медвежьей мэнальскою шкурой,
Нес в руке с двумя остриями большую секиру,
Ей потрясая. Доспех получил он от деда Алея —

Этим Алей хотел при себе удерживать внука.
Прибыл и Авгий.[*] О нем говорили, что Гелия сыном
Был он. А властвовал он над людьми в Элиде, богатством
Гордый своим. Спешил он Колхиду увидеть, а с нею
Тоже и Колхов вождя, самого владыку Эета.
Гипересия дети пришли[*], Амфион и Астерий,

Из Пеллены Ахейской; ее основал когда-то
Пеллес, отец их отца, на прибрежных холмах Эгиала.
Следом за ними пришел и Евфим[*] от утесов Тенара.
Посидону его, в состязаньях быстрейшего прочих,
Тития, силой могучего, дочь породила Европа.
Этот муж пробегал пучиной лазурного моря,
Не омочивши ног, лишь следы наверху оставляя;
Вихрем он несся вперед по влажным пучинным дорогам.
Прибыли также и двое других сыновей Посидона.
Первым Эргин, покинув[*] Милета славного город,
Вслед ему надменный Анкей, оставив твердыню
Геры, Имбросийской богини. Оба хвалились
Быть мореходами, также отличными слыли борцами.
Из Калидона[*] уйдя, не замедлил прибыть сын Ойнея,
Храбрый герой Мелеагр. С ним Лаокоонт заодно шел;
Лаокоонт Ойнею был брат, не единоутробный,
Был он служанкой рожден. Его-то, уже пожилого,
К отроку сыну приставил Ойней, чтоб того охранял он.
Так вошел Лаокоонт, как юноша, к прочим героям.
Сам же был Мелеагр таков, что никто из прибывших
Не превзошел бы его, не считая, конечно, Геракла,
Если бы год лишь один тот пробыл среди этолийцев.
Также и брат его[*] матери, в копьеметанье умевший
И в рукопашном бою противостать супостату,
Фестия сын Ификл пошел по общей дороге.

И с ним шел Палемоний, сын Лерна, из Олена града
Был он сыном Гефеста, а сыном Лерна лишь звался.

Как отец, был он хром, но никто не решился бы слабым
Или трусом его обозвать, сколь был он достоин
Прочих героев, к вящей славе Эсонова сына.
А из Фокиды явился[*] Ифит, сын Орнитиада
Навбола. Гостеприимцем тот был Ясону во время,
Как герой в Дельфы пришел вопросить о плаванье бога.
Там Ифит под кров и в дом свой принял Ясона.
Прибыли также и Зет[*] с Калаидом, два сына Борея.
Некогда их родила Орифия, дочь Эрехфея,
В Фракии дальней, холодной, куда Борей фракиец
В вихре ее умчал, из страны Кекропов похитив,
Где на Илисских брегах кружилась она в хороводе.
Деву принес он к горе Сарпедонской, святыне фракийцев,
И близ потоков реки Эригина сделал супругой,
Темною тучей окутав ее, словно брачным покровом.
Темные крылья у их сыновей по обеим лодыжкам.
Их колебля, несутся они — просто чудо увидеть!
А по крыльям сверху чешуйки блестят золотые.
Вниз с макушки голов по затылку и шее их кудри
Черные, длинные вьются, гонимы дыханием ветра.
Даже Акаст[*], могучего Пелия сын, не пытался
В доме отца своего хотя бы немного помедлить.
С ним и Арг собрался, богини Афины помощник.

Не пожелали они отстать от общего дела.

* * *

Столько собралось мужей, соратников в деле Ясона.
Окрест живущие люди всем доблестным дали героям
Славное имя минийцев. Ведь большая часть из пришедших
И самых лучших гордились, что род их ведется от крови
Миниевых дочерей. А Ясонова мать Алкимеда
Минию внучкой слыла, рожденной от дщери Климены.

После того как слуги все приготовить успели,
Чем снаряжают корабль, уже готовый к отплытью,
Надобность если придет для кого пуститься по морю,
Прямо герои пошли* к кораблю через город туда, где
Расстилается мирный берег Пагас Магнесийских.
Их окружая, спешила толпа. Они в ней сверкали
Словно звезды меж туч, и каждый, в толпе озирая
Шедших в доспехах с оружием, так восклицал, размышляя:
«Зевс владыка! Что Пелий задумал? Куда же он столько
Мощных героев и сильных шлет из страны Пан ахейской?
Лютым огнем они тотчас спалят у Эета чертоги,
Если руна золотого он им добровольно не выдаст.
Неизбежен их путь, а труд да не будет бесцельным!»
Так здесь и там говорили повсюду. А женщины руки
Не уставали к небу вздымать, умоляя бессмертных,
Чтобы опасный закончился путь возвращеньем желанным.
И обращались одна к другой с причитанием слезным:
«Бедная ты, Алкимеда! Все же к тебе, хоть и поздно,

Горе пришло! Ты нерадостно жизни конец завершаешь!
Ах, как несчастен Эсон! Уж лучше было бы раньше
В саван ему завернуться и в недра земные спуститься.
О, если б темной волною и Фрикс, когда Гелла погибла,
Был поглощен, и баран! Ведь это чудовище злое
Даже и голос людской поимело, словно желая
Много страданья и горя в грядущем нести Алкимеде».
Так говорили они, провожая идущих героев.
Там же толпой собрались отовсюду служанки и слуги.
Мать в молчании к сыну припала. И в каждое сердце
Горе проникло. А с ними, пагубной старости пленник,
Горько плакал отец, на ложе плотно укрытый.
Сын же пытался смягчить их страданье и в горе утешить.
Слугам затем приказал он носить на корабль все оружье.
Молча они подчинились, взоры долу потупив.
Мать, руками сына обняв, на грудь его пала
И рыдала сильнее, чем малая девочка плачет,

С глазу на глаз обнимая в отчаянье няню седую:
Больше заступников нет других никого у бедняжки,
И она от мачехи злой поношения терпит —
Только что мачеха бранью жестокой ее разругала,
И теперь она в плаче свои изливает страданья.
Так рыдала теперь, в объятиях сына сжимая,
Мать Алкимеда. И вот что сказала, терзаясь печалью:
«О, погибнуть бы мне в тот день, когда я узнала,

Что правитель Пелий изрек свое грозное слово!
Я побудила забыть свою душу про горе и слезы.
Пусть бы меня схоронил своими руками
Сын дорогой! Лишь об этом одном я ныне мечтаю.
Все же иное давно далось мне с полным избытком.
Ныне же я, к кому зависть питали ахейские жены,
Словно служанка, останусь одна в опустелых палатах,
Жгучей тоской по тебе изнывая, в котором имела
Прежде я радость и честь, по тебе, для кого распустила
Некогда в первый раз и последний свой женственный пояс.
Ведь Илифия богиня мне в детях других отказала.
О, моя злая судьба! Как мне во сне не открылось,
Сколько страшных бед доставит нам Фриксово бегство».
Так в тоске она причитала, и с нею служанки
Плакали горько вокруг. Ясон же ласковой речью
Мать свою утешал и с речью такой обратился:
«Не умножай мне, мать дорогая, скорбного горя!
Это напрасно! Слезами никак ты беды не избегнешь,
Только к страданьям своим прибавишь ты новых терзаний.
Боги смертным в удел даруют так много несчастий!
В сердце горюя своем, дерзай их сносить терпеливо!
Вверься союзу с Афиной, так же поверь прорицаньям!
Ведомо нам, что Феб душою к нам расположен.
Даже помощь свою обещал нам в нашем походе.
Ты, спокойство храня, останься с служанками дома.

Да не будешь ты здесь вещающей бедствие птицей!
Вслед мне друзья и родные пойдут, а слуги за ними».
Молвил и быстро от дома пошел, вперед поспешая.
Как Аполлон, благовонный свой храм покидая, вступает
В Делос священный, или в Кларос, или же в Дельфы,
Или в просторы Ликийской земли над водами Ксанфа, —
Так он шел сквозь толпу. Кругом раздавалися крики
Тех, кто к нему обращался. Тут подошла Ифиада,
Дряхлая жрица самой Артемиды градодержавной:
Правую руку его удержала, но не успела
Слово желанное молвить, бегущие ей помешали.
Так и осталась она стоять в стороне, как бывает
Старым среди молодых. А Ясон шагал, удаляясь.
После того как покинул прекрасные улицы града,
Он Пагасийского брега достиг. Там друзья его ждали
Возле Арго корабля, и радостно все зашумели.
Перед ними он встал, а они напротив столпились.
Вдруг внезапно они Акаста заметили с Аргом,
Шедших из города, и изумление всех охватило,
Сколь поспешно сумели уйти против Пелия воли.
Черной шкурой быка, покрывающей волосом ноги,
Плечи окутал себе сын Арестора Арг. У Акаста
Плащ был красивый двойной, подарок сестры Пелопеи.
Их обоих отдельно Ясон расспросить воздержался.
А другим приказал на сходку поспешно собраться.

Здесь же на свернутых сели они парусах и на мачте,
Книзу пригнутой, один за другим соблюдая порядок.
Сын Эсона разумный повел к ним речи такие:
«Что кораблю надлежит приготовить для выхода в море,
Сделано в полной мере у нас накануне похода,
Значит, для этого нам не нужна никакая отсрочка.
Всем остается одно — ожидать попутного ветра.
Общий обратный путь предстоит, друзья, нам в Элладу.
Общие также дороги нас ждут в Эетово царство.
Вам ныне выбрать придется того среди вас, кто достоин
Стать наилучшим вождем, обо всем заботиться сможет,

Ссоры улаживать, мир заключать с побратимами станет».
Так он сказал. На Геракла отважного все поглядели.
Он в середине сидел; и все его криком единым
Выступить звали. Он, с места не двигаясь, руку
Сильную кверху простер и голосом зычным воскликнул:
«Пусть никто не воздаст мне чести такой! Не приму я!
Даже любого сдержу, кто сможет на это решиться.
Тот, кто собрал нас сюда, пусть теперь поведет нас!»
Так он гордо сказал. И все хвалили Геракла.
С места встал отважный Ясон и, радуясь втайне,
Слово желанное молвил, друзей призывая к молчанью:
«Если вы мне доверяете честь взять ваши заботы,
То, как и прежде, теперь не будем медлить с отплытьем.
А сейчас, умилостив жертвами Феба, давайте

Пир немедля устроим. Но пока не прибудут
Слуги, хлеба хранители (им надлежало из стада
Лучших быков отобрать и гнать к нам скорее),
В море нам надо корабль спустить, а боевые доспехи
Внутрь сложить и по жребью вложить в уключины весла.
Также прибрежный алтарь Аполлону Эмбасию надо
Здесь нам воздвигнуть: он мне дал свое обещанье
Руководить и пути указать незнакомого моря,
Если жертвы ему принесу, с царем состязаясь».
Молвил и первым за дело взялся. Другие же встали
И, повинуясь, один за другим сложили одежду
На прибрежном камне, где море их не касалось,
Только зимою его затопляла пена морская.
Прежде всего, как Арг приказал, опоясали судно
Скрученным крепко канатом; туго его натянули
С той и другой стороны, чтобы лучше держались болтами
Брусья и стойко могли противиться плещущим волнам.
Брусья вкопали потом в ширину, сколько место давало,
И насколько нос корабля, руками влекомый,
Должен был вниз без преград легко продвигаться к заливу.
Здесь, чем дальше, тем глубже вскопали землю для киля.

Там, где корабль стоял, бруски настелили проворно,
Их перед тем хорошо обтесав. Арго наклонили
Так над брусками, чтоб он, по ним скользя, ниспускался.
Весла с обеих сторон корабля, приподнявши на локоть,

На уключины крепко приладили. Встав по порядку,
По бокам корабля, налегли руками и грудью.
Тифий на корабль взошел, чтоб друзья молодые
Судно вниз подтолкнули, его приказаниям внемля.
Вот он громко вскричал, поспешно они устремились.
Сразу все налегли и с криком в напоре столкнули
С места Арго. Ногами крепко уставившись в землю,
Шаг за шагом они, напрягаясь, вперед продвигались.
Им повинуясь, Арго Пелионский быстрей и быстрее
Тронулся вниз. По бокам герои со смехом бежали.
Прочные брусья под килем тяжелым громко стонали —
Так он давил. Постепенно вкруг них под нажимом тяжелым
Темный дым заклубился. Корабль касается моря —
Но они, опасаясь, что слишком далеко уйдет он,
Снова его назад оттянули. В уключины весла
Быстро вложили, подняли мачту и к ней прикрепили
Ладный парус. Для себя положили припасы.
После того как это все предусмотрено было,
Весла по жребью сперва разделили они меж собою,
По два назначив гребца на скамью к уключине каждой.
Среднее место досталось* Гераклу, всех прочих минуя,
С ним — Анкею, живущему в городе славном Тегее.
Им лишь двоим посредине скамья без жребья досталась.
Тифию руль прочно сбитого судна решили доверить.
Камни затем, возле моря собрав, воедино стащили,

Грудой сложив, алтарь хранителю общему, Фебу
Соорудили, прозваньем Эмбасию, Береголюбцу.
Ветви оливы сухой поверх алтаря возложили.
А между тем* двух быков уж пригнали из стада

Волопасы Ясона, приказу его повинуясь.
Те меж героев, кто был помоложе, волов потащили
К алтарю, другие держали сосуды с водою
И с ячменем для жертв наготове. Ясон, не замедлив,
Начал молиться, воззвав* к Аполлону, отчему богу:
«Внемли, владыка! Недаром в Пагасах и в граде Эсона
Ты обитаешь, отцу соименном. В Дельфах недавно
Ты обещал мне, когда я спросил, удачен ли будет
Путь мой, стать нам вождем: не ты ли виновник похода?
В добром здравии нас и Арго вперед поведи же
Ты туда и обратно в родную Элладу. А после
Сколько нас домой возвратится, столько и будет
Новых быков тебе в дивную жертву. Дары обещаю
Я для тебя принести несметные в Делос и в Дельфы.
Ныне приди, Дальновержец, и здесь прими нашу жертву!
Мы ее приносим за спуск корабля в благодарность.
Дай мне, владыка, удачно поднять причалы в час добрый
По твоему разуменью! Пусть ветер подует попутный!
С ним легко поплывем мы вперед по спокойному морю».
Молвил и вместе с молитвой ячмень заветный подбросил.

Двое героев — Геракл с могучим Анкеем — к закланью
Двух быков подвели. Геракл с размаха дубиной
В лоб поразил одного. Тот, рухнув, в землю воткнулся.
Медной секирой ударил Анкей по шее громадной, —
Рядом с первым упал другой с перерубленной щеей.
Быстро товарищи их закололи, шкуры содрали,
Мясо на части разъяли, священные бедра сложили.
Вместе все собрав, покрыли распластанным жиром.
Дров наколов, стали жечь. А Ясон совершал возлиянье
Чистым вином. Ликовал Идмон, как пламя увидел.
Искрами сыпля, оно от жертв к небесам поднималось.
Благовещающий дым взвивался в багровом сиянье.
Тотчас Идмон не таясь изрек Летоидову волю:
«Вам суждено от богов и дано обратно вернуться

Вместе с руном. Беспредельным будет грядущее бремя;
Там, как и здесь, суждено идущим нам испытанья.
Мне же горькою долей придется велением бога
Где-то вдали умереть в пределах земли Азиатской.
Были известны мне беды мои уже раньше по птицам.
Участь моя такова! Я отчизну оставил затем, чтоб
Можно мне было вступить на корабль и прославиться дома».
Так говорил он. Пророчеству вняв, веселились герои:
Рады все были домой возвратиться. Лишь Идмона участь
Скорбь вызывала. Уж солнце устойчивый день миновало,
Светлые пашни вновь покрылись тенью утесов,

Сумрак вечерний спешил сменить уходящее солнце.
Той порой они все, насыпав на береге песчаном
Густо листву, возлегли по порядку близ моря седого.
Яства пред ними обильные с чудным вином появились,
Кравчие черпали щедро вино и кружки носили.
Пили они, и шумно вразброд меж собою болтали.
Юность ведет себя так, когда на пирах выпивает.
Радостно все веселятся, и нет своеволию места.
Лишь один Эсонид, свое волненье скрывая,
Полный тревоги лежал, печальному мужу подобно.
Это подметив, Ид упрекнул его голосом зычным:
«Друг Эсонид! Что за думу в душе обращаешь?
Нам поведай о ней! Неужели тебя подавляет
Страх, подступая? Страх пугает только трусливых.
Пусть он узнает копье мое буйное! Им я в сраженьях
Славу других на себя принимаю. Мне и не нужно,
Чтобы Зевес осенял мне копье губительной дланью.
Труд твой не завершен[*], коль Ид идет за тобою,
Будь хоть противником бог. Таким меня из Арены
Ты с собою берешь борцом себе на подмогу».
Кончил. Руками обеими кубок держа пред собою,
Начал пить, не смешавши вино. Вином оросились
Губы и щеки в темном пушке. Кругом зашумели
Разом все. Поднялся Идмон и в лицо ему молвил:

«О безумец! До срока беду ты себе замышляешь.

Крепкое, видно, вино на беду тебе дерзкое сердце
Раздувает в груди, презирать богов побуждая?
Есть еще речи другие, благие, которыми можно
Друга взбодрить, а ты сказал нечестивое слово.
Есть преданье о тех, кто прежде с богами тягался:
Алоады то были, а с ними тебе не равняться
Мужеством. Их обоих смирили быстрые стрелы
Сына Лето, хоть и были оба они всемогущи».
Молвил. Ид Афареид в ответ заливается смехом
И, ему подмигнув, отвечает дерзостной речью:
«Ну-ка скорей возвести и мне своим прорицаньям
Гибель, подобную той от богов, что отец твой устроил
Алоадам, но помни сказать, избегнешь ли здравым
Рук моих, если тебя уличат в пророчестве лживом!»
В гневе кричал он. И ссора меж ними уже закипела,
Но товарищи окриком громким обоих смирили.
Не дал им воли Ясон. Меж тем Орфей взял рукою
Левой кифару свою и начал готовиться к песне.
Пел он о том[*], как некогда суша, небо и море,
Между собой единую форму являя на диво,
В пагубной распре затем двинулись врозь друг от друга.
И как в эфире всегда постоянное место имеют
Звезды, и как пути луны неизменны и солнца.
Как были созданы горы и с шумом текущие реки
С нимфами вместе самими, и все живое родилось.

Пел он о том, как сначала Офйон и с ним Евринома
Океанида над снежным Олимпом владыками были,
И как под натиском силы Офион Кроносу сдался
С Реей, супругой его, и в волнах они оба исчезли.
Пел, как Кронос и Рея средь блаженных Титанов царили,
Зевс пока маленьким был, пока, разумея по-детски,
Жил в пещере Диктейской; киклопы, земли порожденье,
Не собирались еще укреплять его силу перуном,

Громом и молнией, Зевсу принесшими грозную славу.
Кончил Орфей, и форминга дивноголосая смолкла.
Смолк и он, но сидели они, головами поникнув.
Слух еще у всех был охвачен чарами звуков.
Песня пропетая всех осенила таким наслажденьем.
Встали недолго спустя. Развели возлиянье для Зевса,
Чтобы им залить алтарный огонь, как ведется.
И улеглись и сну предались в ожиданье рассвета.
А когда, засверкав очами ясными, Эос
Взором окинула Пелиона крутые вершины.
И по брегам зашумело ветром гонимое море,
Первым Тифис поднялся. Товарищей он будить начал:
Им предстояло вступить на Арго и налаживать весла.
Тут загудел Пелионский Арго и залив Пагасийский —
Время пришло кораблю в далекий путь направляться.
В киля среднюю часть Афина сама поместила
Доску чудесную ту, что взяла из додонского дуба.

Друг за другом взойдя, на палубу встали герои,
Как им раньше жребий велел грести по порядку.
Каждый из них к своему веслу уселся спокойно.
На середине Анкей и могучая сила Геракла
Сели. А возле Геракла дубина лежала, и гнулось
Днище Арго под ногами его. Вот убрали канаты,
Вот вино возливать стали чистое в море. Ясон же
Со слезами очи отвел от родимой отчизны.
Все остальные, подобно тем, кто ведет хороводы,
Славя Феба в Дельфах ли, в Делосе ль, близ ли Йемена[*],
И под формингу, вокруг алтаря в едином круженье
В такт ногами проворными землю стремительно топчут, —
Так и они под кифару Орфея веслами били
Моря воду тугую. Кругом же волны плескались
Пеной, а здесь и там бежали темные струи,
Страшно кипя и бушуя. Под силой мужей многомощных
Несся корабль, и под солнечным светом сверкали, как пламя,
Снасти его, а за ним непрерывно белели дорожки,

Словно заметная глазу тропинка на поле зеленом.
В день тот все боги смотрели вниз с широкого неба
И на чудный корабль, и на сонм мужей боговидных,
Тех героев, что плыли тогда. А на горных вершинах
Нимфы Пелейские в страхе* виду тому изумлялись,
Глядя как на творенье Афины великой Итонской,
Так на героев самих, сотрясающих весла руками.

Даже Хирон, сын Филиры, вблизи волны седовласой
Стопы мочил, рукою могучей привет посылая
Путникам, их провожая и много желая вернуться.
С ним и супруга стояла, в руках поднимая Ахилла,
Сына Пелея, чтобы мог отца увидеть младенец.
Лишь когда обогнули герои берег залива
С помощью мудрого знанья Тифиса, смелого сына
Гагния, это ведь он двумя руками искусно
Гладким кормилом владел, держа его твердо и ровно, —
Сразу высокую мачту в гнездо они вставили прямо
И укрепили канатами, с двух сторон натянув их,
Парус с нее спустили и на верхушке связали.
Звонкий ветер на парус напал. Они же канаты
Прочно со всех сторон закрепили за гладкие скобы
И спокойно неслись вкруг Тисейского длинного мыса*.
Начал петь для них* под формингу стройную песню
Сын Эагра про судов заступницу в море,
Достославную родом своим Артемиду. Она ведь,
Скалы морские храня, бережет и землю Иолка.
Меж тем рыбы* морские, из подводных глубин поспешая,
Прыгали, малые и большие, по влажной дороге,
Словно за пастырем сельским несметные овцы и козы
Следом плетутся во хлев, вдоволь насытясь травою,
Он же идет впереди, играя на звонкой свирели
Чудную песню пастушью, — вот так проплывали и рыбы.

Ветер попутный Арго уносил все дальше и дальше.
Скоро вместе с утром Пеласгов край плодородный
Скрылся. Герои прошли уже Пелионские скалы,
Двигаясь вдаль непрестанно. Исчез и мыс Сепиадский*.
Вот показался приморский Скиаф. Вдали стали видны
Город Пиресии и на тихом Магнесии береге
Виден стал и Долопский курган. К нему-то под вечер,
Одолевая ветер противный*, пристали герои.
Тут во славу Долопа они среди мрака ночного
В жертву овец принесли волне бушевавшего моря.
Отдых здесь длился два дня, а на третий корабль отпустили
Снова в дорогу отплыть, растянув по возможности парус.
Берег тот и теперь «Арго Отпустивший» зовется.
Дальше оттуда, поплыв, миновали они Мелибею,
Видя берег приморский крутой и ветру открытый*.
На заре же совсем вблизи увидали Гомолу,
Плотно к морю прильнувшую. Быстро ее миновали.
Долго не медлили и сквозь потоки реки Амира
На Арго пронеслись. А там Евримены и скалы
Морем омытые Оссы с Олимпом узрели. Потом же
Склоны Пеллены и мыс Канастрейский они обогнули
Ночью, гонимые ветра дыханьем все дальше и дальше.
Утром явились пред ними* Афона Фракийского выси.
Вздыбилась та, что Лемнос вершиной своей затеняет.
Столько меж ними лежало пути, сколько лодке груженой

Можно пройти до полудни. Вершина горы уж темнела
Весь этот день. Даже в сумерках дул на пользу им ветер
Сильный, попутный, и был у них парус до края натянут.
С первыми солнца лучами ветер утих постепенно.
К острову Синтеиде герои на веслах приплыли.
В те времена там был весь народ преступлением женщин
Жестокосердным взволнован. За год до прибытья героев
Жен законных своих мужья их с презреньем отвергли —
Жаркой любовью открыто они воспылали к рабыням,

К тем, что сумели добыть, разорив лежащую против
Землю фракийцев. Страшная ярость богини Киприды
Их посетила за то, что ей в дарах отказали
Жены несчастные, неукротимые в ревности злобной:
Ибо не только они мужей и наложниц убили —
Всех мужчин истребили, чтоб в будущем кары избегнуть.
Лишь одна изо всех дорогого отца пощадила
Гипсипила — Фоанта, народом он Лемноса правил.
В полом ларце она его в море спустила носиться,
На спасенье надеясь. Его же спасли* у Энойи
(Прежде так звали нынешний остров Сикин) рыболовы
(Остров Сикином назвали потом по сыну Фоанта;
Нимфа Энойя его родила здесь, назвавши Сикином).
Женам на Лемносе легче казалось править стадами,
Хлебоносные пашни пахать и доспехи и бронзу
На себя надевать, чем трудами Афины заняться, —

Раньше всегда их работа была такова. Зачастую
Ныне, однако, взирали они на широкое море
В ужасе смутном, страшась набегов жестоких фракийцев.
Вот почему и теперь, увидав, как на веслах подходит
К острову быстро Арго, поспешно они за ворота
Вышли на берег Мирины, надев боевые доспехи,
На кровожадных вакханок* похожи. Все говорили,
Будто фракийцы идут. А с ними сама Гипсипила,
Дочь Фоанта, доспехи отцовы скорее надела.
Всех охватило отчаянье, молча в страхе метались.
Между тем вестником быстрым вперед герои послали
Эфалида*, который этот удел себе выбрал:
Скипетр дивный ему Гермеса, отца его, дали.
Сыну бог подарил навек нетленную память:
Ведь и ныне еще, хоть он отошел к Ахеронту,
Не коснулось души, волнуемой в вихрях, забвенье,
Но живет та душа, постоянно место меняя,
То пополняя сонм подземных, то к свету являясь
Солнца, чтоб жить средь живых... Зачем, однако, я начал

Об Эфалиде преданья рассказывать вам столь подробно?
Просьбой сумел он тогда Гипсипилу смягчить, убедивши
Дать пришельцам на ночь приют. Уже ведь с рассвета*
Не опускали причалов они под дыханьем Борея.
В город обратно пошли лемносские женщины быстро —
Так повелела им Гипсипила, владычица града.

Лишь собрались они все, она обратилась к ним с речью:
«Надо, конечно, подруги, вручить дары этим людям,
Всем их снабдить, что с собою возить корабельщикам нужно, —
Пищей и вкусным вином. Но пусть вне стен остаются
И не узнают случайно, с нами общаясь, о правде.
Ведь худая молва далеко разбегается в людях.
Мы же свершили недоброе дело. Совсем неподобно
Будет теперь им узнать, если что-то где-то услышат.
Мой совет вам таков, и им наполните души.
Если какая из вас подскажет решение лучше,
Пусть говорит. Я вас для этого и созывала».
Молвила так и воссела на каменном троне отцовском.
Тут поднялась Поликсо, дорогая с младенчества няня.
Старость согнула ее; но она, опираясь на посох
И ковыляя хромыми ногами, рвалась к разговору.
Возле нее сидели четыре старые девы,
Все непорочны, на лица их падали пряди седые.
Встала она средь собранья и шею с трудом распрямила
Над согбенной спиной и слово такое сказала:
«Как Гипсипиле угодно, давайте дары им отправим:
Лучше, если с тем чужеземцы от нас удалятся,
Что, однако, скажете вы о будущей нашей
Жизни, если нагрянут фракийцы или другие
К нам неприятели? Так у людей нередко бывает!
Разве не так ли сейчас появилось полчище это?

Если же кто из блаженных отклонит такую опасность,
Множество бед, пострашнее войны, у вас остается.

После того как старухи умрут одна за другою,
Вы, кто моложе, бездетными в тяжкую старость войдете.
Как станете жить, злополучные! Иль на обильных
Пашнях сами волы, ярмо на себя надевая,
Вам тащить целиной будут плуг, врезающий землю,
А когда кончится срок, соберут вам созревшее жито?
Я же сама, если Керы еще дрожат предо мною,
В предстоящем году, уже верно, в земле упокоюсь,
Долю свою погребальную взяв, как положено людям,
Прежде, чем беду, что вас караулит, увижу.
Всех молодых призываю над этим очень подумать!
Ныне у наших ног появилась случайно защита,
Стоит только вручить дома и имущество наше
Все чужеземцам и дать им чудесным городом править».
Молвила так. И площадь наполнилась шумом. По нраву
Им пришлась эта речь. И вновь поднялась Гипсипила
И, прерывая других, такое промолвила слово:
«Если нравится всем Поликсо такое желанье,
Я смогу к кораблю и вестницу сразу отправить».
Молвила и обратилась к служанке, рядом стоящей:
«Ну-ка ступай, Ифиноя, найди того человека,
Кто возглавляет этот поход, передай ему просьбу
В город прийти и узнать отрадную волю народа.

Также и прочих людей позови, коль они пожелают,
Смело в нашу страну и в город войти благосклонно».
Кончила и, распустив собранье, домой возвратилась.
А Ифиноя тотчас к минийцам быстро помчалась.
Там ее спрашивать стали, какая нужда привела к ним.
Им Ифиноя в ответ такие слова говорила:
«Дочь Фоанта послала меня, Гипсипила, с наказом
Вызвать того, кто у вас вождем похода зовется,
Чтобы ему передать отрадную волю народа.
Также позвать остальных, если всем вам будет угодно
Смело вступить в нашу землю и, благомысля, в наш город».
Так говорила, и речь ко времени всем была в радость.

О Гипсипиле решили, что после смерти Фоанта
Дочь, любимая им, отныне правит страною.
Все торопили Ясона пойти, и сами спешили.
Он же, накинув на плечи дар Итониды богини,
Плащ застегнул пурпурный, двойной, который вручила
Дева Паллада ему, когда поспешила наладить
Для Арго подпоры впервые и мерить учила
Для скамеек гребцам промежуток потребный правилом.
Легче было б тебе узреть восходящее солнце
Чем упорно смотреть на багрянец плаща Эсонида.
Вся середина его сияла алою тканью,
А края целиком пурпурными были, и там же
Вытканы были искусно чудесной чредою картины.

Были средь них киклопы за вечным сидящие делом:
Зевсу владыке ковали перун. Он, ярко сиявший,
Был почти завершен, одного лишь луча не хватало.
Вот его молотами железными быстро ковали.
Было там двое сынов* Антиопы, дщери Асопа,
Зет с Амфионом. Вдали еще без башни виднелись
Фивы. Братья уже основу для крепости клали.
Зет на плечи взвалил вершину крутого утеса,
Мужу подобен он был, который тяжко трудился.
Шел за ним Амфион с золотою звонкою лирой.
Глыба вдвое крупней катилась вслед его песне.
Дальше Киприда была*, распустившая пышные кудри,
Крепко Ареса державшая легкий щит. С плеч и до локтя
Левая лямка хитона спустилася, грудь обнажая.
Образ ее, казалось, был ясно виден напротив,
В медно блестящем щите отражаясь точно таким же.
Было там пастбище тучное для коров, за которых
Телебои с сынами* Гелектриона сражались.
Те — защищая себя, а тафийцы, разбойники эти, —
Грабить стремясь. И кровью луг увлажнялся росистый.
Многие все же немногих они пастухов победили.
Было выткано также* двух колесниц состязанье.

Первой из них управлял Пелоп, потрясая вожжами,
Гипподамия рядом была как боец колесничный;
Сзади вдогонку мчался Миртил, коней погоняя,

С ним Эномай, простерший копье, и уже он валился,
Бедный, не зная, что хрупкая ось надломилась в ступице,
Прежде чем он устремился пронзить Пелопову спину.
Выткан был Феб Аполлон, но не взрослый, а юноша сильный;
Стрелы метал он свои* в ухватившего мать его дерзко
За покрывало ее могучего Тития, сына
Славной Элары, которого Гея взяла и вскормила.
Выткан был Фрикс* миниец, словно он вправду
Слушал барана, который с ним будто бы вел разговоры;
Глядя на них, ты бы мог замолчать и в душе ошибиться,
Воображая, что можешь услышать разумные речи, —
С этой надеждой ты стал бы долго смотреть неотрывно.
Вот подарок какой Итонида вручила Ясону.
В правую руку он взял копье дальнобойное. Это
Дар Аталанты ему, когда он гостил на Мэнале.
Встреча столь радушной была*, потому что охотница-дева
Тоже с ним мечтала отплыть. Он и сам был согласен,
Но удержал Аталанту, боясь любовных раздоров.
К городу в путь он пошел, звезде блестящей подобный,
Той, на восход которой над домом юные жены
В новых жилищах своих взаперти с тоскою взирают;
Очи чарует она, сквозь темное небо сверкая
Чудно. Рада звезде и дева, тоскуя по другу,
Если он пребывает вдали средь людей чужеземных,
А ее, как невесту, держат родители дома.

Этой звезде подобен, герой шагал по тропинке.
А когда вступили они в ворота и в город,
Женщины местные, сзади толпясь, зашумели с восторгом,

Радуясь гостю. А он, потупив скромные очи,
Дальше шел неуклонно, пока не достиг Гипсипилы
Дома блестящего. Он появился, и девушки двери
Сразу пред ним распахнули, двойные, имевшие створы,
Укрепленные ловко. А Ифиноя поспешно
В дивный портик его провела и на стул усадила
Перед своей госпожой. Она же, очи потупив,
Хоть и смутилась немало и щеки румянцем зарделись,
Все же приветную речь с улыбкой к нему обратила:
«Гость мой! Зачем за стеной городской вы ждете так долго?
В городе нашем мужчины теперь не живут, как бывало.
Но, поселясь на Фракийской земле, они нас позабыли
И поля хлебородные пашут. Про наше несчастье
Я расскажу откровенно*, и все вы узнаете сами.
В пору, когда Фоант, мой родитель, страной этой правил,
Люди, Лемнос покинув, фракийцев, напротив живущих,
Начали грабить с своих кораблей, и с богатой добычей
Дев фракийских сюда привезли. И в этом явился
Пагубный гнев богини Киприды. Она им вложила
Страшное душ помраченье, людей губящее сильных.
Жен законных своих вдруг стали они ненавидеть,
Начали гнать из жилищ, пребывая во власти безумья.

С теми ложе делили, кого добывали оружьем.
Дерзкие! Долго уже терпели мы это, в надежде,
Хоть и поздно, былое воротится к ним разуменье.
Тут, как всегда упреждая, второе несчастье возникло:
В доме были унижены дети законные, вместо
Них процветало чужое отродье тех пленниц внебрачных.
Так-то наши девы и наши матери-вдовы
Скорбно бродили по городу, пренебреженные всеми.
Ни отец свою дочь не спешил защитить, хоть и видел,
Что на глазах его девочку била мачеха злая,
Ни сыновья, как бывало, от матери не отражали
Горькой обиды, и участь сестры не тревожила братьев.
Всюду всех волновали лишь пленные девы —

Дома ли иль на пирах, в хороводах иль на собранье.
Так вот и шло, пока бог не вложил в нас безмерную смелость,
В город назад не впускать ушедших к фракийцам с набегом,
Чтоб они в разум вошли иль, пленниц забравши, уплыли.
Вот и уплыли они, забрав сыновей малолетних,
Сколько их было на Лемносе, и обитают поныне
В снежных фракийских полях. Потому-то и увидали
Здесь вы женщин одних. И если бы вы пожелали
Здесь остаться, и ты захотел, то смог получить бы
Власть Фоанта, отца моего. И я полагаю,
Что не осудишь ты нашу страну, ведь она плодородней
Всех иных островов, что в Эгейском рассеяны море.

Ты, придя к кораблю, друзьям передай мои речи
И за стенами города дольше не оставайся».
Так говорила, скрывая историю мужеубийства,
Как случилось оно. Ясон же к ней обратился:
«Гипсипила! Большая отрада нам встретить такую
Помощь твою. Мы в ней имеем великую нужду.
Тотчас обратно я в город вернусь, тогда по порядку
Речи твои передам моим спутникам. Власть же и остров
Пусть у тебя остаются. Я вправе себя не считаю
Их принимать. Лихие дела меня подгоняют».
Молвил, подал ей правую руку. Нимало не медля,
В путь он обратный пошел, а вокруг вереницей со смехом
Девушки с разных сторон кружились, пока за ворота
Он не вышел. Потом в повозках крепкоколесных
Много подарков они привезли им к морскому прибрежью.
Он же друзьям рассказал про речь Гипсипилы, про то, что
В город его пригласила, чтоб в нем остаться надолго.
Тут Киприда сама в них любовную страсть пробудила
Ради Гефеста премудрого, чтобы и дальше мужами
Мог заселяться богом любимый нетронутый Лемнос.
Сам Эсонид направился в царственный дом Гипсипилы.

Все остальные пошли, куда кого случай направил,
Кроме Геракла. Он сам по своей доброй воле остался
При корабле, и немногие с ним от друзей отделились.
Возликовал город весь, душистым наполнившись дымом.

Радость несли хороводы, пиры пировали повсюду.
Больше других бессмертных в песнях они величали
И ароматами славили сына Геры с Кипридой.
День ото дня все длилась и длилась отсрочка отплытья.
Там пребывая, они бы еще помедлили долго,
Если б Геракл, поодаль* от женщин собрав всех героев,
Их не стал порицать и бранить крутыми словами:
«О безумцы! Иль соплеменников кровь из отчизны
Вас отвращает? Иль, в браках нуждаясь, оттуда пришли вы?
Или, землячек отвергнув, сейчас вам стало угодно
Здесь обитать, взрезая лемносские тучные пашни?
Мы бесславим себя, с чужеземками долго общаясь,
И никакой нам бог не даст руно за молитву.
Разойдемся-ка к нашим делам! А Ясона оставим
Целые дни пребывать с Гипсипилой на ложе, пока он
Лемнос детьми не наполнит, и этим себя воспрославит».
Так он друзей поносил. Никто не дерзнул за упреки
Взгляд на него обратить иль прервать его речью своею.
Но, разойдясь, поспешно готовиться стали к уходу.
Женщины тотчас сбежались, лишь только об этом узнали.
Словно пчелы жужжат, летая вкруг лилий прекрасных,
Улей покинув в горах, и вокруг росистый и светлый
Луг улыбается им, а они одна за другою,
Сладкий сок собирая повсюду, гудят непрестанно —
Так эти женщины с криком печальным мужчин окружали,

И кто рукой, кто словами привет своему посылали
И умоляли бессмертных богов о счастливом возврате.
А Гипсипила твердила, сжимая Ясоновы руки,
Горькие слезы из глаз источая в тоске по разлуке:

«Что ж, отправляйся, пусть боги помогут тебе и дружине
Вместе с руном золотым к царю воротиться удачно,
Если ты так пожелаешь и так тебе будет угодно.
Остров же этот и скипетр отца моего остаются,
Если ты на обратном пути пожелаешь вернуться.
Кроме своих, соберешь ты людей легко и без счета
Из других городов. Но, увы, такое желанье
Будет чуждо тебе, и сама я предчувствую это.
Помни, однако, вдали находясь, и когда возвратишься,
О Гипсипиле. Оставь мне зарок, что смогу я исполнить
С радостью, ежели боги мне дитя обещают».
Сын Эсона, придя в восхищенье, так ей ответил:
«Пусть, Гипсипила, все будет так, как угодно бессмертным!
Ты же, прошу, обо мне сохрани хорошую память!
Знай, что мне достаточно будет, коль Пелий позволит*,
Жить в отчизне моей, лишь бы боги труды с меня сняли.
Если же не суждено мне обратно в Элладу вернуться,
В море далеко уплывшему, будь мне матерью сына.
Вышли его возмужавшим в наш Иолк Пеласгийский
Горе утешить отцу моему и матери милой,
Если застанет живыми их он. Без хозяина дома

Пусть им окажет почет, чтоб они ни в чем не нуждались».
Молвил и первым взошел на корабль, за ним остальные
Вслед вступили пловцы и руками схватились за весла,
Все по порядку рассевшись. Арг отвязал все канаты
Из-под скалы, омываемой морем. И тотчас герои
По морской воде ударили в длинные весла.
Вечер настал. И пристали они по совету Орфея
К острову Атлантиды* Электры, затем, чтоб уведать
В посвящениях полных обряды подобных таинств,
Знанье которых поможет им плыть по холодному морю.
Больше об этом я ничего не скажу. Пусть же остров
Здравствует равно с живущими там богами.

Коим свершаются таинства, — петь же о них не дано нам!
Темного моря пучину[*] они проходили на веслах,
Слева Фракию видя. С другой стороны перед ними
Остров Имброс напротив виднелся. Когда же склонилось
Солнце к закату, прямо предстал Херсонес перед ними.
Там навстречу подул им Нот и, поставив по ветру
Парус, вплыли в глубокие Афамантийские воды.
Утром большое море уже позади оставалось.
За ночь они обошли[*] весь берег Ретейский и справа
Землю Иды имели. Страну Дар дана покинув,
Дальше они Абидос миновали, за ним же Перкоту.
После нее Абарниды песчаный берег остался.
Мимо священной Питийи они проплывали под вечер.

Ночью в водовороте корабль с бока на бок кренился,
Все же они миновали бурлящую хлябь Геллеспонта.
Некий остров скалистый[*] лежит далеко в Пропонтиде,
Против Фригийской страны с ее плодородною нивой.
Остров к морю имеет наклон, переход же на сушу
Столь покат и залит водой, что доступен плывущим:
С той и другой стороны берега[*] кораблям безопасны.
К ним подходит река Эсип и гора нависает.
Гору «Медвежьей» зовут у жителей местных и диких.
Землеродными их прозвали[*] на диво соседям.
Целых шесть у каждого рук простираются мощных:
Две растут из сильных плечей, а другие четыре
Ниже тех к могучим бокам прилажены крепко.
По берегам перехода и дальше там жили в долине
Долионы. Правителем их сын был Энеев,
Кизик, его родила дочь владыки Евсера Энита.
Лютые столь землеродные их не грабили вовсе.
Был им защитой бог Посидон, морей повелитель,
Ибо свой род долионы вели от него изначально.
Вот сюда и примчался Арго, фракийским гонимый
Ветром. Охотно его приняла[*] Прекрасная Гавань.
Тут же взяли они небольшой от якоря камень,

Тифис им указал родник, где его положили, —
Артакийский родник. Затем другой, тяжелее,
Взяли и после того, вещанию вняв Дальновержца,

Близ Нелеиды его возложили, как велено было,
Ионийцы, опора Ясона, Афине великой.
Все долионы толпой приветливо вышли навстречу.
С ними сам Кизик пришел узнать про поход и про род их.
Выслушав их ответ, долионы довольны остались
И убедили гостей на веслах продвинуться в гавань,
К городу ближе, и там корабельные бросить причалы.
Так они сразу алтарь Аполлону Экбасию* богу
На берегу возвели и справили должную жертву.
Царь им вкусного дал вина, в котором нуждались,
Дал и овец. Ему было вещанье: как только прибудет
Славных героев чудесный отряд, принять их немедля
Кротко и по добру и отнюдь не затеивать схватку.
А у царя, подобно Ясону, щеки покрыты
Были первым пушком, еще не знал он отцовства.
Но жила в его доме, не ведая муки рожденья,
Клита, супруга прекрасноволосая*, дочерь Меропа.
Этот Мероп Перкотою правил, и Кизик недавно
В дом свой ее перевез от отца за богатое вено.
Но теперь, оставив чертог и ложе супруги,
Царь пировал с гостями, отбросив от сердца тревогу.
Шла оживленно беседа. Вопросы сменяли вопросы.
Он вопрошал про Пелия и о цели похода.
А мореходам хотелось услышать о ближних селеньях
И про весь залив Пропонтиды широкой. Но Кизик

Мало знал о далеком, как им того ни хотелось.
Утром с зарею они поднялись на Диндим высокий,
Чтобы увидеть морские пути. А другие в то время
С прежнего места корабль провели в «Просторную Гавань».
Путь, где прошел Арго, «Дорогой Ясона» зовется.

Тут землеродных толпа, нагрянув по горной дороге,
Загородила устье «Просторной» с моря камнями
Столь несметными, словно ловушку поставили зверю.
К счастью, при корабле с молодыми Геракл оставался.
Тотчас упругий лук против них натянул он и многих
На земле раскидал. Тогда они бросились сами,
Пористых скал отрывая куски, метать их в Геракла.
Некогда этих ужасных чудовищ богиня вскормила
Гера, супруга великого Зевса, отпором Гераклу.
Тут подоспели на помощь ему остальные герои.
И, не дойдя до вершины горы, принялись за расправу,
На землеродных дружно ударив во имя Ареса.
Стрелы и копья метали они в бегущих навстречу
В буйном порыве, пока не смогли уложить их на землю.
Словно, только срубив топорами деревья большие,
Их лесорубы рядами кладут вблизи от приморья,
Чтобы, намокнув, могли они прочно выдержать скрепы,
Так у теснины седого залива лежали рядами
Трупы убитых. Одни — погрузясь в соленую воду
Грудью и головой, а всем телом лежать оставшись на суше;

На песок прибрежный другие легли головами,
Так что ноги у них омывались морскими волнами.
Рыбам и птицам в добычу остались те и другие.
А герои, когда свой подвиг бесстрашно свершили,
Сразу канаты Арго отвязали и с ветром попутным
Быстро вперед понеслись по волнам соленого моря.
Под парусами корабль бежал весь день, но с приходом
Ночи ветра порыв изменился, и встречною бурей
Их назад отнесло. Так приплыли они к долионам
Гостеприимным опять. В ту же ночь вступили на берег.
Ныне «Священный» утес тот зовется, куда привязали
В спешке канаты они, и никто из них не заметил
Этих знакомых мест. И так же в ночи долионы
Не распознали знакомых героев. Им показалось,
Будто прислал Пеласгийский Арес соседей макрийцев[*].
Тотчас вооружась, ударяют они на прибывших.

Те хватают щиты и копья, как долионы.
Быстро, как огонь, который напал и бушует,
Вмиг кустарник объявши сухой. И ужас смятенья
Сильный вдруг обуял внезапно людей долионских.
Не воротился домой их царь и правитель народа,
Брачных чертогов и ложа супруги он больше не видел,
Ибо его Эсонид, лишь тот на него устремился,
Прямо в грудь копьем поразил и попал в середину.
Кость от удара сломалась, упал тот на берег песчаный,

Долю свою исчерпав, — ее избежать невозможно
Смертным; со всех сторон окружает их волю ограда.
Так вот и Кизик считал, что не ждет его смертная участь
От аргонавтов. А смерть в ту же ночь его оковала
С ними в бою. Там многие из долионов погибли.
Сам Геракл уложил Телекла и Мегабронта
Сфодра смерти предал Акаст. Пелей же настигнул
Дзелиса и Гефара проворного. А копьеборец
Славный герой Теламон сразил наповал Басилея.
Ид Промея убил, а Клитий убил Гиакинфа.
Мегалоссак и Флогий погибли от рук тиндаридов[*].
Вслед за тем Ойнеад сразил храбреца Итимона
И Артака, вождя мужей. Им всем и поныне
Местные жители честь воздают и героями славят.
В бегство пустились дрожа остальные, подобно как в страхе
Стая летит голубей от ястребов быстрокрылых.
Так беглецы влетали с шумом в ворота. И тотчас
Город наполнился воплем исхода битвы плачевной.
Утром те и другие свою опознали ошибку
Страшную. Всех героев минийцев печаль охватила
Тяжкая, лишь пред собою Энеева сына узрели
Кизика. Он распростертым лежал в крови и во прахе.
И напролет три дня[*] рыдали и волосы рвали
Вместе с людьми долионскими те, кто пришел к ним гостями.

После в медных доспехах они обошли троекратно

Вкруг могилы, где Кизик был похоронен с почетом.
Как надлежит, на лугу в долине устроены были
Игры. Курган там высится в память потомкам и ныне.
Клита, супруга погибшего*, дальше жить не осталась,
Мужа утратив и ложе. Горем к этому горю
Заплатила себе, накинув петлю на шею.
Нимфы лесные над ней безутешно и долго рыдали,
Наземь их слезы лились из юных очей беспрестанно.
Эти слезы в светлый ручей превратили богини,
Клитой зовется ручей в память о бедной супруге —
Имя ее живет в веках до сих пор и навеки.
День тот волею Зевса стал днем печали ужасной
Для мужчин и жен долионских. Никто был не в силах
Пищи отведать. И после надолго в скорби всеобщей
Не вспоминали вовсе они о мельничном деле,
Но так и жили, вкушая неиспеченную пищу.
Даже теперь, когда ежегодные там возлиянья
В жертву несут, ионийцы, живущие в Кизике, мелют
Для лепешек сырых муку на мельнице общей.
После того бушевали жестокие бури в теченье
Целых двенадцати дней и ночей и мешали им снова
В плаванье выйти. В последнюю ночь остальные герои,
Все к отправленью окончив, в изнеможении спали.
Только Акаст и Мопс Ампикид их сон охраняли.
Вдруг одна гальциона* над русой главою Ясона

Стала летать, своим голосом звонким им предвещая
Бурных ветров прекращенье. Сразу Мопс ее понял.
Вещий глас распознал он той птицы прибрежной.
Тут погнала богиня ее, и она, вспорхнувши,
На вершину кормы красиво изогнутой села.
Мопс же Ясона, на мягких спящего шкурах овечьих,
Тронул слегка, разбудил и слово тотчас промолвил:
«Нужно тебе, Эсонид, подняться на эту вершину

Диндима, столь крутого, чтобы молиться богине*
Матери всех богов, пышнотронной. Буйные бури
Скоро утихнут. Я слышал сейчас морской гальционы
Крик; кружась над твоей головой, пока почивал ты,
Все мне сказала она. От нее, от богини, зависят
Ветры и море до самых глубин, вся земля и обитель
Снегом укрытой вершины Олимпа. Пред ней отступает
Сам Кронид, когда всходит она с гор к вышнему небу,
Так и другие бессмертные грозной покорны богине».
Молвил, и эта речь была желанна Ясону.
Радостный с ложа он встал и сразу спутников поднял
Всех поспешно. Лишь только они его обступили,
Он им поведал пророчество Мопса, Ампикова сына.
Тотчас все юноши, быков согнав со стоянки,
Прямо направили их к вершине горы высочайшей.
Прочие же, отвязав от «Священной скалы» все канаты,
Вышли в Фракийскую бухту. А там, оставив немногих

При корабле, на сушу сошли и тоже взобрались
В гору. С горы они увидели, как под рукою,
Макриадские кручи и Фракию всю, что напротив.
Виден в тумане стал вход в Боспор и Мисийские кручи,
А на другой стороне течение потока Эсипа,
Город затем и долина Непейская Адрастеи.
Стебель твердый лозы нашелся в лесу, там возросший,
Высохший, старый. Они его срезали, чтоб изготовить
Горной богине кумир. Его искусной рукою
Вырезал Арг, и его на гребень горы поместили,
Как полагается, скрыв под сенью дубов исполинских, —
Эти дубы выше всех корнями в земле утвердились.
Жертвенник после сложили из мелких камней, увенчали
Листьями дуба его и жертву свершить поспешили,
Многовладычную Диндимийскую мать призывая,
Каждые девять лет Фригийской ее величают.
Тития также с Киленом* совместно они умоляли —
Только этим одним, согласным и сопрестольным,

Право дается носить Идейской матери имя,
Жившей на Крите средь тех чародеев Идейских,
Коих когда-то, руками коснувшись земли Эаксийской,
Нимфа Анхиала явила в Диктейской пещере.
Много и долго молился Ясон на коленях, просил он
Бури от них отвести и свершал возлиянье на жертву,
Тлевшую на костре. Меж тем молодые герои,

Лире Орфея послушны, с оружием в пляске кружились
И ударяли мечами в щиты, чтобы в воздухе не был
Слышен зловещий вопль, который над царской могилой
Люди еще испускали. С тех пор постоянно фригийцы
Бубнами и тимпанами славят Рею богиню.
К чистым жертвам пловцов богиня сердце склонила, —
Раньше сердясь на них, теперь явила им чудо.
Дали деревья плодов без конца, и земля под ногами
Вдруг сама по себе травой и цветами покрылась.
Дикие звери, покинув свои берлоги и норы,
Вышли на горы, махая хвостами. И чудо другое
Рея свершила. До сей поры на вершине Диндима
Не было вовсе воды, а теперь вдруг с жаждущей кручи
Плеск зазвучал непрерывно. Источник зовут «Ясонийским»
С тех времен и поныне кругом живущие люди.
Пир был устроен тогда на горе по прозванью «Медвежья»
В честь Великой богини. Многовладычную звали
Рею они. С зарей же, ветры как только утихли,
Остров покинули и на веслах дальше поплыли.
Стали спорить они о том, кто самым последним
Бросит весло, уставши грести. Ибо в полном затишье.
Море разгладило волны и спокойно заснуло.
Силою весел они подгоняли корабль, вверяясь
Глади морской, и Арго так быстро по морю несся,
Что Посидона проворные кони догнать не сумели б.

Но вот на море зыбь поднялась под порывами ветра,
Ветра, который с морских берегов в предвечерье повеял.
Стали герои тише грести, сказалась усталость.
Изнемогавших совсем подменил силой рук своих мощных
Зевсов сын, он один тащил корабль крепко сбитый.
Но когда миновали, стремясь к берегам Мисийским,
Риндакийские устья* они и курган Эгеона,
Из-под Фригийской земли вблизи на все это глядя,
Тут Геракл, взрезая волны бурного моря,
Переломил весло пополам. Сжимая обломок,
С ним в руках на скамью неожиданно он повалился,
Море другой поглотило обломок. Геракл, озираясь,
Сел и молчал. Ведь руки его не привыкли к безделью.
Час наступил, когда с поля идет садовник иль пахарь
Радостно к месту ночлега, лишь об еде помышляя,
И на пороге свои утомленно склоняет колени,
Черные пылью и солнцем, взирая на стертые руки,
Многие беды суля своему ненасытному чреву.
В это время достигли герои границ Кианиды
Возле Арганфонейской горы* и Киосского устья.
Приняли их дружелюбно, прибывших гостями, мисийцы,
Жители этой страны; и все, в чем нуждались пришельцы,
Туши баранов и много вина, принесли им в подарок.
После одни стали хворост сухой собирать, а другие,
Срезав зелени мягкой в лугах, несли в изобилье

Для подстилок, а третьи усердно крутили огниво;
Все остальные, вино разведя, готовили ужин,
Аполлону Экбасию справив вечернюю жертву.
Зевсов сын, друзьям наказав пир наладить на славу,
Сам отправился в лес, надеясь весло себе выбрать
Новое и по руке взамен того, что сломалось.
Там побродив, он сосну увидал без веток обильных
И не цветущую вовсе, скорее сравнить ее было
С отпрыском тополя стройного, ибо такою широкой

Видом была и длиною. Быстро наземь он сбросил
Лук свой и колчан, вмещающий острые стрелы,
С плеч широких затем он скинул львиную шкуру.
Палицей, медью обитой, снизу ударил по древу,
Ствол обхватил руками, на силу свою полагаясь,
Ноги широко расставив, плечом могучим уперся
И, хоть и были у той сосны глубокие корни,
Вырвал ее из земли с корнями и комьями вместе.
Как корабельную мачту, когда Орион[*] погубитель
В зимнюю стужу начнет склоняться к закату, внезапно
Бури шквальный порыв, пронзительным ветром ударив
Сверху, с клиньями вместе из-под канатов уносит, —
Так он вырвал сосну. Потом взял лук свой и стрелы,
Палицу поднял свою и шкуру, спеша возвратиться.
Гил между тем[*], оставив всех прочих, с медным кувшином
Стал источник священный искать, чтоб к приходу Геракла

Ужин успеть приготовить, воду и все остальное,
Что положено в быстром порядке идущему делать.
Так его воспитал сам Геракл по правилам строгим,
Малым ребенком его забрав из отчего дома,
Где беспощадно убил достойного Феодаманта,
Мужа дриопского, из-за вола вступившего в ссору.
Феодамант, целину поднимая тогда своим плугом,
Очень устал от труда. Геракл побуждать его начал,
Чтобы тот против воли вола ему пахаря отдал —
Так он предлога искал, желая с дриопами битвы,
Ибо жили они, не думая вовсе о правде.
Впрочем, этот рассказ далеко нас увел бы от песни.
Быстро Гил к роднику подошел. Называют «Ключами»
Этот родник окрестные люди. А в Гилову пору
Нимфы здесь в пляске резвились. Всегда им было в отраду,
Сколько их ни помнили там на вершине чудесной,
Песней ночной до утра воспевать Артемиду богиню.
Вышли нимфы, живущие в горных пещерах и в гротах,
Вышли и нимфы лесные, что скрывались от взоров,

Из родника же прекрасного тоже выплыла нимфа,
В нем обитавшая, и сейчас же заметила Гила, —
Он вблизи оказался, сияя юной красою.
Ибо с неба блестящий свет на него проливала
В час полнолунья луна. К ней в душу вспорхнула Киприда.
Долго нимфа в смущенье пыталась справиться с сердцем,

Но как только Гил опустил кувшин свой в источник,
Набок склоня, и стала вода обильно и с шумом
В медный кувшин, звеня, наливаться, нимфа немедля
Левой своею рукой обвила его нежную шею,
С уст стремясь сорвать поцелуй, а правой за локоть
Вдруг к себе потянула его. И упал он в пучину.
Крик его услыхал лишь один из славных героев —
Элатид Полифем, по дороге пошедший затем, чтоб
Встретить Геракла огромного здесь по дороге обратной.
Быстро меч обнажив, он вперед и в тревоге помчался,
Мысля, Гил попался зверям или местные люди
Подстерегли его одного и уводят добычей.
Быстро бежал он к Ключам, подобно дикому зверю,
Блеянье стад который откуда-то издали слышит,
Голод терзает его, и на голос бежит он поспешно.
Стад, однако, уж нет, пастухи их загнали в загоны.
Долго стонет он и рычит, пока не устанет.
Так и теперь Элатид застонал и вокруг того места
Стал крича бродить, но крик и призыв был напрасен.
Тут на дороге внезапно с самим он столкнулся Гераклом,
Меч обнаженный вращая в руке. Он признал того сразу.
В сумерках тот спешил к кораблю. Полифем про несчастье
Страшное стал говорить, борясь с тяжелой одышкой:
«Бедный, о горе ужасном тебе я поведаю первым!
Гил, уйдя к роднику, невредимым назад не вернулся.

То ли разбойники злые подкрались к нему и уводят,
То ли звери терзают его, — я крик его слышал».
Так он сказал. У Геракла с висков заструился обильный

Пот. Сразу черная кровь у него закипела под сердцем.
В гневе бросил он наземь сосну и в путь устремился,
Сам не зная, куда несут его быстрые ноги.
Как подгоняемый оводом бык* без устали мчится,
Луг заливной и поля покидая, не думая вовсе
О пастухах и о стаде, то мчится без остановки,
То внезапно встает, подняв широкую выю,
Громко мыча, измученный жалом овода злого, —
Так в исступлении мчался Геракл, то перебирая
Быстро ногами, то в тягостном беге на миг застывая.
Голосом зычным он громко кричал, — отвечало лишь Эхо.
Вскоре рассветная встала звезда над горной грядою,
Легкий ветер подул. Тифис велел всем героям
На корабль взойти и с ветром попутным отчалить.
Все поднялись на борт, наверх якоря подтянули
И принялись грести, укрепив канаты у мачты.
Парус под ветром вздулся у них округлой дугою.
Радостно мимо промчались они Посидейского мыса
В пору, когда начинает светить ясноликая Эос,
С края земли поднимаясь, и тропы взорам открыты,
И долины росистые в блеске лучей засияли.
Тут увидели они, что случайно двоих позабыли.

Сразу средь них поднялся и спор, и шум несказанный
Из-за того, что отплыли они, друга лучшего бросив.
Был растерян Ясон, и сидел сказать не умея
Никому ничего, лишь молча душу терзая
Новой бедою. И в гневе к нему Теламон обратился:
«Ты сидишь и молчишь! Видать, тебе и хотелось
Бросить Геракла! Твой умысел был, чтобы слава героя,
Всю Элладу пройдя, твою собой не затмила,
Если нам боги дадут на родину снова вернуться.
Слава тебе дорога! Ну а я товарищей брошу
Тех, что вместе с тобой подстроили хитрость такую!»
Молвил и сразу бросился к Тифису, Гагния сыну.
Искрами жгучего пламени очи обоих казались.
И повернули б они обратно в Мисийскую землю,

Ветра рев неумолчный презрев и пучины морские,
Если бы двое сынов Борея фракийца суровой
Речью своей сдержать не сумели бы сына Эака.
Бедные! Тяжкая выпала им за это расплата
От Геракловых рук, что его разыскать помешали.
Их, идущих назад после игр на Пелия тризне,
Он убил на острове Теносе*, землю насыпал
Над телами убитых, и им поставил две стелы,
Из которых одна, к удивлению взору людскому,
Движется взад и вперед под дыханьем и плачем Борея.
Этому долго спустя надлежало в Элладе случиться.

А тогда из ревущего моря* вдруг Главк появился,
Мудрый глашатай божественной воли морского Нерея.
Вверх он поднялся по пояс с косматой главой из пучины,
Прочный корабль схватил могучей рукою и крикнул:
«Вы почему вопреки великого Зевса желанью
В город Эета хотите везти героя Геракла?
Доля ему суждена для дерзкого Еврисфея
В Аргосе, изнемогая, все двенадцать исполнить
Подвигов, жить же затем сотрапезником между бессмертных,
Если сверх этих двенадцати он совершит и другие.
Пусть стремленье найти Геракла теперь вас покинет!
Также и Полифему назначено в устье Киосском
Славный город в трудах возвести для мисийского люда,
Жизнь потом завершив в стране запредельной Халибов.
В Гила же нимфа богиня влюбилась и выбрала мужем.
В поисках долгих его и отстали оба героя».
Молвил и, в воду нырнув, подхвачен был сильной волною.
Вихрем кружась, там, пеной покрывшись, вода потемнела,
Быстро долбленный корабль подняла и помчала по морю.
В радость то было героям. Тогда поспешно к Ясону
Теламон подошел, схватил его руку рукою,
Обнял крепко, к себе прижав, и в волнении молвил:
«О Эсонид! не сердись на меня, если по неразумью

Так я впал в заблужденье! Я сам огорчен и немало
Дерзкою той и несдержанной речью. Но бросим на ветер

Эту ошибку и будем опять как прежде друзьями!»
Сын Эсона ему ответил разумною речью:
«Милый, конечно, меня оскорбил ты негожею бранью,
Всем заявив, что обидел я благородного мужа.
Я, однако, в ответ не скажу жестокого слова,
Даже столь оскорбленный. Ведь ты на меня рассердился
Не из-за стада овечьего, не за имущества долю,
А из-за друга Геракла. Надеюсь, за каждого тоже
Вступишься передо мною, коль нечто еще раз случится».
Молвил. Они помирились и сели, где раньше сидели.
А за тех двоих по Зевесовой воле был должен
Град возвести, соименный реке, в стране у мисийцев
Полифем Элатид, а Геракл на царя Еврисфея
Снова был должен трудиться. Но прежде того пригрозил он
Всю Мисийскую землю совсем обезлюдить, коль участь
Гила не будет раскрыта, в живых он или же умер.
И за Гила в залог Гераклу отобраны были
Лучших мужей сыновья, и клятвой они подтвердили,
Что никогда не бросят искать пропавшего Гила.
Вот почему вопрошают киосцы доныне про Гила
Феодомантова сына, и дальний Трахин* опекают,
Дивно созданный город, в котором Геракл оставил
Юношей тех, что ему из Мисии отданы были.
Ветер, неистово дуя, корабль уносил днем и ночью.
Он нисколько не стих с появленьем зари. Увидали

Вдруг неожиданно берег они, вдающийся в море.
Берег тот из залива на вид казался широким.
Солнце взошло, и они к нему на веслах пристали.

ВТОРАЯ КНИГА

Был там загон для скота и шатер владыки Амика.
Он у бебриков правил* надменно. Мать его нимфа
Посидону его родила, взойдя с ним на ложе, —
Мелия, нимфа Вифинская. Спесью Амик был наполнен:
Для иноземцев закон непотребный им был установлен,
Чтобы никто уйти не посмел, кулачного боя
С ним избежав, и соседей кругом немало погибло.
Вот и теперь, к кораблю подойдя и вызнать желая,
Кто на нем и куда плывет, обратился он грубо,
Речь свою в присутствии всех произнесши такую:
«Слушайте вы, бродяги морские, что знать надлежит вам.
Установлено так, что никто из мужей чужеземных,
Если в страну сюда к бебрикам прибыл, назад не вернется,
Прежде чем руки свои не скрестит с руками моими.
Так вот и вы мне представьте того храбреца, кто решится
Биться в кулачном бою один на один здесь со мною.
Ежели мой закон с презреньем презреть возомните,
Вслед за вами беда ужасная быть не замедлит».
Так надменно сказал им. Они же внимали
В гневе жестоком. Особенно вызов задел Полидевка.
Первым среди друзей он встал и громко промолвил:
«Кем бы ты быть ни хвалился, постой-ка теперь, не являй нам
Злую силу свою. Принять твою речь мы согласны.
Сам с тобой добровольно готов я тут же сразиться».

Так он с презреньем сказал. А тот взглянул, покосившись,
Льву подобен, которого люди в горах окружили.
Ранен острым копьем он, но нет до толпы ему дела.
Взором он ищет того, кто, убить не сумев, его ранил.
Скинул плащ Тиндарид, на диво сотканный, тонкий,
В дар от одной из лемниянок взял он его на прощанье.
Темный свой двойной, с застежками плащ и тяжелый

Посох отбросил Амик — всегда он носил этот посох,
Срезанный в местных горах из дикорастущей оливы.
Тут же быстро вблизи, приглядев удобное место,
Оба они товарищей в ряд на песке усадили.
Оба несхожими были на вид ни статью, ни телом.
Был подобен Амик Тифию[*] губителю, сыну
Геи-Земли, — чудовище жуткое это когда-то
В гневе на Зевса она родила. Тиндарид был подобен
Той небесной звезде, чьи лучи прекраснее блещут
Всех других, сияющих с ней на ночном небосводе.
Был сын Зевса таков, опушенный первой бородкой,
С ярким блеском в глазах, но гнев увеличивал силу,
Словно в звере. Взмахнул он руками, желая проверить,
Столь ли гибки они, как некогда раньше бывали,
Не повредили ли им усталость и трудная гребля.
Царь Амик пренебрег испытаньем. Он молча, поодаль
Стоя, надменно смотрел на соперника. Сердце стремилось
Кровь у него из груди пролить как можно скорее.

Между тем к их ногам Ликорей, Амика прислужник,
С двух сторон положил[*] по паре ремней сыромятных,
Были сухими они и еще подсушены очень.
Дерзкое слово промолвил Амик, обратясь к Полидевку:
«Сам охотно без жребья вручу я, какой ты захочешь,
Чтобы после меня не считал в пораженье виновном.
Их по рукам обмотай и, узнав, ты скажешь, конечно,
Сколь я искусен в умении резать воловьи шкуры
На ремни и кровью кропить ими щеки мужские».
Так он сказал, а тот в ответ ничего не промолвил,
Лишь улыбнулся слегка и те ремни, что лежали
Возле ног у него, молча поднял. Вышли навстречу
Брат его Кастор и с ним могучий Талай, сын Бианта,
Руки ремнями ему обернув, ободрили словами,
Пущую силу придав. Амику же вышли на помощь
Орнит с Аритом. Не знали, глупцы, что готовят на гибель.
После того как они, против стоя, в ремнях оказались,

Тотчас перед собою подняв тяжелые руки,
Бросились, силой своей грозя, один на другого.
Бебриков вождь, подобно тому как морская свирепо
Мчится волна, на быстрый корабль нападая, а мудрый
Кормчий его отклоняет, спасая привычным искусством
Всякий раз, как волна о борт ударить стремится, —
Так Амик, грозя, Тиндарида теснил, не позволив
Даже помедлить тому. Полидевк невредим оставался.

Он умел уклоняться проворно быстрым движеньем.
Понял он быстро законы жестокого боя, и всюду,
Где сильней удар, где слабей, вставал неизменно,
Чтобы руки свои скрестить с руками Амика.
Как корабельные брусья, гвоздям враждебные острым,
Плотники мастерски, один приладив к другому,
Бьют молотками, и поочередно* гул раздается, —
Громко так трещали у них подбородки и щеки.
Скрежет зубов несказанный кругом раздавался, но драться
Не прекращали они дотоле, пока у обоих
Дух не зашелся внезапно в тлетворной тяжкой одышке.
Встав немного поодаль, с лица они стерли обильный
Пот, и оба едва овладели усталым дыханьем.
Снова друг на друга взглянули, быкам двум подобно,
Что из-за телки, пасущейся рядом, злобно дерутся.
Первым Амик, быкобойцу подобен, на цыпочки вставший,
Ноги расставил широко и сильной рукой размахнулся
Над Полидевком. Но тот устоял под натиском страшным,
Голову вбок отклонив, и плечом кулак его принял.
Сам же немного на шаг от него отступил он и сильно
В ухо ударил с размаха, внутри раздробив ему кости.
Сразу Амик на колени от боли упал. Закричали
Все герои минийцы. Душа от него отлетела.
Бебрики не презрели вождя внезапную гибель.
Все они вместе, схватив обычные палки и копья,

Сразу всей толпой помчались бить Полидевка.
Но друзья заслонили его, мечи свои вынув.
Первый Кастор мечом напавшего в темя ударил,
И голова от плеча до плеча пополам раскололась.
Сам Полидевк поразил огромного Итимоная
И заодно Миманта. Он Итимоная ударил
В подреберье легкой ногой, опрокинув на землю,
А подошедшему близко Миманту удар кулаком он
В левую бровь нанес, и было оторвано веко,
Раненый глаз один совсем обнаженный остался.
Орит, гордыней и силой достойный соперник Амика,
Тут же в пах поражает Талая, сына Бианта.
Он, однако, его не убил, только кожу немного,
Не касаясь кишок, в животе копье прокололо.
Также Арит Ифита, стойкого сына Еврита,
Палицей крепкой сухой с разбега сильно ударил.
Но не достался Ифит в добычу смерти — напротив,
Ариту гибель была уготована Клития дланью.
Вот тогда-то Анкей, отважный отпрыск Ликурга,
Взяв секиру большую, а в левую руку медвежью
Темную шкуру схватив, стремительно прыгнул в средину
Бебриков. Вслед за ним устремились вперед Эакиды,
С ними бежал Ясон, боевой охваченный страстью.
Словно в отары овец, несметные в крепких загонах,
Серые волки зимней порой проникают, пугая,

Тайно от пастухов неусыпных и псов чутконосых,
Взоры бросают вокруг, где сгрудились испуганно овцы,
И выбирают спеша, на какую им кинуться первой,
Рыща около них, — вот так напугали герои
Бебриков буйных толпу, обрушась внезапным ударом.
Словно пчелиный рой нежданно в скале обнаружив,
Дымом его пчеловоды иль пастухи выгоняют, —
Пчелы, попав врасплох, сперва сбиваются в улье,
Громко жужжа, а потом, задыхаясь дымом чадящим,
Прочь из скалы улетают все как можно скорее и дальше, —
Так и те не смогли дольше выдержать, бросившись в

бегство
По Бебрикии, весть разнося о смерти Амика.
Глупые! Вовсе не знали они, что другое несчастье
Близится к ним неизбежно. Их виноградники гибнуть
Стали вместе с домами тогда под враждебным оружьем
Лика и мариандинов*; вождя уже не было с ними.
Вечно сражались они за железоносные земли —
Ныне враги разорили дворы их и скотные стойла.
Без числа и без сметы герои овец закололи,
И один среди них промолвил слово такое:
«Только подумать, что сталось бы с ними в бессилье и страхе,
Если бы бог судил оказаться с нами Гераклу!
Я несомненно уверен, тогда бы тут никакого
Боя кулачного не было, только б Амик попытался
О законах сказать. Про эти законы и дерзость

Сразу бы он позабыл под ударом дубинки Геракла.
Ну а теперь, в нераденье его покинув на суше,
По морю плыть мы должны. Теперь от нас он далеко
И оттого суждено нам изведать жестокие беды».
Так он сказал. Но все случилось по воле Зевеса.
Там они всю ночь, оставаясь на месте сраженья,
Раны лечили, друзьям нанесенные, жертвы свершали
В честь бессмертных богов, а себе приготовили ужин.
Сон никого не сморил за кратером при жертвах горящих,
Но, увенчав себе русые головы лиственным лавром
(К лавру на берегу привязаны были канаты),
Пели согласную песню под формингу Орфея.
Славили песней они ферапнийского Зевсова сына*.
Вкруг же поющих в безветрии берег морской веселился.
Лишь осветило холмы, росою покрытые, солнце,
С края взойдя земли, овцепасов оно пробудило.
Быстро они, отвязав от прибрежного лавра канаты,
И внеся на корабль добычу, сколько им нужно,
С ветром попутным поплыли к водоворотам Боспора.

Там волна, как крутая гора, несется навстречу,
Над парусами вставая. И ты никогда не уверен,
Что избежишь смертельной судьбы — волна нависает
Над кораблем внезапно, как туча, однако же сразу
Вниз опускается, если искусного кормчего встретит.
Так невредимо, хотя и в испуге, вперед они плыли,

Опыту Тифия вверясь. День прошел. А назавтра
Против Финейской земли* причалы Арго привязали.
Сын Агенора Финей владел там прибрежным жилищем.
Самые страшные беды терпел он за прорицанья.
Даром вещим его наградил Аполлон, сын Латоны,
И потому Финей не страшился даже Зевеса,
Если людям хотел поведать священную волю.
Зевс за то, ему ниспослав долговечную старость,
Сладостный свет очей у него отобрал, не позволив
Яства вкушать обильные, их постоянно соседи
В дом для него приносили, услышав его предсказанья, —
Но внезапно, стремительно* сквозь облака пролетая,
Гарпии изо рта. и из рук неизменно хватали
Клювами пищу его, порой не оставив ни крошки
Иль иногда оставляя хоть что-то для жизни убогой.
Кроме того, на еде оставался зловоннейший запах,
И никто не был в силах не только взять ее в горло,
Но и стоять вдалеке, так пахли эти объедки.
Сразу крик услыхав и шум мореходов прибывших,
Понял Финей, что прибыли те, с приходом которых
Он наконец, по пророчеству Зевса, насытится пищей.
С ложа встал старик, похожий на призрак бездушный.
Опираясь на посох, ногами дрожащими к двери,
Щупая стены, он шел, тряслись его руки и ноги.
Стар он был и слаб, от грязи ссохлось все тело.

Кожа с костями только одни у него оставались.
Выйдя из дома, он тут же сел в дверях на пороге —
Так подогнулись колени, окутал обморок темный.

Он подумал, что это земля под ним закружилась,
И погрузился в сон внезапный, слабый и тихий.
Лишь они увидали его, кругом обступили
И поразились. А он, с трудом собравшися с духом,
К ним обратился и речь произнес с таким прорицаньем:
«Слушайте вы, из всех эллинов лучшие! Ежели только
Правда, что это вы, кого повеленьем суровым
Властно ведет на Арго за колхидским руном предводитель
Ваш, Ясон. К прорицаньям своим еще я способен,
Разум мой не угас. Хвала тебе, о владыка
Сын Латоны! К тебе припадаю я в тягостных муках.
Ради Гикесия Зевса, который нещаден к несчастным,
Ради Феба молю* вас и самой ради Геры —
Тех, кого более всех должны вы славить в дороге, —
Мне помогите! Спасите несчастного мужа от скверны!
Не отплывайте отсюда, покинув меня в небреженье!
Ведь не Эриния только* пятой на глаза мне ступила
И неизбывную старость велела влачить мне до века, —
Горе другое, горше всех, надо мною повисло:
Гарпии пищу мою из самых уст похищают.
В дом мой слетясь отовсюду погибелью несказанной!
И не придумаю я, помочь чем. Легче, наверно,

Сам от ума своего я скрыл бы заботу о пище,
Чем от них: таковы стремительны птицы в полете.
Если даже они хоть малость еды оставляют —
Мокрая, пахнет она, и запах стоит нестерпимый;
Даже издали став, никто из людей бы не вынес,
Пусть даже сердце его выносливей было железа.
Но нужда непреложная ждать меня вынуждает
И, дождавшись, в гадкий живот вмещать эту пищу.
По прорицанью, Борея сыны* от меня их прогонят
И защищать меня станут, являясь мне не чужими.
Если Финей я, известный людям добрым достатком
И прорицанием прежде, то я порожден Агенором,

Их же родную сестру, когда я фракийцами правил,
Взял я с приданым в свой дом, Клеопатру, законной супругой».
Агенорид прорек. Печаль жестокую каждый
Претерпел из героев, всех сильней — Бореады.
Слезы смахнув, подошли они оба поближе, и молвил
Зет, своею рукой взяв за руку скорбного старца:
«Бедный! Скажу, что несчастней тебя людей нет на свете!
Все же беды такие откуда к тебе привязались?
Не оскорбил ли богов* ты случайно опасным безумьем,
Прорицанья давая? Из-за чего они гневны?
Ум содрогается наш, однако помочь мы желаем,
Если всецело на нас божество эту честь возложило.
Людям земным угрозы всегда заметны бессмертных.

Вот почему мы не прежде прогнали бы Гарпий прибывших,
Даже очень желая, чем ты бы не дал нам клятвы
В том, что мы этим деяньем не станем богам ненавистны».
Так он промолвил: Тотчас зрачки свои поднял пустые
Старец и, очи раскрыв широко, Бореаду ответил:
«Смолкни, дитя, не смей допускать себе в разум такое!
Сын Латоны пусть знает, который меня благосклонно
Прорицать научил! Пусть дурноименная знает
Кера и облако это слепое, прикрывшее очи!
А подземные боги пусть мертвому милость не явят!
Вам от богов ничуть за помощь гнева не будет».
Оба затем после клятвы ему помогать пожелали.
Юноши стали пир готовить тут же поспешно
Старцу, добычу последнюю Гарпий. Братья же оба
Встали, чтобы мечами примчавшихся гнать, лишь прибудут.
Вот, едва только старец еды коснулся рукою,
Гарпии, бурям ужасным подобно иль молнии вспышкам,
Из облаков налетев, к еде торопливо примчались,
С криком жаждая пищи коснуться. Тут Бореады,
Их над едою увидев, громко оба вскричали.

Те же, все пожрав, шумя полетели над морем
Вдаль назад, за собой оставляя все то же зловонье.
Вслед за ними сейчас же вместе два сына Борея
Бросились вслед, мечи обнажив. Неустанную силу
Зевс им ниспослал; без Зевса они не могли бы

Вдаль пролететь, ибо Гарпии мчались в вихрях Зефира
Вечно, когда к Финею и от Финея носились.
Будто по склонам горы искусные в травле собаки,
Коз ли, оленей по следу найдя, по пятам настигают.
Так Калаид и Зет, почти настигавшие Гарпий,
Чуть ли не пальцами рук хотели за них ухватиться.
И, вероятно, бы их растерзали богов против воли,
На Плавучих догнав островах, лежащих далеко, —
Если бы их Ирида проворная не увидала.
Быстро с небес сквозь Эфир пролетев, она объявила:
«Дети Борея, нельзя поражать этих Гарпий мечами,
Псов великого Зевса. Сама я готова вам клятву
Дать, что больше не будут к Финею они приближаться».
Так сказав, водою* Стикса она поклялася
(Он у богов самый страшный из всех в почете особом),
Что никогда отныне не будет их в доме Финея
Агенорида. Ведь именно так назначено свыше.
Речь такую услышав и клятву приняв, повернули
На корабль назад Бореады. А народ называет
Те острова Строфадами, что «Поворотные» значит;
Раньше «Плевтами» их*, иначе «Плавучими», звали.
Вместе с Иридой и Гарпии прочь улетели поспешно —
В недра они опустились* Минойского Крита. За ними
Ввысь Ирида взлетела к Олимпу на быстрых крыльях.
Меж тем герои усердно мыть стали старцу

Грязное тело. Затем, отобрав старательно лучших
Тех овец, что с собою везли из добычи Амика,
Их закололи и в доме устроили ужин богатый.

Сидя они угощались. И с ними едой наслаждался
Жадно старец Финей, как во сне веселя себе душу.
После, когда едой и питьем насытились вдоволь,
Стали они поджидать всю ночь напролет Бореадов.
Старец сам среди них всю ночь восседал неусыпно,
Им говоря о пределах пути и его завершенье:
«Слушайте же! Все знать достоверно вам невозможно.
Ну, а что любезно богам, того я не скрою.
Я неразумно ошибся однажды, замыслы Зевса
Все один за другим до конца возвещая желавшим.
Сам он желает богов неполные лишь изреченья
Людям явить в прорицаньях. Иначе люди не будут
Чтить всевышних богов, если помощь их будет излишней.
Прежде всего, отплыв от меня, вы увидите скалы.
Две их темных стоят* в самых узких моря теснинах.
Я говорю, что никто не прошел сквозь них безопасно.
Ни одна из них не имеет поддонной опоры.
Эти скалы идут вновь и вновь навстречу друг другу,
Вместе сходясь, а над ними хлещет влага морская,
Бурная, с громом вокруг ударяясь о каменный берег.
Так склоните же слух к увещаньям моим непреложным!
Если в здравом уме и бессмертных богов почитая,

Вы взрезаете зыбь не с тем, чтобы вольно погибнуть,
То не стремитесь вперед неразумно в новом порыве!
Я велю вам путь испробовать голубем-птицей!
Должно его с корабля вперед отпустить. Ну, а если
Он пролетит невредим по морю сквозь эти утесы,
Вам самим пора не медля в путь устремляться.
Сколько в руках ваших сил, налегая на крепкие весла,
Моря теснину взрезайте! Спасенье вам будет не столько
В ваших молитвах, сколько в мощи рук богатырских.
Так, презрев остальное, старайтесь смело трудиться
С пользой. А прежде того и к богам вознесите молитвы.
Коли же, прямо летя, меж скалами птица погибнет,
Вы назад отправляйтесь. Лучше гораздо бессмертным

Здесь уступить; избежать вам доли злой невозможно,
Даже будь ваш корабль Арго целиком из железа.
Верно вам говорю; не дерзните мои прорицанья
Переступить, если даже сочтете меня Уранидам[*]
Трижды и больше намного отвратным. Никак не дерзните
На корабле без птицы прорваться узкой дорогой.
Как свершиться дано, так и будет! А коль избежите
Скал столкновения, вы невредимо в Понтийские воды
Тут же, имея по правую руку Вифинскую землю,
Дальше плывите вперед, избегая скалистых прибрежий.
Будет вам Черный мыс[*] и река быстротечная Риба.
Их обогнув, вы войдете в Финейского острова гавань.

А от нее пройдете по морю дальше немного
К мариандинам[*]. Узнав их страну, спокойно причальте.
В том краю спускается путь в обитель Аида.
Ввысь над ним простирается Ахерусийская круча,
Понизу пересекает его Ахеронт бурливый,
Из ущелья огромного воды свои извергая.
Далее вам миновать придется холмы пафлагонян:
Там, в Пафлагонии, правил[*] Пелоп Энетский, и люди
Хвалятся тем, что с ним они братья по крови единой.
Есть там некий утес Гелики Медведицы против,
Крут он со всех сторон, и его называют Карамбис[*].
Над вершиной его разделяются ветры Борея.
В море врезался он, а лбом коснулся Эфира.
Пред обогнувшим его[*] возникнет Большой Эгиалий.
Там на его краю у крутого утеса потоки
Галиса с шумом несутся. За этой рекою Ирида
В белых круженьях, река небольшая, к морю стремится.
Дальше оттуда большим углом земля выступает;
Устье реки Фермрдонта, вливаясь в спокойную бухту,
За Фемискирским мысом течет, материк омывая.
Там Дейанта[*] долина, а рядом три амазонок
Града лежат. За ними многострадальные люди!
Там живут халибы в трудах на земле каменистой,

И потому и приходится им заниматься железом.
Далее села стоят Тибаренов[*], богатых стадами,

Их отделил Генитейский мыс Евксинского Зевса.
Рядом — моссинеки в лесной стране обитают, —
По предгорьям близким они привыкли селиться,
Строя из бревен жилища себе в крепостях деревянных.
Крепости эти сколочены крепко; зовут их моссины,
И обитатели их зовутся по ним моссинеки.
Их миновав, причальте к острову с берегом гладким[*],
Птиц, весьма непристойных, прогнав разумным приемом.
Стая несметная птиц посещает пустой этот остров;
Здесь перед битвой Аресу каменный храм учредили
Антиопа с Отрирой, амазонок царицы.
Тут вам тайная помощь придет из соленого моря,
Дружески вас полюбив, я советую там и причалить.
Впрочем, мне-то зачем суждено опять провиняться
Здесь в прорицанье моем, подробно все вам излагая!
Дальше за островом этим и на земле, что напротив,
Люди филиры живут, за ними повыше — макроны,
Выше еще и поодаль немалое племя бехиров,
Возле них соседи сапиры давно проживают.
Дружные с ними бизиры живут немного подальше,
А за ними уже сами колхи, любимцы Ареса.
На корабле продолжайте свой путь, пока не войдете
В море ущелью подобное[*], где на земле Китаиды
С гор Амарантских издалека по равнине Киркейской
Фасис бурливый в море несет широкие воды.

К устью этой реки корабль Арго направляя,
Сможете вы увидать Эета город Китейский
И тенистую рощу Ареса, где на вершине
Дуба руно висит, а дракон, ужасный по виду,
Смотрит, кругом наблюдая. И ни днем и ни ночью
Сладкий сон никогда не сомкнет очей его зорких».

Так говорил он. Сразу страх охватил их, внимавших.
Долго безмолвны они пребывали. После же молвил
Сын Эсона, герой, теряясь в несмелых догадках:
«Старец любезный, уже ты дошел до предела похода.
Знак нам явил, по которому мы сквозь страшные скалы
Понта достигнем, ему повинуясь. А если обратно
Нам предстоит их пройти, в Элладу домой направляясь, —
С радостью от тебя и это мы бы узнали.
Как поступать? Как вновь пройти морскую дорогу?
Я и товарищи — не знатоки. А Колхидская Эя*
Самый дальний край занимает суши и Понта».
Так произнес он. Старик ему ответил немедля:
«Сын мой! Стоит тебе пробежать сквозь опасные скалы,
Смелым будь! Другой небожитель укажет обратный
Путь. После Эи у вас немало спутников будет.
Но не забудьте, друзья, про помощь коварной богини —
От Киприды зависит славный конец испытанья.
Вас же прошу я об этом меня не расспрашивать больше».
Молвил Агенорид. И явились фракийца Борея

Двое сынов, летевших поспешно вниз по Эфиру.
Быстрые ноги свои придержали они на пороге.
С мест повскакали герои, увидев их появленье.
Зет, от усталости справясь с дыханьем едва, на расспросы
Им отвечал, как Гарпий они отогнали далеко
И как Ирида их помешала убить, и охотно
Клятвы богиня дала. А Гарпии в страхе ужасном
В недра огромной Диктейской пещеры стремглав погрузились.
Радостно весть такую Финей и все аргонавты
В доме узнали. В восторге Ясон обратился к Финею:
«Верно, Финей, какой-то бог хранил тебя в горе;
Нас сюда к тебе он привел из дальнего края,
Чтобы тебя от беды сыны защитили Борея.
Если смог бы еще он и свет пролить в твои очи,
Радость такую познав, я бы словно вернулся в отчизну».
Так он сказал, а Финей ему печально ответил:

«Друг Эсонид, невозможно и способа нет никакого —
Очи пустые вновь никогда загореться не смогут.
Вместо этого скоро пошлют мне боги кончину,
И по смерти я буду причастен к радости многой».
Так они без устали между собой говорили.
Ночь проходила, вставала уже к собеседникам Эос.
Стали к Финею сходиться возле живущие люди.
Каждый день по утрам они сюда приходили,
Долю своей еды ему принося постоянно.

Старец же им за это всем, даже самым убогим,
Прорицанья свои вещал и спасал от несчастья.
Вот почему, заботясь о нем, сюда собирались
Люди. Меж ними Паребий*, особенно старцем любимый.
С радостью в доме Финея увидел он этих героев.
Много Финей говорил о походе мужей превосходных,
Из далекой Эллады отплывших ко граду Эета.
Их корабль причалит к Финейской земле, говорил он,
И отогнать они смогут Гарпий, ниспосланных Зевсом.
Всех пришедших старик отпустил с напутствием добрым.
Лишь Паребия он задержал с аргонавтами вместе
И приказал ему овец привести для закланья.
Вышел Паребий, и царь сказал гребцам аргонавтам:
«О друзья, далеко не все ведь люди преступны,
И о добрых делах не все забывают. Паребий
К нам однажды пришел затем, чтоб узнать свою долю,
Много пред тем он горя терпел и мучился много.
Злая бедность терзала его, чем дальше, тем больше
День за днем нарастая невыносимо ужасно,
И никакой бедняку передышки не было вовсе.
Он за проступок отца своего платил воздаянье.
Тот однажды, деревья в лесу вырубая, вниманья
Не обратил на моленье нимфы гамадриады.*
Громко рыдая, она взывала жалобной речью,
Чтоб не рубил он ствола ее сверстника дуба, где долго

Жизнь она свою проводила; а он, не внимая,
Дуб срубил топором, молодой неразумный упрямец!
Вот почему столь тяжелую жизнь в дальнейшем послала
Нимфа ему и всем детям его. А я, как пришел сын,
О преступленье узнал и велел ему нимфе поставить
Жертвенник и совершить самому искупления жертвы,
Об искупленье молясь отцовской доли ужасной.
Он же, мною спасенный от богов ниспосланной кары,
Далее мной не гнушался, меня не забыл, и с печалью
Я отсылаю его, так хочет он быть при несчастном».
Так Финей произнес. Паребий же быстро явился,
Двух ведя из отары овец. Ясон благородный
Встал и с ним Борея сыны по веленью Финея,
Быстро воззвав к Аполлону, молясь прорицателю богу,
Жертву на алтаре ему совершили. К закату
День склонялся. Они приготовили пир изобильный;
А как насытились вдоволь вином и пищей, заснули
Возле канатов одни, другие же в доме Финея.
Утром напали пассатные ветры[*], которые дуют
Сразу по всей стране. На то была Зевсова воля.
Есть молва, что нимфа Кирена в лугах у Пенея
Во времена стародавние стадо пасла. Было любо
Чистое ложе и девственность ей. Но бог стреловержец
Деву, пасшую стадо овец у реки, вдруг похитил
И от земли Гемонийской унес к окраинным нимфам,

В Ливии что обитают у самой горы Миртосийской.
Фебу она родила Аристея. Его называют
«Ловчим» и «Пастырем стад» в своих полях гемонийцы.
Бог из любви к Кирене сделал ее долговечной
И охотницей. Сына-малютку в пещеру Хирона
Феб перенес, чтобы храбрым и мудрым был он воспитан.
Вырос сын, и невесту нашли ему Музы богини.
Прорицать и лечить они же его научили,
Сделав хранителем стад овечьих своих, что пасутся
В Афамантийской долине Фгии, в отрогах Отриса,
Вдоль берегов священных вод реки Апидана.

В пору когда с небес острова Минойские начал
Сириус жечь и у жителей вовсе не стало спасенья,
Вняв Аполлона веленью, позвали они Аристея,
Чтобы их спас от голода. Он, повинуясь приказу
Бога отца, Фгию оставив, прибыл на Кеос.
Там он собрал паррасийский народ Ликаонова корня
И воздвиг большой алтарь Икмийскому Зевсу.
Сириусу — звезде и Зевсу Крониду обильно
Жертву он совершил в горах. И по Зевсовой воле
Ветры-пассаты отныне дыханьем Зевсовым землю
Сорок дней подряд охлаждают. С тех пор и доныне
Пред восхождением Пса вершат на Кеосе жертвы.
Так говорит молва. Герои же снова спокойно
Начали ждать пути, пока финейцы, ликуя,

Неисчислимые в радость Финею несли приношенья.
После того двенадцать богов[*] они жертвой почтили,
Им алтари возведя на морском берегу каменистом,
И на корабль быстроходный взошли, и взялись за весла.
Не позабыли они и робкого голубя-птицу —
В страхе лежавшего поднял его Евфим и в руке нес.
Вот уже канаты двойные они от земли отвязали,
Скрыть от Афины отплытье свое не сумели герои.
Сразу богиня поспешно ногами на тучу вступила
Легкую, но ее, мощную, туча всегда понесла бы.
Путь держала она на Понт аргонавтам в подмогу.
Словно странник, вдали[*] от страны родной пребывая, —
Ах, как много мы, люди, блуждаем в скитаньях! — повсюду
Мучится сильным волненьем, и все города озирает,
Лишь своего не найдет, когда же заметит родимый
Дом, то мчится к нему, желанному, морем и сушей.
Так, заметив корабль[*], спешила дочь громовержца
И опустила стопы на берег Финейский угрюмый.
Той порой им открылась теснина кривого залива,
С двух сторон крутые утесы ее прикрывали.

Бурный поток, кружась, стал мучить корабль бегущий.
Путь свой они продолжали, ужасным объятые страхом.
Грохот сходящихся скал непрерывно в ушах раздавался,
Берег моря вокруг ему отвечал грозным гуденьем.
В шуме встал Евфим, в руке держа голубя крепко.

Он прошел на нос корабля. Остальные герои,
Волею Тифиса, Гагния сына, схватились за весла,
В лад ударяя волну и на руки свои полагаясь.
Им предстояло между утесов пройти. Огибая
Узкий извив, увидели они: раздвинулись скалы.
Дрогнули духом друзья. А Евфим ввысь голубя бросил.
Крылья тот раскинул, вспорхнул и вперед устремился.
Все мореходы смотрели за птицей, летящей к утесам.
Обе на миг застыли* скалы напротив друг друга
И пошли друг на друга опять. Огромные волны,
Словно тучи гремя, вскипели. Откликнулось сразу
Море. Огромный Эфир кругом наполнился гулом.
Бездны полых пещер в подножьях гор каменистых
Звуком глухим отзывались на всплески морские. На берег
Белая пена с бурлящей волной извергалась клубами.
Тут помчало теченье корабль. Тем временем скалы
Перья хвоста оторвали, а голубя смерть миновала.
Все ликовали гребцы. Но Тифис окриком громким
К веслам их призвал. А скалы раздвинулись снова.
Трепет гребцов объял, когда отхлынувшим валом
Уносимый корабль помчался между утесов.
Все сердца почуяли страх. Над их головами
Смерть неизбывная участью грозной, казалось, нависла.
Вот уже Понт широкий открылся и справа и слева.
Вдруг пред ними волна взнялась нежданно из глуби,

Гребнем восстав, подобно вершине кряжа. Пред нею
Все они головами поникли. Не сомневались,
Что, налетев на корабль, волна его скроет в пучине.
Тифис, однако, ее предварил, велев приказаньем

Скорость гребли сдержать, и волна под килем глубоко
Перекатилась, корабль кормой от скал увлекая,
И на гребне этой волны он долго качался.
Тут Евфим, друзей обходя, закричал громогласно,
Чтобы на весла они налегли, насколько возможно.
Дружно с криком победным они ударили воду.
Дважды их веслам послушно Арго поддавался и дважды
Вновь отдалялся назад, а весла сбивались и гнулись,
Лукам согбенным подобно, так напрягались их руки.
Тут внезапно волна перекатная вновь поспешила;
Тотчас корабль помчался по хваткой волне, словно валик,
Падая вниз и вперед катясь по глубокому морю.
Бурный поток, завертев, задержал его между утесов;
Две скалы сдвигались, гудя, а ладья цепенела.
Тут-то Афина, левой рукой* от скал отстранившись,
Правою мощно толкнула корабль вперед, чтобы мчался.
Он же, подхвачен, понесся, подобно стреле оперенной.
Только верхушку кормы с украшеньем ее отрубили
Скалы, ударив друг в друга. И тотчас богиня Афина,
Лишь корабль проскользнул невредим, взлетела к Олимпу.
А утесы почти вплотную* сошлись и застыли,

В месте одном укрепясь. Назначено было богами
Так им застыть, если чья-то ладья минует их схватку.
Все герои в себя пришли от хладного страха.
Воздух и моря пучину, что далеко простиралась,
Молча они созерцали. А в мыслях себе говорили:
«Мы от Аида спаслись». Вслух первым Тифис промолвил:
«Думаю, наше спасенье в самом корабле несомненно,
И никто не причастен к нему, одна лишь Афина.
Божью силу в него вдохнувши, покуда гвоздями
Арг его скреплял. Погибнуть ему невозможно,
Ты, Эсонид, царя своего приказанья отныне,
Между такими скалами когда провела нас богиня,
Не опасайся так сильно! Теперь трудов завершенье

Будет победным для нас — такова Финеева слава».
Молвил и дальше вперед он к Вифинскому брегу
По середине открытого моря корабль направляет.
С ласковой речью Ясон в ответ к нему обратился:
«Тифис, зачем мне ты говоришь слова утешенья?
Я ошибся и вверг вас в беду безысходную, злую.
Мне надлежало в ответ на то, что велел тогда Пелий,
Тотчас отвергнуть этот поход, если бы даже
Смерть пришлось мне принять рассеченным на мелкие части.
Ныне же страх с заботами тяжкими вместе
Обременяют меня. Мне страшно по леденящим
Плыть морям. Страшно, как мы вступим на сушу.

Люди, враждебные нам, живут, мы знаем, повсюду.
День за днем я ночь провожу в постоянной тревоге,
С тех самых пор, когда у меня собрались вы на радость,
Думаю я обо всем. А ты легко рассуждаешь,
Мысля лишь о себе, за себя и заботясь. Меня же
Вовсе ничто за себя не пугает. Но или за это,
Или за то, за тебя, за друзей остальных опасаюсь».
Так говорил он, друзей проверяя. Они зашумели,
Смело ему возражая. Он же душой исцелился
В этих криках и вновь ко всем обращается с речью:
«В доблести вашей, друзья, расти начнет моя смелость.
Вот почему я пошел бы теперь и в пропасть Аида.
Страху я не поддамся, только бы в ужасах жутких
Вы мне были верны. Однако, когда миновали
Мы Симплегадские скалы, я думаю, больше не будет
Страха другого у нас подобного, если мы станем
Дальше наш путь совершать согласно советам Финея».
Так он сказал. И тотчас кончились все разговоры.
Труд неустанный в гребле они обрели и проплыли
Рибу, реку быстроводную[*]; дальше утес был Колоны.
Вскоре вслед за тем и Черный мыс миновался
И Филлеида река, на береге которой когда-то
Дипсак в покоях своих принимал Афамантова сына

В дни, когда Фрикс на баране покинул град Орхомена.
Нимфа его родила луговая. Не зная гордыни,

Он охотно жил близ вод отца дорогого
С матерью милой и пас стада на лугах прибережных.
Знак священный его и реки его побережья
Вдаль уходящие, дол и реку глубокую* Калпис
Видя, плыли они и днем, и безветренной ночью,
Воду без устали били сосновыми веслами молча.
Словно рыхлую пашню волы-трудолюбцы взрезают,
Тянутся, пот ручьями льется с боков и по шеям,
Из-под ярма глазами они косятся устало,
Дышат прерывисто, шум изо ртов непрерывно исходит,
День изо дня они, упираясь в землю, трудятся.
Так герои влеклись, выгребая веслами в море.
В час, когда божественный свет еще не являлся,
Но уж не слишком темно и луч взбегает по мраку, —
Тот, кто проснуться успел, зовет этот луч предрассветным, —
В пору такую, войдя кораблем в пустынную гавань,
Очень усталыми вышли* на землю они Финиады.
Сын Лето, направляясь из Ликии к северным людям,
К Гипербореям* бесчисленным, им внезапно явился.
Щеки его обрамляли пряди волос золотые
И колыхались в ходьбе, как гроздья лозы виноградной.
В левой руке держал он серебряный лук. За спиною
С плеч опускался колчан. Под стопами божьими остров
Стал колебаться. Волна набежала проворно на сушу.
Трепет всех аргонавтов объял превеликий. Не смели

Даже в очи взглянуть они чудесного бога.
Встали все, головами поникли и в землю глядели.
Он же по воздуху мимо прошел, стремясь через море.
Слово не сразу промолвил Орфей, обращаясь к героям:
«Имя следует нам Рассветного дать Аполлона

Острову этому. Он — священный, ибо явился
Всем нам бог, здесь мимо идущий, на самом рассвете.
В честь него следует нам алтарь поставить прибрежный:
Если обратно он дарует нам в Гемонийскую землю
Всем безопасно вернуться, то в жертву ему принесем мы
Тучные бедра рогатых коз на жертвенник этот.
Ныне же мы его усладим возлияньем и туком.
Милостив, милостив будь владыка, сюда снизошедший!»
Так он сказал. Немедля одни алтарь созидают
Из больших камней, бродить пошли остальные
В поисках диких коз по острову или оленей.
Кормится в чаще лесной зверей подобных немало.
Им Летоид предоставил добычу. Благоговейно
Начали жечь они бедра по паре из общей добычи
На алтаре святом, хваля Рассветного бога.
Вкруг пылающих жертв они расступаются кругом,
Фебу, защитнику Фебу, спасителю дивному в громкой
Песне хвалу воздавая. А сын благородный Эагра
Звонкую песню завел под звуки Бистонской форминги.
Пел он о том, как когда-то под горным кряжем Парнаса

Стрелами насмерть бог[*] поразил Дельфийского змея.
Был он тогда нагим еще отроком, гордым кудрями.
(Милостив будь! всегда у тебя, о владыка, нестрижены кудри,
Вечно они у тебя нетронуты, — так подобает,
Только Латона сама, рожденная Кеем, руками
Трогает их золотыми.) А Корикийские нимфы,[*]
Дочери Плиста, все время Орфея приободряли
Криками: «Милостив будь, спаситель, иэй, наш защитник!»
И отныне для Феба этот призыв несравненный.
А когда воспели его хоровой они песней,
При возлияниях чистых дают они клятву на помощь
Всегда приходить друг другу в общем согласье.
С этим и жертв коснулись они. Стоит и доныне

Храм Гемонеи благой*, который воздвигли герои
Сами тогда, предоставив его славнейшей богине.
Третий свет подошел, и в ту же добрую пору
Остров высокий с попутным Зефиром корабль оставляет.
Мимо проплыли они напротив лежащего устья
Быстрой реки Сангария*, мимо земли плодоносной
Мариандинских мужей, и потоков Лика, и топи
Антемоисской, взирая на них. Канаты под ветром
И корабельные снасти, напрягшись, в пути трепетали.
Утром, когда в темноте рассеялся ветер попутный,
С радостью в гавань они вошли Ахеронтского мыса.
Ввысь этот мыс крутизной непомерной утесов восходит.

Корни пустили они, и моет их море. Отвсюду
Грозно гремит волна перекатная. Сверху над мысом
Возле самого края растут большие платаны.
Вниз из гавани вглубь спускается в сторону суши
Путь неширокий, в лощину ведет, где пещера Аида,
Лесом с горами покрытая. Пар оттуда холодный,
Недр ужасных дыханием вверх поднимаясь, все время
Инеем ярким и белым тотчас вокруг замерзает,
Если только его полуденный луч не растопит.
Вечно чуждо безмолвие грозному этому краю,
Но непрестанно, без устали, стонет под рокот он моря
Или когда трепещет листва от дыханий бездонных.
И там находится устье смертной реки Ахеронта;
Эта река, через мыс прорываясь, с востока впадает
В море, и полый утес прикрывает текущую сверху.
Этой реке мегарцы нисийские дали названье*
В пору, когда Мариандский край заселить пожелали,
«Мореходов спасенье». Река их спасла с кораблями,
Бурей застигнутых грозной. Туда аргонавты пристали,
И в утихающем ветре глядели на мыс Ахеронтский.
Но недолго вошедшие в гавань укрылись от Лика,
Повелителя острова и от мужей мариандян.
Весть долетела сюда о славных убийцах Амика,

И оттого они с пришельцами мир заключили,
А самого Полидевка как бога повсюду встречали,

Возле него собираясь. Давно они воевали
Против бебриков дерзких и их правителя злого.
Всей толпой аргонавты в тот день, пройдя через город,
В царских покоях Лика с друзьями без сна пировали
И беседами тешили души. Ясон же поведал
Лику про имя и род своих пловцов. О приказе
Пелия он рассказал и о дружеской встрече лемносской,
Также про Кизика и про случай в краю Долионском.
Прибыли как в мисиян страну и на Киос, пришлось где
Им против воли покинуть героя Геракла. Про Главка
Речь он повел и про то, как у бебриков свергли Амика,
И про Финея царя, про его прорицанье и беды,
Как избежали сбегавшихся скал и как повстречали
Сына Латоны на острове. Лик, внимая Ясону,
Душу свою услаждал. Однако его огорчила
Весть, что оставлен Геракл. И ко всем он так обратился:
«Гости мои! Такого мужа утративши помощь,
Вы ли решаетесь плыть в далекое царство Эета!
Знаю Геракла я хорошо. Его я увидел
Здесь у отца моего*, у Даскила, в доме гостящим.
Пешим Геракл пришел* из страны Азиатской. Принес он
Пояс Гипполиты бранелюбивой. Меня же
В первом юном пушке застало его посещенье.
Брат мой умер тогда* Приол с мисийцами в схватке.
Брат, в чью честь и поныне поет погребальные песни

Наш народ. И в кулачном Геракл одолел поединке
Тития мощного. Тот среди всех всегда отличался
Силой и обликом. Зубы Геракл ему выбил на землю.
Он подчинил отцу и мисийцев, и ближних мигдонов,
Возле наших земель давно постоянно живущих,
И вифинский народ с Вифинской землею в придачу,

Вплоть до устья Рибы реки и утеса Колоны,
И покорился ему Пелопов народ пафлагонян,
Вдоль границ огибаемый темной водою Биллея[*].
Так как Геракл теперь от нас далеко пребывает,
Бебриков дерзость настигла меня и наглость Амика.
Много земель уж давно оттягали они от низины
Гиппия[*] быстротекущего, где находились границы.
Все же от вас они понесли наказанье. Скажу я,
Что в тот день не без воли богов похитил победу
Сын Тиндарея у бебриков, смерти предавши злодея.
Я же такой отплатить благодарностью вам постараюсь,
Как велит душа. Подобает мужам благодарность
Слабым, когда другие, сильнейшие, помощь окажут.
Спутником в вашем пути готов я милого сына
Дать своего, по имени Даскил. Коль скоро он будет
С вами всегда и повсюду, радушно вас встретят народы,
Кто живет в прибрежных краях до реки Фермодонта.
Я же высокий храм воздвигну богам Тиндаридам
На вершине скалы Ахеронтской. Все мореходы,

С моря завидев его, будут издали им поклоняться.
Кроме того, отведу я для них священную ниву
За городскою стеной, в долине, удобной для пашни».
Целые сутки у Лика в беседах они проводили,
Утром же ранним опять поспешили на борт корабельный.
С ними следовал Лик, и Ликовы слуги с несметной
Ношей даров, и царский сын, по имени Даскил.
Тут предрешенная Идмону смерть Абантида настигла.
Был наделен он пророческим даром, сам же не спасся.
Свыше ему предстояло быть от врагов пораженным.
Там в низине лежал у реки, тростниками заросшей,
Чресла свои охлаждая и необъятное чрево,
В иле чудовищный злобный вепрь, клыков его белых
Даже болотные нимфы страшатся. Никто не заметил,
Мимо него проходя, что лежит далеко он в болоте.
Сверху с холма спускался в долину, покрытую илом

Сын Абанта. И вепрь, на него из зарослей прянув,
Клык вонзил в бедро, разрубив с костью средние жилы.
Вскрикнув громко, Идмон упал. На крик его тотчас
Вскинулись все друзья. Пелей с копьем устремился
К вепрю, тот обратно бежать уж пустился в болото,
Но, Пелея почуяв, герою навстречу метнулся.
Ид ему рану нанес, и вот на копье заревел он.
Вепрь на землю упал. Издыхать его там и оставив,
Идмона взяли друзья и снесли к кораблю чуть живого.

Вскоре среди друзей на борту несчастный скончался.
В горе они задержались, забыв про плаванье думать.
Тело погибшего друга, скорбя, земле предавали,
Плакали целых три дня. На четвертый, как подобает,
Пышно его погребли. И с ними его хоронили
Мириандинский народ и Лик, их правитель. Для тризны,
Как по закону ведется, овец привели на закланье
Столько, что их сосчитать никому невозможно казалось.
На берегу затем курган был насыпан высокий
Этому мужу. На нем есть знак в назиданье потомкам —
Дикой маслины ствол корабельный листвой зеленеет
Возле подножья скалы Ахеронтской. Ежели Музы
Мне повелят, то я про это поведаю больше.
Город воздвигнув вокруг ствола той маслины древней,
Феб повелел почитать беотийцам и также нисейцам
Идмона как Градодержца в своих речах и молитвах.
Богобоязненный Идмон славится там и поныне, —
Жители этой страны* называют его Агаместор.
Кто еще умер в этом краю? Ведь снова героям
Выпало новый курган насыпать для почившего друга.
И по сегодня там две могилы стоят аргонавтов.
Умер, как говорят*, сын Гагния Тифис. Дороги
Не было дальше ему. Вдали от милой отчизны
Он усыплен оказался внезапным и кратким недугом
В день, когда хоронили Абантова славного сына.

Скорбь неизбывная всех объяла при страшном несчастье.
Тотчас после того, как свершили они погребенье
Тифиса, вместе они легли в тоске безысходной
На морском берегу, себя плащами окутав,
И без движенья, забыв про питье и про пищу. Томились
Горем, утратив совсем надежду на возвращенье.
Долго они бы еще горевали, медля с отплытьем,
Если бы смелость безмерную не вложила Анкею
Гера. Его родила Посидону близ вод Имбросийских
Астипалея; и он давно был искусен всемерно
В море корабль вести. К Пелею приблизясь, сказал он:
«Сын Эака, пристало ли нам, забывшим про подвиг,
Здесь в чужедальнем краю оставаться? В Аресовом деле
Я не похож на тех, кого, из Парфении взявши,
В путь за руном ведет Ясон. Я — знаток корабельный.
Вот потому-то за Арго нисколько не бойтесь!
В этом сведущи здесь и другие ратные мужи,
Всякий станет кормчим, ставши на кормчее место.
Всем об этом скажи! Напомни про веленный подвиг!»
Молвил он так. У Пелея от радости дрогнуло сердце.
Встав среди спутников милых, начал им говорить он:
«О безумные! Тщетную скорбь зачем мы лелеем?
Участь свою обрели друзья погибшие наши —
Но и другие есть кормчие многие в, нашем отряде.
Вот потому-то пора конец положить промедленью!

Прочь отбросьте вы горе! Вставайте скорее на дело!»
Сын Эсона ответил ему, безысходности полный:
«О Эакид! Но где твои кормчие? Где пребывают?
Те, кого мы считали богоподобными прежде,
Ныне, печали полны, вижу, больше меня безутешны.
Я потому и предвижу от мертвых злое несчастье-
Верно, мы не достигнем Эета свирепого града,
Или в Элладу обратно не суждено нам вернуться
Через страшные скалы. Тут в этом месте сокроет
Нас бесславная смерть, до старости праздно доживших».
Молвил такое. Анкей поспешно ему обещает

Быстро корабль повести. Ведь направляла богиня Анкея.
После него Эргин, Евфим и Навплий восстали,
Также кормчими быть желая. Но их не пустили
Спутники, ведь большинство Анкею отдали голос.
Вот на двенадцатый день все всходят на борт корабельный.
Утренний свежий Зефир попутно им повевает.
Быстро на веслах они Ахеронтское минули устье.
Далее парус подняли и, ветру доверясь, помчались.
Радуясь ясной погоде, волны они рассекали,
И простирался парус по ветру. Быстро приплыли
К устьям реки Каллихора.* Преданье гласит, что когда-то
Зевса сын Нисийский, покинув индийские страны,
В Фивы спешил и здесь свои оргии справил, устроив
Перед пещерой, в которой провел лишенные смеха

Ночи священные, площадь большую для хора и плясок.
Местные жители реку зовут с тех пор Каллихором.
А пещеру зовут, приютившую бога, Авлийской.
Дальше Сфенела* курган увидали они Акторида.
Некогда он возвращался домой с отчаянной битвы
Вместе с Гераклом, сражались они в земле амазонок,
Ранен был стрелою в пути, и у моря скончался.
Дальше немного вперед проплыли наши герои, —
Тут и Персефона* сама взослала на свет Акторида
Слез обильных достойную душу, молил погребенный
Хоть ненадолго опять увидеть сверстников милых.
Встав на вершину кургана, Сфенел глядел кораблю вслед.
Был он таким, каким шел на войну, сверкая прекрасным
Шлемом о четырех навершьях с пурпурною гривой.
После он вновь спустился во мрак подземного царства.
Издали все же увидев его, они поразились.
Мопс прорицатель, сын Ампика, велел им героя
Душу на берегу возлияньем пристойным утешить.
Парус свернули они, у камней закрепили канаты,
После же стали трудиться возле кургана Сфенела.

С возлияний начав, сожгли они овчие жертвы
И, пополам разделив возлиянья, алтарь Аполлону,
Стражу судов, возвели и стали жечь тучные бедра.
Лиру Орфей возложил*, и Лирою место зовется.
После того к кораблю поспешили, теснимые ветром,

Снова раскинули парус, подняв с двух сторон на канатах.
В море Арго помчался, словно ястреб, который
В высь поднебесную мчится, дыханием ветра несомый,
Крылья спокойны его, он весь отдается полету.
Мимо проплыли они потоков стремившейся в море
Самой спокойной реки* Парфения, где Латонида
После охоты всегда, когда восходит на небо,
Тело свое вожделенной водой охлаждает, ликуя.
Ночью затем, беспрестанно стремясь все дальше и дальше,
Сесам они миновали, крутые за ним Эрифины,
И Кробиал и Кромну, а дальше Китор лесистый.
После они обогнули в лучах восходящего солнца
Мыс Карамбис, весь день и всю ночь гребя неустанно,
Глаз не сомкнув вдоль длинного берега темного моря.
Утром на берег земли Ассирийской* спустились герои,
Где Синопу, Асопову дочь, поселил, даровав ей
Девство свое сохранить, сам Зевс, себя обманувший.
Зевс возжелал сочетаться в любви с ней и дал обещанье
То сохранить, что она в душе для себя пожелает.
А она у него попросила ей девство оставить.
Так же она, прельстив Аполлона, желавшего с нею
Ложе ее разделить, обманула и реку, чье имя
Галис, и смертные мужи ее не имели в объятиях.
Жили там сыновья Деимаха*, героя из Трикки,
Деимонт с Автоликом и Флогием, младшим из братьев,

Жили с тех пор, как в скитаньях ушли от Геракла.
Лишь увидали они отряд знаменитых героев,
Выйдя навстречу с готовностью к ним, о себе рассказали.

Там задержаться не пожелали герои и снова
Поднялись на корабль, побуждаемы ветром Аргестом[*].
Быстро, вперед уносимые ветра дыханьем,
Галис оставили реку, прошли соседку Ириду.
Мимо проплыли лугов заливных земли Ассирийской.
Днем обогнули мыс Амазонок и скрытую гавань.
Там однажды Геракл[*] подстерег Меланиппу, Ареса
Дочь, и, как выкуп, ему вручила сама Гипполита
Пояс свой за сестру[*], и тогда вернул невредимой
Деву герой. Они пристают в залив возле мыса
Около устья реки Фермодонта, затем что на море
Волны взыграли. Река Фермодонт с другими не схожа —
Ни одна река не расходится в столько потоков;
Коль сосчитать кто захочет, до ста четырех досчитает.
Есть единый у них источник, который на суше
С гор ниспадает крутых, — Амазонскими горы зовутся,
Этот родник разливается вширь по высоким предгорьям,
Вот почему настолько пути у него прихотливы.
Вечно в разные стороны он извивается, силясь
Путь найти для себя, куда излиться пониже.
Издали льется струя одна, а рядом другая.
Многих пути исчезают бесследно, где-то теряясь.

Главный поток на виду низвергается с малыми вместе,
В Понт Авксинский впадая под крайним обрывистым мысом.
Если бы там задержались герои, то им бы случилась
Битва с толпой амазонок, и бой бы не был бескровным.
Ведь амазонки совсем не добры и не ценят законы.
Все они живут[*] в цветущей Дойантской долине,
И занимает их дерзость лихая с делами Ареса.
Даже свой род они ведут от Ареса и нимфы,
Имя же нимфы Гармония. Дев этих войнолюбивых
Нимфа богу войны родила, сочетавшись любовью
В зарослях дальних рощи густой Акмонийской на ложе.
Если бы вновь не пришло дуновенье Аргеста на море,

Зевса покорное воле, друзьям не пришлось бы покинуть
Берег извилистый тот, Фемискирские где амазонки
В бой снаряжались. Не в городе общем они обитают,
Но в широких полях, по трем племенам разделяясь.
Те из них, где царит Гипполита, жили особо,
Ликастийки отдельно, и хадисиянки отдельно
Славные боем копья. На новую ночь аргонавты
Свой корабль отвели к берегам народа халибов.
Этих людей не заботит ни пахота в поле с волами,
Ни уход за плодами, что радуют душу, овечьих
Стад они не пасут по пастбищам в росных долинах.
Но, рассекая недра земли, несущей железо,
Плату в обмен получают для жизни. Для них не восходит

Утро с зарей без трудов. Беспросветная в копоти черной,
В едком дыму, в работе, всегда их жизнь протекает.
После халибов затем, обогнув мыс родителя Зевса,
Мимо земли Тибаренской они успешно проплыли.
Там, когда рождают детей законные жены,
Их мужья, в постели ложась, стонать начинают,
Голову скрыв покрывалом, а жены заботливо носят
Им еду, омовенья, как будто они роженицы.
Гору святую и землю потом миновали герои.
В этой земле по горам живет народ моссинеков.
Право иное у них, совсем иные законы.
Все, что мы, не таясь, при всех совершаем открыто,
Даже на площадях, они в домах выполняют.
Чем занимаемся мы в жилищах, они своенравно
И без укора творят вне дома, на улицах людных.
Совокупленье у них не дома, но словно в свинарне,
И не стыдятся они людей, находящихся возле,
В общей любви на виду сочетается с женами каждый.
Царь их сидел в деревянной башне высокой. Ту башню
Звали Моссином. Он суд творил над немалым народом.
Бедный! Ежели он в сужденьях своих ошибется,
Голодом морят его моссинеки весь день под затвором.
Эту страну миновав, уже находились герои

Близко от острова Аретиады[*], гребя неустанно
Целый день, и остров почти простирался напротив.

В сумерках ветер попутный затих, и они увидали
Птицу Ареса, жилицу острова, вдруг над собою.
В воздухе над головами она парила высоко,
И, распластавши крыла над судном, внизу пробегавшим,
Сбросила острое вниз перо. Оно пробивает
Левую мышцу Ойлея богоподобного. Бросил,
Раненный, он из рук весло. Поразились герои,
Видя стрелу окрыленной. Извлек ее рядом сидящий
Друг Эрибот и рану бинтом обвязал, от своих же
Ножен сорвав повязку, концами свисавшую книзу.
Вслед за первой птицей другая явилась под небом.
Клитий, сын Еврита, сумел упредить ее раньше,
Чем успела она стрелу свою сбросить, схватил он
Лук, тетиву натянул и тотчас выстрелил в птицу,
И вблизи корабля она низвергается в волны.
Сын Алея Амфидамант[*] пловцам объявляет:
«Остров Аретиада пред нами, — то знаете сами,
Видя Ареевых птиц. Не хватает полных колчанов
Здесь при высадке нам. Но что-нибудь надо придумать
В помощь себе, коли нам назначена здесь остановка.
В том вещанье Финея, которое слышали все мы.
Даже Геракл не смог, когда в Аркадию прибыл
Птиц одолеть, живущих в озере Стимфалийском.
Стрелам не поддавались они, я сам это видел.
Взяв трещотку медную в руку и ею махая,

Он гремел с высокой скалы. В испуге и с криком
Птицы в небо взвились и прочь улетели оттуда.
Нужно теперь и нам придумать подобное нечто.
Сам я, подумав, как мог, предложил бы такое решенье:
Шлемы скорее наденьте с торчащими гребнями кверху,
Надвое разделитесь, одни грести начинайте,
Попеременно, другие по кораблю разложите

Гладкие копья с щитами, а после всею толпою
Крик подымайте. Пусть устрашатся они с непривычки
Шума такого, реющих гребней, вскинутых копий.
Только мы приблизимся к берегу острова, сразу
Бейте сильно в щиты и страшный вопль заводите».
Так молвил он. И всем понравился замысел этот.
Медные шлемы подняв, на лбы их они возложили.
Страшно сверкали они, колыхались багряные гребни.
Поочередно одни корабль вперед продвигали,
Копьями и щитами его укрывали другие.
Словно какой-либо муж черепицею кроет ограду,
Чтобы красою дому была и защитой от ливней,
И черепицы одна с другой смыкаются плотно, —
Так, щиты наложив, они корабль свой укрыли.
Крик военный, какой бывает в шагающем строе,
Если в бой устремляются друг на друга фаланги,
Точно такой с корабля по воздуху вопль раздавался.
Птиц ни одной не видали они. Только, приблизясь,

Тут и там поднялись и вдаль помчались, спасаясь.
Так, когда Кронид ливень и град посылает
Из облаков на дома, то в городе люди такой же
Слыша над крышами шум, но дома сидят безмятежно,
Ведь ненастья пора уже их врасплох не застанет,
Дом свой прочно давно перед тем укрепивших.
Так свои перья птицы во множестве слали героям,
Прочь улетая к земным пределам за море и в горы.
Что задумал вещий Финей, когда повелел он
Здесь причалить всему отряду великих героев?
Или же польза какая прибывших сюда ожидала?
В город Орхомен направлялись Фриксовы дети.
Плыли они на колхидской ладье из царства Эета,
Чтобы там получить за отца большое богатство.
Это Фрикс, умирая, детям своим заповедал.
Были они в тот день от острова неподалеку.
Вдруг заставил Зевс Борееву силу повеять,
Влажный путь Арктура[*] дождем, как всегда, обозначив.

Днем Борей листву по горам колебал понемногу,
По высочайшим ветвям деревьев легко пробегая,
Ночью же страшно на море вступил, волну взбудоражив
Шумным порывом. Мрак беспросветный все небо окутал.
Звезд нигде из-за туч невозможно было увидеть.
Тьма непроглядная в небе и в море кругом утвердилась.
Все промокнув и трепеща пред страшною смертью,

Фриксовы сыновья носились, волнам предаваясь.
Ветра порыв сорвал паруса, и корабль был разломан
Надвое в сильных натисках волн, непрерывно шумящих.
Тут по внушенью богов все четверо юношей этих
За большое бревно ухватились. Бревен немало
От корабля носилось, сколоченных прочно гвоздями.
Их, едва не погибших, волны и ветра порывы
К острову, им неизвестному, мчали, полных испуга.
Тотчас и неистовый дождь внезапно прорвался и залил
Море и остров вместе с землей, напротив лежащей, —
В той земле обитал дерзновенный народ моссинеков.
Фриксовых сыновей с бревном их крепким на берег
Острова натиск волны набежавшей выбросил ночью.
Зевсом посланный дождь затих на раннем рассвете.
Вскоре они повстречали героев, и Арг им промолвил:
«Кто бы вы ни были, мужи, во имя всезрящего Зевса,
Молим о милости вас и о помощи просим посильной, —
Ибо ужасные ветры, на море обрушась, по бревнам
Весь наш жалкий корабль тут и там по воде раскидали,
Мы же пытались проплыть через море по нужному делу,
И потому, если верите нам, умоляем смиренно,
Дайте чем-нибудь тело окутать, явите заботу
К людям несчастным, сверстникам вашим, в тяжкой невзгоде.
Зевса ради почтите просителей иноземных,
Странникам Зевс и молящим защитник. Те и другие

Под охраною Зевса, который свыше взирает».
Сын Эсона его расспрашивать начал, подумав
И решив, что сбывается тут прорицанье Финея:
«Все это мы, конечно, тотчас дадим вам охотно.
Но скажи мне правдиво, в какой стране вы живете
И какая нужда побуждает вас плыть через море?
Славное имя нам назови и прозвание рода».
Арг, бедой потрясенный, молвил в ответ Эсониду:
«Фрикс Эолид из Эллады явился на дальнюю Эю, —
Думается, что вы и сами об этом слыхали.
Этот Фрикс явился в город владыки Эета,
Сидя верхом на баране. Баран его был золоченым
Волею бога Гермеса. Руно его можно увидеть
На ветвях, заросших листвой, могучего дуба,
Ибо Фрикс заклал барана Зевсу Кроniду,
По своему разумению из всех Зевса Фиксия* выбрав.
Там владыка Эет к себе его принял радушно,
Дочь Халкиопу сосватав ему и ради приязни
Выкупа даже не взял. Они-то родители наши.
Фрикс уже стариком скончался в доме Эета,
Мы же, его сыновья*, о заветах заботясь отцовских,
Ныне плывем в Орхомен, сокровища взять Афаманта.
Если же хочешь знать, какие мы носим прозванья, —
Китисор этому имя, вот этому — Фронтис,
Мелас зовут вон того, а меня называйте вы Аргом».

Так он сказал. И были герои радостны встрече,
И удивлялись, их окружая. Как полагалось,
К ним Ясон Эсонид обратился с речью такою:
«Вы действительно будете по отцу нам родными,
С просьбой взывая к тем, кто вам по дружбе поможет.
Ведь Афамант и Крефей родными братьями были, —
Я же Крефеев внук, со всеми вместе друзьями
Из Эллады иду в тот самый город Эета.
Но об этом друг другу потом сказать мы успеем.
Ныне сперва вы оденетесь. А я полагаю, по воле

Только бессмертных в беде со мною вы повстречались».
Молвил и с корабля им одежду принес облачаться.
После того все вместе отправились к храму Ареса,
Чтобы в жертву овец принести. Там алтарь обступили
Быстро. Был он вне не покрытого крышею храма
Сложен из гальки, внутри был черный камень положен,
Перед которым встарь амазонки давали обеты.
Не для того приходили они с берегов супротивных,
Чтобы в жертву взлагать на алтарь быков и баранов, —
Но коней они резали, выходя их для убоя.
Жертвы свершили герои, отведали жареной снеди.
К ним тогда Эсонид обратился с такими словами:
«Подлинно сам Зевес за всем наблюдает, не скрыты
Люди пред ним никогда, ни праведный, ни нечестивец.
Как отца исторг он для вас из-под гибельных козней

Мачехи злой и богатства несметные вам предоставил,
Так и теперь невредимыми спас от пагубной бури.
Можно вам с кораблем нашим плыть, куда вам угодно,
И туда и сюда, либо в Эю, либо в богатый
Град Орхомена великий. Построен самою Афиной
Наш корабль, и она срубила сама те деревья
С Пелионской вершины, а Арг помогал ей в строенье.
Вашу же ладью волна разметала свирепо,
Раньше чем вы подошли к тем скалам, которые в море
Каждый день идут друг на друга в узком проливе.
Станьте же вы опорой желающим в землю Эллады
Это руно увезти золотое! Нам путь укажите!
Жертву за Фрикса свершить[*] я в Эю плыву из-за гнева
Зевса на род Эолидов». Так молвил он, их убеждая.
Фриксовы дети, внимая речам его, ужасались,
Между собой говоря, что Эет приязнен не будет
С тем, кто возжелает руно забрать золотое.
Арг, осуждая подобный подход, сказал им такое:
«О друзья, насколько сильны мы, настолько и рады
Мы всегда вам помочь, когда нужда приключится.
Грозен, однако, Эет и к жестокости пагубной склонен,

Вот почему я очень боюсь за плаванье ваше.
Гелия сыном себя он зовет. Кругом же несметно
Колхов живут племена. Он сам с Аресом сравняться
Мог вполне бы голосом зычным и силой великой.

Кроме того, не легко унести руно без Эета.
Змей сторожит руно, вокруг него извиваясь.
Змей неусыпный, бессмертный, рожденный Геей-Землею
На вершине Кавказа, где скала Тифаона.
Там, говорят, Тифаон, пораженный перуном Кронида
Из-за того, что на Зевса* простер свои мощные руки,
Жаркую кровь излил с головы, устремляясь паденьем
В горы и долы Нисейские, где Тифаон и поныне
Распростертый лежит под стоячей водой Сербониды».
Так говорил он. У многих бледностью щеки покрылись,
Лишь услыхали про трудность такую. Пелей же проворно
Словом отважным его перебил и ему возразил так:
«Не пугай нас, друг, через меру подобным рассказом!
Мы не столь нуждаемся в силе и ниже не будем,
Чем Эет, когда с ним придется сразиться оружьем.
Я полагаю, не меньше мы сведущи в деле военном,
Если сюда мы пошли, родясь почти от бессмертных.
А потому, коль миром не даст он руна золотого,
Не помогут, надеюсь, ему и ратные колхи».
Так, прерывая друг друга, они вели разговоры
Трапезы после, пока не заснули, пищей насытясь.
Утром лишь пробудились, повеял ветер попутный.
Подняли парус они, и под дыханием ветра
Парус затрепетал, и покинулся остров Ареса.
Новая ночь приближалась, когда прошли Филириду

Остров, где Кронос*, сын Урана (а правил тогда он
На Олимпе титанами, Зевс же в Критской пещере
У куретов Идейских лежал еще в колыбели),
Ложе с Филирой делил, от Реи таясь. Но богиня

Все же сумела застать их. Кронос умчался,
Тотчас облик приняв коня с размашистой гривой;
А Океанова дочь Филира в горах у пеласгов
Спряталась, там родив Хирона огромного, частью —
Бога, частью — коня, с родителем схожего сына.
Край макронов и беспредельную землю бехиров
Дальше они миновали, а также надменных сапиров,
Рядом с ними бизиров. Все время дальше и дальше
Мчались быстро они с порывами теплого ветра.
Вот уж плывущим явилась вдали извилина Понта,
И постепенно стали расти[*] высокие кручи
Гор Кавказских. Там к нерушимым скалам прикручен
Медными узами был Прометей, и питал он своею
Печенью птицу большую. Орел прилетал беспрестанно.
Вечером вдруг орла увидали герои в испуге.
Над кораблем к облакам пролетал он высоко. Но все же
Парус стал колыхаться от веянья крыльев широких.
Птица такая несхожа по виду с орлом поднебесным,
Быстро крыльями машет она, подобными веслам.
Громкий стон Прометея затем услыхали герои;
Печень орел пожирал, куски вырывая. От вопля

Весь Эфир содрогнулся. А вскоре орел возвращался
Тем же путем, и опять увидали кровавую птицу.
К ночи, знаниям Арга доверясь, приплыли герои
К широководному Фасису, Понта конечным пределам.
Рею и парус убрав, их поспешно вниз положили,
Мачту, сперва наклонив, туда же в гнездо опустили.
После на веслах ввели корабль в речную стремнину.
Перед ними с журчаньем поток расступился. А слева
Виден был могучий Кавказ с Китаидой Эета.
После они увидали долину Ареса и рощу
Бога священную, змей где руно охранял неусыпно.
В реку стал Эсонид[*] из кубка лить золотого
Чистым вином возлияния, меду подобные вкусом,
Геи, подземным богам и душам усопших героев.

Их преклоненно молил он на помощь героям явиться
И принять якоря корабля своим благостным сердцем.
Вслед за ним и Анкей такое вымолвил слово:
«Мы пришли к Колхидской земле и Фасийскому устью.
Ныне настала пора о деле задуматься нашем;
Либо мирно мы захотим поладить с Эетом,
Либо иной какой-нибудь путь придется нам выбрать!»
Так он сказал. Ясон, советам Арга внимая,
Им приказал увести корабль с якорями поглубже.
Он вошел в болото заросшее с берегом рядом.
Там в ночной темноте на ночлег разместились герои.
Эос, которую ждали с тревогой, вскоре явилась.

ТРЕТЬЯ КНИГА*

Ныне ко мне подойди*, Эрато, встань рядом со мною!
Молви, как увез Ясон* руно золотое,
Как ему помогла влюбленная дева Медея.
Ты ведь сама сопричастна Киприде, ты песней чаруешь
Дев непорочных, имя твое созвучно Эроту.
Утра ждали герои, в густом тростнике укрываясь.
Их заметили Гера с Афиной.* Покинув чертоги
Зевса и всех бессмертных, вдвоем удалились богини,
Чтобы держать совет. И Гера Афину спросила:
«Зевса мудрая дочь, придумай без промедленья,
Как нам теперь поступать. Помочь хитроумно нам надо,
Чтобы, руно золотое забрав у Эета, уплыли
Наши герои обратно в Элладу. Как бы Эета
Речью медоточивой они обольстить бы сумели?
Дерзок очень Эет и сердцем всегда непреклонен.
Впрочем, не следует нам отказаться от всяких попыток».
Так говорила. Афина ей тотчас охотно сказала:
«Гера, сама я о том беспокоюсь душою немало.
Очень волнует меня все то, о чем говоришь ты,
Но ничего не могу я найти для спасенья героев,
Много решений в уме перебрав и все их отвергнув».
Молвила. Обе богини потупили взоры*, заботой
Души терзая свои, размышляя о разных уловках.
Первой Гера после раздумья Афине сказала:

«Сходим к Киприде*! Давай вдвоем попросим, пусть сыну,
Если он ей послушен, прикажет искусную в зельях
Дочь Эета к Ясону склонить, стрелой своей ранив.
По советам ее, полагаю, руно он сумеет
В землю Эллады назад привезти». Так Гера сказала.
Замысел этот разумный Афину обрадовал очень.

Сразу она отвечала Гере радостной речью:
«Гера, отец меня породил несведущей в стрелах
Этих, и мне никакие не нужны подобные чувства.
Если тебе по душе эта мысль, то я за тобою
Следом пойду, но с Кипридой сама заводи разговоры».
Молвила, и поспешно пошли они к дому большому.
Был он построен Киприде супругом ее хромоногим*
В ту далекую пору, когда сам Зевс их сосватал.
Вот вошли во двор, перед портиком встали чертога,
Где богиня обычно ложе стелила Гефесту.
Рано утром ушел к себе в кузницу он к наковальням
В грот просторный* на остров Планкту. Всегда там ковал он
В искрах огня всевозможные вещи. Дома Киприда
В кресле, искусно обточенном, перед дверью сидела
И по плечам распускала волос роскошные пряди.
Гребнем чесала их золотым и плести собиралась
В длинные локоны. Издали их увидав, пригласила
В дом их она войти и с кресла встала поспешно.
Стулья им предложила, сама с богинями села,

Пряди волос нерасчесанных быстро руками скрутила
И, улыбаясь, с такой обратилась приветливой речью:
«Милые, что за мысль и дела сюда привели вас?
Редкие гости вы здесь! С чем пришли? Не зря ведь, конечно,
Ходите вы, богини, высшие между другими».
Гера к ней в ответ с такой обратилася речью:
«Ты смеешься, а наши сердца преисполнены горем.
Там, на Фасийской реке, корабль задержали герои,
Те, кто вместе с Ясоном руно увезти снарядились.
Вот за них за всех, великий предведая подвиг,
Очень тревожимся мы, особенно за Эсонида.
Ради него, если даже к Аиду отправится в путь он,
Чтобы из медных оков изъять самого Иксиона*,
Я готова стоять всей силой ему во спасенье,

Чтобы Пелий, ликуя[*], не смог избежать наказанья,
Дерзкий, который меня обездолил должною жертвой.
Мне Ясон любезен давно: с тех пор, как когда-то,
В прежние дни в речном половодье близ устья Анавра,
Он повстречался мне, людей проверяющий честность.
Шел он с охоты. Кругом все было засыпано снегом —
Горы и кручи самых высоких утесов. Оттуда,
Вниз низвергаясь, мчались потоки с пугающим гулом.
Он пожалел меня[*], принявшую облик старушки,
Сам на плечах меня перенес через бурные воды.
Вот почему неизменно его я так почитаю.

Не помоги ты Ясону, Пелий не будет наказан».
Так говорила. Киприда не сразу собралась с ответом.
С благоговеньем взирала она на просящую Геру.
После же к ней она обратилася с кроткою речью:
«О богиня почтенная! Пусть никто не предстанет
В мире хуже меня, Киприды, если отвергну
Просьбу твою, будь то слово иль дело, свершить каковое
Смогут и слабые руки. Не будь мне в радость награда».
Так говорила. А Гера, подумав, ей отвечала:
«Мы пришли, не жалея ни силы, ни рук для деяний,
Сыну только отдай твоему приказание: деву,
Дочь Эета, увлечь любовью к герою Ясону.
Если она благосклонно ему помощницей станет,
Я полагаю, легко он, взяв руно золотое,
С ним вернется в Иолк, она ведь искусна в волшебстве».
Молвила так. А Киприда обеим богиням сказала:
«Гера, Афина! Вас он послушал бы много скорее[*],
Чем меня. Всегда со мною он только бесстыден,
А перед вами немного стыда в глазах он проявит.
Он меня совсем не боится и, споря, глумится.
Я рассердилась однажды и, вне себя от проделок,
Даже хотела лук разломать и противные стрелы
На виду у него. Так он пригрозил, обозленный,
Что хоть не держит он гнева пока, но ежели волю

Дам я своим рукам, то потом я могу поплатиться».

Молвила так. Улыбнулись богини, взглянув друг на друга.
Снова Киприда печальная с речью к ним обратилась:
«Муки мои другим лишь смех доставляют. Не должно
Всем о них говорить; пускай одной мне довлеют.
Ныне же, коль по душе вам это обеим придется,
Я постараюсь и буду просить у него послушанья».
Молвила так. А Гера руки ее нежно коснулась
И, с улыбкой взглянув, Киприде с любовью сказала:
«Как обещаешь теперь, Киферея, дело исполни!
А на сына сердясь, не гневись и не спорь понапрасну;
Время придет, подожди, и скоро станет он лучше!»
Молвила. Встала со стула, с ней поднялась и Афина.
Обе из дома неспешно пошли обратно. Киприда
Тоже пошла в закоулки Олимпа на поиски сына.
Вскоре нашла его далеко* в винограднике Зевса,
Не одного, он был с Ганимедом, которого в небе
Некогда Зевс поселил у себя с бессмертными рядом.
Чары красы его Зевса пленили. Дети играли,
Как подобает их возрасту, в бабки свои золотые.
Встав во весь рост, Эрот пригоршню полную с верхом
Алчно левой рукой к груди прижимал, его щеки
Рдели жарким румянцем.* А тот вблизи на коленях,
Очи потупив, стоял: у него лишь две бабки осталось.
В гневе на хохот соперника вновь он мечет их на кон,
Но немного спустя и их потерял с остальными.

Жалкий, с пустыми руками он прочь пошел, не заметив,
Как Киприда пришла. А та перед сыном явилась
И, по щеке потрепав, ему смеясь говорила:
«Что ты смеешься, горе мое несказанное? Или
Снова его обманул и провел неученого гнусно?
Ну, а теперь с удовольствием сделай мне то, что скажу я,
И тогда подарю игрушку чудесную Зевса —

Ту, что ему подарила нянька его Адрастея*
В гроте Идейском, когда был он младенцем безгласным.
Это быстро вертящийся мяч. Другого такого
Ты бы не смог получить от искусника даже Гефеста.
Тесно прижаты ободья двойные со скрытыми швами,
Темный пояс кругом их всех огибает красиво.
Стоит тебе его кверху руками высоко подбросить,
Как звезда, он в воздухе след оставляет блестящий.
Дам тебе этот мяч, но сперва подстрели-ка из лука
Дочь Эета, любовь внуши ей к герою Ясону.
Медлить нельзя! Смотри, чтоб подарок не сделался меньше!»
Так говорила. Эрот был рад такое услышать.
Бабки он выбросил прочь и руками обеими начал
Дергать богини хитон, за него непрестанно хватаясь.
Он молил, чтобы сразу дала ему мяч, а богиня
В щеки его целовала, нежно обняв, и, умильной
Речью его убеждая, ответила сыну с улыбкой:
«Знает пусть голова твоя милая вместе с моею,

Что, конечно, подарок отдам я тебе без обмана,
Если ты только сумеешь попасть стрелою в Медею».
Молвила. Он же старательно бабки собрал, сосчитав их.
Спрятал за пазухой матери в яркие складки одежды.
Тотчас колчан, прислоненный к пню, подхватил, перекинув
На золотом кушаке, воружился изогнутым луком,
Быстро пошел через сад плодоносный великого Зевса,
Скоро потом за ворота Олимпа небесного вышел.
Там наклонный путь с небес уходит на землю.
Гор высоких две оси*, исходы земли, охраняют
Место, где первое солнце всю землю красит багрянцем.
Видны Эроту, летящему в беспредельном Эфире,
То внизу земля живоносная, грады людские,
То потоки священные рек и окружное море.
А герои меж тем на скамьях корабля, на болоте
В устье реки затаясь, говорили между собою.

Вот обратился к ним Эсонид, они же умолкли,
Слушая тихо, каждый на месте своем пребывая:
«Вам, друзья, открою*, что мне самому по сердцу,
Знайте замысел этот. Конечно, спешить подобает.
Общая ведь нужда* у всех и общие речи.
Кто от нас таит свои советы и мысли,
Знает пусть, что он один нас лишает возврата.
Все остальные на корабле оставайтесь с оружьем!
Я же направлюсь один в жилище владыки Эета,

Фриксовых взяв с собой сыновей и двух спутников наших.
Там при встрече сперва узнать попытаюсь,
То ли он дружелюбно отдаст нам руно золотое
Или, напротив, уверенный в силе, откажет пришельцам.
Вот тогда-то, из слов его узнав об отказе,
Думать давайте, сражаться ли будем или иначе
В помощь себе решим поступать, чтоб битвы избегнуть.
Нам невозможно отнять его достояние силой,
Прежде чем мы не попробуем словом успеха достигнуть.
Много лучше, придя, сперва угодить ему речью.
Часто того, что сила с трудом могла бы содеять,
С легкостью слово добиться смогло, смягчая что нужно.
Речь убедила его принять непорочного Фрикса
В те времена, когда он бежал от мачехи козней
И от отца, на алтарь его возлагавшего жертвой.
Право, даже тот, кто наглостью славен повсюду,
Чтит покровителя Зевса и на закон уповает».
Так говорил. Похвалили его за подобные речи,
И никто не сумел предложить другое решенье.
Фриксовых взял он с собой сыновей, за собой Теламону
С Авгием следовать он* предложил, сам бога Гермеса
Скипетр взял. Они сошли с корабельного борта
И по болоту пошли в камыши и далее к суше.
Плоский там виднелся холм* по прозванью Киркейский.

В ряд обильно ракиты росли и плакучие ивы,

К их вершинам веревками были привязаны трупы.
Даже теперь у колхов преступным считается делом
Тело почивших огню предавать. Не дозволено также,
Их обрядив, на земле насыпать могилу над ними.
Но, закутанных в сыромятные шкуры воловьи,
Мертвых за городом на деревьях принято вешать.
С воздухом равную долю, однако, земля получает.
Женщин они хоронят в земле. Таковы их законы.
Гера, путникам этим* загодя помощь замыслив,
Город окутала плотным туманом, чтобы укрыть их,
К дому Эета спокойно идущих, от множества колхов.
К городу лишь из долины они подошли и жилище
Близко Эета увидели, Гера развеяла тучу.
Встали в преддверьях они*, восхищаясь оградою дома
И шириною ворот и колоннами, вставшими строем
Возле стен. Над домом триглифами медными сверху
Был прилажен искусно венец из светлого камня.
После через порог перешли они без помехи.
Возле порога пышно цвели виноградные лозы,
Ввысь подымаясь зеленой листвой. А под ними журчали
Вечной струей четыре ключа, прорытых Гефестом.
Тек один молоком, второй — виноградного влагой,
Третий маслом бежал благовонным, ручей же четвертый
Лился водой, и она с заходом Плеяд* согревалась,
А при их восхожденье ключом выбегала холодным,

Сходно кристаллу прозрачному, в гроте пустом зарождаясь.
Столько дивных творений в доме Эета китайца
Мастер искусный Гефест, придумать сумев, изготовил.
Он же ему создал быков медноногих. Их пасти
Были из меди, ужасное пламя они выдыхали.
Кроме того, он плуг из крепкой выделал стали.

Гелиос в дар его получил[*] за то, что Гефесту,
В битве Флегрейской уставшему, место он дал в колеснице.
Был там внутренний двор, и много в него выходило
Слаженных крепко дверей двустворчатых. Дальше покои
Были справа и слева. Вокруг двора превосходный
Портик выстроен был.[*] По бокам дома возвышались.
В том, который был выше других и красой выделялся,
Сам владыка Эет обитал со своею супругой.
Сын Эета Апсирт в другом. Его породила
Нимфа кавказская Астеродейя, а после уж выбрал
В жены Эет себе деву[*] Идию, рожденную младшей
Из дочерей Ураниды Тифиды и Океана.
Колхов сыны Фаэтоном прозвали красавца Апсирта,
Ибо средь юношей он выдавался своей красотою.
В прочих покоях дочери жили владыки Эета
Со служанками. Младшую звали Медея, другой же
Имя было дано Халкиопа. Медея случайно
Шла по дороге к сестре, ее увидали герои.
Дома Гера ее задержала. Редко она здесь

Раньше бывала, дни проводя за пределами дома
В храме Гекаты, где жрицей была она у богини.
Этих людей внезапно заметив, Медея вскричала,
Возглас ее Халкиопа услышала. Тотчас служанки,
Прялки и пряжу забросив, смотреть гурьбой побежали.
Следом пошла Халкиопа и вдруг сыновей увидала.
Руки от радости к небу подняв, она речи лишилась.
Юноши стали мать обнимать, утешать ее нежно,
Ласково с ней говорить, а она им печально сказала:
«Больше не следует вам искать путей неизвестных,
Без защиты оставив меня. Вас боги вернули!
Бедная я! Какое наитие злое вселило
По указанию Фрикса отца в вас тоску по Элладе?
Мне же он, умирая, в сердце лишь муки оставил.
И для чего захотели вы в город идти Орхомена?
Что бы ни было в нем, но ради богатств Афиманта

Как решились вы мать оставить на горькое горе?»
Так говорила она. Эет выходит последним
В двери покоев вместе с своей супругой Идией.
Дочери голос она услыхала. Двор многолюдный
Шумом наполнился. Одни трудились усердно
Возле туши большого быка, другие кололи
Тут же сухие дрова и воду грели в купальнях.
Заняты были все, прилежно царю угождая.
Между тем Эрот невидимкою* в воздухе мчался.

Грозный овод на телок так молодых нападает.
Овод, кого пастухи именуют коровьим стрекалом.
Быстро Эрот в сенях за дверным косяком, перекинув
Лук, из колчана стрелу вынимает, полную стонов.
После, через порог перепрыгнув легко и незримо,
Зорко глядя, у ног завертелся возле Ясона.
Перья стрелы посреди тетивы удобно приладил
И, тетиву оттянув руками обоими, прямо
Цель поразил, в Медею попав. Она онемела.
Сам же Эрот обратно, чертог высокий покинув,
Громко смеясь, улетел. Стрела же в деве засела,
В сердце глубоко запавши огнем. Медея стояла,
Взоры кидая навстречу Ясону. Вдруг поневоле
Прочь улетели устало разумные мысли. Забыла
Дева про все, лишь душу томила сладостной болью.
Так бывает, когда за прялкой женщина, сидя,
Хворост подбросит сухой в очаг еще не потухший,
Чтобы в ночь для себя домашний свет приготовить,
Встанет слишком близко к огню. Вдруг огромное пламя
От головни незаметной с хворостом все истребляет.
Так, под сердцем Медеи таясь, любовь запылала
Ей на погибель. Нежные щеки или бледнели,
Иль покрывались румянцем, против воли рассудка.
А когда для них еду приготовили слуги,
И пришельцы успели умыться в теплых купальнях,

С радостью душу они ублажали питьем и едою,
А повелитель Эет своих внуков расспрашивать начал.
К ним четырем обратился Эет с такими словами:
«Дочери дети моей и Фрикса, которого выше
Всех иноземцев однажды почтил я в наших чертогах!
В Эе зачем оказались? Назад почему вы вернулись?
Или несчастье в пути далеком вам помешало?
Вы не поверили мне, что туда беспредельны дороги.
Это некогда я испытал, кружась в колеснице
Солнца, когда отец увозил сестру мою Кирку
В глубь вечерней земли* к побережьям Тирренского моря.
Ныне там сестра обитает. Поэтому знаю,
От Колхидской земли то место очень далеко.
Но какая отрада в речах? Вы лучше скажите,
Что теперь случилось у вас и кто эти люди,
С вами идущие? Где с корабля долбленого вышли?»
Так он спросил. И прежде всех братьев ответил поспешно
Арг, немного страшась за Ясона и всех аргонавтов.
Ласково он говорил. А был меж братьев он старшим:
«Сразу, Эет, наш корабль сломали буйные ветры.
Мы спаслись на бревне корабельном, и вынесло море
К берегу острова нас, посвященного богу Аресу,
Темною ночью. Какой-то спас нас бог несомненно.
Ведь на острове этом пустынном не обитают
Птицы Ареса, как прежде, их ни одной не нашли мы.

Их прогнали эти люди, пристав накануне
Там со своим кораблем и выйдя на берег безлюдный.
Их задержала из жалости к нам воля Зевеса
Либо случай какой. Они уделили нам вдоволь
Тотчас еды и одежды, услышав славное имя
Фрикса, а также твое, Эет. А плывут к тебе в город.
Если же хочешь причину узнать, скрывать я не стану.
Некий правитель желал изгнать вот этого мужа
И богатства лишить. Насильственный этот правитель*

Всех Эолидов превысил в мощи своей непомерной.
В путь невозможный сюда он его посылает и молвит,
Что не избегнет род Эолидов страшного гнева
Неумолимого Зевса, проклятий клянущего бога
И наказанья за Фрикса, если руно не вернется.
Соорудила корабль сама Афина Паллада.
Этот корабль совсем иной, чем у колхов бывают.
Мы же попали на худший колхидский. Его раскололи
Алчная сразу вода и порывистый ветер. А этот
Равно по воздуху мчится и равно бежит, когда люди

Сами гонят его, налегая на крепкие весла.
На корабле, собрав с собой наилучших ахейцев,
Этот муж в твой край пришел, скитаясь немало
По городам и пучинам свирепого моря, в надежде,
Что удоволишь его и все рассудишь, как хочешь.

Знай, не силою рук на желанное он посягает,
Хочет достойно тебе он воздать за этот подарок.
Он услыхал от меня про савроматов* враждебных, —
Их он готов усмирить, чтоб они тебе покорились.
Если же, верно, ты хочешь узнать, каковы имена их
И каков их род, то и здесь ничего не сокрою.
Тот, кого ради все прочие собраны были в Элладе,
Носит имя Ясона, сына Эсона, Крефея
Внука. А если он восходит к роду Крефея,
Значит, нам по отцу родным он может считаться;
Были оба, Крефей с Афамантом, сынами Эола;
Фрикс, отец наш, был сын Афаманта, внука Эола.
Этот — Авгий, сын высокого Гелия-Солнца;
Верно, ты знаешь о нем. А вот Теламон, он Эака
Достославного сын, и внук великого Зевса.
Так и все остальные, прибывшие вместе с Ясоном,
Либо бессмертных сыны, либо внуки этих бессмертных».
Арг такое сказал. Эет, разгневанный речью,
Ярость сдержать не сумел. Колотилось неистово сердце.

Начал он говорить, досадуя больше иного
На сыновей Халкиопы, приведших с собой аргонавтов.
Очи грозно сверкали из-под бровей возмущеньем:
«Не уйдете ли вы, безобразники, тотчас обратно
Вон с моих глаз из страны со своими затеями вместе,
Прежде чем кто повидает руно злополучного Фрикса!

Не за руном, а за скиптром сюда, не доплыв до Эллады,
Вы воротились ко мне, приплыли за царскою властью.
Если бы вы за столом угощений моих не вкусили,
Я не замедлил бы вам отрубить ваши руки, отрезать
Вам языки и с одними ногами отправить обратно.
Чтобы вы позабыли в дальнейшем свои дерзновенья
И о бессмертных богах не болтали бы лживого вздора».
Так говорил разъяренный. Тут сильно в душе Эакида[*]
Сердце забилось. Все в нем уже порывалось сейчас же
Гибельным словом ответить. Ясон поспешает вступиться,
Первый к царю обратясь с такой ласковой речью:
«Ты успокойся, Эет! Иная задача похода!
В город твой и в жилище твое мы пришли не за этим!
Кто рискнул бы море такое пройти добровольно
Ради сокровищ чужих? Но меня божество побудило
И царя нечестивого воля недобрая. Ты же
Нам, просящим, милость яви! А я по Элладе
Всем возвещу про твою богоданную славу. А мы все
Делом Ареса готовы тебе отплатить за услугу.
Если впрямь стремишься ты подчинить савроматов
Или любой иной народ под царственный скипетр».
Так произнес Ясон речь льстивую голосом кротким.
Сердце Эетово вновь закипело от мысли двоякой:
Либо сразу напасть на них и убить их на месте,
Либо сначала силу их испытать. Показалась

Лучшей такая мысль. И он ответил Ясону:
«Муж иноземный, зачем говоришь обо всем так подробно?
Если действительно вы из рода богов, это значит

Вы, как люди, во всем мне подобны, к тому же явились
Волей чужой. Отдам я руно золотое обратно
Вам с собой увезти, если ты его пожелаешь,
После того как тебя испытаю. Ведь я не завистлив
К храбрым мужам, как тот правитель в Элладе. О нем
Вы поведали сами. Но пробою силы и мощи
Подвиг окажется. Сам я руками его совершаю,
Сколь бы пагубным мне ни казалось подобное дело.
Двое быков медноногих пасется в роще Ареса,
Двое быков у меня, изо рта выдыхающих пламя.
Их, запрягши в ярмо, гоню я по четырехдольной
Твердой ниве Ареса, взрезая стремительным плугом
Ниву ту до конца, не семя Деметры кидаю
В борозды я, а змея ужасного крепкие зубы;
И вырастают из них мужи в военных доспехах.
С ними затем я сражаюсь, всех поражаю, как будто
В поле колосья стригу, предаю противников смерти.
Утром я запрягаю быков, а вечерней порою
Жатву кончаю. Ты же, если такое сумеешь,
В тот же день руно повезешь к твоему господину.
Прежде отдать не могу, не надейся. Ведь неприлично
Мужу, рожденному славным, перед худшим смиряться».

Так он промолвил. Ясон в молчанье очи потупил
И оставался сидеть, удрученный внезапной бедою.
Долгое время прикидывал он, что делать, затем, что
Вызов принять не решался, ведь трудным дело казалось.
И наконец обратился к Эету с хитрою речью:
«Правда, много, Эет, ты мне преград выставляешь,
Все же готов я на подвиг, сколько он трудным ни будет,
Если мне даже суждено умереть. Что другое
Хуже злой неизбежности в жизни людям дается?
Ею и я принужден быть здесь по правительской воле».
Так говорил он в тоске безысходной. Эет же ответил,
Видя, что тот огорчен, такой суровою речью:
«Ныне к своим отправляйся друзьям, коли принял задачу;
Если же ты иль ярмо на быков поднять убоишься,

Или назад отойдешь перед жатвой, несущей погибель,
Я позабочусь о всем остальном, чтоб другой содрогнулся,
Прежде чем попросить что-нибудь у сильнейшего мужа».
Прямо так и сказал. Ясон встает от застолья,
Следом встают Теламон и Авгий. Арг вышел за ними.
Братьям своим он кивком приказал оставаться на месте.
Так герои пошли из чертогов. Средь них выдавался
Сын Эсона Ясон благородством и обликом дивным.
Искоса, скрыв глаза* под светлым платком, дочь Эета
Вслед глядела ему, свое сердце болью сжигая.
Мысль ее, сну подобно, за ним неслась неприметно.

А герои меж тем в тревоге ушли за ограду,
Гнева Эета страшась. Халкиопа домой поспешила;
С нею пошли сыновья, а Медея к себе удалилась.
Душу ее волновало много того, что обычно
Чувства любви возбуждают. Все у нее перед взором
Вновь и вновь представлялось. Сам он, каким он тогда был,
Как был одет, и что говорил, и как восседал он,
И как вышел он из дверей. Волнуясь, решила,
Что такого другого нельзя найти во всем мире.
Голос его все время в ушах у нее раздавался
И благозвучные речи, которые им произнес он.
И страшится она, что будет погублен быками
Или Эетом самим, и плачет, словно над мертвым.
От заботы и от мучительной жалости капли
Нежные слез по девичьим щекам струились обильно.
Слезы тихо лились, и вслух она говорила:
«О, почему эта скорбь завладела мною, несчастной?
Если погибнет он из героев лучшим иль худшим,
Пусть умирает! Ах, если бы мог невредимым остаться!
Пусть, Персеида* владычица, с ним ничего не случится!
Пусть вернется домой, избегнув смерти ужасной!
Если ему суждено от быков этих страшных погибнуть,

Пусть узнает заране — несчастье его мне не в радость!»
Так в заботах своих металась бедная мыслью.
А герои, мимо пройдя и толпу и столицу,

Вновь на прежний путь, которым пришли, возвратились.
Тут к Ясону Арг обратился с такими словами:
«Будешь бранить, Эсонид, за совет, предложенный мною?
Все же в беде не пристало всякой гнушаться попытки.
Сам ты слыхал от меня о некой девице и раньше,
Сведущей по наставлениям Персеиды Гекаты
В чарах. Если мы сможем ее убедить, полагаю,
Страх поражения вовсе покинет борца. Но немало
Я опасаюсь, что мать нам в этом помочь не захочет.
Все же готов я вернуться домой и с ней повстречаться.
Ведь нависает над нами всеми общая гибель».
Так он разумно сказал. Ясон же ответил немедля:
«Друг мой! Не возражаю, если тебе так угодно.
Дома, назад воротясь, попробуй разумною речью
Мать убедить. Но тщетною нам остается надежда,
Если победу с возвратом в отчизну возложим на женщин».
Молвив, он замолчал. К болоту пришли они быстро.
Радостно стали товарищи спрашивать их, подошедших.
Всем им грустно Ясон такое вымолвил слово:
«О друзья! Направлен на нас гнев злого Эета.
Но коли я рассказывать буду в подробностях или
Спрашивать станете вы, то конца никогда не найти нам.
Он нам сказал, что в долине Ареса находится пара
Медноногих быков, изо рта выдыхающих пламя.
Четырехдольное поле на них вспахать приказал он:

Семя он даст из змеиных зубов. Из семени выйдут
Землеродные в медных доспехах. Тогда ж до заката
Нужно их истребить. И вот, ничего не придумав
Лучшего, дал я согласие выйти на подвиг подобный».
Так говорил он. И всем показался подвиг напрасным.

Долго в общем молчании все друг на друга смотрели,
Горем неисцелимым охвачены. С духом собрался
Первым Пелей и сказал, обращаясь ко всем аргонавтам:
«Время подумать, что сделаем мы. Я совсем не надеюсь,
Что окажется наш совет полезнее силы рук.
Если ж, герой Эсонид, ты запрячь и вправду намерен
Этих Эета быков и готов устремиться на подвиг,
То приготовься слово свое, конечно, исполнить.
Если твоя душа не склоняется к храбрым поступкам,
Сам не спеши отправляться и из героев другого
Не выбирай взамен. Такого снести не могу я —
Самым ужасным горем тут смерть неизбежная будет».
Молвил так Эакид. Возбудилась душа Теламона.
Быстро он поднялся, и следом Ид горделивый
Встал, потом сыновья Тиндарея. За ними поднялся
Сын Ойнея[*], среди молодых считавшийся равным,
Хоть и не обросли пушком еще нежные щеки;
Дух возбуждался в нем мощью подобной. Все остальные,
Им уступив, хранили молчанье. Первым сын Фрикса
Слово такое сказал, обратясь к готовым на подвиг:

«Это пока оставим, друзья. Я думаю все же,
Что полезна будет для нас моей матери помощь.
А потому, хоть вы и полны отваги, останьтесь
У корабля ненадолго, как прежде. Лучше сдержаться,
Чем, себя не щадя, принять недостойную гибель.
Некая девушка есть у нас в покоях Эета,
Научена от богини Гекаты умению ведать
Зелья, какие земля и струистые воды рождают.
Ими смягчает она огня неустанное пламя,
Рокот текущих вод легко успокоить умеет,
Путь перекрыть светил и луны дороги святые.
Вспомнил я про нее, из дома сюда направляясь.
Мать моя — ей сестра и смогла бы, я полагаю,
Ей внушить, что нужно помочь нам в борьбе предстоящей.
Если и вам по сердцу такое, я не колеблясь
В сей же час обратно пойду в хоромы Эета

Сделать попытку. Ведь с помощью бога попробовать стоит».
Так говорил. А боги им подали знак благосклонно.
Вдруг, от ястреба сильного в страхе голубка спасаясь,
Сверху упала, вся трепеща, на грудь Эсонида.
Ястреб же рухнул на верх кормы. И Мопс не замедлил,
Волю толкуя богов, такое вымолвить слово:
«Вам, друзья, это знаменье боги свыше послали.
Лучше иначе никак его объяснить невозможно.
Следует вам, как угодно, речами склонить ту девицу.

Кажется мне, что она не откажет такому прошенью,
Если верно Финей предсказал, что путь наш обратный
Будет во власти богини Киприды: ведь нежная птица
Смерти своей избежала. И как в груди моей сердце
Птице той отвечает, так точно пусть и случится!
И посему, друзья, на помощь призвав Киферею,
Вы, не медля уже, доверьтесь замыслам Арга».
Так произнес, и одобрили все аргонавты, Финея
Вспомнив слова. Но вскочил неожиданно сын Афарея
Ид, негодуя ужасно*, и крикнул голосом зычным:
«Горе нам! Оказались мы с бабами в общем походе!
Это они называют помощницей нашей Киприду,
А не великую мощь Эниалия! Предпочитают,
Вместо борьбы, следить за голубками и ястребами!
Видно, сподручнее вам девиц улещать словесами».
Так восклицал он во гневе. И многие тут зашумели.
Вслух, однако, никто возразить ему не решился.
Он со злостью уселся. Тогда Ясон не сдержался.
Мысли свои подстрекая, волнуясь, так говорил он:
«Пусть отправляется Арг, корабль покинув. Угодно
Это решение всем. Давайте сами открыто
Из реки подтянем канат и привяжем на суше;
Нам не пристало таиться, словно скрываясь от битвы».
Так он сказал и сразу Арга отправил обратно,
Чтобы ему поскорее в город прийти. Остальные

У корабля по приказу Ясона подняли якорь
И, отойдя от болота, на веслах причалили к суше.
А Эет сейчас же созвал на собрание колхов,
Где и раньше они собирались поодаль от дома,
Нестерпимые козни и муки готовя минийцам.
Он обещал*, что лишь только быки растерзают героя,
Смело который взялся свершить этот подвиг тяжелый,
То на вершине холма лесистого, вырубив чащу,
Он и людей и корабль предаст огню, чтобы те, кто
Дерзкое дело замыслил, смогли покипеть в своей спеси.
Он и Эолова Фрикса, сколько бы тот ни нуждался,
Ввек бы не принял просителем в доме, хоть тот отличался
Между всеми пришельцами кротостью и благочестьем,
Если бы Зевс не послал сам вестником с неба Гермеса,
Повелевая принять Эолида к себе как родного.
Он говорил, что разбойники, даже придя в его землю,
Долго не будут жить в безопасности, если привыкли
Руки свои всегда простирать к достоянью чужому,
Тайные козни готовить и пастушьи жилища
В шумных набегах громить, уводя с собою добычу.
Также отдельно сказал про себя, что намерен особо
Фриксовых сыновей покарать. Они воротились
Вместе с оравой злонравных мужей, стремясь без помехи
Честь и власть отнять. Он слышал однажды и помнит*
Ту неприятную речь, где Гелий давал предсказанья:

Нужно ему опасаться уловок, беды и коварства
Больше всего от своих же ближайших потомков. Тогда-то
Он согласился на просьбу Фриксидов и прочь отослал их
По наказу Фрикса отца в Ахейскую землю.
Впрочем, двух своих дочерей он ничуть не боится,
Зная, что здесь не смогут они на него злоумыслить.
Даже сын Апсирт не страшен. Беда угрожает
Лишь от сынов Халкиопы. Он в ярости дал обещанье
Людям своим, что гостям небывалый дар приготовит,
И пригрозил, что будет стеречь корабль и пришельцев,

Чтобы из них ни один не ушел от заслуженной казни.
Арг между тем пришел в хоромы Эета и начал
Мать Халкиопу склонять проникновенною речью
В помощь Медею призвать. Но уже сама Халкиопа
Думала тоже об этом. Страх лишь сдерживал душу,
Как бы не отказалась сестра в девичьем испуге,
Остерегаясь отца в его погибельном гневе;
Если же и согласится, то тайну хранить вряд ли сможет.
А Медею крепкий сон* от печали избавил,
Лишь в постель она прилегла. Однако же тотчас
Сон приснился ей огорченный и начал тревожить
И обольщать. Чужеземец приснился. Свой подвиг, однако,
Начал он, не стремясь увезти руно золотое,
И не ради него приплыл он в город Эета,
А захотел ввести ее в дом свой законной супругой.

Ей казалось, что битву с быками она начинает
И завершает успешно. Родители ей заявляют,
Что ему, а не ей запрягать быков надлежало.
Ссора взаимная вспыхнула между отцом и гостями.
К ней обратились они, сказав: все будет, как скажешь.
Тут чужеземца она предпочла и родным изменила,
Тех ужасная скорбь обуяла, они закричали.
С криком сон покинул ее. Поднялась она в страхе
И оглянулась вокруг на белые стены светлицы.
Затрепетало сердце в груди, как недавно. Шептала:
«Бедная я! Как меня напугал этот сон нехороший!
Страшно мне, что прибытье героев злом обернется, —
Все же за чужеземца мое волнуется сердце.
Пусть вдали у себя на ахейской он женится девег
Мне же забота — отеческий дом и девичья доля.
Все же, бесстыдное сердце смирив, не буду пытаться
От сестры моей втайне что-нибудь делать. Быть может,
Будет она сама просить меня о подмоге,
О своих сыновьях сокрушаясь. Просьба такая
Мне бы сделала легче тоску безотрадную в сердце».
Молвила так и, снова вскочив, дверь спальни открыла.

Как была, босиком, в одном лишь хитоне, хотела
Тотчас пойти к сестре, перешла границу порога,
Но остановилась пред входом в покой Халкиопы —
Стыд ее не пускал. И она повернула обратно.

Снова решилась дальше пойти и опять отступила.
Тщетно вперед и назад ее легкие ноги носили.
Только пускалась в путь, как стыд ей сковывал поступь;
Если сдавалась стыду, то страсть побуждала к отваге;
Снова назад побежала и снова упала на ложе.
Так молодая жена* о муже достойном рыдает
В спальне, а он, ее взяв у родителей или у братьев,
Смерть нежданную ныне нашел, и они не успели
Мысли друг друга узнать и оба утешиться ими:
Горем сердце терзая, рыдает она втихомолку,
Глядя на вдовье ложе, своих служанок боится
Из-за стыда по рассудку, сидит и тоскует,
Чтоб не могли судачить о ней насмешницы злые.
Ей подобно слезы Медея лила. Но внезапно
Плач услыхала идущая мимо одна из служанок,
Та, что с детских лет при ней всегда пребывала,
И Халкиопе тотчас сказала. А та с сыновьями
Вместе сидела и думала, как сестру упросить ей.
Эту нежданную весть услыхав от служанки, вскочила
Халкиопа и сразу поверила ей с удивленьем.
Бросилась в спальню она, где в печали Медея лежала,
Щеки в кровь расцарапав. Как только сестра увидала,
Что глаза ее слез полны, подошла и сказала:
«Горе мне, о Медея! Зачем ты льешь эти слезы?
Что случилось? Какая ужасная скорбь посетила

Душу твою? Иль напал недуг нестерпимый, что боги
Нам посылают? Или узнала о страшной угрозе
Против меня и детей от отца? О, пусть бы не видеть
Мне никогда ни отцовского дома, ни нашего града, —
Жить бы мне в дальнем краю, где никто о Колхиде не

знает».
Так говорила. А щеки Медеи румянцем покрылись.
Долго девичий стыд ей мешал, но хотелось ответить.
То на край языка слова у нее поднимались,
То обратно глубоко в грудь опять улетали,
Часто с губ прелестных готовы были сорваться,
Но оставались беззвучны. И вот говорить она стала,
Все же лукавя, любовь отважная правила ею:
«За твоих сыновей, Халкиопа, тревожится сердце.
Как бы отец наш их не сгубил с иноземцами вместе.
Только что нынче, когда я уснула, такие мне снились
Страшные сны! Пусть бог не даст им сделаться явью!
Пусть о детях злая печаль тебя не тревожит!»
Молвила так, сестру проверяя, быть может, сама та
Первой начнет умолять прийти ее детям на помощь.
Боль нестерпимая сердце у той поразила от страха
При таких словах, и она отвечала Медее:
«Я и сама пришла к тебе с такою же думой;
Ты, быть может, придумаешь что и помощь окажешь?
Но поклянись и Ураном и Геею, все, что скажу я,
В сердце своем удержать и мне во всем покориться.

Ради блаженных богов, тебя самой и родных всех
Я молю: не дай их увидеть бесславно погибших!
Буду иначе тебе я суровой Эринией вечно».
Так сказала, и вмиг полились обильные слезы.
Сжав колени Медеи обеими снизу руками,
Голову ей на грудь сестра опустила, и обе
Начали жалобный плач одна за другою, и слабый
Отзвук в доме пронесся, как отклик рыданий обеих.
Первой Медея к сестре огорченной так обратилась:
«Бедная! Что за средство могу я тебе приготовить?
Что говоришь про Эринию и о проклятьях жестоких?
О, когда бы детей твоих было спасти мне по силам!
Ведает гордая клятва[*] колхидян, которой поклясться
Ты меня заставляешь, Уран великий и Гея,
Навзничь лежащая матерь богов: сколько силы найдется

У меня, в поддержке тебе не придется нуждаться».
Молвила. А Халкиопа в ответ ей такое сказала:
«А чужеземцу тому, который в опасности тоже,
Ты не решишься ль помочь уловкою или советом
В схватке его за моих сыновей? От него с порученьем
Прибыл Арг, чтобы я попросила тебя о подмоге.
Дома я задержала его, сюда направляясь».
Так говорила. Сердце Медеи открылось для счастья.
Сразу нежная кожа зарделась. Тайная радость
Очи туманом окутала, и она отвечала:

«Чтобы вам приятно стало, сестра дорогая,
Так я и сделаю. Пусть заря мне сиять перестанет,
Пусть меня средь живых ты будешь видеть недолго,
Если я предпочту что-нибудь тебе с сыновьями!
Братья они для меня, и сверстники, и родные.
Ведь и себя я считаю твоей и сестрою и дочкой.
Так же их и меня кормила ты грудью своею,
Крошкой когда я была, так мать моя говорила.
Ну, иди! И услугу мою скрывай под безмолвьем,
Чтобы родители не заметили, что мы готовим.
Утром отправлюсь я в храм Гекаты. Волшебное зелье
Для быков принесу тому чужеземцу, который
Стал виновником этой ссоры в городе нашем».
Тут Халкиопа из спальни ушла и детям про помощь,
Что обещала Медея, сказала. А ту охватил вновь
Стыд и страх цепенящий, когда одна очутилась, —
Страх, что волю отца преступает для этого мужа.
Вскоре ночь на землю сошла. И искали во мраке
Неба все мореходы Гелику и звезд Ориона,
А сухопутник и воин о ласковом сне помышляют.
Даже страдалица мать усопших детей засыпала.
Лай собак не был слышен по городу. Смолк говор шумный.
Ночь непроглядную всюду молчание крепко держало.
Лишь одной Медеи сладостный сон не касался.
Много забот у нее пробуждала любовь к Эсониду.

Мощная сила быков ужасала ее, от которой

Мог он пасть на Аресовом поле постыдною смертью.
Жалость слезы ручьем у нее исторгала. Все время
Боль удручала, огнем проникая по телу, до тонких
Жилок, входя в горячую голову вплоть до затылка,
Где обычно гнездится печаль неустанная, если
В сердце живое любовь нестерпимые муки вонзает.
Сердце в груди у нее трепетало и билось прыжками.
Солнечное пятно так скачет* по комнатам дома,
Из сосуда с водой взлетая лучом отраженным,
Иль из ведра с молоком, что вносят в дом через сени.
В вихре стремительный луч то сюда, то туда убегает.
Так в девичьей груди трепетало пылкое сердце.
То про себя говорила*, что волшебное зелье
Даст, то твердила, не даст, но сама уже лучше погибнет,
То восклицала, что, нет, не умрет и зелья не выдаст,
Но несчастье свое спокойно выдерживать будет.
Сидя в раздумье на ложе, затем сказала такое:
«О несчастная! Быть мне в той беде или в этой!
Ум мой в полном бессилии! Выхода нет из мучений!
Жжет непрестанно страданье! Лучше б мне раньше погибнуть
От Артемиды стремительных стрел*, вонзившихся в сердце,
Раньше, чем я увидала его, и раньше, чем дети
Халкиопы сестры в Ахейскую отбыли землю.
Бог ли какой-то, Эриния ли привели на погибель
К нам оттуда этих людей для слезных печалей?

В битве пускай он погибнет, коль смерть принять ему нужно
Здесь на ниве у нас! Ведь как я смогу приготовить
Зелье ему тайком от родных? Что можно сказать им?
Хитрость какая, лукавая мысль какая помогут?

Может быть, стоит мне с ним одним, без друзей, повидаться?
Как я несчастна! И если он вдруг погибнет, не станет
Легче горе мое. Он станет моею бедою
Сразу, как дух испустит. Но что же? Пусть стыд пропадает!
Пусть пропадает вся радость жизни! Спасенный моею
Волей, пусть он уйдет невредимым, куда сам захочет.
Я же в тот самый миг, как только он труд свой окончит,
Смерть найду или дома, накинувши петлю на шею,
Или себе приготовив яд, сокрушающий душу.
Но ведь погибшей вослед начнут раздаваться насмешки,
Целый город повсюду начнет кричать о моем злополучье,
Колхидянки все из уст в уста друг за другом
Про позор мой станут злословить: «Она-де погибла,
О человеке печалясь чужом! Она посрамила
Дом и родителей милых в угоду страсти безумной».
Есть ли гнусность какая, что меня не коснется?
Горе мне! Для меня гораздо было бы лучше
Этой самой ночью в спальне с жизнью расстаться,
Всяких низких толков избегнув внезапною смертью».
Молвила и к ларцу подошла поспешно, в котором
Зелий много хранилось, полезных и вредных. Схватила

Эту шкатулку, и села, и, положив на колени,
Стала рыдать без умолку, грудь орошая слезами.
Слезы потоком лились, о своей она плакала доле.
Смертные зелья себе она отобрать захотела,
Мысля тотчас отведать. Была уж готова шкатулку
Освободить от ремней. Но внезапно ужас нещадный
Перед Аидом свирепым в недужную душу ворвался.
Долго безмолвно сидела она. Пред ней проносились
Радости жизни отрадные. Вспомнились все те забавы,
Что доступны бывают одним лишь на свете живущим.
Солнца луч повидать показалось приятней, чем прежде,
Если разумно она обо всем рассуждала отдельно.
И поспешно с колен шкатулку она убирает.
Это внушила ей Гера, и тотчас ее перестали

Мучить сомнения. Ей захотелось скорее дождаться
Утра, чтобы отдать чужеземцу волшебные зелья.
Прямо в руки из рук и лицом к лицу повстречаться.
Часто она засовы своих дверей отпирала,
Глядя, не брезжит ли свет. Наконец желанное утро
Стало светать, и в городе сразу вскипело движенье.
Арг велел своим братьям пока оставаться на месте
И следить, что решила и как поступит Медея,
Сам же от дома ушел далеко, к кораблю поспешая.
Девушка, лишь увидела свет* наступившего утра,
Русые кудри руками обеими с плеч подобрала,

Ибо они растрепались у ней и небрежно свисали,
Жаркие щеки чуть охладив, благовонною мазью
Тело натерла кругом и пеплос красивый надела —
Он на булавках искусно изогнутых прочно держался,
Голову милую скрыла блестящим она покрывалом.
Так нарядясь, по комнате взад и вперед походила,
Чтобы забыть о печалях, которые волей всевышних
Ей предстали уже, и тех, что еще предстояли.
Вслед за тем созвала служанок — их было двенадцать
Сверстниц, спали они перед спальней ее благовонной,
И ни одна не делила еще с мужчиною ложе.
Им приказала она запрячь в повозку ей мулов,
Чтобы доехать в храм прекрасной богини Гекаты.
Сразу служанки пошли снаряжать Медее повозку.
А она из шкатулки узорной зелье достала.
Как говорят, оно Прометеевым* зельем зовется.
Если кто, Мудрой, Единородной понравясь богине,
В жертвах ее ночных, увлажнит свое тело тем зельем,
Станет он тогда недоступен ударам металла,
Перед горящим не дрогнет огнем, но мощью и силой
Будет в наставший день отмечен превыше иного.
Вырос этот цветок оттого, что упали на землю
Капли божественной крови того Прометея страдальца,
Тело которого рвал на куски орел сыроядный.

Ростом в локоть растет цветок по склонам Кавказским,

На корикийский шафран похожий яркостью цвета.
Вверх он тянулся двумя стеблями, в земле залегая
Корнем глубоким, подобным куску кровавого мяса.
Сок его, сходный с темным соком горного дуба,
В ракушку с Каспия* быстро Медея для колдовского
Зелья отжала. В воде постоянно текущей умылась,
Семь раз и семь раз призвала* Бримо, молодежи опору,
Мертвых царицу Бримо* подземную, только лишь ночью
В темных покоях бродящую в мраке ночном непроглядном.
Черная с ревом ужасным земля содрогнулась, лишь только
От цветка отторгнут был корень. Сам Иапетов
Сын застонал, не выдержав сердцем тягостной боли.
Корень тот взяв, Медея вложила его в благовонный
Пояс, который дивную грудь поддерживал снизу.
Выйдя из храма, на быструю сразу вступила повозку.
Две служанки взошли и встали справа и слева.
Вожжи и кнут* превосходной работы взяла она в руку
Правую и понеслась по городу. Двое служанок
Вместе с ней на повозке стояли справа и слева,
А остальные сзади бежали, держась за повозку
Вдоль по широкой дороге. Надетые вольно хитоны
Девушек бились у ног, до белых бедр воздымаясь.
Именно так Летоида богиня после купанья
В струях Амниса* реки или в теплых Парфения водах,
На золотую свою взойдя колесницу, несется.

Мчат ее быстроногие лани по горным дорогам
Издалека, чтоб вкусить от жертвы, дымящейся жиром;
Следом мчатся спутницы нимфы; одни собираясь
От Амниса реки, другие — покинувши рощи,
Где под холмами плещут ключи, а дикие звери
С визгом машут хвостами, пугаясь ловчей богини.
Так они неслись через город, а встречные люди

Им уступали дорогу, боясь царевнина взгляда.
А когда хорошо проведенные улицы града
Сзади остались, равнину пройдя и подъехавши к храму,
Быстро спустилась она с повозки на крепких колесах,
Наземь сошла и такое служанкам промолвила слово:
«Милые, я допустила большую ошибку, не зная,
Что общаться нельзя* нам с теми, кто издали прибыл
В нашу страну. Теперь весь город охвачен смятеньем —
Вот почему ни одна из женщин сюда не явилась,
Прежде которые здесь, что ни день, всегда собирались.
Ну, а раз мы пришли и нет никого посторонних,
Сердце давайте насытим как следует песней приятной.
В мягкой траве наберем побольше цветов ароматных,
После же в добрый час обратно воротимся к дому.
Можете вы сегодня домой воротиться с немалой
Пользою, ежели вам мой замысел будет угоден.
Арг речами меня убеждает, а с ним Халкиопа
(Вам я об этом скажу, а вы неотступно следите,

Чтобы до слуха отца не дошло ни одно мое слово) —
Оба они мне велят того чужеземца, кто принял
Наших быков на себя, спасти в его гибельном деле,
Дар от него получив. Мне нравится замысел этот.
Я ему одному сюда приказала явиться
Без товарищей, с тем чтобы мы меж собой обменялись
Теми дарами. Приму его дар и в обмен ему выдам
Зелье опасное. Коли придет он, вы отойдите!»
Так говорила, и всем понравился замысел хитрый.
А Эсонида меж тем отвел от товарищей прочих
Арг, как только от братьев узнал о Медее, ушедшей
Рано утром в священный храм богини Гекаты.
Через равнину повел он Ясона, сопутствуем Мопсом,
Сыном Ампика, который умел толковать появленье
Встречных птиц и знал, как советы давать на дорогу.
Ни единый красавец* не мог с Ясоном сравниться
Ни из Зевсова рода, ни из прочих героев,

Кто был рожден из плоти и крови великих бессмертных.
Сделала облик такой ему супруга Зевеса.
Был таков он на вид и таков для важной беседы,
И, смотря на него, товарищи диву дивились,
Столь он сиял красотой. И в пути веселился
Сын Ампика, который о всем подумал заране.
Есть по дороге в долине, совсем недалеко от храма,
Тополь темный один, густою листвою покрытый.

Часто сидели на нем вороны, каркая громко.
Вдруг одна внезапно захлопала крыльями, сидя
Где-то в ветвях высоко и крикнула слово от Геры:
«Тот бесславен пророк[*], который постигнуть не может
То, что ведомо детям. Вовек никогда б не дерзнула
Девушка нежное слово юноше ласково молвить,
Если с ним идут какие-то люди другие.
Прочь ступай, злопророк, злосоветник! Тебя ни Киприда,
Ни Эроты кроткие не окрыляют любовью!»
Молвила так, издеваясь. Мопс рассмеялся, услышав
Голос птицы, внушенный богами. Ясону сказал он:
«Ты направляйся к храму богини, найдешь там девицу,
Друг Эсонид! Она по внушенью царицы Киприды
Нежной подругою станет, в трудах помощницей будет,
Как уже раньше сказал тебе Финей Агенорид.
Мы же, я и Арг, будем ждать, пока ты возвратишься,
Здесь в этом месте вдвоем. Ты только единое помни:
Первым ее умоляй, убеждая разумною речью».
Так умно он сказал, и тотчас они согласились.
Сердце Медеи, хоть пела она, к иному склонялось.
Песни все, какими она отвлекалась, недолго
Нравились ей; в смятенье она всякий раз умолкала.
Очи ее не хотели смотреть на девушек рядом,
Лик и взор обращала она на дальние тропы.
Часто сердце в груди у нее разрывалось, лишь только

Слышался шум шагов или звук перелетного ветра.
Тут-то Ясон перед ней, ожиданьем томимой, явился
Быстро идущий, словно Сириус* из Океана
Всходит, который на вид для всех прекрасен и светел,
Но несказанные беды на коз и овец навлекает.
Столь же прекрасный на вид Эсонид предстал пред Медеей.
Но приход его тревогу в Медеевом сердце
Вдруг возбудил. И сердце, ей показалось,
Выпало из груди, и сразу в глазах потемнело,
Щеки зарозовелись у ней горячим румянцем,
Сил не хватало колени вперед иль назад передвинуть.
Обе застыли ступни. А меж тем двенадцать служанок
Прочь от нее отошли и там в отдаленье столпились.
Оба, Ясон и Медея, долго безмолвно стояли,
Или высоким дубам, иль стройным соснам подобны.
%5 Эти деревья в горах коренятся спокойно, недвижно
В пору безветрия, но порывом задетые ветра,
Вдруг зашумят, непрерывно качаясь. Так же обоим
Много слов предстояло сказать под дыханьем Эрота.
Понял Ясон, что по воле богов беду она видит,
И, молчанье прервав, ей молвил слово такое:
«Девушка, зачем ты боишься меня? Здесь один я.
Я непохож на других мужчин, непомерно хвастливых.
Не был и прежде таким в моей любезной отчизне.
Девушка! Вот потому и не бойся меня; нет помехи

Ни расспросить о чем хочешь, ни сказать что угодно.
А уж если пришли мы сюда из приязни друг к другу
В это священное место, не с тем, чтоб другим заниматься,
Прямо со мной говори и спрашивай, только не льсти мне
Ласковой речью, коль скоро ты дала обещанье
Милой своей сестре отдать мне столь нужное зелье.
Ради Гекаты, родителей ради и ради Зевеса,
Руку который простер над просителем и иноземцем.
Я сюда пришел просителем и чужеземцем,
Чтоб умолять в насущной нужде. Без помощи этой

Я не смогу никогда победить в мучительной схватке.
После же я окажу тебе благодарность за помощь,
Как повелось, как принято меж далеко живущих.
Доброе имя и славу тебе я создам, остальные
Все герои прославят тебя, как только вернутся.
Матери их и жены прославят, которые ныне
Плачут горько о нас, на морских побережьях тоскуя,
Ибо одна только ты их жестокие муки рассеешь.
Так однажды Тесея спасла* от гибели страшной
Миноса дочь Ариадна, явив благосклонную помощь.
Матерью ей была Пасифая, дочь Гелия бога.
Как только Миносов гнев прошел, она за Тесеем
На корабле отчизну покинула. Деву любили
Сами бессмертные боги, и в середине Эфира
Памятник ей возвели. Несет венок этот звездный

Славное имя венка Ариадны. В течение ночи
Не устает он вращаться среди небесных собратьев.
Так и тебя будет ждать за спасенье награда
Ради достойных мужей. Ведь обликом и красотою
Ты похожа на тех, кто доброй душою украшен».
Так он молвил, ее прославляя. Потупивши очи,
Нежно ему улыбнулась она. Восторг согревает
Душу; от похвалы воспрянув, она на Ясона
Смотрит, все никак не решится начать с ним беседу,
Так как хочется ей обо всем ему сразу поведать.
Просто она взяла из душистого пояса зелье;
Тотчас счастливый Ясон протянул к нему радостно руки.
А она из груди готова извлечь свою душу
И, восхищаясь, отдать, если он того пожелает, —
Так сверкал Эрот над русой главою Ясона
Пламенем страстным и похищал в мгновенье умело
Девичьи взоры. В груди Медеи душа растекалась.
Точно так роса в лепестках распустившейся розы
Каплями тает с зарей, согретая солнца лучами.
Оба они, смущаясь, то вниз глаза опускали,
То опять друг на друга снова взоры бросали

Из-под светлых бровей, расточая отрадно улыбки.
Но под конец, уста разомкнув, сказала Медея:
«Слушай меня и пойми, в чем будет тебе моя помощь.
Только появишься ты, мой отец передаст тебе в руки

Страшные зубы из челюстей змея, чтоб в землю посеять.
Ты тогда обожди, дождись полуночного часа,
Тело омой в потоках воды, неустанно текущих,
Темный плащ накинь и один, без товарищей прочих,
Круглую выкопай яму и в ней зарежь ты овечку.*
Тушку ее расчленив, сложи ее там не для яства;
Тщательно все собрав, возложи на костер для сожженья
И вознеси мольбы к Персеиде, богине Гекате,
Единородной, ульев пчелиных труды возливая.
После, когда, помянув богиню, к себе ее склонишь,
Быстро прочь поспешай от костра. Назад обернуться
Пусть не заставит тебя ни шум внезапного шага,
Ни собачий лай, чтоб этим все не испортить
И вернуться потом к друзьям своим в виде пристойном.
Утром, зелье мое увлажнив, обнаженное тело,
Словно мазью, до блеска натри. И тотчас наполнит
Крайная сила тебя и великая мощь, и захочешь
Молвить, что не с людьми, а с самими сравнялся богами.
Этим зельем намажь и меч, и копье, и широкий
Щит — тогда тебя не сразит никакое оружье
Землерожденных мужей и пламя тебя не настигнет
Неустрашимое страшных быков. Но недолго так будет —
Только этот единый день. Но от схватки не думай
Ты отказаться. Еще один я поведаю способ.
После того как могучих быков запряжешь и пропашешь

Быстро сильной своей рукой всю твердую ниву,
И когда по черным глыбам засеяны будут
Зубы дракона, расти в бороздах начнут великаны.
Как заметишь, что их поднялось уже много на ниве,
Скрытно камень подбрось покрупней. Они из-за камня,

Словно хриплые псы из-за кости, друг друга погубят, —
Сам тогда поспеши ввязаться в зловещую битву.
Так поступая, руно золотое ты сможешь в Элладу
Взять из нашей страны и с собой увезти куда хочешь;
Где угодно тебе и приятно, туда и отправься».
Молвила так и, умолкнув, очи к земле опустила.
Щеки ее омочили обильные теплые слезы, —
Горько ей стало от мысли, что должен он столько скитаться.
Силы собравши, она ему молвит печальное слово,
Правой касаясь руки, подымая смущенные очи:
«Помни, когда придется назад домой возвратиться,
Имя Медеи! А я о тебе, где бы ты ни случился,
Буду помнить всегда. Теперь прошу, расскажи мне,
Где ты живешь и отсюда куда помчишься по морю
На корабле? Поплывешь ли к богатому ты Орхомену?
Или останешься здесь, возле острова Эи? О деве
Славной ты говорил и сказал, она дочь Пасифаи;
Молви о ней, родная сестра ведь отца Пасифая».
Так говорила. При виде девичьих слез на Ясона
Вдруг низошла безоглядная страсть. И он ей ответил:

«Я убежден, никогда, ни ночью, ни днем, не забуду
Я о тебе, грозной смерти избегнув, коль вправду отсюда
Я невредимым в Ахею уйду и если работы
Новой владыка Эет не потребует более тяжкой.
Если угодно узнать тебе про родину нашу,
Я расскажу: меня и душа к тому побуждает.
Некая есть страна далеко среди гор высочайших.
В ней изобилие пастбищ прекрасных и стад. Породил там
Иапетид* Прометей превосходного Девкалиона.
Первым тот заложил города и храмы воздвигнул
Для бессмертных богов и над людьми воцарился.
Все соседи Гемонией эту страну прозывают.
Мой там город Иолк, и других городов там немало,
Где даже имени острова Эи совсем не слыхали.
Молвят, что Миний, Эола сын, оттуда ушедший,

Наш Орхомен основал недалеко от славной Кадмеи...
Но зачем говорю я про все такое напрасно —
Об отчизне, об Ариадне, прославленной всеми,
Дочери Миноса? Светлым именем девушку эту
Милую так называют. О ней ты меня вопрошаешь?
Пусть бы как Минос тогда решил сговориться с Тесеем
Об Ариадне, отец твой был бы к нам милосерден!»
Так говорил, чарующей речью ее обольщая.
У нее в груди волновалось муками сердце.
Грустно взглянула она на Ясона и так отвечала:

«Вашей Элладе пристало заботиться о договорах.
Средь людей Эет не такой, каким по рассказу
Был супруг Пасифаи Минос, и на Ариадну
Я не похожа. Про радушье отца ты не думай!
Ты лишь припомни меня, когда Иолка достигнешь,
Я ж о тебе буду помнить и против родительской воли.
Пусть дойдет до меня издалека молва ли какая,
Или птица-вещунья, когда обо мне позабудешь,
Или меня саму помчат через дальнее море
Быстрые ветры туда, в Иолк, отсюда похитив,
Чтобы, представ пред тобою, в глаза я тебя упрекнула,
Вспомнить заставив, что только мной ты спасен оказался.
О, когда бы и впрямь я в доме твоем пригостилась».
Так сказала она, и щеки ее оросились,
Горькие слезы по ним потекли. Ясон же ответил:
«Странная ты! Предоставь скитаться вихрям напрасным,
Как и птицам-вещуньям! Ведь ты пустое болтаешь.
Если ты в наши дома и в страну Элладу прибудешь,
Станешь меж жен и мужей всегда в почете великом.
Словно к богине начнут они к тебе относиться,
Ибо по воле твоей у одних сыновья воротились
С края земли, у других — мужья, родные и братья
В цвете сильных лет спасены от бедствия злого.
Ты мое ложе в супружеской спальне со мною разделишь,
И ничто не будет разлукой в любви, кроме смерти,

Смерти одной неизбежной дано разлучить нас обоих».
Так он сказал. От вести такой ее таяло сердце.
Все же страшилась она дела несомненные видеть.
Скоро ей, бедной, пришлось согласиться уехать в Элладу.
Гера задумала так*, чтоб в священные стены Иолка,
Эю, отчизну свою, покинув, явилась Медея
Пелию на несчастье, сама того не предвидя.
Вот уже стали служанки, издали глядя за ними,
Молча от скуки томиться. Время дневное кончалось.
Нужно ведь девушке в дом возвращаться к матери милой.
Но об этом не вспоминала она. Душа ее грелась
Как его обликом, так и нежными всеми словами.
Но наконец Эсонид осторожно промолвить решился:
«Нам пора разойтись, чтобы успеть по домам до заката,
Прежде чем кто-нибудь из посторонних нас сможет заметить.
Мы же с тобою сюда придем и свидимся снова».
Так друг друга они проверяли речью любовной.
Вслед за тем разошлись. Герой Эсонид, всеконечно
Радостный, к спутникам и к кораблю поспешил возвратиться.
А она к служанкам пошла. Торопливо навстречу
Бросились девушки к ней. Медея на них не смотрела.
Время забыв, душа у нее в поднебесье парила.
Не замечая она ничего, занесла быстро ногу
И вступила на повозку свою*, взяв прочные вожжи
В руку одну, а в другую бич искусной работы,

Мулов чтоб подгонять. И мулы со всеми спешили,
К дому стремясь. Ее возвращенья ждала Халкиопа,
За сыновей опасаясь, расспрашивать стала Медею.
Та же, в мыслях витая, совсем сестре не внимала
И на расспросы ее ничего отвечать не хотела.
Рядом с ложем, внизу, она села на малой скамейке*,
Набок склонясь и щеку левой рукой подпирая.
Полные слез глаза в ресницах влажных смотрели

С мыслью, в сколь страшном деле участвовать стала советом.
А Эсонид, повстречавши друзей в том месте, откуда
Он от них ушел и ждать себя приказал им,
С ними теперь обратно пошел, обо всем повествуя.
Вместе они к кораблю подошли, где спутники ждали.
Те их ласково встретили, тотчас расспрашивать стали.
Он им все рассказал о замыслах девушки этой
И показал ее снадобье грозное. Ид в отдаленье[*],
Гневом терзаем, один сидел. А все остальные
Радостно делом своим занялись. Тогда было поздно
В мраке ночном что-нибудь начинать. Поутру же скорее
Двух человек послали к Эету пойти за посевом.
Был один из них Теламон, любимец Ареса,
А второй — Эфалид, знаменитый отпрыск Гермеса.
Оба отправились в путь. Не была им тщетна дорога —
Дал посланцам Эет для подвига страшные зубы
Аонийского змея.[*] Его в Огигее Фиванской

Некогда Кадм поразил, в ту пору как шел за Европой.
Змей этот страшный был стражем источника бога Ареса.
Там, идя за коровой, которую дал провожатой
Сам Аполлон ему в прорицании, Кадм поселился.
Зубы же Тритонида богиня, из челюстей вынув,
В дар Эету дала, а часть досталась убийце.
Кадм зубами засеял поля Аонийской долины
И поселил там Агенорид тот народ землеродный,
Сколько осталось в живых от копья после жатвы Ареса.
Дал охотно Эет аргонавтам змеиные зубы —
Он считал, что Ясон не осилит свое испытанье,
Даже если ярмо на быков наложить он сумеет.
Солнце вдали между тем погружалось в мрачную землю
Мимо самых крайних вершин эфирпов вечерних.
Ночь уже наложила ярмо на коней. А герои
Стали готовить себе постель на земле у причалов.
Сразу Ясон, лишь Гелики-Медведицы яркие звезды

Книзу склонились, и с неба спокойный Эфир разливался,
Тайному вору подобно*, пошел в пустынное место,
Взяв с собой все, что нужно; он днем еще приготовил.
Арг из стада овцу привел и принес молоко с ней.
Прочее все Ясон забрал с корабельного борта.
Он увидел место вдали, в стороне от дороги, —
Между чистых низких лугов оно расстилалось.
В струях священной реки омыл он нежное тело

Тщательною рукой и в темный плащ обернулся.
Этот плащ когда-то ему дала Гипсипила
С Лемноса в памятный дар об их любовном союзе.
После яму он вырыл в земле глубиной в один локоть,
Дров в нее наложил и горло овце перерезал.
Сверху овцу распластав, огнем запалил он поленья.
После, свершив возлияния, медом полил он жертву,
Для борьбы на подмогу Гекату Бримо вызывая.
С тем он обратно пошел, богиню призвав. На призванье
Встала из глубины богиня страшная к жертвам
Сына Эсона. Вокруг обвивались черные змеи
С ветвями дуба. Вспыхнули факелы пламенем ярым;
Лаем жутким везде подземные псы отозвались.
Возле тропы задрожала трава. Болотные нимфы
Взвыли, нимфы, которые возле реки и в низинах
Амарантского Фасиса вечно ведут хороводы.
Страх охватил Эсонида. Вперед несли его ноги,
Не позволяя назад оглянуться, пока не пришел он
Снова к спящим друзьям. А уж над снежным Кавказом
Утром рожденная Эос, вставая, свет разливала.
Вот тогда-то Эет облачается панцирем твердым.
В дар он его получил от Ареса, снявши доспехи
С мертвого тела Миманта* флегрийца, которого свергнул.
Голову шлемом прикрыл золотым с четырьмя козырьками.
Шлем сиял, как солнечный луч, взлетающий к небу,

Первым когда восстает из мрачных глубин Океана.
Поднял он тяжкий щит, обшитый плотною кожей,
Страшное поднял копье, необорное против любого
С той поры, как меж аргонавтов не стало Геракла,
Тот лишь один из всех мог выступить против Эета.
Рядом держал Фаэтон колесницу, сбитую крепко,
И быстроногих коней, ожидая всхожденья Эета.
Вот Эет взошел и принял ременные вожжи.
Быстро из города гнал он коней по широкой дороге,
Чтобы начать поединок. За ним весь люд устремлялся.
Был он как Посидон, когда на своей колеснице
Мчится бог на Истмийские игры*, или к Тенару,
Или в Лернейскую заводь, иль в сень гиантийца Онхеста,
Или в Калабрию быстрых коней своих направляет,
Иль к Гемонийской горе, иль к покрытому лесом Геросту.
Вот таким казался Эет, владыка колхидян.
А в ту пору Ясон по советам мудрой Медеи
Зелье водою смочив, свой щит им густо намазал
Вместе с крепким копьем, натер с обеих сторон меч.
Тут же друзья, его обступив, испытывать стали
Прочность оружия, но не сумели ни на немного
Это копье согнуть — напротив, в сильных ладонях
Тверже и крепче оно становилась. Сильно озлобясь,
Сын Афарея Ид по концу копья ударяет
Тяжким с размаха мечом, но лезвие вверх подскочило,

Словно молот от наковальни. И громко герои
В радости стали кричать, на успех состязанья надеясь.
Сам затем натерся Ясон. Вошла в него сила
Страшная, невыразимая, дерзкая. Сразу же руки
Вдруг могучими стали, влились в них мощь и могучесть.
Словно конь боевой*, который в битву стремится,
Землю с ржаньем копытом бьет и, гордо красуясь,
Голову вскинет свою и прядет чутко ушами, —
Так Эсонид гордился своей богатырскою силой.
То туда, то сюда он шагал, не стоя на месте,

Бронзовый щит и копье неустанно в руке сотрясая.
Тут герои решили уже не откладывать битву.
Быстро заняв места свои при уключинах судна,
Сидя один за другим, поплыли к равнине Ареса.*
А уж Эет от города был на таком расстоянье,
Сколь далеко пролегает заветная цель колеснице
На состязаньях, когда по смерти царя на поминках
Спорят между собой борцы пешком и на конях.
Здесь повстречали герои Эета и полчища колхов.
Колхи стояли уже на высоких Кавказских утесах,
Он же вдали бродил в нетерпенье по брегу речному.
Как только прочно друзья привязали на суше канаты,
Спрыгнув наземь, Ясон приготовился сразу сражаться.
Взял и щит и копье, взял бронзовый шлем свой блестящий,
Весь в торчащих клыках, а через плечо перекинул

Меч. А сам был наг и похож на бога Ареса
И не меньше подобен с мечом золотым Аполлону.
Поле кругом оглядев, ярмо для быков он заметил*
Медное, возле цельный плуг из стали надежной.
К плугу приблизясь, воткнул он копье могучее в землю,
На него надел свой шлем, сверкающий ярко,
И пошел с одним лишь щитом на поиски бычьих
Страшных следов. А быки откуда-то из незаметной
Щели подземной, где их стойло укромное было,
Скрытое прочно от всех густым и удушливым дымом,
Вдруг появились оба, пламя огня выдыхая.
Ты бы, пожалуй, сказал, так, в ненастную бурную пору
С темного неба срываясь, молния часто мелькает
В тучах, и вспышки ее мрачнейший дождь производят.
В страхе, увидев такое, все задрожали герои.
Он же уверенно встал и ждал их идущих навстречу, —
Так приморский утес в бесчисленных ветра порывах
Волны бегущие ждет, влекомые бурей ужасной.
Он держал пред собою щит. Быки, разъяряясь,
С диким мычаньем в него ударяли крутыми рогами,

Но опрокинуть никак не могли, стараясь напрасно.
Как кузнечный мех, из крепкой слаженный кожи,
То вдруг выдохнет воздух в горн, и тогда засверкает
Страшное пламя в отверстьях, а то замедлит на вдохе.
Шум порождая ужасный при каждой огненной вспышке,

Так и быки, выдыхая из пасти яркое пламя,
Гулко ревели. Ясона жар охватил нестерпимый,
Словно от молний, но зелье его защищало девичье.
Тут герой, схватив за рог стоящего справа,
Сильно его поволок, чтобы встал он скорее вплотную
К медному гнету, и быка опрокинул на землю,
Быстро по медной ноге ударив ногою. Другого
Так же сбил на колени одним могучим ударом.
Щит свой широкий на землю швырнув, перебежкой проворной
Тут и там становясь, он упасть заставил обоих
На колени передних ног, окутанный в пламя.
Мощи его изумился Эет. А меж тем Тиндариды, —
С ними так уже условлено было заране, —
Рядом встав, ярмо ему дали с земли, чтоб накинуть.
Он его быкам надел на загривки, а после
Медное плужное дышло приподнял, крючком приспособив
Прямо к ярму. Из-под огня Тиндариды обратно
Отошли к кораблю. Эсонид щитом своим длинным
Спину сзади накрыл, свой шлем, торчащий клыками,
На главу возложил, копье необорное в руки
Взял и стал им быков колоть в бока, как их колет
Между ребер стрекалом любой пеласгийский пахарь.
Плужную рукоять он двинул. Она была прочно
Закреплена и сделана вся из стали искусно.
А быки между тем непрестанно ярились и злились,

Жаркое пламя огня выдыхая. И гул поднимался,
Словно грохот встречных ветров, от которых скорее

В страхе спешат моряки убрать огромный свой парус.
Долго ли или нет, шли быки, острию повинуясь.
Вслед за ними твердая пашня в куски разлеталась,
Как от мощи быков, так от пахаря силы могучей.
Комья гудели громко по бороздам, взрезанным плугом.
Глыбы такие ломать было сверх человеческой силы.
Вслед за быками шел Ясон, ногой напирая на лемех,
И за собою кидал в проведенные борозды зубы,
Зорко глядя, чтоб злой урожай мужей землеродных
Раньше, чем надо, навстречу ему не стал устремляться.
Труд продолжали быки, опираясь на медные ноги.
Третья часть когда остается от раннего утра,
И земледельцы усталые сладкого отдыха чают, —
К этому часу пахарь Ясон вспахал уже пашню,
Четырехдольным хотя было поле. Быков он из плуга
Выпряг и их погнал в испуге бежать по долине.
Сам же обратно пошел к кораблю, пока еще видел
Борозды без мужей землеродных. Друзья обступили
И его ободряли речами. Он шлемом поспешно
Из реки зачерпнул воды, утолив свою жажду,
После легко колени согнул и сердце наполнил
Мощною силой, свирепствуя вепрю подобный, который
Точит клыки в ожиданье ловчих, и пена обильно

Из устрашающей пасти, клубясь, стекает на землю.
А уж по пашне по всей подымались колосьями к небу
Землеродные. Поле густо покрылось щетиной
Прочных щитов, двуострых копий и шлемов блестящих,
Как твердыня Ареса мужеубийцы. Сверканье,
Ввысь устремляясь, сияя сквозь воздух, достигло Олимпа.
Так бывает, когда на земле после снега густого
Ветры опять с небес разгоняют зимние тучи,
И все вместе в темной ночи являются звезды,
Вновь разливая свет среди мрака. Так точно блестели
Землеродные, из земли вырастая. Но вспомнил
Сразу Ясон хитроумный Медеи наказы благие.

Вмиг схватил он с земли огромный камень округлый,
Шар метательный страшный бога сражений Ареса.
Даже немного с земли приподнять его не могли бы
Четверо юношей крепких. А он легко его поднял
И метнул далеко в середину, высоко подпрыгнув,
Сам же за своим щитом притаился отважно.
Колхи же начали громко шуметь, как гудит, отзываясь
Меж островерхих утесов, доселе спокойное море,
Только Эет и на этот бросок оставался безмолвным.
Землеродные псам подобно, проворно скакали
Злобно вкруг камня, рыча, поражая насмерть друг друга,
И от копий своих на землю шумно валились —
Рушатся так дубы и сосны от ветра порывов.

Словно с неба звезда огневая быстро несется,
Яркий след оставляя на диво тем, кто увидел,
Как она мчится, сияя, по воздуху, полному мрака, —
Ей подобно Ясон Эсонид к землеродным понесся.
Вырвав из ножен меч, обнаженным мечом без разбора
Жатву он стал пожинать меж тех, кто сумел приподняться
Только до пояса, или до бедер явился на воздух,
Или кто вышел уже* до колен, или на ноги встали,
Или уже кто бегом устремились на дело Ареса.
Так земледелец, когда война идет у соседей,
В страхе, как бы враги урожая его не лишили,
Взяв рукой недавно отточенный серп-полумесяц,
Колос незрелый срезает поспешно, ждать не желая,
Чтобы дозрел он к хорошей поре под лучащимся солнцем.
Так подрезал Ясон землеродных колосья. Их кровью
Борозды были полны, как канавы водой ключевою.
Падали ниц одни, хватая изрытые комья
Ртом, другие — навзничь, третьи — на руки павши
Или же на бок, по виду подобные чудищам страшным.
Многие ранены были прежде, чем вырвали ноги
Из-под упорной земли и, насколько смогли приподняться,

Вновь настолько они склоняли влажное тело.
Точно так, когда Зевс посылает дождь непроглядный,
Свежие никнут побеги в саду, ломаясь под корень,
Труд садоводов; печаль и тяжкая скорбь поражают
Мужа, владельца такого участка. Подобные муки
В миг тот ужасный настигли душу владыки Эета.
В город обратной дорогой поехал он с колхами вместе,
Думой волнуемый, как скорей отпор дать героям.
День погас. Вместе с ним завершился подвиг Ясона.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Ныне, богиня, сама* – про мысли и про деянья
Девы Колхидской поведай нам, Муза, дочь Зевса! Ведь разум
Так у меня неустойчив в моем умолчанье. Не знаю,
Либо направить его на муки любви безотрадной,
Либо сказать, как она постыдно бежала от колхов.
Всю ту ночь Эет с мужами, что лучшими слыли
Между народом колхидским, обдумывал гибель героям
Быструю в доме своем. Сердясь на подвиг ужасный,
Гневом себя неустанно он распалял, угадавши,
Что деянье по воле его дочерей совершилось.
Гера же в сердце Медеи мучительный страх заронила.
Трепет ее охватил, как у лани, которая в чаще
Леса густого до дрожи напугана лаем собачьим.
Вдруг она поняла, что не скрыть от отца свою помощь
И что скоро она претерпит страданье иное.
Даже служанок-пособниц страшилась она. Ее очи
Ярким пылали огнем, в ушах постоянно звенело.
Часто к горлу она прикасалась и часто пыталась
Волосы рвать над челом, поддаваясь тягостной муке.
Тут, судьбе вопреки, Медея* – могла бы погибнуть,
Замыслы Геры нарушив и зелья лихого отведав.
Но богиня ее побудила вслед за сынами
Фрикса из дома в страхе бежать. Исцелился в Медее
Дух окрыленный. Сразу с груди сняв зелья, обратно

Стала она высыпать их в ларец. Потом целовала
Ложе, двойные двери, к стенам прикоснулась в спальне.
Вырвала прядь густую* – волос и оставила в доме
Памятью девства для матери милой. Вздыхая, сказала:

«Мать, уходя, я тебе оставляю девический локон!
Милая мать! Будь здорова ради себя и ушедшей!
Будь Халкиопа здорова и дом весь! О чужеземец,
Если бы море сгубило тебя до прибытья в Колхиду!»
Молвила так, и слезы ручьем из-под век заструились.
Словно пленница* из богатого дома, украдкой,
Пленница та, что недавно судьбой отчизны лишилась,
И хоть еще незнакома она ни с какими трудами,
Но не может никак привыкнуть к невзгодам и рабству
И в перепуге идет под тяжелую руку хозяйки, —
Девушка дивная так спешила выйти из дома.
Сами собой перед ней* открылись дверные засовы,
Двигаясь быстро в пазах, повинуясь ее заклинаньям.
Быстро бежала она босиком по улицам узким,
Левой рукою пеплос держа, до бровей прикрывший
Лоб и прекрасные щеки, а правою вверх поднимала
Нижний край хитона*, чтоб не был препятствием в беге.
Спешно по темной тропинке от башен широкой столицы
В страхе она удалялась. Никто ее не заметил
Из сторожей городских, их тайно она миновала.

Дальше решила направиться к храму дорогой знакомой, —
Часто она здесь ходила. Не раз случалось Медее
В этих местах среди мертвецов и корней вредоносных
Долго бродить, чародейкам подобно, а ныне боялась.
Вдруг Титанида богиня* Луна, восходящая в небо
С края земли, тревогу заметив ее, усмехнулась,
Возликовала и про себя сказала такое:
«Видно, не я одна* убегаю к пещере Латмийской,
И не одна я терзаюсь по Эндимиону-красавцу!
Часто до этого пряталась я, про любовь вспоминая,
Песням коварным твоим внимая, чтоб в сумерках ночи
Ты спокойно могла ворожить, свои зелья готовя.
Ныне, как вижу, тебе самой суждена эта мука:
Бог жестокий тебе Ясона дал на страданье.

Ну, ступай же! все претерпи! И поскольку умна ты,
Бремя сумей поднять печали, рождающей стоны».
Так шептала она. А Медея поспешно бежала.
Радость ее охватила, лишь берег реки увидала
И огни на той стороне. Всю ночь аргонавты
Жгли костры, веселясь победе вождя в испытаньях.
В сумерках голосом громким[*] звать она издали стала
Фронтиса, младшего из четырех наследников Фрикса.
Фронтис с братьями вместе и сын Эсона признали
Голос Медеи. Друзья остальные безмолвно дивились,
Не доверяя ушам, что действительно крик раздается.

Трижды вскричала она, и трижды ей Фронтис ответил
По приказанью друзей. И тотчас корабль отплывает
К ней на веслах проворных, к другому берегу правя.
И еще они спустить не успели причала,
Как Ясон стремительно спрыгнул с палубы наземь.
Вслед за ним и Фронтис, и Арг, два Фриксова сына,
Бросились вниз. А Медея, припав к их коленам, руками
Их обнимая, волнуясь и плача им говорила:
«Милые, будьте защитой мне, злополучной, а также
И себя самих от Эета спасите. Ведь стало
Все уже явным, и не найти никакого исхода.
На корабле нам нужно бежать, пока не взойдет он
На быстроногих коней. Я дам вам руно золотое,
Стража дракона сумев усыпить. Но ты, чужеземец,
Вновь пред друзьями своими богам повтори обещанья
Те, что давал мне тогда, что я, уйдя за тобою,
Не окажусь в тоске о родных горемыкой позорной».
Грустно так говорила. И сердце забилось Ясона.
Быстро с колен ее поднял и обнял, так утешая:
«Чудная! Зевс Олимпиец пусть сам[*] свидетелем будет
Клятвы, с ним Гера, браки хранящая, Зевса супруга!
Вступишь ты, всеконечно, в мой дом законной женою
Тотчас, как мы возвратимся обратно в землю Эллады».
Так произнес и правую руку вложил в ее руку.

Сразу Медея велела направить к священной дубраве

Быстрый корабль, чтобы там похитить руно золотое
Ночью и увезти поскорей против воли Эета.
Речь ее в дело они претворили тут же поспешно.
Ей помогли взойти на борт и корабль оттолкнули
С берега. Шумно на весла в ряд уселись герои.
А Медея, на шаг отступив, вновь к суше простерла
Руки в отчаянье. Тотчас Ясон утешать ее начал
Ласковой речью и ободрять печальную в скорби.
В час, когда поселяне дремоту от глаз отгоняют,
Ловчие мужи торопятся встать, на псов уповая,
До рассветной зари, потому что она ослабляет
Запах звериный и свежий след стирает лучами, —
В этот час Ясон и Медея на берег спустились
К лугу, травою поросшему, с именем «Ложе барана».
Там впервые баран преклонил усталые ноги,
В этот край принеся на спине Афамантова сына.
Тут же вблизи алтаря закоптелого было подножье —
Фрикс Эолид поставил его в честь Фиксия Зевса;
В жертву принес он там золотого чудо-барана —
Так Гермес повелел, спустившись к нему благосклонно.
Их вдвоем отпустили герои, вняв Арга совету.
Вот вступили они по тропе в священную рощу
В поисках мощного дуба, руно где повешено было.
С облаком было сходно оно, что при утреннем солнце
Рдеет в жарких его лучах багряным румянцем.

Около дуба вверх простер огромную шею
Змей неусыпный, глядящий очами быстрыми зорко
На идущих. Страшно шипел он, и звук раздавался
Вдоль берегов большой реки и по роще обширной.
Даже те шипение слышали, кто жили в Колхиде
Возле истоков Лика вдали от Титановой Эи.
Лик же отходит от потоков бурных Аракса,
С Фасисом воды свои сливая священные, чтобы

Стать единой рекой и влиться в Кавказское море[*].
И пробудились от ужаса матери возле младенцев, —
Дети, едва уснув у них на руках, от шипенья
Стали во сне дрожать, а матери в страхе качать их.
И, как над лесом горящим всегда начинают кружиться
Клубы несметного темного дыма и друг за другом
Быстро взвиваются к небу[*] в своем непрестанном вращенье,
Каждый клубком летя отдельно зигзагообразно, —
Так чудовище это свивалось в несметные кольца.
Змей извивался, но девушка смело пред ним предстояла,
Голосом сладким взывая[*] к помощи Сна, чтоб сильнейший
Между богами пришел усмирить свирепого змея.
И умоляла богиню ночную, подземных царицу,
Дать до конца свершить, что ею задумано было.
Следовал ей Эсонид, охваченный страхом. Прельщенный
Песней дракон понемногу стал расслаблять напряженно
Скрученный длинный хребет, выпрямляя несчетные кольца, —

Точно как в море уставшем волна, непрерывно волнуясь,
Вдруг обретает покой, лишь глухо шуметь продолжая.
Змей, однако, голову страшную ввысь подымая,
Все их стремился сдавить в челюстях, им гибель несущих.
Тут Медея, сломав можжевельника ветку[*], сбрызнув
Жидкостью, с наговором этим зельем коснулась
Глаз дракона. И сразу запах вокруг несказанный
Зелья чудесного сон причинил. Голова у дракона
Пала и наземь легла, а его несметные кольца
Через лес многоствольный вдаль за ним протянулись.
Тут Ясон руно золотое с могучего дуба
По приказу Медеи сорвал. А она, стоя рядом[*],
Зельем тереть продолжала голову змея, пока ей
Не приказал Ясон к кораблю возвращаться обратно.
Вместе вышли они из тенистой рощи Ареса.
Как в полнолуние лунный луч, под кровлю скользнувший

В спальню с высот[*] на одежду тонкую, дева хватает
И при виде прекрасного света всем сердцем ликует,
Так восторгался Ясон, руками руно обымая.
А по лицу у него и щекам в бороде светло-русой[*]
Отблеск руна представлялся сверкающим пламенем шерсти.
Сколь большой бывает вола годовалого шкура
Или лани, — Ахейской зовут ее поселяне, —
Столь же большим простиралось руно золотое, а сверху
Шерстью было покрыто густой. На пути у Ясона

Даже земля под ногами его постоянно светилась.
То на левом плече он нес руно золотое,
И оно от шеи до ног ему доходило.
То снимал, желая ощупать. Он очень боялся,
Как бы смертный иль бог не отнял руна, повстречавшись.
Эос уже просияла, когда Ясон и Медея
К лагерю вышли. Руно увидав, поразились герои.
Молниям Зевса подобно сияло оно, и невольно
Каждый с места вставал, чтобы взять или только потрогать.
Но Эсонид их всех удержал. На руно же набросил
Новый покров, на корму его положивши. Медею
Ввел он с собой[*] и с речью такой ко всем обратился:
«Ныне не медлите больше, друзья, домой возвратиться!
Ради чего мы рискнули пуститься в плаванье это,
Тяжкое столь под гнетом столь многих отчаянных бедствий, —
Все теперь свершено по замыслу девушки этой.
Я добровольно ее увожу законной женою.
Вы же все охраняйте ее, помощницу видя
Дивную в ней всей Ахейи и вашу. Насколько я знаю,
Вместе с своими людьми Эет отправится, чтобы
Нам помешать из реки спуститься в открытое море.
Пусть же одни из вас, непрестанно сменяя друг друга,
Будут на веслах грести, другая же пусть половина,

Выставив перед собою воловьи щиты, как защиту
Верную против ударов врагов, возвращенью поможет.

Ныне мы держим в руках* судьбу и отцов и отчизны,
И своих сыновей затем, что от наших поступков
Ждет Эллада, позор ли принять на себя или славу».
Молвил так и надел на себя боевые доспехи.
Криком друзья отозвались. Ясон обнажает спокойно
Меч из ножен, разрубает канат кормового причала
И на корме корабля возле девы встает при оружье
Рядом с кормчим Анкеем. Корабль под веслами несся
Что было сил. Спешили гребцы в открытое море.
А Эету надменному с прочими колхами вместе
Стали известны уже Медеи любовь и деянья.
Все в оружье на площадь они собираются. Сколько
Волн морских вздымается с натиском бурного ветра,
Сколько листьев ветвистого леса упало на землю
В листопадную пору, — никто сосчитать не возьмется.
Столь несметны толпились по берегу Фасиса колхи
С воплями и беснованьем. Эет на его колеснице
С парою славных коней меж ними стоял, возвышаясь.
Дал ему этих коней, дуновеньям ветра подобных,
Гелий. Левой рукой Эет поднимал исполинский
Щит из шкур и меди, а правой — факел сосновый.
Прямо пред ним копье его мощное воткнуто было.
Вожжи коней держал руками Апсирт. Выплывает
В море Арго, уносимый могучими взмахами весел
И потоком быстрым широкой реки многоводной.

А Эет в помраченье от гнева* ужасном, к светилам
Руки воздев, призывал в свидетели злого поступка
Зевса и Гелиоса, к всему обращаясь народу:
Если ему своевольную дочь не найдут, на земле ли
Или на корабле в волнах судоходного моря,
И не насытит обидчик души его праведной местью,
На себя приняв весь царский гнев и невзгоду,

Колхи за это поплатятся тут головами своими.
Так Эет пригрозил. И колхи тотчас поспешили
В реку спустить свои корабли, приладили снасти,
Быстро вышли в открытое море. И каждый сказал бы,
Что не морской то поход, а птиц несметная стая
С шумом мчится вперед над просторами пенного моря.
С ветром попутным неслись по волнам аргонавты по воле
Геры, желавшей скорее на горе Пелия дому
В Пеласгийскую землю из Эи доставить Медею.
С третьей зарею они привязали причал корабельный
Там, где Галис-река течет в Пафлагонские воды.
Здесь приказала Медея сойти[*], повелевши Гекату
Жертвой к себе призвать. Но как эту страшную жертву
Дева готовила, что она делала, знать да не будет
Ни один человек, и меня душа не заставит
Петь про эти дела. Я боюсь. Но жертвенник этот
Все еще стоит, как его герои воздвигли
На берегу для потомков, он издали виден прекрасно.

Вспомнил тут Эсонид, а с ним и все аргонавты,
Как Финей говорил, что иной из Эи обратный
Будет путь перед ними. Казался тот путь неизведан.
Арг тогда сказал всем внемлющим слово такое:
«Мы в Орхомен поплывем, как велел еще до Колхиды
Тот неложный пророк[*], с которым вы повстречались.
Есть, однако, для нас и другая дорога, жрецами
Найдена теми, кто Тритонидскую Фиву покинул[*]
В дни, когда никто ничего не знал про данаев
Род святой и не мог проведать. (Разве что знали
Апиданийцы аркадяне — те, которые жили
Много раньше Луны, в горах желудями питаясь,
И не владели еще Девкалиды[*] страной Пеласгийской.
Славен в те времена был полями обильный Египет,
Край туманный, родитель юношей прежде рожденных,
И река Тритон[*] широко текущая, ею
Весь орошаем Египет, и вышнею волею Зевса

Дождь не льется над ним и поля колосятся в разливах.
Некто, как говорят[*], оттуда кругом всю Европу
С Азией вместе прошел, полагаясь на силу и смелость
Войск своих и на мощь их. В этом походе возвел он
Многие города. Одни существуют поныне,
А других уже нет — ведь много веков миновало.
Эя доныне стоит, и в ней обитают потомки
Тех мужей, которых здесь водворил покоритель.

Предков своих письмена хранят заботливо колхи.
Там на трехгранных столбах[*] начертались пути и пределы
Моря и суши для всех людей, бродящих по свету.
Есть там одна река, самый крайний рукав Океана,
Очень она широка, глубока и судам проходима.
Кто ее Истром назвал[*], те знают ее протяженье.
В нижнем теченье пространные пашни она разрезает
И остается единым руслом. Истоки имеет
Там далеко в Рипейских горах за дыханьем Борея.
Льется оттуда с журчанием Истр; но только доходит
Он в теченье своем до народов фракийских и скифских,
Как разделяется на два потока, один — в наше море,
А другой позади изливается в некую бухту,
А уж она раскрывается в ширь Тринакрийского моря —
К вашей земле оно прилегает, если, конечно,
Как говорят, Ахелой по вашей стране протекает».
Так он сказал. Богиня сама им чудо явила
К счастью, и все, увидав, одобрили Арга:
«Здесь нам, здесь нам путь!» — закричали. Тут показался
В небе след луча, и велел он, где плыть надлежало.
Сына Лика оставив на берегу, с ликованьем,
На корабле распустив паруса, они выплыли в море,
Издали глядя на Пафлагонские горы. Карамбис
Не обогнули. Ни ведший огонь, ни гнавший их ветер
Все не стихали, пока не открылось течение Истра.

Между тем из колхов одни, в напрасной погоне
Через Темные скалы пройдя, доплыли до Понта.
А другие с Апсиртом вошли в течение Истра.
Там он их стороною провел чрез Прекрасное устье, —
Так, обогнав аргонавтов и миновав перешеек,
Смог он пройти в самый крайний залив Ионийского моря.
Остров есть в этом самом заливе*, «Сосна» ему имя;
Сам трехконечный, широкою частью он смотрит на берег,
Узким углом он к реке обращен, вокруг же два устья.
«Нарик» зовется одно, а другое, у края, — «Прекрасным».
Через него-то и плыл Апсирт с колхийскою ратью.
Между тем как Арго еще не доплыл до вершины
Острова. Видя их, стада покидали в низинах
Пастыри дикие; их корабли напугали безмерно,
Им показалось, что чудища страшные вышли из моря.
Ведь морских судов никогда здесь не видели прежде,
Их не знали ни скифы* — они полукровки фракийцам, —
Ни сигинны, ни гравкены, ни синдов народы,
Ибо они проживают среди Лаврийской равнины,
Очень пустынной. Когда же гору Ангур миновали
И далеко от горы лежащий утес Кавлиака,
Колхи успели пройти то место, где Истр разветвился
На два рукава, и Лаврий сзади остался,
И выплывают они на простор Кронийского моря,
С двух сторон замыкая пути кораблю аргонавтов.

Позже них пройдя по реке, аргонавты спустились
К двум на этом пути островам Артемиды Бригийской;
На одном из тех островов алтарь возвышался,
А на другой сошли, от Апсирта скрываясь, герои.
Только эти два острова и миновали колхийцы,
Гнева страшась Артемиды, великой дочери Зевса.
Все остальные там острова Эетовы люди
Заняли от Салангона и далее*, вплоть до Нестиды,
Доступ к морю везде перекрыв кораблю аргонавтов.

Тут бы минийцы могли в неравном противоборстве,
Будучи в меньшинстве, противнику мощному сдаться;
Но заключен договор,что битвы меж ними не будет,
Ибо так положил Эет, что руно золотое,
Ежели подвиг они совершили, то будет по праву
Их достояньем навеки, как бы им ни досталось —
Хитростью ли, либо явно, либо отняв против воли.
Но Медею (о ней был главный спор между ними)
Должно, у аргонавтов забрав, передать Артемиде.
А уж потом кто-нибудь из владык, суд творящих, укажет,
Нужно ли ей в отеческий дом воротиться обратно
Или же в землю Эллады с героями следовать дальше.
Девушка это все в уме про себя прочитала,
И непомерная боль терзать начала ее сердце.
Отозвала она Эсонида подальше от прочих
И повела за собой, пока не скрылись от взоров.

Тут, в глаза ему глядя, сказала Медея печально:
«О Ясон! Что теперь вы задумали с колхами вместе
Против меня? Неужели ты разум утратил от счастья?
Может быть, ты забыл, что сказал, в нужде пребывая?
Где твои клятвы Зевсом Гикесием? Где обещанья
Сладкие? Им внимая, бесстыдная, я вероломно
Землю родную, славу чертогов, родителей милых
Бросила. Было мне это дороже всего. И далеко
С чайками жалкими рядом одна лечу я по морю
Из-за деяний твоих, чтоб ты невредим оставался
В битве с землею рожденными, с медными в схватке быками.
Да и руно, наконец, за которым в путь вы пустились,
Взял ты злодейством моим. Срам пагубный мною оставлен
Женщинам. Вот потому я считаю[*], что милой твоею
И супругой законной, а прочим сестрой отправляюсь
Вместе с тобою в землю Эллады. Во всем благосклонно
Мне защитником стань и меня не бросай одинокой
От себя далеко, к своим отправляясь владыкам!
Мне защитником будь! Пусть станет незыблемой правда,

Правда и с ней договор*, что мы вдвоем заключили!
Или же сразу кинжалом возьми перережь мое горло —
Так, несчастная, я получу достойно за глупость!
Если же вправду правитель, с которым вы сговорились
Обо мне на таких плачевных условьях, присудит
Брату меня передать, как отцу покажусь на глаза я?

Славы ли буду достойна? Ну, а расплату какую,
Страшные казни какие мне испытать там придется
За поступки ужасные, здесь совершенные мною?
Если же ты возвращенья, любезного сердцу, желаешь,
Пусть не даст его вседержавная Зевса супруга!*
Слишком уж ты на нее возлагаешь надежду большую,
Пусть когда-нибудь ты обо мне, изнуренный, припомнишь!
Пусть руно как сон, как призрак выскользнет в Тартар!
Из отчизны тебя пусть Эринии прочь мои гонят!
Многое из-за обмана я твоего испытала.
Но не может такое пасть и пропасть без последствий, —
Ибо ты нарушил жестоко* великую клятву.
И, конечно, недолго за глумление мною
И за свой договор пребывать вам придется в покое».
Так говорила она, распаляясь в тягостном гневе,
И грозила поджечь корабль, изрубить его брусья,
Чтобы затем самой в жестокое ринуться пламя.
В страхе Ясон ей ответил такою кроткою речью:
«Милая, ты погоди! Самому мне не нравится это.
Но приходится нам начало битвы отсрочить.
Будто туча, враги вкруг нас собрались отовсюду
Из-за тебя. Ведь все живущие здесь поселенцы
Жаждут Апсирту помочь, чтоб смог тебя он обратно
В дом к отцу твоему отвезти, подобно добыче.
Можем мы все, как один, погибнуть лютою смертью,

В бой неравный вступив. Но это тебе обернется
Новым еще страданием, если, погибнув, оставим

Им тебя на расправу. А наш договор заключенный —
Это хитрость, и станет худшей бедой для Апсирта.*
Местные жители против нас не поднимут оружье
Колхам в угоду лишь ради тебя, коль погибнет колхийский
Вождь, твой брат родной и колхов лучший защитник.
Колхам же я не поддамся без боя. Готов я к сраженью,
Если только они мне мимо проплыть помешают».
Льстя ей, так говорил он. Она же ответила грозно:
«Что ж, подумай, к каким делам позорным какие
Мне еще предстоит прибавить! Но первый проступок
Мной уж содеян, по воле богов я исполнила злое.
Так отражай в бою смертоносные копья колхидян!
Брата же я заманю, чтобы он в твои руки явился.
Его ласково встреть, дай подарок богатый,
Если сумею я после ухода его провожатых
С глаза на глаз его убедить со мной к разговору,
Ты, если же мысль такая угодна тебе, — не мешаю, —
То умертви его и начни с колхийцами битву».
Так сговорясь, они стали готовить Апсирту приманку
Щедрую и отправляют к нему посольство с дарами.
Был средь этих даров и священный покров Гипсипилы* —
Пеплос багряный, который когда-то богини Хариты
Богу Дионису выткали на окруженном водою
Острове Дии. Бог вручил его сыну Фоанту,
Тот его Гипсипиле, любимой дочери, отдал,
А она Эсониду вручила с другими дарами,
Чтобы носил он на память о ней чудесный подарок.
Всякий, только ощупав его или только увидев,
Стал бы весь желанием сладостным сразу наполнен.
Он расточал вокруг себя аромат благовонный
С той поры, когда сам нисиец на нем распростерся
Пьяный видом и нектаром, дивную грудь обнимая
Девы, дочери Миноса — ибо и взял и оставил
Богу подругу свою Тесей на острове Дни.

Быстро Медея в беседу вступила с посланцами колхов,
Чтоб убедить их уйти, лишь Апсирт приблизится к храму
Для разговора и мрак ночной их обоих прикроет.
Хитрость ей нужно обдумать с ним, как руно золотое
Взять и вернуться назад в чертоги владыки Эета.
Фриксовы сыновья ее предали в плен чужеземцам.
Так обманув их, она обрызгала зельем волшебным
Воздух и дышащий ветер. Чудесными зельями теми
Можно и дикого зверя с лесистой выманить кручи.
Дерзкий Эрот![*] Зло большое! Беда превеликая смертным!
Не от тебя ли раздоры, вопли, стоны и плачи?
И остальные несчетные скорби, разящие смертных?
Злобный в оружии бог, ты на юных всегда нападаешь!
Вот таким ты вложил злое дело в сердце Медеи.

Как, однако, Апсирта прибывшего страшной смертью
Погубила она, про то в песне дальше поется.
Деву одну на острове Артемиды оставив,
По договору они, разделясь на две части, отплыли
На своих судах. Ясон находился в засаде,
Чтобы Апсирта дождаться и товарищей также.
А Апсирт, обманутый речью коварной, спокойно
Через морской пролив прошел с кораблем и поспешно
Темной ночью вступил к Артемиде на остров священный.
Встретив сестру одну, он речами пытать ее начал.
(Так пытается мальчик[*] пройти по бурной теснине,
На которую взрослые даже вступить не решатся.)
Брат хотел узнать, как обманет она чужеземцев,
И они во всем соглашались между собою.
Выскочил вдруг Эсонид из своей потаенной засады,
Меч обнаженный сжимая в руке. Медея же тотчас
Взор назад обратив, лицо покрывалом прикрыла,
Чтоб не увидеть ей кончину павшего брата.
Словно мясник большого быка с крутыми рогами,
С силой такой Ясон поразил его возле храма —

Храма, который окрестные бриги взвели Артемиде.
Рухнул Апсирт на колени в преддверии этого храма,
Дух испуская. Однако, двумя руками из раны
Темную кровь зачерпнув, обагрил покрывало Медеи
Белое с пеплосом вместе, хотя она сторонилась.

Тотчас Эриния та, что всех укрощает, узрела
Глазом недобрым, какое свершилось жестокое дело.
Тут же отсек Эсонид* у мертвого руки и ноги,
Трижды кровь лизнул и выплюнул трижды сквозь зубы:
Так от преступленья должны очищаться убийцы.
Нежное тело убитого он зарыл под землею,
Где и теперь лежат* Апсирта и спутников кости.
Аргонавты, лишь только увидели издали пламя, —
Был Медеи то знак подойти и начать нападенье, —
Как на своем корабле к колхидскому близко подплыли.
Колхов стали они губить, словно ястребы стаю
Бьют голубей или страшные львы разгоняют большое
Стадо овец, внезапно проникнув в овечьи загоны.
Так из колхов никто от смерти не спасся. Герои,
Словно огонь, налетев, истребили дружину Апсирта.
После Ясон подошел, желая помочь. Но подмога
Им была не нужна, лишь о нем они волновались.
Все на важный совет собрались и начали думать,
Как им плыть. Пока они размышляли, Медея
К ним подошла, и первым Пелей промолвил такое:
«Я призываю теперь же взойти на корабль этой ночью
И на веслах уплыть мимо места того, где засели
Наши противники. Утром, надеюсь, они все увидят,
И ничья уже речь, которая прежде вела их,
Больше их не погонит за нами. Они разойдутся

В тяжких распрях, бесспорно, вождя своего потерявши,
А разбредутся когда они, и путь наш окажется легок.
Так обратно домой без помех мы сможем вернуться».
Кончил он. Все друзья одобрили речь Эакида.

Сразу взойдя на корабль, они дружно взялись за весла
И неустанно гребли, пока не увидели остров;
Он Электридой зовется[*] и крайний к реке Эридану.
Лишь про страшную гибель вождя стало колхам известно,
Все решили они искать по Кронийскому морю
И Арго и минийцев, но их удержала богиня
Гера сама, ниспослав из Эфира множество молний.
Тут-то им, уж напуганным диким гневом Эета,
Страшными стали казаться нравы земли Китаидской.
И расселились они, куда занесло их случайно, —
На островах, где стояли герои. Одни оказались
И теперь там живут, где осталось прозванье Апсирта, —
У реки Иллирика глубокой и темной, другие,
Где курган над Кадмом с Гармонией, крепость воздвигли
Рядом с людьми энхелийскими; третьи теперь обитают
В тех горах[*], что стали звать Керавнийскими люди
После того, как перуны владыки Кронида по воле
Геры колхам не дали остаться у этих подножий.
Лишь посчитали герои свой путь совсем безопасным,
Вышли они на Гиллейской земле[*], укрепив там причалы.
Мелких много пред ней островов, и путь для плывущих

Труден меж ними. Гиллеи встретили их не как прежде —
Даже миролюбиво сами им путь указали,
Платою взяв за совет треножник большой Аполлона.
Два треножника Феб предоставил везти Эсониду
В те времена, когда тот пришел к Пифийскому храму,
Чтобы узнать от бога про путешествие это.
Он узнал, что в стране, где он оставит треножник,
От подступивших врагов никогда разрушений не будет.
Вот почему даже ныне треножник сокрыт остается
Глубоко под землей у града Аганы Гиллейской.[*]
Там он уже навсегда для смертных людей недоступен.
Только правителя их аргонавты в живых не застали.
Гилл был Гераклу рожден[*] прекрасною девой Мелитой
В Феакийской земле. Геракл пришел в Феакийский

Царский дом к Навсифою с Макридой*, которой Дионис
Вскормлен. Геракл хотел поплатиться за детоубийство
Страшное. Дочь реки Эгея ему полюбилась,
Нимфа речная Мелита, от нее и родился
Мощный Гилл. Возмужав, не хотел он на острове этом
Впредь оставаться, терпя жестокую власть Навсифоя.
Местных набрав феакийцев, ушел он в Кронийское море, —
Сам Навсифой ему помогал в подготовке похода.
Там он остался*, и менторы там его умертвили
Из-за сельских волов, которых они защищали.
Но почему, о богиня, вне Кронийского моря,

У Авсонийской земли* и близ островов Лигистийских, —
Их еще зовут Стойхадами, — можно увидеть
Столько следов пребыванья Арго? В такую далекость
Что увлекло? Нужда иль неволя? Ветры какие?
После того, как Апсирта убили, нещадная ярость
Зевса, царя богов, охватила за это деянье.
Он положил, что герои должны принять очищенье
От убийства только из рук эеянки Кирки,
А перед этим их ждут еще немалые беды.
Но неизвестным осталось решение это героям.
Дальше поплыли они, страну Гиллеиду покинув.
Мимо прошли острова*, лежащие в море, их звали
Либурнийскими. Раньше там жили опять-таки колхи.
Ныне казались безлюдными все. Три острова были:
Исса, Дискелад и прелестная Питиейя.
Их обойдя, затем миновали герои Керкиру*.
Некогда там Посидон поселил дочь Асопа Керкиру,
Деву пышноволосую, взяв из страны Флионтийской,
Движим страстной любовью. А этот темнеющий остров,
Видя, что черным он лесом повсюду покрыт, называют
Все моряки, кто здесь проплывал, «Керкирою Черной».
Дальше Мелиту прошли, попутному радуясь ветру.
Керосс крутой простирался* за ней, а выше немного

Остров Нимфея, где давно уже правит Атланта
Дочь Калипсо. Показалося им, что видны в тумане

Горы Керавнийские.Тут-то, однако, узнала
Гера, как гневен Зевс и какая придумана кара.
В мыслях о том, чтобы цели пути аргонавтам достигнуть,
Бурю она подняла, и подул им ветер обратный.
Снова помчался Арго к берегам Электриды скалистым.
Вдруг возглашать человеческим голосом* стала та балка
Между другими, которую в киля средину вложила,
Для корабля долбленого взяв от Додонского дуба,
Ради Ясона сама дочь Зевса богиня Афина.
Страх смертельный объял услышавших голос, вещавший
О Зевсовом гневе. Теперь им приказано было,
Что скитания долгие* в море и страшные бури
Не прекратятся, пока не сможет Кирка очистить
Их от крови Апсирта, пролитой столь беспощадно.
Кастор и Полидевк должны молиться бессмертным,
Чтобы открыли им боги пути в Авсонийское море,
Где герои отыщут дочь Гелия с Персою Кирку.
Так во мраке Арго предвещал. Тиндариды вскочили,
Руки свои простирая к бессмертным, о всем умоляя.
Прочих героев печаль поразила. Арго же
Под парусами вперед устремился в залив Эридана.*
Там когда-то, в грудь пораженный перуном горящим,
Полусожженный упал Фаэтон с колесницы отцовской.
Все еще дым густой идет из пылающей раны.
И ни одна не может птица, раскинувши крылья,

Там пролететь над водой — на лету она падает в пламя.
Дочери Гелия, встав* вокруг тополями прямыми,
Льют непрерывно тщетные слезы, и светлые капли
Тут же с их ресниц янтарем ниспадают на землю.
И одни из тех капель в песке засыхают под солнцем, —
Но лишь только начнут берега утопать под приливом

Темных озерных волн, гонимых дыханием ветра,
Сразу тогда в Эридан другие капли катятся
Вместе с потоками вод. А кельты молвят* к тому же,
Якобы это слезы Феба, сына Латоны,
Носятся в вихрях речных волн. А пролил их много он раньше, —
В те времена, когда направлялся к Гипербореям,
Светлое небо покинув из-за отцовской угрозы.
Бог рассердился за сына того, что в Лакрее* богатой
У потоков Амира ему родила Коронида.
Песня такая у кельтских мужей об этом поется.
А у героев желание есть и пить пропадало,
Ум не склонялся к веселью. Они постоянно страдали,
Смрадом томясь в изнуренье. Он шел с волной Эридана
С тела тлевшего там Фаэтона. А ночью внимали
Громкому горькому плачу дев Гелиад. Тогда слезы
Их самих уносила волна, как капли елея.
После вступили они в глубокие струи Родана.
Он переходит в реку* Эридан, и оба потока
В узком проливе сливаясь, ревут постоянно. Родится

В недрах земных Родан у ворот, где прибежище Ночи,
И, устремляясь вверх, то несется к брегам Океана,
То кидает свою волну в Ионийское море,
То в Сардонийскую бездну с ее беспредельным заливом
Мчится через семь жерл. Из Родана герои попали
В воды бурных озер. По кельтским широким просторам
Их сосчитать невозможно. И там едва аргонавты
Все не погибли. Некий рукав вел* в залив Океана,
А они по нему спастись надеялись, выплыв.
Ждать спасенья нельзя было там. Вдруг вскрикнула Гера
На Геркинской скале, из-под неба слетев торопливо,
И от крика ее герои вздрогнули в страхе,
А могучий Эфир взгремел. Так по воле богини
В путь обратный они повернули, заметив дорогу,
Где потом предстояло им домой возвратиться.

Долгое время спустя вдоль этого брега морского
Волею Геры прошли несметные сонмы народов,
Кельтов и лигийцев*. Герои плыли все дальше.
Гера же каждый день окружала их мглистым туманом.
Вот наконец их корабль спокойно прошел через устье
Прямо к Стойхадам*. Спасенье им принесли Диоскуры.
Храмы и алтари теперь им везде воздвигают,
Ибо не только одних они спасли аргонавтов —
Зевс позволил им охранять корабли всех потомков.
Дальше, оставив Стойхады, они на Эфалию* вышли,

Остров, где, усталые, с тела стирали обильный
Пот. И на берегу лежат там круглые камни
Цвета кожи*, а рядом лохмотья одежды.
Эта бухта в память о них зовется Аргойской.
Дальше и дальше пучиной морской затем они плыли,
Видя вдали пред собой Авсонии берег Тирренский.
Вышли они наконец в знаменитую Эйскую гавань,
Бросили наземь причал с корабля и увидели Кирку.
Голову мыла она там свежей влагой морскою,
Ибо ночью ее напугали внезапные страхи.
Ей приснилось, что все жилище и дома ограда
Кровью рыдали. Огонь истреблял все лежащие зелья —
Прежде ими она чаровала странников пришлых.
Ей пришлось самой затушить то красное пламя,
Кровь рукой зачерпнув, и сразу страх прекратился.
Вот потому на заре она встала с постели и тотчас
К морю пошла, чтоб водою обмыть одежду и кудри.
Звери, нисколько на зверей* не похожие хищных,
Но по общему виду не люди, а странные смеси
Самых различных тел, толпой шли овцам подобно
Тем, что стадом идут за своим пастухом из загонов.
Ибо такими впервые из тины земля сотворила
Их сама и, разные части смешав, укрепила.
Та земля не была сухим еще воздухом сжата.

Влаги еще не лишилась в лучах палящего солнца, —

Время одно навело порядок. Создания эти
Так небывалыми и остались. Ужас безмерный
Всех героев объял. Узнали они без ошибки
Кирку, взирая вблизи на облик ее и на очи;
Сразу в ней, говорили, сестру Эета узрели.
Между тем она, отогнавши сонные страхи,
Снова пошла назад и стала манить их рукою
Вслед за собой идти, тая коварные мысли.
Помня, однако, наказы Ясона, все аргонавты,
Не обращая вниманья, остались где были. Ясон же
Вместе с девой колхидской за Киркой пошли по дороге.
Вскоре достигли они дома Кирки, и та пригласила
Сесть на прекрасные кресла, не узнавая пришельцев.
Молча, безгласные[*], у очага они сели поспешно,
Как ведется давно среди просителей жалких.
На простертые руки Медея лицо опустила.
Он же в землю вонзил огромный меч с рукояткой —
Сына Эета которым убил. Постигнула Кирка
Горькую участь изгнанья и все нечестье убийства.
Вот почему, чтя великий закон Гикесия Зевса,
Очень грозный закон, который, однако, приходит
Часто на помощь убийцам, стала свершать она жертву.
В жертве такой и злодеи находят себе очищенье.
Прежде всего, как средство омыть несомненность убийства,
Взяв поросенка, который, отъят от сосцов материнских,

Полных от недавних родов, ему шею разрезав,
Кровью руки убийц оросила. Иным омовеньем
Стала богов умягчать, призывая Катарсия Зевса, —
Он заступник тех, кто прощенья ждет за убийство.
Все нечистоты вон из дома наяды-служанки
Вынесли сразу; Кирке они во всем помогали.
После она лепешки и дары примиренья

У очага с возлияньями трезвыми жгла, умоляя
Зевса, чтоб удержал Эриний от страшного гнева
И для обоих стал благосклонным защитником добрым,
Если кровью чужой они руки свои осквернили
Или если попался под меч сородич иль близкий.
После того как все она совершила обряды,
От очага гостей подняла, усадила на кресла.
С ними рядом села сама и спрашивать стала,
Держат путь они куда, зачем и откуда
И почему они у ее очага оказались.
Страшный недавний сон невольно пришел ей на память.
Звук речи родной захотелось Кирке услышать
Из девичьих уст, лишь та на нее посмотрела, —
Ибо Гелия род узнать всегда очень просто
По сиянию глаз, лучащихся солнечным светом.
Кирке Медея на все вопросы сказала ответы
На родном языке. Угрюмого дочь Эета
Мягко рассказ повела про поход и дороги героев

И о том, сколько тяжких трудов они совершили,
Как провинилась сама, к сестре прислушавшись бедной,
И как сбежала, страшась угрозы отцовского гнева,
С Фриксовыми сынами, и лишь об Апсирте ни слова.
Кирка все поняла. Хотя она и жалела
Братнину дочь в печали ее, но сурово сказала:
«Жалкая! Ты бежать захотела постыдно и дурно.
Я, однако, надеюсь, недолго ты сможешь избегнуть
Тяжкого гнева Эета. Скоро он будет в Элладе,
Чтоб отомстить за сына, которого ты погубила.
Но, поскольку смиренной родней ко мне ты явилась,
Зла иного тебе, пришедшей сюда, не замыслю.
Прочь из дома ступай, подругою став чужеземца!
Ты такого его, отцу вопреки, отыскала.
У очага моего не моли! Не могу я рдобрить
Ни решений твоих, ни столь постыдного бегства».
Молвила так, а Медею печаль охватила немая.
Скрыв лицо под пеплосом, слезы она проливала.

Тут Эсонид ее за руку взял и увел из покоев
Кирки деву, дрожащую в страхе. Так уходили
Оба печально. Проведала все супруга Кронида.
Ей сообщила Ирида, заметив идущих из дома.
Гера сама приказала ей смотреть, когда вступят
Оба на свой корабль. Ириде она объявила:
«Если и раньше мои поручения ты исполняла,

То теперь, дорогая Ирида, на крыльях проворных
Ты Фетиде вели прийти ко мне из пучины —
Мне она очень нужна. А потом к берегам отправляйся,
Где наковальня Гефеста* гулко звенит от ударов
Молотов крепких. Скажи, пусть огня усмирит дуновенья
Он до поры, пока берега те Арго не минует.
И к Эолу зайди, Эолу, который владеет
Всеми ветрами холодными, небом рожденными ясным.
Ты ему передай желанье мое — успокоить
В воздухе ветры все, и пусть ни одно дуновенье,
Кроме Зефира попутного, моря пучин не волнует,
Чтобы помочь им приплыть к Алкиною на остров Феаков».
Молвила так, и тотчас Ирида, вспорхнувши с Олимпа,
Бросилась вниз, раскинув широкие крылья, нырнула
В море Эгейское там, где в глубинах жилище Нерея.
К первой Фетиде пришла, чтоб ей передать приказанье
Геры, и побудила ее отправляться к богине.
После к Гефесту вошла и его отвлекла от железных
Молотов быстро. Мехи закоптелые дуть перестали.
Третьим Эола нашла Гиппота славного сына,
Передала ему весть и утишила легкую поступь.
Тут же Фетида, покинув* сестер и бездны Нерея,
К Гере богине взошла на Олимп из пучинного моря.
Та ее возле себя усадила и так говорила:
«Ныне послушай, Фетида прекрасная, что мне поведать

Надо тебе. Ты знаешь, как чту я героя Ясона
И остальных аргонавтов, а сердце мое неизменно.

Знаешь, как я их спасла проходящих сквозь Планктские скалы.
Там, где страшно пышут огнем, гремя, бури
И где волны морские бьют по могучим утесам.
Ныне путь им лежит мимо Скиллы* на камне огромном
И Харибды с ее грохочущим водоворотом.
С детства ты вскормлена мною, тебя я любила превыше
Всех твоих сестер, в глубинах моря живущих.
Ты ведь не дерзнула взойти на Зевсово ложе,
Хоть принуждал он тебя. У него одна лишь забота,
Как бы с бессмертными спать и со смертными женами вместе.
Ты устыдилась меня и в душе оробела от страха.
Он хотя и грозно поклялся тогда, что не будешь
Ты никогда называться супругой бессмертного бога,
Все же и дальше следил за тобой, его избегавшей,
Вплоть до поры, как Фемида почтенная тайну открыла,
Что тебе суждено сделаться матерью сына, который
Будет лучше отца своего. Так тебя, и желая,
Он решил отпустить, опасаясь, чтоб кто-то владыкой
Равным ему не стал и власть бы тому не досталась.
Но тебе средь людей* я нашла наилучшего мужа,
Чтобы и ты от радостей брака детей породила.
Всех богов созвала я на пир, и факел твой брачный,
Высшей чести знак, был поднят моими руками.

Ну, а теперь скажу я тебе непреложное слово:
Сын твой однажды войдет в Элисий, жилище блаженных.
Ныне нянчат его* в покоях кентавра Хирона
(Ведь твоего молока он лишен) твои сестры наяды.
Должно потом ему стать супругом Медеи, Эета
Дочери. Ты как ее свекровь окажи-ка невестке
Помощь, а с ней и Пелею. Зачем все время сердиться?
Он виноват. Но ошибки даже с богами бывают.
Думаю я, что Гефест, внимая приказу, уймется
И раздувать перестанет огни. И верно, Гиппотов

Сын удержит Эол порывы быстрые ветров,
Мирному дуть предоставив Зефиру, пока они вступят
В гавань феаков. А ты позаботься, чтоб им возвратиться
Мирно. Пусть страх один перед скалами в них сохранится
И перед волнами грозными. С сестрами ты поддержи их.
Также не дай беспомощным им столкнуться с Харибдой;
Пусть она всех не умчит, с потоком корабль поглощая.
Пусть они не осмелятся плыть и у страшной пещеры
Злоумышленной Скиллы* Авсонской, которую Форку
Встарь родила Ночная Геката, чье имя Кратейя
Между людей. Смотри, чтоб, набросившись, в челюстях страшных
Не погубила она наилучших мужей средь героев,
А направь корабль туда, где возможен, пусть малый,
Гибели жуткий обход». И ей отвечала Фетида:
«Если, конечно, мощь огня и буйные бури

Стихнут, тогда я смело сказать была бы готова,
Что Арго спасу я даже в схватке с волнами.
Только пусть шумит Зефир. Теперь отправляться
Время мне пришло в мой путь, и долгий и длинный,
К сестрам моим, которые мне всеконечно помогут.
Нужно еще мне туда, где корабль стоит на причале,
И напомнить пловцам, что с зарею им в путь отправляться».
Молвила и, с Эфира слетев, погрузилась в пучину
Темного моря. Там себе в помощь окликнула прочих
Милых сестер Нереид. А они, услыхав ее голос,
Ей навстречу пошли. Фетида им сообщила
Геры наказ и всех отослала в Авсонию к морю.
А сама, скорей чем перун или восходящего солнца
Первый луч, когда солнце встает у края земного,
Быстро помчалась по морю седому, пока не достигла
Суши Тирренской страны и дальнего берега Эи.
Там и Арго и героев нашла. Они развлекались
Диска и стрел метанием. Встала она и коснулась
Сына Эака, Пелея, рукой — он был ей супругом.

Больше никто ее не увидел, была она зрима
Лишь одному Пелею, и так она говорила:
«Дольше нельзя вам теперь пребывать у Тирренского моря.
На корабле быстроходном плывите отсюда с рассветом —
Гера так приказала, заступница ваша. Для Геры
Все Нереиды толпой соберутся Арго переправить

Мимо опасных скал*, которые названы Планкты, —
Это путь,, который давно вам богами указан.
Ты же не разреши никому мой облик увидеть.
Лишь тебе одному со мною общенье дается.
Помни, меня не серди, иначе больше, чем прежде,
Не считаясь ни с чем, с тобой расправлюсь я в гневе».
Молвила так и опять невидимкой нырнула в пучину.
Грусть безграничная тут же его поразила; ни разу
Он ее не видел с тех пор*, как оставила ложе
И жилище Пелея, сердясь за Ахилла младенца.
Ибо она сына смертную плоть в часы полуночи
В пламени огненном жгла неусыпно, а днем натирала
Нежное тело амвросией, сделать бессмертным стараясь
И навсегда его защитить от старости гнусной.
Но однажды Пелей заметил, встав с ложа, как милый
Сын его крутится в пламени ярком. Не удержал он,
Муж неразумный, при зрелище этом громкого крика.
Голос его услыхав, она подхватила ребенка,
Кинула, льющего слезы, на землю. Сама же как ветер,
Сну подобно, в гневе сразу исчезла из дома.
В недра морские она погрузилась и не вернулась.
Ныне Пелей был смущен и взволнован. Но все же решился
Спутникам тотчас поведать все, что Фетида сказала.
Тотчас те, завершив состязанья свои, поскорее
Стали готовить себе еду и постель для ночлега.

Пищи на ложе вкусив, ко сну отошли, как обычно.
Край небес светоносная Эос тихонько задела,
С нею вместе быстрый Зефир дохнул и повеял.

К веслам своим герои пошли, готовясь к отплытью.
Из воды извлекли тяжелые камни, свернули
Быстро снасти как надо, потом подтянули широкий
Парус, его укрепив ремнями на мачте и райне.
Ветер попутный понес корабль. И вскоре чудесный
Остров Анфемоесса внезапно предстал перед ними.
Там Ахелоевы дочери, звонкоголосые девы,
Пели Сирены*, сладостной песнею всех привлекая.
Тех губили, кто смел причалить к их острову. Мать их
Терпсихора была одна из сестер многославных;
Их она родила, на ложе взойдя Ахелоя.
Некогда дочь Део достославную сестры Сирены
Песнею тешили общей, когда та была незамужней.
Тела одной половиной на птиц они были похожи,
А другой половиной подобны прекрасным девицам.
С места высокого зорко, сидя над гаванью, ждали
Жертв они неустанно и многих лишали возврата
Сладкого дня, убивая в томлении. Сразу героям
Голосом нежным из уст они прозвенели навстречу.
Те уже были готовы у берега бросить причалы,
Если бы сын Эагра, Орфей Фракиец, поспешно,
Струн Бистонийской лиры* касаясь умелой рукою,

Громкий напев прекрасно бегущей песни не начал,
Чтобы уши героев его лишь песне внимали.
Голос Сирен смогла заглушить форминга Орфея.
Вдаль понесли Арго Зефир и шумливые волны,
Что поднимались с кормы. Им вслед звенели Сирены.
Сын Телеонта Бут*, единый из аргонавтов,
Пеньем прельщенный Сирен, оставил всех за собою,
Спрыгнув в море с гладкой скалы, поддавшись соблазну.
Он поплыл по пурпурной волне, устремляясь на берег.
Глупый, ведь тут же на месте мог он лишиться бы жизни!
Но, его пожалев, царица Эрика Киприда
Вырвать его из волн и спасти успела. Богиня
Доброй была к нему, чтоб он жил на мысу Лилибейском,

Скорбью томясь. Аргонавты Сирен уже миновали.
Но страшный удар их ждал на морском перекрестке.
Здесь внезапно Скиллы скала из моря явилась;
Здесь же все время ревела, водой изливаясь, Харибда;
Дальше из-под волны рокотали Бродячие скалы.
Там, где прежде с крутых утесов огонь подымался
И высоко восходил над горою, дышащей жаром,
Был от дыма черным Эфир, и нельзя было видеть
Солнца лучей; и хотя Гефест завершил уж работу,
Море еще продолжало струиться паром горячим.
Вдруг отовсюду навстречу* Арго Нереиды примчались.
И сама богиня Фетида тронула сзади

Руль за крыло, чтоб корабль провести сквозь Бродячие скалы.
И как дельфины порой при спокойной погоде из моря
Скачут толпой вокруг корабля, плывущего быстро,
То вперед устремляясь, то сзади иль сбоку играя,
А морякам на них глядеть великая радость,
Так Нереиды, вперед устремляясь, чредою кружились
Возле Арго корабля. Фетида его направляла.
А когда подошел им час приблизиться к Планктам, —
Тотчас, ноги до белых колен обнажив, Нереиды
Поверху этих скал и над волною высокой
Начали взапуски бегать, то тут, то там появляясь,
И в корабль поток ударял. Волна, подымаясь
С шумом вокруг и с шумом над ним, плескалась о скалы.
Девы же, то утесом подобно в воздух вздымаясь,
То спускаясь вниз и в морских скрываясь пещерах,
Где над их головой разбегались высокие волны, —
Были похожи на дев* земных Нереиды морские,
Дев, которые на прибрежном песке возле моря,
Платье свое подвернув и за пояс засунув до бедер,
В мяч играют, одна от другой его принимая;
Мяч у них иногда высоко взвивается в воздух,
Но никогда и ни у какой не падает наземь.

Так Нереиды, одна от другой Арго принимая,
От волны к волне вперед посылали, поодаль
От ужасающих скал, где вода, изливаясь, кипела.

Сам владыка Гефест, на вершине горы стоя гладкой,
Локтем опершись на свой поставленный молот,
Прямо на них смотрел. А сверху, на небе блестящем,
Зевса супруга стояла и обнимала Афину —
Страх такой ее охватил глядящую в море.
Сколько длится с утра и до вечера весь день весенний,
Нереиды трудились, корабль вперед продвигая
Меж утесов многогудящих. Герои, надеясь
Снова на ветер попутный, мчались все дальше и дальше.
Луг миновали Тринакрии* Гелия, бога кормильца, —
Тут Нереиды в море, подобно ныркам, спустились,
Выполнив все наказы Геры, супруги Зевеса.
Тут героев слуха коснулось блеяние стада,
Воздух к ним принес коровье и бычье мычанье.
Младшая Гелия дочь Фаэтуса по рощам росистым
Стадо большое коз и овец пасла постоянно,
Посох из серебра сжимая в ладонях. А следом
Шла за стадом коров Лампетйя, махая пастушьим
Посохом; был он из горной меди, кривой и блестящий.
Скоро сами герои коров увидали в долине;
Там по лугам заливным они паслись над рекою.
Ни одной там черной коровы не было в стаде,
Все молочного цвета, у всех рога золотые.
Днем герои прошли мимо них, а в течение ночи
Радостно плыли по морской широкой пучине,

Снова пока не послала им света ранняя Эос.
Остров есть большой* и богатый, перед проливом
Он лежит Ионийским, среди Керавнийского моря.
Скрыт под ним серп, говорят (да простят меня Музы;
Против воли своей изложу я древнее слово),
Серп, которым Крон отсек у отца детородный

Член. По другому сказанию этот серп, подрезавший
Стебли, был Деметры земной: в старинное время
Здесь она жила и сама научила Титанов
Колос спелый сжинать, полюбив Титаниду Макриду.
Вот почему этот остров, священный кормилец феаков,
Стал называться Дрепаною — ибо феаки и сами
Род свой от крови Урана ведут. Сюда-то с попутным
Ветром Арго подошел, оставив труды за собою,
И Тринакрийское море покинув.* Принял пришельцев
Царь Алкиной и народ, принеся достойные жертвы.
Город весь ликовал.* Казалось, сказать было можно,
Всякий был им рад, как будто родным своим детям.
Сами герои вместе с толпой ликовали не меньше;
Чудилось им, что уже они в земле Гемонийской.
Но предстояло опять им к новой готовиться битве;
Очень близко стояли несметные полчища колхов,
Тех, кто в пути прошел вход в Понт и Черные скалы,
След Арго стремясь найти. А нужно им было
Только то — вернуть отцу Эету Медею,

Если же нет, то они завязать многослезную битву
Были намерены сразу и здесь, средь народа чужого,
А затем и позднее, призвав на подмогу Эета.
Их, спешивших не медля в битву вступить за Медею,
Сдерживать стал Алкиной* повелитель. Хотел он обеим
Спор разрешить сторонам без распри с оружною силой.
Девушка в страхе безмерном металась, с мольбой обращаясь
То к друзьям Эсонида, то обвивая руками
Ноги царицы Ареты, жены Алкиноя законной:
«Я тебя умоляю, владычица, будь милосердна!
Не выдавай меня колхам, чтобы к отцу возвратили,
Если сама рождена ты среди того рода людского,
Где искрометный ум толкает к пустым заблужденьям.
Так случилось со мной. Вдруг предало здравое сердце,
Но не для сладострастья. Пусть знает священное солнце!

Пусть узнают и таинства девы ночной Персеиды!
Я с родной земли ушла с чужими мужами
Против воли своей. Жестокий ужас заставил
Броситься в бегство меня, едва я свершила ошибку.
Не было мысли иной у меня. Мой пояс доныне,
Как в покоях отца, пребывает чист и нетронут.
Сжалься, владычица, и умоляй любезного мужа!
Пусть бессмертные боги тебя красотою одарят,
Жизнью спокойной, детьми и славой страны нерушимой!»
Так в слезах Арету помочь она умоляла.

Каждому из аргонавтов она говорила отдельно:
«Ради вас, о храбрейшие, ради подвигов ваших
Я теперь дрожу в испуге. А вам помогла я
Впрячь быков и землерожденных ужасную ниву
Сжать. Лишь я помогла увезти руно золотое.
И в Гемонию вам дорога будет открыта.
Ну, а я, которая дом и отчизну сгубила,
Милых лишилась родителей, радостей жизни счастливой —
Все это ради вас, чтобы вы увидали воочью
Счастья полными близких. В этом мне отказали
Боги, и с чужеземцами я скитаюсь несчастной.
Бойтесь же договоров* и клятв, Эринии бойтесь,
Верной заступницы жертв и свершителя кары, коль
В руки Эета мне придется попасть на погибель
Многострадальную! Я не найду ни Геиных храмов,
Ни защиты иной. К вам одним припадаю я в горе!
Вы жестоки в бездействии и лишены состраданья.
Вам не стыдно глядеть, как в отчаянье я простираю
Руки свои к ногам чужеземной царицы? Хотите
Вы лишь руно увезти. И ради этого копья
С колхами вы готовы скрестить и с Эетом надменным.
Ныне же мужество вы позабыли, встретясь с такою
Сворой?» Так говорила с мольбой. И всякий, услышав,
Дух поднимал ей в печали и бодрость внушить ей стремился;

Острыми копьями стали махать, в ладонях сжимая,

Или мечами, из ножен их обнажая, и помощь
Ей обещали, если ее кто признает виновной.
Ночь подошла в утешенье мужам, что собрались на сходку.
Стихло все на земле. Однако Медеи коснуться
Сон не сумел. В груди ее сердце тоской волновалось.
Так бывает, когда* всю ночь несчастная пряха
Крутит пряжу, сироты же дети вокруг нее плачут,
Дети вдовы, и слеза у нее по щекам струится,
Стоит ей только подумать, сколь тяжела ее доля.
Так орошались и щеки Медеи. Все время дрожало
Сердце у ней, глубоко пораженное острою скорбью.
В городе между тем, как прежде, царица Арета,
Многопочтенная, с мужем своим, царем Алкиноем
Лежа дома в постелях, одни рассуждали о деве.
Ночью с лаской супруга просила законного мужа*:
«Мой дорогой, спаси от колхов несчастную деву.
Ты услугу минийцам окажешь. Близок ведь Аргос
К острову нашему и близки гемонийские мужи.
А Эет живет далеко, и вовсе не знаем
Мы о нем ничего, лишь слышим. А девушка эта,
Столь несчастная, жалобой сердце мое поразила.
Не отдавай ее колхам к отцу увозить, о владыка!
В первый раз ошиблась она, дав волшебное зелье
Против быков. Злом близкое зло исправляя, мы часто
Много ошибок творим. Она от отца убежала

Грозного, гнева боясь ужасного. Я же слыхала,
Будто Ясон Эсонид ей дал великие клятвы,
Обещанье ввести ее в дом законной супругой.
Милый, вот почему ты сам добровольно не сделай
И его нарушителем клятвы и будь неповинен
В том, что отец Эет в озлоблении дочку погубит.
Ведь к своим дочерям отцы чрезмерно ревнивы.

Что, например, учинил[*] Никтей с Антиопой прекрасной?
Что претерпела Даная по воле отца беззаконной
В море открытом? Совсем недавно от нас недалеко
Злобный Эхет две спицы вонзил в глаза дочери бедной;
Сохнет она из-за участи страшной в мрачной пещере,
Где постоянно теперь занята дроблением меди».
Молвила, так умоляя. Сердце его размягчилось
От речей супруги. И слово такое сказал он:
«Без сомненья, Арета, сумел бы я и оружьем
Колхов изгнать, помогая героям девушки ради.
Но боюсь я нарушить закон справедливого Зевса.
Никого нет могучее колхов владыки Эета;
Стоит ему пожелать, он вдаль пойдет на Элладу.
Вот потому надлежит нам так решать это дело,
Чтобы всем казалось лучшим решение наше.
Я не стану скрывать от тебя; я вот что придумал:
Если она еще девственна, будь ей отец повелитель;
Если же ложе с мужчиной делила, тогда я, конечно,

Не отдам от мужа ее, и если младенца
Носит она во чреве, предать врагам не позволю».
Так он сказал, и тотчас сон его успокоил.
Ей же эта мудрая речь ударила в душу.
С ложа поспешно она поднялась и пошла по чертогам.
Быстро служанки сбежались[*], к хозяйке своей поспешая.
Вестника вызвав к себе, его она вразумляет
Тайно внушить Эсониду сблизиться с девой-невестой
Тотчас, и не просить ни о чем Алкиноя владыку.
Ибо он сам рассудил, когда отправился к колхам:
Если она еще дева, отдать ее отчему дому,
Если она уже разделила ложе с мужчиной,
То не позволит царь расторгнуть их брачные узы.
Молвила так, и того умчали быстрые ноги,
С тем чтоб Ясону отрадную речь возвестить от Ареты, —
Речь о том, что решил Алкиной, богов почитатель.
Всех аргонавтов застал он у корабля при оружье.

Спать не ложились они, ожидая от города близко
В бухте Гилликской. Гонец им сказал не тая все известья.
Каждый в душе обрадован был словами такими.
Тотчас они с вином и водой кратер для бессмертных,
Как надлежит, приготовив, алтарных овец притащили.
Девушке этой же ночью устроили брачное ложе
В той священной пещере, где когда-то Макрида,
Дочь Аристея, жила — того, который изделье

Пчел и жир многотрудной оливы явил для народа.
Первой Макрида Нисейского Зевсова сына в Евбее
Абантидской на грудь приняла и медом смочила
Губы младенца сухие, когда из огня его вынес
Бог Гермес. Но Гера, заметив, прогнала Макриду
С острова. В дальней пещере Макрида здесь поселилась
У феаков в стране, принеся им богатство и счастье.
Там аргонавты просторное ложе Ясону с Медеей
Начали стлать и сверху накрыли в честь им сверкающим
Ярко руном золотым, чтоб этот брак возвеличить.
Нимфы, к белой груди прижимая, носили охапки
Разных цветов и, словно огонь, от них блеск разливался.
От золотых поясов горячим веяло светом.
Он зажигал в их очах[*] желанную страсть, но, однако,
Каждой нимфе препятствовал стыд устремиться в объятья.
Нимфы одни прозывались Эгея-реки дочерями,
По вершинам горы Мелитийской селились другие,
Третьи, насельницы рощ, из долин поспешали. Ведь Гера,
Зевса супруга, сама их послала во славу Ясона.
До сих пор пещера священная носит Медеи
Славное имя, — в ней сочетали друг с другом их нимфы,
Ложе душистое им застелив. Остальные герои,
Ратные копья подняв, чтобы вражий отряд, налетевши,
Силу не применил бы, ветвями с листвой увенчали
Головы, и под лиру Орфея, звучащую громко,

Начали петь гименей, перед брачным стоя покоем.
Не во владеньях царя Алкиноя хотелось Ясону
Брак заключить, но в доме отца своего, когда снова
Смогут вернуться в Иолк. Медея так же считала.
Вынудила нужда на чужбине справить их свадьбу.
Ведь никогда нам, роду злосчастных людей, всей ногою
Не наступить на усладу, но для нас постоянно
Некая горькая скорбь с удовольствием вместе приходит.
Так и теперь на них в наслажденьях близости страстной
Страх находил, чем может закончиться суд Алкиноя.
Эос, взошедшая скоро, своим божественным светом
Прочь отогнала по воздуху темную ночь. Рассмеялись
На островах берега и тропинки в долинах зеленых,
Где лежала роса. По улицам сделалось шумно.
Жители стали ходить по городу с места на место.
Колхи вдали, на краю полуострова девы Макриды,
Ждали. Скоро пришел Алкиной, как условлено было,
Слово сказать о Медее. В руке подымал он
Скипетр судейский из золота весь, с которым уж многих
Правым судом он судил, разбирая тяжбы феаков.
Вслед за ним толпой, одетые в ратные латы,
Лучшие из феакийских мужей поспешно шагали.
Женщины тут же гурьбой за стены пришли городские,
Чтобы взглянуть на героев. Жители сел услыхали
И устремились навстречу; Гера сама распустила

Слух об этом повсюду. Один вел с собою барана,
Самого лучшего выбрав, другой притаскивал телку,
Третий амфоры ставил вина для смешенья с водою.
Дым и чад, всходящий от жертв, далеко поднимался.
Женщины, как и положено им, искусной работы
Платья несли, золотые уборы и всякую роскошь,
Чем в народе пристало всегда украшать новобрачных.
Глядя на облик и лица славных героев, дивились
Женщины все, но больше других поражал сын Эагра.
Он под чудесные звуки форминги и собственной песни
Часто сандалией такт отбивал красивой о землю.

Нимфы же в общий голос, когда вспоминал он о свадьбе,
Петь гименей начинали желанный, и сами порою
Без него, одни, запевали, кружась в хороводе.
Гера, все для тебя! Ты мысль вложила Арете
Мудрый замысел царский тайно открыть аргонавтам.
Лишь он только сказал свое решенье прилюдно,
Эта свадьба, конечно, стала повсюду известна.
Свой приговор Алкиной продолжал повторять, как и раньше.
Ужас смертельный его не пугал, Эет был не страшен.
Он полагал, приговор скреплен нерушимою клятвой.
И потому, когда поняли колхи, что битвы не будет,
Он приказал им теперь соблюдать либо это решенье,
Либо прочь увести корабли от страны и от порта.
Вот тогда, страшась угроз своего властелина,

Колхи в союзники взять их стали просить Алкиноя.
Долго на острове у феаков[*] они обитали,
До тех пор пока не пришли туда бакхиады,
Жившие раньше в Эфире[*], и там навсегда поселились.
Колхи тогда перешли на остров, напротив лежащий.
А оттуда пришлось перейти в Керавнийские горы,
Где аманты[*], к нестеям и к городу именем Орик.
Все это через много веков, однако, случилось.
Так же еще и теперь мойр и нимф алтари ежегодно
У Аполлона Номия[*] в храме имеют куренья.
Те алтари в то время сама Медея воздвигла.
Много подарков минийцам дал Алкиной при отъезде.
Много Арета дала и еще подарила Медее,
В путь ее снаряжая, двенадцать усердных служанок.
В день седьмой аргонавты ушли с Дрепаны. Попутный
Ветер подул, спокойный с утра. Гонимые ветром,
Мчались они вперед. Но еще не велела судьба им
Видеть Ахейскую землю. Им еще предстояло
Много всего претерпеть в пределах Ливийского края.
Вот уже позади[*] остался залив Амбракийский,

Вот и землю куретов они миновали под ветром
На парусах. И теснину прошли островов Эхин адских,
И уже, как казалось, увидели землю Пелопа.
Но внезапно Борей, подхватив со злобным порывом,
По середине моря Ливийского начал крутить их

Девять дней и девять ночей, пока не вступили
В Сирт пловцы, откуда* судам не бывает возврата,
Если в этом заливе насильно они оказались.
Мель там всюду. Всюду глубокие заросли ила,
А по зарослям тихо колышется пена морская.
Рядом лежит кругом лишь песок, сколько в воздухе видно.
Там ни зверь никакой не идет, ни воздушная птица.
Их корабль приливом воды, что уходит от суши,
А потом переменной волной несется обратно,
К берегу жадно кидаясь, — вогнало в приморские мели;
Часть лишь малая киля в воде у них оказалась.
Спрыгнули все с корабля, и увидевших горе настигло.
Только воздух был перед ними, земля расстилалась
Тоже как воздух и вдаль без конца простиралась равниной.
Ни водопоя, ни тропы, ни пастушьих загонов
Где-то вдали; в неподвижном покое все пребывает.
Полный печали один задавал вопросы другому:
«Что нам сулит этот край? Куда нас примчали невзгоды?
Если бы мы, о пагубном страхе забывши, рискнули
Выбрать эти дороги сквозь ужасные скалы!
Лучше было бы нам вопреки Зевесовой воле
Биться и гибнуть, но только за важное дело.
Нынче что можем мы сделать, если нас заставляют
Ветры, пусть и немногие, здесь оставаться впустую!
Сколь бесконечен пустынный край по земле распростертый?»

Так говорили пловцы. Бессильный перед бедою,
Славный кормчий Анкей товарищам грустный промолвил:

«Губит, увы, нас доля ужасная, нет избавленья
От невзгод. Предстоит принять нам страшные муки,
В эту пустыню попав; ведь только и вижу вдали я
Топкое море кругом. Вода, в него проникая,
Снова и снова вбирается здесь песками седыми.
Наш священный корабль давно бы, конечно, разбился
В море, далеко от суши. Прилив обернулся спасеньем,
В миг последний сумев унести нас из моря на землю.
А теперь корабль готов и в море, но влага
Плыть не дает и только мутится, чуть землю скрывая.
И потому говорю: у нас не осталось надежды
Дальше плыть и домой возвращаться. Другой, коли хочет,
Пусть покажет себя, пусть к тщетному сядет кормилу.
Но не захочет Зевс блаженным днем возвращенья
Увенчать наконец усилия трудные наши».
Так говорил со слезами, и в скорби с ним соглашались
Все аргонавты, кто сведущи были в делах корабельных.
Оцепенели сердца их; покрылись бледностью щеки.
Как, подобные призракам, души утратившим, кружат
В городе толпы людские, что ждут конца либо мора,
Либо ужасной войны иль внезапного страшного ливня,
Мрачного, смывшего разом труды воловьих упряжек,
Или когда кумиры богов источать начинают

Пот кровавый и вдруг в храмах раздастся мычанье,
Или в полдень солнце ночь низводит на землю
С неба и яркие звезды опять пылают в Эфире, —
Так и герои теперь по берегу длинному в горе
Праздно везде бродили. Настало вечернее время.
Горестно плача, прощались они, обнимая друг друга,
Думая, не миновать, что жизни придется лишиться,
Рано иль поздно упавши в пески. На сон уповая,
Все разбрелись и легли, закутав своими плащами
Головы. Так они провели без питья и без пищи
Ночь и день напролет в ожидании смерти плачевной.
Девушки в стороне, толпой[*] окружая Медею,
Плакали, словно бесперый птенец кричать начинает,

Если из горного выпал гнезда и один остается,
Или же как у холмов Пактола, текущего славно,
Лебеди песню свою петь начнут, а вторить им будут
Вместе луг росистый и дивные струи речные, —
Так и они, разметав в пыли свои русые кудри,
Целую ночь напролет изнывали в жалобных стонах.
Все могли бы теперь навек распрощаться с жизнью
И остаться бесславными и неизвестными в людях,
Подвиг мог напрасным стать для лучших героев,
Лишь пожалели бы их, в безысходности силы терявших, —
Все героини ливийские, мест хранители этих,
Те, что, когда явилась* Афина из темени Зевса,

Ей навстречу пришли, омытые в водах Тритона.
Ныне в полуденный час, когда уже солнце палило
Ливию всю, героини встали возле Ясона.
Сняли быстро руками с его головы осторожно
Пеплос, а он отвел свой взгляд и от них отвернулся —
Стыдно было богинь. Но только один он их видел.
А они оробевшему ласково так говорили:
«О несчастный! Зачем столь беспомощен ты оказался?
Знаем мы, что пошли вы искать руно золотое,
Знаем о ваших трудах, и сколько вы претерпели,
И на суше, и сколько на море вынесли бедствий.
Мы, богини, живущие здесь, мы — с голосом звонким,
Ливии мы героини, заступницы этого края.
Ну-ка встань! Не печалься более так в огорченье!
Всех остальных подыми! Когда для тебя Амфитрита*
Быструю Посидона сама отпряжет колесницу,
Матери вы тогда сполна своей отплатите,
Ради того, как трудилась она, вынося вас во чреве.
И в Ахейиду священную вы тогда и вернетесь».
Молвили так и внезапно исчезли там, где стояли;
Голос с собой унесли. Ясон, кругом озираясь,
Долго сначала сидел на земле, а после воскликнул:
«Милость явите к нам, пустынь жилицы, богини

Чудные! Я не пойму возвращенья, какое сулите?
Нужно собрать друзей, чтобы им об этом поведать, —

Может быть, тогда поймем мы ваши намеки.
Многих людей всегда совет бывает полезней».
Молвил, вскочил и начал друзей созывать громогласно.
Грязный от пыли*, как лев, который ищет подругу,
По лесу зычно рыча, и его откликаясь рычанью,
Всюду в горах далеко гудят лесные лощины,
А в открытом поле дрожат от страха коровы
И пастухи коров. Но этот крик аргонавтам
Зовом друга был, товарищей призывал он.
Быстро они собрались печальные к Эсониду.
Он у стоянки Арго им, грустным, с девами вместе
Сесть приказал и стал им все говорить по порядку:
«Знайте, друзья! Передо мною унылым сегодня
Три богини явились. Были они покрыты
Шкурами козьими с верха затылка, и дальше по спинам
И по бедрам. Они на девушек были похожи.
Над головой моей встали они и легкой рукою
Пеплос скинули мой, которым я покрывался.
Встать приказали мне и вас приказали заставить
Всех подниматься. Сказали, чтоб мать мы почтили родную
Должной наградой за то, что она утомилась по чреве
С ношей тяжелой такой, ибо долго она нас носила, —
Лишь Амфитрита сама быстроходную ту колесницу
Отпряжет Посидона. Я же вовсе не в силах
Вещую речь их понять. Себя они называли

Стражами и дочерьми, героинями Ливии края.
И хвалились, что доподлинно знают, что сами
Мы претерпели раньше на земле и на море.
Больше я их не видел, но некий мрак или туча,
Вдруг между нами встав, их скрыли от смертного взора».
Так говорил он, и все, услыхав эту речь, подивились.
Тут величайшее чудо минийцам внезапно явилось.

Конь огромный из моря нежданно на берег прыгнул,
Мощный, шею высоко подняв с золотистою гривой.
Быстро с тела стряхнув обильную пену морскую,
Со всех ног он унесся, вихрю подобный. Ликуя,
Так обратился тогда Пелей ко всем аргонавтам:
«Я утверждаю, что ныне руками милой супруги
Распряжена уже колесница подводного бога.
Нашей матерью*, я полагаю, никто быть не может,
Кроме Арго. Ведь этот корабль все время, во чреве
Нас сберегая, упорно терпел несказанные муки.
Мы же его, на плечах некрушимых с силою твердой
Возложив, понесем по той песчаной дороге,
Где перед нами сейчас промчался конь быстроногий.
Он не сойдет в сухую землю. Следы нам укажут,
Я уверен, морской залив в каком-нибудь месте».
Он сказал, и всем понравилось слово такое.
Муз это повесть*, я же пою, Пиеридам послушный,
И откровение это богинь я слыхал достоверно, —

Будто бы вы, владык сыновья достославные сильных,
Силу и доблесть свою явив, сквозь пустынные степи
В Ливии свой корабль несли и все, что в нем было,
На плечах двенадцать дней и ночей непрерывно.
Кто бы поведать сумел про те несчастья и беды,
Что они, непрерывно трудясь, во всем претерпели?
Подлинно были они от крови бессмертных, сумевши
Муку такую осилить, теснимые властной нуждою.
Вдаль несли они груз вперед до залива Тритона*,
Радостно в воду вошли и с плеч могучих спустили.
Долго затем, как бешеным псам, пришлось им рыскать
В поисках ключа, томясь, что добавилось жаждой
К прежним их лишеньям. И не были розыски тщетны:
К месту они подошли знаменитому, где ужасный
Змей Ладон еще вчера охранял золотые
В поле Атланта плоды. При нем Гесперид резвились*
С песней чудесной своей. А ныне чудовищный этот

Змей был Гераклом повержен и возле яблони брошен,
Только дрожал еще кончик хвоста. С головы же до темной
Был он спины неподвижен совсем и уже бездыханен.
Лишь оставалась в теле* его желчь гидры Лернейской
И гнездились в гниющих ранах присохшие мухи.
Близ него Гесперид, над головой своей русой
Белоснежные руки подняв, протяжно стенали.
К ним герои толпой подошли. Гесперид же тотчас

Стали с их появленьем* землей и пылью. Единый
Понял божье чудо Орфей и воззвал, умоляя:
«О богини разумные, светлые, милость явите!
О владычицы! Вы сродни богам ли небесным
Или земным, пустыни ли нимфами вас называют!
Нимфы! Придите, о нимфы, священный род Океана!
К нам, молящим усердно, явитесь и покажите
Либо горный родник с водою, либо на суше
Из-под земли струящийся ключ, которым, богини,
Мы смогли бы унять непрерывно палящую жажду!
Если же вновь морским путем придем мы в Ахейю,
Много тысяч даров вам дадим, как и главным богиням,
И возлиянья свершим и начнем пировать в благодарность».
Громко так говорил, умоляя. Они пожалели
Тех, кто страдал возле них. Из земли они вдруг прорастили
Прежде всего траву, из травы протянулись все выше
Длинные ветви, потом побеги цветущих деревьев.
Вскоре, прямо встав над землей, они выросли к небу;
Тополем черным стала Геспера, Эрифеида
Вязом предстала очам, а Эгла — священною ивой.
Из-под этих деревьев вышли они и свой прежний
Приняли облик. Дивное чудо! А Эгла героям,
Жаждой томящимся, молвила ласково слово такое:
«Знайте, что недавно в помощь большую в трудах вам
Тяжких прибыл сюда один негодяй, который,

Жизни лишив хранителя-змея, взял золотые
Яблоки наших богинь и прочь ушел, нам оставив
Горе ужасное. Только вчера пришел сюда страшный
Муж, испугавший нас и телом, и дикостью вида.
Был он лют, и сверкали глаза под нахмуренной бровью;
Был в шкуре огромного льва, недубленой и жесткой;
Ствол нерушимой оливы он нес и лук напряженный.
Стрелами и погубил он здесь чудовище это.
Прибыл он, как любой, кто пешим идет по дорогам;
Жажда его томила, он мчался по нашему краю
В поисках влаги. Однако найти не дано ему было.
Есть скала здесь одна вблизи болота Тритона.
Знал ли он сам про нее, по внушенью ли бога какого
Пяткою он ударил по ней, и вода заструилась.
Тут он лег на грудь, уперся в землю руками
И без конца пил из щели скалы, пока не насытил
Чрева глубокого, словно телка у водопоя».
Так она говорила. Они же, где Эглой указан
Был желанный родник, туда, веселясь, побежали,
Чтобы найти. Как возле узкого входа* кружатся
Трудолюбцы толпой муравьи или мухи, летая
Стаей над малою каплей сладкого меда, желают
Вместе к ней припасть, вот так герои минийцы толкались
Возле ключа у скалы всей толпой, веселясь непрестанно.
И, ликуя, один произнес, омочив себе губы:

«Диво какое! Хоть был Геракл далеко, но спасенье
Нам, страдающим жаждой, смогло прийти от Геракла.
О, кабы мы могли его встретить здесь и сегодня!»
Молвил. Затем из собравшихся каждый взялся за дело,
Кто к чему был пригоден, тот с тем и собрался на поиск,
Ибо Геракла следы уже под ветрами стерлись ночными
При движенье песка. Бореады вперед устремились,
Крыльям доверясь своим. Положась на проворные ноги,
В путь помчался Евфим, с ним Линкей, умеющий видеть.
Пятым отправился с ними Канф, а его призывала
К этому поиску воля богов и природная храбрость;

Он от Геракла хотел узнать, где был им покинут
Полифем Элатид. Волновала забота о друге
Канфа, и ему хотелось подробных рассказов.
А Полифем, воздвигнув* прославленный город мисийский,
С думой о возвращенье искать Арго устремился
Вдаль по земле и дошел до страны приморских халибов.
Там его смертная доля настигла. И под высоким
Тополем белым еще и доныне видна та могила
Возле морских берегов. А Геракла в Ливийской пустыне
Издали только и мог Линкей различить в отдаленье.
Ибо видел он* так, как в дни полнолуния месяц
Виден, иль кажется людям, что увидали в тумане.
Он вернулся обратно к друзьям и сказал, что другому
Никому никогда не догнать уже больше Геракла.

Также вернулись следом за ним Евфим быстроногий
И сыновья фракийца Борея с поисков трудных.
Канф, а тебя настигли в Ливии лютые Керы!
Их повстречал ты, сойдясь с пастухом при пасшемся стаде;
Он за своих овец вступился, когда ты решился
Их для голодных друзей увести. Овец защищая,
Камень схватил и тебя он убил, ведь был он не слабым.
Звали Кафавр его, был он внук Ликорейского* Феба
И Акакаллиды, девы стыдливой*, которую Минос,
Дочь свою, привез в край Ливийский. Дитя Аполлона
В чреве понесши, она родила прекрасного сына, —
Амфитемисом и Гарамантом его именуют.
Амфитемис сочетался затем с Тритонидою нимфой,
А она родила Насамона с могучим Кафавром.
Он и убил тогда Канфа, застав его в стаде овечьем.
Но не сумел избежать расправы минийских героев
Сразу, как только они узнали о том, что случилось.
Тело же Канфа* герои к себе унесли и в могилу,
Горько плача, зарыли и стадо с собою угнали.
В этот самый день и Мопса достиг Ампикида
Жребий жестокий. Его не спасли прорицанья от горькой

Доли. Ведь нет никому избавленья от смертного часа.
Там в песках залегал[*], от полдневного зноя скрываясь,
Змей ядовитый, который первым не нападает
И не преследует тех, кто явно спасается бегством, —

Но коли яд его черный отравит собою кого-то
Из живых существ, что земля плодородная кормит,
Путь того в Аид окажется локтя короче.
Пусть хотя бы Пэан (да простится мне слово прямое)
Станет лечить, коли змей коснется только зубами.
Ибо когда богоравный Персей[*] пролетал над землею
Ливии (мать называла Персея Евримедонтом),
Голову держа Горгоны с отрубленной шеей, —
Капли той черной крови, сколько их наземь скатилось,
Все они обратились той самой змеиной породой.
Вот такому змею на кончик хребта наступает
Левой Мопс ступней. Вокруг икры и колена
Змей обвился и зубами тело царапнул. Медея
И служанки ее задрожали. Мопс ощупал
Рану кровавую смело[*]; боль не была еще сильной, —
О несчастный! Но в тело проникли забвенье и слабость,
А на глаза затем надвинулся сумрак глубокий.
Тотчас, припав к земле всем телом своим отягченным,
Стал коченеть он в бессилье. Друзья его обступили,
И между них Эсонид, потрясенные страшной бедою.
Даже короткое время нельзя мертвецу находиться
Прямо под солнцем палящим: тело внутри разлагалось
Быстрым ядом, гниющие падали волосы с кожи.
Медные заступы взяв, глубокую стали могилу
Рыть поспешно герои. А после и сами и девы

Волосы рвали себе. Погибшего смертию жалкой
Все поминали в слезах. Вкруг могилы с оружием трижды
Свой совершили обход и насыпали холм там высокий.
Веял Нот, когда на корабль они снова вступили.

Путь им искать пришлось, ведущий из вод Тритониды.
Долго, не зная его, целый день провели неразумно.
Словно петляющий змей* ползет путем искривленным,
Если палит его зноем луч раскаленного солнца.
Шумно он вертит туда и сюда головою, и очи
Искрам подобно огня, сверкают в неистовстве злобном;
Трещины ищет в земле, чтоб скрыть свое тело от зноя, —
Так и Арго то сюда, то туда все время носился
В поисках годного для корабля озерного устья.
Долго вращался кругом. Но Орфей приказал им
Снять с корабля на берег большой Аполлонов треножник
И посвятить его местным богам, чтоб домой возвратиться.
И они сошли и поставили Фебов подарок.
Тотчас им повстречался на юношу с виду похожий
Бог Тритон. Он, ком земли поднявши рукою,
Подал его героям в подарок с такими словами:
«Вот, держите, друзья! Никак не смог бы дороже
Вам, попавшим сюда, подарка я предоставить.
Если найти пути из этого моря хотите, —
Их обычно ищут все люди, попав на чужбину, —
Я расскажу вам. Отец Посидон высокою властью

Сделал когда-то меня знатоком этих вод и прибрежий.
Я здесь владыка поморья, коль слышали вы, чужеземцы,
Об Еврипиле из Ливии*, столь богатой зверями».
Так говорил. А Евфим под ком свои руки подставил
С радостью и во ответ такое слово промолвил:
«Если, герой, ты слыхал об Апиде* и море Минойском,
То ответь на вопрос нам: ведь велика наша трудность.
Против воли своей мы явились сюда. Нас пригнали
Бури жестокие в ваши края и заморские страны.
Мы, изнуренные, наш корабль донесли до истоков
Озера этого и не знаем теперь, где проходит
Путь морской, чтобы нам отъехать в Пелопову землю».

Так он сказал. Тот руку простер, вдали указав им
Море и близкий из озера выход, громко промолвил:
«Там есть в море проход, где тихо чернеет пучина.
С двух сторон берега поднимаются белые в блеске.
А в середине, меж берегов, таится протока,
Через которую можно выйти в закритское море
И повести корабль в священную землю Пелопа.
Но, когда вам придется войти из озера в море,
Вправо путь свой держите, идите к суше поближе,
И до тех пор, пока держаться вы будете суши,
Вбок клоня, безопасно будет плаванье ваше.
Так обойдете вы мыс. Друзья, отправляйтесь спокойно.
Пусть беда вас минует и не измучает тело!»

Молвил так дружелюбно. Они на корабль свой вступили,
Страстно желая на веслах из озера выйти скорее.
Быстро помчались вперед. А Тритон в то время, треножник
Взяв большой, на виду у всех опускается в воду,
И уж никто не видит его. Вот так он и скрылся
Вместе с треножником. Сердце героев тогда умягчилось;
Явно, некий бог к ним вестником добрым явился.
Стали они Эсонида просить овцу изготовить
Лучшую к жертве и промолвить отменное слово.
Он отобрал овцу, поспешно с кормы ее поднял
Вверх, заколол и так произнес со смиренной молитвой:
«Боже, явившийся нам из дальних озерных пределов!
Будь ты Тритон, диво моря, иль Форком, или Нереем
Дочери, в море рожденные девы, тебя называют, —
Милостив к нам пребудь и даруй конец наших странствий!»
Молвил, жертву разрезав с молитвой, бросает он в воду.
Бог тогда из пучины предстал, каким был от природы.
Словно коня быстроногого* в круг просторный на играх
Муж направляет послушного, гривы косматой касаясь,
С ним и сам торопясь, а конь, гордо шею вздымая,
Скачет и, резвясь, удила украдкой кусает,
А они, с двух сторон рта сверкая, звенят потихоньку, —

Так и Тритон, касаясь кормы, долбленое судно
Вел вперед и вперед. Был очень похож он по виду
От макушки, по спине, по бедрам и чреву

На бессмертных богов и казался во всем им подобен,
Но с боков и вниз тянулся раздвоенный рыбий
Хвост, и этим хвостом, как веслами по морю, бил он;
А концы хвоста на лунный изгиб походили.
Так он вел Арго, пока не довел его к морю.
Тут погрузился он быстро в бездну морскую. Герои
Все закричали, воочию чудо увидев такое.
Там и доныне есть[*] знаки Арго в заливе Аргойском.
Есть алтарь Тритона и есть алтарь Посидона.
Их мореходы воздвигли, целый день проработав.
А на заре, распустив паруса, ту пустынную землю
Справа имея, отплыли они с дуновеньем Зефира
И увидали изгиб земли и далее море, —
За рукавом протоки к нему оно простиралось.
Вскоре утих Зефир.[*] Пришло дуновение Нота
Сменой ему кормового. В восторге гребцы зашумели,
Солнце когда зашло и звезда явилась пастушья,
Та, что пахарям жалким отдых с собою приносит.
Тотчас они, поскольку ночью ветра не стало,
Парус свернув и книзу пригнув огромную мачту,
Все налегли на сосновые гладко скобленные весла,
Ночь гребли и день гребли и за днем этим снова
Ночь другую гребли. Затем их издали принял
Карпаф[*] утестый. А потом они собирались
Переправляться на Крит, который в море был виден

Лучше других островов, на пути их в то время лежащих.
Медный Талос[*], от крепкой скалы срывающий камни,
Им, однако, мешал подойти к Диктейской стоянке
И у твердой земли укрепить причал корабельный.
Самым последним он был из медных ясенеродных

Между полубогами. Европе Кронид его отдал
Остров Крит охранять неизменно, чтоб трижды обегал
Весь тот край на медных ногах каждый день неустанно.
Медным он был. Хотя всем телом и всяким членом
Был нерушим, под лодыжкой ноги кровавая жила
Вилась, ему назначая пределы жизни и смерти.
Против воли, полные страха, герои от суши
Быстро на веслах корабль отвели, едва не покинув
Крит, в печали жаждой томясь и от бедствий страдая.
Но Медея к ним, спешащим уйти, обратилась:
«Мне внемлите! Одна я, наверное, знаю, смирить как
Этого мужа, кем бы он ни был, даже сверхмедным.
Тело его нерушимо, а все же век ограничен.
Здесь вы корабль держите спокойно вдали от полета
Каменных глыб, пока не окажется он укрощенным».
Так сказала она. Отошли на веслах герои
Вдаль от его бросков, о ее гадая затее,
А она, скрыв щеки в складках темного платья,
На мостки взошла. Эсонид, держа ее руку,
Вел идущую между уключин. И там она песней*

Стала услаждать тех Кер, пожирающих души,
Кер, Аидовых псов, которые в воздухе рыщут
И в быстролетном кругу живых за собою уводят.
Встав на колени, трижды их песней она вызывала,
Трижды молитвой. Злой храня свой умысел в тайне,
Талосу медному в очи очами впилась напряженно,
Взором влила в него желчь и взором наслала виденья
Черные, пагубные, сама волнуема гневом.
Зевс отец! Великий страх я чувствую в сердце,
Если гибель не только болезнями нас поджидает,
Но и дальним злом, когда найдется вредящий.
Так и ему, хотя медный он был, пришлось покориться
Силам волшебным Медеи. Сдвигая огромные камни,
Чтоб не пустить корабль и героев в Критскую гавань,
Камнем он острым царапнул лодыжку себе. И мгновенно

Ихор, кровь, потекла[*], подобная массе свинцовой.
На крутой взойдя утес, недолго стоял он,
Но подобно тому[*], как большая сосна на вершине,
Если не дорубили ее и ушли дровосеки,
Взяв свои топоры, — сначала темною ночью
Под порывами ветра колеблется, после же с корнем
Рушится наземь, — так Талос сперва на ногах еще твердых
Некое время качался, а после, уже обессилев,
Жизни лишился и вниз низвергся с грохотом страшным.
Так на критский ночлег и отдых попали герои.

Утром, едва заря появилась, они воздвигают
Храм в честь своей великой богини Афины Минойской;
После воды зачерпнули и вновь на корабль вступили,
Чтобы прежде всего обойти им мыс Салмонидский[*].
Вскоре их, по большой пучине критской плывущих,
Ночь пугать начала. Этой гибельной ночи[*] прозванье —
«Скрытная». Звезды и лунный блеск сквозь нее не проходят;
Черная тьма встает с небес или мрак из Аида,
Из неизвестных подземных глубин вздымается к высям.
Сами они не знали, плывут по воде иль в Аиде,
И, на возврат полагаясь, всецело доверились морю,
Недоуменья полны, где их носит. Тогда-то, ладони
Вверх воздев, Ясон стал громко взывать к Аполлону,
О спасенье моля. У несчастного слезы струились.
Много в Дельфы он обещал[*] и много в Амиклы,
Много в Ортигию он обещал несметных дарений.
О Летоид! Стремительно ты с небес ниспустился
К Мелантийским утесам[*], лежат которые в море,
И, на одну из скал опустясь, десницею поднял
Над головой свой лук золотой. И лук осиялся
Ослепительно ярко, все кругом озаряя.
Некий маленький остров из Спор ад показался.
Был он вблизи столь же малого острова Гиппуриды.
Там причалив, герои бросили каменный якорь.

Вскоре и Эос стала сверкать, восходя. Аполлону

В роще тенистой участок священный они освятили
И алтарь в тени возвели и назвали Эглетом:
Ибо Феб им предстал Светоносным в разлившемся блеске.
Остров и скалу они назвали Анафой, —
Ибо Феб их сам явил тогда удрученным тоскою.
Все они делали то, что обычно делают люди
На берегу пустынном. Когда ж увидали служанки,
Феакийские девы, что чистой водой поливают
Все герои усердно в костре горящие ветки,
Долго затем не могли они удержаться от смеха.
Ведь в Алкиноя покоях закланье быков они раньше
Не однажды видали. Герои же стали в ответ им
Бранной речью осмеивать их, хохоча увлеченно.
И перебранка с насмешкою сладкой была им на радость.
Ныне на острове в память былой забавы героев
Женщины спорят с мужчинами* в дни, когда Аполлона
Жертвами чтут Эглета по всей земле Анафийской.
Лишь затишье настало, причалы они отвязали.
Вспомнил Евфим свой сон, ему приснившийся ночью.
Он всегда перед сном чтил сына преславного Майи.
Снилось ему, что божественный ком, на груди его бывший,
Стал молочными каплями течь у него по ладони.
А из комка, хотя маленьким был он, жена появилась,
Деве подобная. С ней он в любви сочетался, томимый
Страстью, заплакавши горько, как будто с родною сошелся

Дочерью, сам он своим молоком кормить ее начал.
Вдруг она к нему обращается с нежною речью:
«Друг мой, я от Тритона, твоих потомков опора,
Дочь не твоя: Тритон и Ливия — вот мне родные.
Вверь меня дочерям Нерея, чтоб было мне можно
Жить при Анафе в пучине морской. К лучистому солнцу
Выйду потом я, готова на помощь прийти твоим внукам».

Сердце его этот сон заставило вспомнить. Позвал он
Эсонида к себе и ему рассказал. Дальновержца
Тот в уме прорицанья сочтя, не скрыл и промолвил:
«Как удивительно! Ждет тебя блестящая слава.
Бросишь ты ком в пучину, из кома вырастет остров,
Где детей твоих младшие дети отыщут жилище.
Сам ведь Тритон в подарок тебе вложил эту глыбу
Из Ливийской земли, и никто другой из бессмертных
Кроме него. Вручил он ее при встрече с тобою».
Так говорил, и внял Евфим словам Эсонида.
Радуясь прорицаньям, на дно он метнул эту глыбу.
Тотчас остров Каллиста* возник, кормилец священный
Всех потомков Евфима. Прежде они населяли
Лемнос Синтоидский, но тирренские люди
Всех изгнали. Пришли они в Спарту, моля о защите.
Доблестный сын Автесиона их, покинувших Спарту,
Сам привел на остров Каллисту, назвав его Ферой.
Так его звали. Но это все было после Евфима.
Словно на крыльях, взрезая несметные воды, пристали
Скоро они к побережью* Эгины и начали спорить,
Кто быстрее, воды зачерпнув, на корабль вернется.
К этому их нужда гнала и ветер чрезмерный.
Там до сих пор, подняв на плечи с водою кувшины,
В легком беге мирмидонские юноши спорят
О победе в привычном для них состязании местном.
Милость явите, герои! Вы, род богов преблаженных!
Пусть из года в год приятнее людям поются
Песни. А я дошел до исхода великих и славных
Ваших трудов. Уже ведь не ждут вас иные свершенья,
После того как вы от Эгины отчалили мирно
И порывы ветров вам не мешали. Спокойно
Вы Кекропейскую землю* отмерили, дальше — Авлиду
Против Евбеи и дальше — грады Опунтские локров,
И причалили в добрый час к берегам Пагасийским.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. А. Чистякова

СКАЗАНИЕ ОБ АРГОНАВТАХ, ЕГО ИСТОРИЯ И ПОЭМА «АРГОНАВТИКА» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Светлой памяти Григория Филимоновича Церетели, первого переводчика поэмы «Аргонавтика» на русский язык

На рубеже V–IV вв. до н. э. греки четко представляли границы хорошо известного и обжитого ими мира. Великий философ Платон сказал об этом устами своего учителя Сократа: «Я думаю, что земля чрезвычайно велика и что мы населяем только небольшую часть ее, от Фасиса до Геркулесовых столбов, расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота» (Федон, 58). Таким образом, эти границы окаймляли огромное земное пространство двух морей, Черного и Средиземного, начиная от восточного побережья Черного моря до выхода из Средиземного моря в Атлантический океан. Там, согласно мифу, могучий Геракл сумел раздвинуть скалы и отделил Гибралтарским проливом Европу от Африки. Задолго до Платона эпический поэт Гесиод (VIII в.) рассказывает своим современникам о крупнейших реках и в их числе называет Фасис:

От Океана с Тифией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным.
Также Стримон и Меандр с прекрасно струящимся
Истром, Фасис[1] и Рес, Ахелой серебристопучинный…

(Теогония, 337 сл. Пер. В. Вересаева)

В первой половине V в. «отец истории» ГероДот во введении к своему труду рассказывает о первых легендарных столкновениях эллинов (греков) с варварами (другими народами): «Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в

Эю в Колхиде и к устью реки Фасис. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею» (История, I, 2). Геродот в присущей ему манере только констатирует факты, не называя ни предводителя похода, ни название корабля и, главное, ничего не сообщая о цели похода. Из других многочисленных источников, как более ранних, так и поздних, включая римские, византийские и даже средневековые[2], сообщение Геродота расширяется и предельно расцвечивается. Предводитель отряда эллинов по имени Ясон отправился в Колхиду на корабле «Арго». Поэтому он и его спутники назывались аргонавтами, т. е. плывущими на «Арго». В Колхиде они должны были добыть золотое руно, с которым царь Колхиды Эет связывал благополучие своей страны и свое собственное. Это руно он повесил в роще под охраной неусыпного дракона. Золотой же баран приплыл в Колхиду из Эллады, спасая двоих детей, Фрикса и Геллу, от козней злой мачехи. В пути, при переходе из Эгейского моря в Черное, Гелла случайно соскользнула со спины барана и утонула в водах пролива, который в память о ней был назван Геллеспонтом (совр. Дарданеллы). Фрикс же достиг Колхиды и был благосклонно принят Эетом, отдавшим ему в жены свою старшую дочь. Баран был принесен в жертву за спасение Фрикса, а его руно, символизирующее нерушимость страны, осталось в Колхиде. За ним и прибыли аргонавты с требованием вернуть руно в Элладу. Эет согласился, но поставил обязательным условием Ясону совершить целый ряд подвигов. Эти подвиги казались невыполнимыми. Но младшая дочь Эета, волшебница Медея, полюбила Ясона и помогла ему выполнить все требования Эета. Она знала, что ее отец не отдаст руно пришельцам и замышляет погубить их. Поэтому вместе с Ясоном она похитила руно, усыпив страшного дракона, и была вынуждена бежать с аргонавтами в Элладу. Обратный путь был для аргонавтов еще тяжелее, чем плавание в Колхиду. После многих приключений и столкновений с преследующими их колхами они сумели достичь родных берегов и вернуть в Элладу золотое руно.

В начале первого тысячелетия до н. э. некоторые греческие племена, незадолго до этого вынужденные покинуть родные земли Балканского полуострова, в значительной степени освоили Средиземноморское побережье Малой Азии и прилегающие к нему острова. К этому времени они были уже достаточно знакомы с

географией Севера. В VIII в. мореходы, а затем и переселенцы из города Милета, одного из богатейших греческих городов на южном побережье Малой Азии, центра греческого племени ионян, основали в Причерноморье и Пропонтиде более 900 торговых факторий и поселений, крупнейшие из которых находились в Колхиде. Сведения о том проникли в поэмы Гомера, первый памятник эпической поэзии греков, с которого начинается рождение европейской литературы, хотя становление и формирование этой поэзии происходило на стыке Европы и Азии, в малоазийской Ионии[3].

В «Одиссее», на пиру у гостеприимных феаков, Одиссей рассказывает о том, что случилось с ним и его дружиной после того, как была взята Троя. Одно из приключений ожидало их на острове Эя у волшебницы Кирки. Кирка, дочь бога солнца Гелиоса, превратила всех спутников Одиссея в свиней, а его продержала у себя целый год *[Гомер.* Одиссея, X, 137 сл.). Эя в большинстве других источников оказывается вторым названием Колхиды, большой страны на восточном берегу Черного моря, по рассказу Одиссея, лежит на далеком востоке, где встает поутру богиня утренней зари Эос и поднимается на небо Гелиос (Там же, XII, 3). Отпуская Одиссея и предостерегая о возможных опасностях, Кирка говорит, что ему придется пройти тем же путем, который до него сумел преодолеть только корабль Арго, плывущий в страну Эета под предводительством любимца богини Геры Ясона (Там же, XII, 69 сл.). История похода аргонавтов к Черному морю была не только хорошо известна гомеровским героям, но даже в пору собственных тревог и злоключений не переставала интересовать и заботить их (Там же, XII, 70: «Αργώ πασι μέλουσα, παρ Αίήταο πλέουσα»).

Не может быть сомнений в том, что героические сказания и песни об аргонавтах сложились в греческом мире и существовали в античной словесности задолго до Гомера; в его время (VIII в. до н. э.) они широко бытовали среди греческого населения. В начале XX столетия К. Мойли предположил, что предшественницей «Одиссеи» была эпическая поэма «Аргонавтика», в которой воспевались события и приключения аргонавтов и Ясона. Из этой поэмы в «Одиссею» попали многие сюжеты и мотивы, в частности, посещение Кирки и пребывание у нее, рассказы о вероломных Сиренах, полуженщинах-полуптицах, чарующих моряков своим пением и губящих их, о чудовищных Скилле

и Харибде, безжалостно пожирающих людей, об огромных скалах, расположенных друг против друга, которые постоянно двигаются навстречу друг к другу и поспешно расходятся, сокрушая все на своем пути (Планкты, Симплигады). И многое другое[4]. Убедительные доказательства существования такой поэмы как предшественницы «Илиады» и «Одиссеи» отсутствуют. Никто не ссылается на нее, не цитирует, никаких следов не обнаруживают папирусные фрагменты архаической и классической поэзии. Остается предположить, что песни и сказания об аргонавтах заполняли репертуар прагреческих певцов (аэдов), проникали позднее к сказителям поэм (рапсодам), жили во многовековой традиции, но миновали письменную фиксацию из-за своей популярности.

Из той же сокровищницы устного профессионального поэтического творчества возникли и гомеровские поэмы. Их новое качество было обусловлено новым этапом греческой истории. Они, рассказывая о прошлом, были ориентированы на настоящее и будущее. Герои гомеровского эпоса принадлежали к иным поколениям и были сыновьями или даже внуками аргонавтов. Подавляющее большинство аргонавтов происходили из Фессалии и Беотии. Сюжетно связанные с Балканским полуостровом, гомеровские герои совершали свои подвиги вне Балкан, а поэмы создавались в Восточном Средиземноморье, на Малоазийском побережье или на его островах.

Крушение микенской цивилизации было вызвано многими обстоятельствами: какими-то геоморфическими катастрофами, грандиозным переселением с севера различных племен, в числе которых могли быть и представители греческого этноса — дорийцы. Этот процесс происходил на стыке бронзового и железного периодов и завершился к VIII веку формированием трех основных греческих племен. При этом наибольший успех выпал на долю ионийцев, чьи новые социальные поиски в области политической и культурной жизни отражены в гомеровском эпосе.

Предания об аргонавтах сохранили воспоминания о ранних временах проникновения отдельных прагреческих отрядов на берега Черного моря. В сознании потомков эти сведения жили претворенными в мифы и сказки об удивительных подвигах, небывалых народах и чудесных странах. Причем последующее основательное знакомство с этими землями, появление там многочисленных греческих поселений и

смешанные браки пришельцев с местными жителями лишь способствовали распространению подобной тематики.

В 60-х гг. I в. до н. э. в столице понтийского государства в богатой греческой семье родился замечательный греческий ученый географ Страбон. По женской линии его род вел свое начало от местных понтийских правителей, и годы его младенчества совпали с утратой независимости Понта, оказавшегося под властью Рима. Поэтому интерес Страбона к странам Причерноморья не был данью его беспристрастной учености, а сведения сохраняли достоверность некой длительной местной традиции[5]. «Существуют также рассказы, — пишет Страбон, — о богатствах этой страны, состоящих из золота, серебра и железа, заставляющие предполагать истинную причину похода (аргонавтов во главе с Ясоном. — *Н.* по которой и раньше Фрикс снарядил это плавание. Существуют и памятники обоих походов: Фрикса, на рубеже Колхиды и Иберии, и Ясона…» (География, I, 2, 39; X, 2, 17; XI, 2, 18).

Реальные события, связанные с этими древними походами, полностью растворились в формах художественного сознания, безусловно отразивших достоверную историческую действительность, с трудом распознаваемую теперь. Изложим вкратце эти основные мифы, учитывая, что одной из особенностей раннего мифологического сознания является сохранение географической достоверности.

Итак, в знаменитом городе Орхомене, центре могущественного царства, основанного Минием и его сыном Орхоменом, правил некогда Афамант, сын эпонима одного из основных греческих племен (эолийцев) Эола и внук Эллина, прародителя всего греческого народа. Его жена, богиня облаков Нефела, покинула его, оставив двоих детей, Фрикса и Геллу. Вторая жена Ино, дочь Кадма, основателя и правителя Фив, возненавидела детей и потребовала от Афаманта, чтобы он убил их. Однако Нефела послала в Орхомен золоторунного барана, который тайно увез детей к далекому Черному морю (см. выше, с. 139). Весть о чудесном спасении Фрикса и золотом руне дошла до Эллады. Внуки Эола, имевшего многих сыновей и дочерей, два единоутробных брата, Пелий и Эсон, поссорились друг с другом, и Пелий отнял у Эсона власть над Иолком. Город Иолк, основанный отцом Эсона, Крефеем, лежал в Фессалии у берега восточной гавани Пагасейского залива. Чтобы спасти своего единственного сына Ясона от козней злого Пелия,

Эсон отослал его из Иолка. Но когда Ясон вырос, он явился в Иолк. По одной версии мифа, Ясон пришел в Иолк обутым в одну, сандалию, потеряв другую во время переправы через реку. А согласно оракулу, появление однообутого человека грозило Пелию лишением царства. По другой версии, сообщаемой Пиндаром в IV Пифийской оде, Ясон сам потребовал, чтобы Пелий вернул Эсону Иолк. В обоих случаях Пелий соглашается возвратить Иолк при условии, что Ясон вернет золотое руно Эолида Фрикса, двоюродного брата отца Эсона. Ясон был вынужден согласиться и созвать богатырей по всей Элладе для путешествия в Колхиду. Герои отправились на корабле «Арго», в сооружении которого принимала участие богиня Афина. Впрочем, Страбону был известен дальнейший путь Ясона и другая цель предпринятого им похода. Ссылаясь на сообщение Эратосфена Киренского, известного поэта, географа, математика и астронома первой половины III в. до н. э., Страбон пишет: «…древнейшие народы плавали и с целью грабежа или торговли, но не выходили в открытое море, а плавали вдоль берегов, как Ясон, который… оставив корабли, из Колхиды дошел походом до Армении и Мидии» (I, 3, 2). В этом сообщении, восходящем, как говорит О. Лордкипанидзе (Указ. соч., с. 44), к очень древней и достоверной традиции, Колхидой называлось все Юго-Восточное Причерноморье. Таким образом, сказания о двух походах из Эллады в Колхиду могли сложиться в прагреческие времена, скорее всего во второй половине второго тысячелетия, до Троянских сказаний, среди того населения Северной и Центральной Греции, которое называло себя минийцами, т. е. потомками Миния, мифического правителя Орхомена Минийского *[Пиндар*, Пифийская ода, 14, 69; *Геродот*, История, IV, 145; *Страбон*, География, VIII, 3, 19 и т. д.). Существует предположение, что впоследствии, уже во времена Микенской цивилизации, это этническое название было поглощено иным наименованием — ахейцы. Как Орхомен, где родился Фрикс, так и Иолк, родина Эсона и Ясона, были крупнейшими центрами элладской культуры второго тысячелетия, и поход аргонавтов, как некое историческое событие, может примерно датироваться XIV–XIII вв. до н. э. Путешествие Фрикса в этом случае должно было предшествовать ему на некоторый неопределенный срок.

Темы, сюжеты и мотивы сказания об аргонавтах вполне соперничали с таковыми в сказаниях о Троянской войне. Они нашли

свое отражение во всех видах греческого художественного творчества: в эпосе, в лирике и в драме, начиная с архаической эпохи и до падения античного мира. Они также запечатлены в памятниках изобразительного искусства.

Особый интерес ко всем этим сказаниям проявился в эллинистический период античной истории, когда границы греческого мира невиданно расширились.

*** * ***

На исходе V в. и в начале IV в. до н. э. обстановка в Греции оказалась крайне тяжелой. В 404 г. Афины, общепризнанный центр культурной жизни, «школа Эллады», как их называли, потерпели поражение в длительной Пелопоннесской войне и были побеждены Спартой и ее союзниками. Спартанский полководец Лисандр приказал срыть стены, соединявшие Афины с их гаванью, Пиреем. Для афинян крушение Длинных стен знаменовало гибель свободы. Через пять лет был осужден на смерть Сократ, основоположник этической философии, выступавшей против традиционного мировоззрения и воспитания. В течение всего IV в. по всей Элладе не прекращались столкновения конкурирующих полисов (городов-государств), а внутри них росли и множились раздоры граждан. Внутренние ресурсы повсюду истощались, а многочисленные проекты выхода из всеобщего кризиса представлялись утопическими, если не авантюрными. Взгляды многих политиков и состоятельных людей, начиная с середины IV в., все чаще обращались на север, где в Македонии Филипп II создавал сильную милитаризованную державу, которая опиралась на хорошо обученную и крепкую армию. Надежды греков на помощь Македонии в преодолении общегреческого кризиса оказались иллюзорными. Летом 338 г. армия Филиппа наголову разбила объединенные силы противостоящих ей греков. Все гражданские свободы и вся социальная система греческого мира были ниспровергнуты. В действительности объявленный Филиппом «всеобщий мир и согласие» означал полное подчинение Македонии.

После неожиданной смерти Филиппа его сын и преемник Александр за тринадцать лет своего правления (336–323 гг.) во главе

македоно-греческой армии прошел по землям трех материков, стремясь завоевать весь мир и устранить все географические и этнические различия в целях создания единого государства для единого человечества. К середине 20-х годов, когда его держава простиралась от Адриатики до Индийского океана и от Центральной Африки до Кавказского хребта и берегов Дуная, Александр хотел выйти со своей армией к западным землям и через Италию и Галлию пройти к Атлантическому океану. Его неожиданная смерть привела к длительной борьбе среди его полководцев, которая была столь долгой и кровопролитной, что наследниками войны диадохов, преемников Александра, стали также их сыновья, эпигоны. Война велась на землях трех материков — Европы, Азии и Африки.

В итоге в начале III в. до н. э. на этой территории возникли новые милитаризованно-бюрократические монархии, и античный мир вступил в эпоху эллинизма. Этим условным термином во второй половине прошлого века историки обозначили особый период в античной истории, который характеризовался причудливым сочетанием двух различных цивилизаций — западной (эллинской) и восточной (азиатской). Сложный синкретизм двух культур подразумевал эллинизацию Востока и ориентализацию Запада, хотя в отдельных областях преобладание одной культуры над другой было бесспорным.

Эпоха эллинизма включала в себя три столетия от воцарения или смерти Александра (336 или 323 гг.) до падения последнего эллинистического государства, Египта, завоеванного Римом в 31 г. до н. э.

Огромное царство Александра распалось на несколько самостоятельных государств, из которых наиболее могущественным оказался Египет, где с 305 г. утвердилась династия Птолемеев. А из новых центров первое место заняла столица Египта Александрия, ставшая поистине мировым торговым и культурным центром всего Средиземноморья, первой столицей мира. Правители всех эллинистических государств всячески способствовали развитию науки, техники и искусства. Они были заинтересованы в притоке новых поселенцев, как этого требовали новые условия новой эпохи. С другой стороны, соперничая и воюя друг с другом, они оспаривали право считаться подлинными наследниками

Александра, связывая себя и свое время со всем прошлым Эллады. На фоне коренного преобразования жизни, изменения условий бытия греки из полноправных граждан своих полисов, где каждый из них ощущал себя свободным и востребованным в своем коллективе, превращались в подданных новых монархов. Кардинальным образом менялся статус прав и обязанностей населения. Как бы в ответ Аристотелю, назвавшему человека общественным существом, человек эллинистического мира интересовался прежде всего самим собой, своими чувствами, своим личным миром. Жизнь на протяжении долгого времени постепенно разрушала веру в божественное провидение, в справедливость всего происходящего. Следствием этого стал интерес к различным суевериям, увлечение новыми культами, активный синкретизм греческого пантеона с новыми для греков восточными богами, их культами и таинствами. Роль религии как утешительницы и хранительницы человеческого благополучия разделила также эллинистическая философия с ее проповедями квиетизма как личного душевного покоя и поисками новых жизненных ценностей.

В литературу и искусство эллинизма вошли новые темы, новые мотивы и образы, отвечавшие запросам и вкусам современников. Иногда они вводились в литературу незаметно — новации преподносились как продолжение давних традиций. Иногда же наоборот, признавая и прославляя это прошлое, люди не скрывали того, что оно для них все-таки прошлое, и искали новых творческих путей и направлений. В художественный мир эллинистического общества входили личная и семейная жизнь человека, быт с его деталями, дети, женщины. Декоративные и орнаментальные пейзажи преобразовывались и становились фоном раскрытия человеческих чувств. Рост личного самосознания заставил изменить представления о художественном творчестве как о некоем боговдохновении. Прерогатива поэта, художника постепенно воспринималась его собственным достоянием. Былые представления о поэзии и ее месте в жизни общества утрачивали свой первоначальный смысл и расценивались как привычные метафоры, пополняя количество фигур речи. Художественное творчество предназначалось для заполнения активного досуга людей, ощущающих свою принадлежность к единой цивилизации, пополняло их знания и давало возможность

почувствовать собственную элитарность. Новая литература беллетризировалась и была обращена ко всем, кто интересовался ею. Поэт и художник был свободен не только в выборе объектов изображения, но и в выборе своей аудитории. От него самого зависело, обращается ли он к толпе на площади, к собранию единомышленников или же к монарху и его придворным.

Эллинистические монархи, прежде всего правители наиболее стабильного эллинистического Египта, стремились обеспечить себе наряду со всем прочим прежде всего культурный приоритет. В начале III в. до н. э. в Александрии был создан первый Музей (храм Муз) как центр интеллектуальной жизни, научный центр всех ученых занятий. В помощь Музею для общих нужд возникла колоссальная государственная библиотека, в которой к середине века насчитывалось более 500 тысяч свитков, исключая дублеты. Для обслуживания библиотеки имелся огромный штат, а ее глава занимал почетный пост воспитателя наследника престола. Контингент Музея составляли люди, прославившиеся в разных отраслях науки, литературы и искусства, которые приглашались отовсюду и работали на полном государственном обеспечении. В стенах Александрийского музея и библиотеки родилась новая наука — филология, предназначенная для отбирания, изучения и тиражирования всей словесной продукции, составления комментариев, словарей, каталогов и переводов.

Новая эпоха сохранила те виды и жанры словесного художественного творчества, которые были унаследованы ею из прошлого. Эпос, лирика и драма стали объектами научной классификации, выработанной в стенах Александрийского музея и библиотеки. К ним обращались поэты, жившие по всем территориям новых эллинистических монархий.

III в. до н. э., особенно его первая половина, характеризуемая расцветом художественного творчества, был временем торжества поэзии, оттеснившей на второй план лидерствующую в IV в. прозу. К сожалению, сохранность литературной продукции эллинизма крайне неудовлетворительна, несмотря на то, что в течение XX в. стали известны многие новые имена и были обнаружены доселе не известные фрагменты произведений уже известных авторов. В настоящее время эллинистическая литература приковывает к себе внимание исследователей, так как в свете новых находок ее следует представлять

главной посредницей, как бы буфером, между ранней греческой литературой, включая классическую, и римской, которая была литературой иной страны, иного народа. Прежние представления об эпигонской природе эллинистической поэзии оказались совершенно несостоятельными. Миф о ее второсортности и вторичности оказался полностью развенчанным.

Действительно, эпос, драма, лирика со всеми их разновидностями и жанрами уводили в прошлое. Однако некогда устойчивые границы их подвергались постоянным изменениям, трансформировались, взаимозаменялись из-за утраты прежних функций и прежней социальной предназначенности. Былые герои сохраняли свои имена, но содержание их образов также менялось, обновляясь или подвергаясь типизации. Перемены распространились и на мифологию.

Во времена архаики и даже классики миф представлялся исторической правдой, а его персонажи выступали в роли реальных предков или благодетелей. Когда в V в. до н. э. Пиндар говорил об общности природы богов и людей (Немейская ода, VI, 1 сл.), он подразумевал общность их природы и акцентировал лишь различие возможностей. Утверждение эллинистических монархов о своей родственной близости с Зевсом или Гераклом должно было вселить в их подданных веру в божественную природу их власти. Достоверность мифа вытеснялась возможностью правдоподобия его сюжета и, по сути дела, переходила в сказку. Миф всегда имел конкретную локальность, был связан с определенными культами и обрядами. Эти черты сохранялись, акцентировались и способствовали развитию воображения у слушателей и читателей. Появление же досуга у широких слоев грамотного населения вынуждало поэтов варьировать давно известные сюжеты и темы, разыскивать малоизвестные эпизоды, дополнять их неожиданными подробностями.

*** * ***

В эллинистическую эпоху эпос как бы переживал свое второе рождение. История подвигов и приключений мифических героев была столь же интересна, как исторические и дидактические поэмы. Поэтам предстояло раскрывать свои познания в области избранного ими жанра,

конкретного сюжета или какой-либо темы. Демонстрируя свое знание, мастерство и умение, автор всегда стремился к оригинальности, к свободному варьированию художественными средствами. Изменился облик поэта: боговдохновенный наставник, руководимый и направляемый Музами и богами, уступил свое место ученому мастеру поэтического слова.

*** * ***

Таким предстает перед нами Аполлоний Родосский, автор «Аргонавтики», единственного памятника героико-мифологического и приключенческого эллинистического эпоса, полностью дошедшего до нас.

О популярности «Аргонавтики» достаточно свидетельствуют многочисленные рукописи позднего Средневековья, За семь столетий, с X до XVI в., их сохранилось более пятидесяти. Самая ранняя и лучшая среди них помимо «Аргонавти ки» содержит все дошедшие до нас трагедии Эсхила и Софокла. К более раннему времени относятся фрагменты папирусов и пергамена, а латинские переводы и подражания подтверждают стойкую приверженность греков и римлян этому произведению.

Рукописи «Аргонавтики» в традиционной античной манере сопровождались всевозможными пояснениями и толкованиями. На их основе возникли в рукописях многочисленные схолии, которые и доныне остаются наиболее полными из всех дошедших до нас античных и средневековых схолий[6].

Сведения об авторе поэмы не только скудны, но и противоречивы. Они содержатся в двух античных жизнеописаниях, составленных спустя много времени после смерти Аполлония, а еще позднее включенных в сохранившиеся рукописи. Их дополняет очень краткая заметка в византийском словаре «Суда» (X в.). Имя «Аполлоний» было одним из самых распространенных личных имен. Известно, что, будучи уроженцем Египта, он был единственным египетским греком среди современных ему знаменитых поэтов. Местом его рождения указана фила Птолемеида, а в ее состав могли входить кроме Александрии два известных города, основанных греческими поселенцами. Самым

древним из этих городов был Каноб, расположенный в дельте Нила, почти у самого морского побережья. Согласно преданию, Каноб основали спартанский царь Менелай и его спутники, когда возвращались обратно после взятия Трои. Буря выбросила их корабль на берег Нила, где неожиданно погиб кормчий Менелая Каноб. Насыпав холм на его могиле, соратники заложили город, дав ему имя погибшего. По словам Геродота (История, II, 15 и 97), Каноб был крупнейшим торговым центром Нижнего Египта. Позднее, вероятно в VII в., несколько поодаль милетяне основали город Навкратис, который стал постоянным соперником Каноба. Слава и значение обоих греческих городов померкли после того, как в конце IV в. Александр на месте нищей рыбачьей деревушки заложил город своего имени, будущую столицу эллинистического мира, куда стекались жители отовсюду. Среди несохранившихся произведений Аполлония, судя по перечню заглавий, были поэмы, посвященные Канобу, Навкратису и Александрии, в которых излагалась история этих городов. А то, что Аполлоний был по своему происхождению египетским греком, подтверждает еще одно косвенное свидетельство. У современника Аполлония, которого традиция называла его соперником и противником, Каллимаха из Кирены, была не известная нам поэма «Ибис», памфлет, якобы направленный против Аполлония. Ибис же считался в Египте священной птицей, и над поклонением ей издевались неегиптяне, называя ибиса любителем отбросов. Итак, вероятнее всего, Аполлоний, как и его родители, происходил из Каноба или Навкратиса[7]. Появление же его в Александрии, по свидетельству тех источников, которые называют его «Александрийским», можно объяснить желанием жить в столице с ее новыми культурно-просветительными учреждениями. Здесь он проявил себя ученым грамматиком (филологом), написав трактаты о Гомере, Архилохе, о поэте IV в. Антимахе Колос]эонском, одном из первых гомероведов. Кроме этого, он писал поэмы об истории возникновения различных городов и помимо трех вышеназванных, египетских, о городах, которые в первой половине III в. привлекали к себе внимание Птолемеев.

В 1914 г. в английском периодическом издании, где публиковались новые папирусные находки из Египта, появился отрывок текста с именами главных хранителей Александрийской библиотеки со времени ее основания. В числе первых стояло имя Аполлония и сменившего его

на этом посту Эратосфена Киренского. Многие исследователи были удивлены отсутствием в списке Каллимаха, которого принято было считать лидером эллинистических поэтов и грамматиков.

Нам неизвестны как даты жизни Аполлония, так и время наиболее интенсивной его деятельности. Остается лишь предполагать, что в Александрии он выделился среди своих современников и привлек к себе внимание Птолемея II Филадельфа, который с 285 г. был соправителем своего отца Птолемея I, а через два года до 246 г. уже один занимал египетский престол. Внутренняя политика первых Птолемеев была направлена на всемерную поддержку тех греков и македонян, которые избирали своим местожительством Египет и Александрию. Аполлоний же был коренным египетским греком. Благодаря своим познаниям он всей своей деятельностью счастливо выделялся среди тех, кого созывали и приглашали к своему двору Птолемеи со всего грекоязычного мира. Поэтому вполне правдоподобно, что Птолемей II поручил ему возглавить библиотеку и доверил воспитание своего наследника, будущего Птолемея III Евергета (246–221), так как было принято совмещать оба эти поста.

Составитель жизнеописания, живший много позднее, отметил, что отъезд Аполлония на Родос был вызван ссорой с Каллимахом, учеником которого он был. А затем, продолжает биограф, они помирились, Аполлоний вернулся и был даже похоронен вместе с Каллимахом. Такой финал представляется не чем иным, как стремлением позднего компилятора жизнеописания завершить свой рассказ обязательным счастливым концом. Многое нам остается неизвестным, и вряд ли можно будет внести какую-либо ясность. О личных разногласиях между Каллимахом и Аполлонием мы ничего не знаем. Нет свидетельств того, что Каллимах был учителем Аполлония. Ведь даты жизни обоих не установлены, вся хронология лишь умозрительна. Литературные разногласия среди тех эллинистических поэтов, которые, будучи современниками, жили в Александрии, бесспорны. Творчество Каллимаха при всей фрагментарности того, что сохранило время, достаточно подтверждает это. Но все обстоит значительно сложнее, чем принято считать.

В отличие от Аполлония Каллимах, грек по рождению, не был уроженцем Египта. Он родился примерно на рубеже IV–III вв. в Кирене, независимой североафриканской стране, имевшей с Египтом

общую западную границу. Первыми греческими поселенцами, основавшими город Кирену, были жители острова Феры, самого южного среди Кикладского архипелага. Первым правителем страны предание (*Геродот*, История, IV, 145–169) называло Батта, предком которого был аргонавт Евфим, а далеким потомком — Каллимах. Кирена славилась во всем греческом мире и некогда даже соперничала с Афинами в роли культурного центра греческого мира. Но во времена юности Каллимаха род Баттиадов, правителей, воинов и поэтов, уже не принимал участия в управлении страной и только сохранял привилегии высшего сословия. Впервые Каллимах становится известным в роли скромного школьного учителя в одном из предместий Александрии. Тут, вероятно, о нем узнали при дворе Птолемеев, и по поручению Птолемея II Каллимах занялся в Александрийской библиотеке ответственным делом — каталогизацией ее фондов и стал составителем первого грандиозного каталога, проявив себя не только разносторонним ученым, но выдающимся поэтом, автором эпических и элегических стихотворений, драм, ямбических стихов и т. д. и т. п.

Однако приближение Каллимаха к царствующей династии объяснялось не его выдающимися способностями. Дело было в том, что правителем Кирены в то время был сводный брат Птолемея II Магас, объявивший независимость Кирены в расчете на поддержку Сирийской державы Селевкидов. Притязания Магаса распространялись даже на Египет и были особенно активными после смерти Птолемея I в 283 г., когда Магас оспаривал у Птолемея II его право на престол их общего отца. Поэтому вполне понятно, что Птолемей II мог обратиться к обиженному Магасом потомку Баттиадов и использовать его участие в культурной политике Египта, все же не доверяя ему полностью. Такова была внешняя обстановка той «литературной борьбы», которую вел Каллимах и его приверженцы.

В гимне к Аполлону Делосскому поэт, используя выбранную им маску шутника-рассказчика, прославлял Птолемея II и место его рождения, остров Кос.

В эпилоге гимна Каллимах называет бога своим защитником в победе над противниками:

> На ухо раз Аполлону шепнула украдкою Зависть:
> «Мне не по нраву поэт, что не так поет, как пучина!»
> Зависть ударил ногой Аполлон и слово промолвил:

«Ток ассирийской реки обилен, но много с собою
Грязи и скверны несет и темным илом мутится.
А ведь не всякую воду приносят Деметре Мелиссы,
Нет, — но отыщут сперва прозрачно-чистую влагу
И от святого ключа зачерпнут осторожно, по капле».

(Ст. 105–112. Пер. С. Аверинцева)

Этот гимн Каллимах, вероятно, написал одновременно с завершением своего основного поэтического труда, знаменитого сборника «Причины». Это было собрание всевозможных мифов, легенд и преданий о возникновении различных обычаев, обрядов, праздников, наименований, событий, т. е. с обязательной этиологической направленностью. «Причины» состояли из четырех книг и содержали около семи тысяч стихов. Рассказы излагались от первого лица, от рассказчика, беседующего с Музами, к которым он пришел расспросить их о том, что его интересует. Сочинение это известно лишь в фрагментах различного объема и сохранности. Существует мнение, что над «Причинами» Каллимах работал всю жизнь, сначала создавая отдельные законченные элегии с этиологической тематикой, а впоследствии включал их в сборник. В кратком эпилоге наряду со здравицей в честь Зевса, который должен сохранить «обитель наших царей», есть мольба к какой-то богине в надежде на благосостояние. Есть предположение, что под этой неназванной богиней подразумевается возлюбленная Аполлона нимфа Кирена, эпоним родины Каллимаха, города и всей страны.

Последний киренский Баттиад на закате своей жизни праздновал важное для себя и своей родины событие. Кирено-египетские разногласия, вплоть до военных столкновений в течение нескольких десятилетий, со смертью Магаса и после интриг его вдовы Апамы, дочери царя Сирии Антиоха I, завершились браком Береники, дочери Магаса и Апамы, и Птолемея III Евергета. Об этом браке давно мечтал Птолемей II. В 246 г. он состоялся. Молодая царица не только примирила и объединила два враждующих государства, она стала героиней многих стихов Каллимаха. Этот брак был торжеством Каллимаха и победой его над всеми своими литературными противниками. Свидетельством является помимо эпилога гимна к

Аполлону второй, позднейший, пролог к «Причинам». Этот второй пролог, адресованный соперникам, занял в окончательной редакции место первого, первичного и традиционного, — о встрече с Музами. В позднем прологе Каллимах именует своих недругов «тельхинами». Так в древности назывались некие демоны, мудрецы и проказники, которые до появления людей жили на островах Средиземного моря — на Родосе, Кипре, Крите и кое-где на материке. Аполлон Ликийский в образе волка истребил это злое племя, чьи знания могли повредить людям. Пролог сохранился крайне фрагментарно, но основная суть разногласий очевидна:

Знаю, тельхины брюзжат, недовольные песней моею,
Племя завистников злых, вечные недруги Муз…

Так начинается пролог. «Тельхины» упрекают Каллимаха в том, что он отказывается от «единой продолжительной песни», не хочет в многотысячных стихах воспевать царей и героев, а подобно несмышленому дитяти сплетает свитки стишков, хотя за его плечами немало декад прожитых лет. Поэт возражает им и ссылается на своего покровителя Аполлона, который призывает его построже относиться к своей музе и не искать давно проторенных дорог:

…Если и станет когда узок и тесен твой путь.
Ибо мил нам цикад и звонкий и сладостный голос,
Ибо не мил нам рев громко кричащих ослов!

Этот же мотив неоднократно присутствует в некоторых эпиграммах Каллимаха. Эпиграммы Каллимах сочинял всю свою долгую жизнь. И в них те же рассуждения о новых непроторенных дорогах, об отвращении к мутной воде из грязного всеобщего ручья, о предпочтении изящного и отделанного стиля поэзии тучному и шероховатому. Впоследствии часто цитировался якобы каллимаховский афоризм — «большая книга является большим злом». Традиция адресует все подобные обвинения Аполлонию. Но, во-первых, по количеству стихов «Аргонавтика» примерно одинакова с «Причинами». «Едиными продолжительными» произведениями были также другие

эпические поэмы современников Каллимаха. Затем, во второй книге «Причин», содержится довольно пространная история о походе аргонавтов, сюжетно примыкающая к четвертой книге «Аргонавтики» и соотнесенная с преданиями о Фере и основании Кирены. Во-вторых, главное в том, что сохранился отрывок античной схолии, где перечислены «тельхины», т. е. литературные противники Каллимаха. Среди них нет имени Аполлония.

Таким образом, история отношений Аполлония и Каллимаха на фоне художественных разногласий в литературных кругах Александрии продолжает оставаться до конца не выясненной. Вполне возможно, что разногласия имели место; жанровая природа «Аргонавтики» была не похожа на жанровую природу «Причин», хотя и у Аполлония этиологическая направленность была достаточно представлена на фоне общего сюжета. Но, с другой стороны, в дошедшем до нас собрании античных эпиграмм («Палатинская антология») сохранилась дерзкая и язвительная эпиграмма какого-то Аполлония Грамматика, в которой дважды поименован Каллимах:

Мерзость, потеха, корабль деревянный зовутся Каллимах;
Автор «Причин» виноват — тот же Каллимах поэт.

(Палатинская антология, XI, 275)

Прозвище «Грамматик» обычно носил Аполлоний Дискол, живший столетием спустя после Аполлония Родосского, но для его времени такая насмешка не была злободневной. И хотя имя «Аполлоний» было очень распространено, автором эпиграммы вполне мог быть Аполлоний Родосский, а ее текст — выпадом против Каллимаха именно тогда, когда авторитет его при дворе с появлением

Береники, Киренской принцессы, явно возрос. Смысл насмешки как поругания бесспорен. Автор разгневан публикацией «Причин» и ругает Каллимаха за детскую забаву, за обращение к теме аргонавтов, т. е. «деревянному кораблю», используя игру слов, так как по-гречески слово «корабль» и «нога» были довольно близки по звучанию, а «деревянная нога» означало нечто близкое к русскому «остолоп». Во второй строке игра слов продолжается: заглавное слово сборника

Каллимаха «Причины» и слово «виновный, виновник, давший повод» — в греческом языке однокоренные.

Другими словами, отрицать факты разногласия и полемики нет достаточных оснований. Но вряд ли они объясняли отъезд Аполлония из Александрии. Со смертью Птолемея II, с появлением Береники и воцарением Птолемея III авторитет Аполлония как фаворита умершего царя и приверженца его политического курса сразу же падает. Управление библиотекой передается Эратосфену Киренскому. Влияние Каллимаха Киренского, ставшего после написания эпиникия в честь победы киренской колесницы на общегреческих состязаниях и эпилога четвертой книги «Причин» — элегии «Прядь волос Береники» — настоящим придворным поэтом, возросло непомерно. Опала сразу же постигла могущественного первого министра Птолемея II диойкета Аполлония Аргеофонтида, сосланного в пустыню.

Завершалась блистательная эпоха правления Птолемея II, империя которого прошла сквозь все трудные испытания и положила начало эпохи расцвета новой науки и культуры. Аполлоний вынужден был покинуть Александрию во избежание серьезных последствий.

Неясным продолжает оставаться также свидетельство биографов о двух изданиях или же двух публикациях «Аргонавтики». Среди различных гипотез, нередко связанных с той же причиной отъезда, одна представляется более достоверной.

Каллимах, как известно, составлял свои «Причины» в два приема: сначала отделывал каждую элегию, а затем находил ей место в сборнике. В конце жизни он вновь вернулся к уже законченному сборнику и переработал первые две книги. Второй публикации «Аргонавтики» не могло быть на Родосе, так как поэма неотделима от внешней политики Птолемея II и тех поэтических задач, которые были актуальны в Египте в 270 — 260-х годах. А политика Родоса, находившегося всегда в оппозиции к птолемеевскому Египту, нигде не нашла отражения. Сначала Аполлоний мог публично излагать отдельные эпизоды своей поэмы, не встретившие одобрения. А впоследствии представить уже поэму целиком. Но все эти домыслы вряд ли разрешимы.

В Александрийской библиотеке, в устной традиции Аполлоний изучал и знакомился с историей путешествия аргонавтов. Он знал свидетельства Гомера и Гесиода, читал Мимнерма и десятки других

поэтов, постоянно упоминаемых в схолиях. Сюжеты «Аргонавтики» неоднократно воспроизводились в драмах. Непосредственными предшественниками Аполлония были Антимах Колофонский и Филит Косский. Кипрский поэт Клеон в своей «Аргонавтике», состоящей из нескольких книг, одной из центральных фигур повествования сделал Афродиту, покровительницу Кипра.

Весь колоссальный материал, подобранный Аполлонием, вполне отвечал вкусам его современников. Он умел объединить все то, что дразнило и разжигало любопытство, волновало воображение, представлялось удивительным и даже невероятным. В идейно-социальной направленности поэмы, нарочито скрытой за всевозможными парадоксами, для посвященных сливались идеи панэллинства, космополитизма и неоспоримых универсальных египетских привилегий.

События, излагаемые в «Аргонавтике», хронологически должны были опережать события «Илиады» и «Одиссеи». Тут уже было ощутимо как соперничество, так и вызов Гомеру. Аполлоний для одних выступал в маске почитателя Гомера, другие же с большим основанием видели в нем эпического певца нового времени. Подобная двойственность была типична для эллинистической поэзии. Но, если новации Каллимаха и Феокрита лежали на поверхности, Аполлоний так сумел задрапировать их, что обманул как своих современников, так и позднейших исследователей вплоть до Нового времени. В числе недошедших сочинений Аполлония был трактат «Против Зенодота», александрийского ученого первой половины III в. до н. э., подготовившего первое критическое издание Гомера, предшественника Аполлония на посту главы библиотеки. И вновь мы не знаем, каковы были возражения Аполлония своему старшему собрату. Возможно, Аполлоний с молодым максимализмом выступал против обычной фетишизации гомеровской поэзии. Во всяком случае, в своей поэме он демонстрировал творческий подход и к гомеровскому стиху, и к гомеровской лексике и стилю, перефразируя целые гомеровские пассажи, прибегая к скрытым намекам и нередко даже воспроизводя близкие к Гомеру эпизоды. Даже объем «Аргонавтики» был в шесть раз меньше, чем каждая из двух поэм Гомера, которые усилиями александрийских филологов были разделены на 24 книги.

«Аргонавтика» состояла всего из четырех книг, каждая из которых не превышала 1800 гекзаметров. Аполлоний предпочел рассказать многое в малом, как того требовал Каллимах.

*** * ***

Зачином поэмы был традиционный пролог (проэмий), состоящий из четырех стихов, обращенных к богу Аполлону. В «Причинах» Каллимах разговаривал с Музами, Аполлоний — с их предводителем Аполлоном. Бог был эпонимом поэта, который сразу же заявлял, что рассказчиком будет он сам, а помогут ему… «воспоминания», т. е. живая традиция как гарант достоверности. Бог также оказывается постоянным покровителем всех аргонавтов, выручая и спасая их в самых критических ситуациях, а они, ощущая его помощь, непрестанно благодарят его, посвящая ему молитвы и алтари.

Более двухсот стихов отводится подробному каталогу аргонавтов. У Гомера в «Илиаде» был столь же подробный каталог кораблей ахейцев. Здесь один только корабль, будучи первым среди всех последующих и созданный с помощью богини Афины, руководительницы работы, дает возможность поэту очень подробно назвать всех участников похода. Греческие суда предполагали наличие пятидесяти гребцов на двадцати пяти скамьях. У Аполлония участников похода больше, так как помимо гребцов в отряде должны быть предводитель, кормчий, певец и прорицатель. Трое из них, а вслед за ними и большинство участников, названы жителями Фессалии и Беотии, т. е. тех древних минийских областей, где первоначально возникло сказание об аргонавтах. Из Фракии оказались родом лишь Орфей и сыновья Борея, что также является данью очень древнему представлению о месте распространения на Балканах песенного искусства и обители северного ветра. Вторую группу, значительно меньшую по численности, составляют жители Пелопоннеса, вошедшие в ряды аргонавтов с микенской версией того же сказания. Примечательно, что в их числе назван еще один прорицатель — Идмон, сын Аполлона. Несколько позже, возможно в VII в., число аргонавтов пополнилось уроженцем острова Самоса — сыном Посидона Анкеем, у которого был тезка из Аркадии, причем один из них после смерти

кормчего Тифиса (Тифея) займет его место. Сводный же брат самосского Анкея Эргин назван уроженцем Милета, — того малоазийского греческого города, который в постмикенскую, т. е. гомеровскую, эпоху первым начал выводить поселения в Колхиду. С острова Саламина прибыл Теламон, внук Зевса, уроженец острова Эгины. Как отец гомеровского героя Аякса он напоминал читателям «Аргонавтики» об «Илиаде». Аргонавт Фалер — эпоним знаменитой гавани Афин, более древней, чем Пирей, и к тому же родины Деметрия Фалерского, изгнанника Афин, инициатора создания в Александрии Музея. Не было ли включение Фалер а в число аргонавтов данью памяти о нем, столь замаскированной поэтом? Такое предположение вполне вероятно, так как Аполлоний исключил из состава аргонавтов главного афинского героя Тесея, участие которого в походе неоднократно упоминается в схолиях к поэме. Птолемеевский Египет пренебрежительно относился к Афинам. Сам Птолемей II и его двор обвиняли Афины в вероломстве, проявленном в 261 г., когда Афины были союзниками Египта в войне с Сирией (Хремонидова война).

Как уже было отмечено, демифологизаторская тенденция эллинизма характеризовалась контаминацией мифа и сказки. У Аполлония элементы сказки оттесняют миф и в теме чудесного путешествия, и в образе главного героя. Законный молодой наследник изгнан злодеем узурпатором, близким родственником, и его цель — вернуть свой престол. Ему предложена трудновыполнимая задача в надежде на его гибель. Осуществление вероломного плана становится возможным благодаря помощи, которую герой получает от носительниц божественных и волшебных сил (Гера, Афина, Медея).

Сказка становится некой канвой, на которую ложится основная ткань повествования.

Завершив все необходимые приготовления, аргонавты рано утром направляются в Пагасийскую гавань. Их сопровождает толпа, в которой мужчины молят Зевса о благополучном исходе похода, а женщины, поднимая руки к небу и умоляя богов, высказывают сожаление матери Ясона Алкимеде. Мать в слезах обнимает сына, и тут же в окружении слуг и служанок горько плачет Эсон, будучи не в силах подняться с ложа. Ясон утешает мать, напомнив ей о том, что Аполлон уже дал обещание оказывать помощь в походе. И как бы в подтверждение этих слов, идущий поспешно Ясон сравнивается с Аполлоном,

представляясь провожающим самим благостным богом. Лишь только аргонавты расселись по своим местам, Ясон предлагает избрать вождя. Все взоры устремлены на самого могучего и доблестного среди них — Геракла. Он отказывается от предложенной чести и предлагает выбрать того, кто собрал всех, т. е. Ясона.

Так подготовляет поэт своих читателей к тому, что Гераклу, одному из любимых героев эллинизма, предстоит особая роль в походе аргонавтов. Очень подробно описывается спуск корабля на воду и распределение весел жеребьевкой. Затем, после сооружения алтаря Зевсу и свершения необходимых жертв, Ясон обращается с молитвой к Аполлону. Он напоминает богу о своем недавнем посещении святилища в Дельфах, хочет еще раз заручиться его помощью и обещает множество даров. Ни поэта, ни его современников ничуть не смущает столь явный анахронизм. Ведь Дельфы как главное место культа Аполлона и его оракула, центр паломничества со всех концов греческого мира, стал таковым не раньше VII–VI вв. до н. э.

Здесь же, в первой книге, обнаруживаются характеры ряда героев, в частности, горячность и несдержанность юного Ида. Едва не вспыхнувшую ссору предотвращает Орфей. Под звуки своей кифары он исполняет торжественный космогонический гимн, в содержании которого Аполлоний вновь анахронистически излагает доктрину знаменитого философа Эмпедокла из Акригента в Сицилии (V в. до н. э.). Совершив возлияние Зевсу, все легли отдыхать. На рассвете под звуки новой песни Орфея Арго взял курс на север. Днище корабля прогибалось под ногами мощного Геракла. Волны плескались вокруг корабля. С неба на него взирали все боги. На горах собрались нимфы. А у самого берега мудрый кентавр Хирон, стоя в воде, приветствовал путников. Рядом с ним жена поднимала на руках младенца Ахилла, чтобы тот смог увидеть среди аргонавтов своего отца Пелея. Эта столь мастерски разработанная жанровая сцена, словно описывающая некий рельеф или картину, представляется образцом экфрасы, т. е. описания именно такого памятника искусства. Впоследствии они стали очень популярны в стихах и прозе эллинистического и римского периодов.

Подробно рассказывая о пути корабля на северо-восток, поэт приводит своих героев к первому большому острову, лежащему перед ними, Лемносу. Там их ожидало первое значительное приключение. Согласно мифу, на этом острове, где находилась кузница бога Гефеста,

а во время Троянской войны страдал брошенный ахейцами Филоктет, незадолго до прибытия Арго было совершено страшное преступление. Лемносские женщины, оскорбленные своими мужьями, которые предпочли им фракийских пленниц, перебили всех мужчин, вплоть до детей мужского пола: «Весь род мужской истребили, чтоб в будущем кары избегнуть». Теперь они разрешили аргонавтам причалить к острову для пополнения запасов воды и продовольствия. Из всех лемниянок только одна нынешняя царица острова, Гипсипила, сумела сохранить жизнь своему отцу. А теперь, на созванном ею совете, старая нянька советует всем принять у себя аргонавтов и оставить их, чтобы в будущем «не обезлюдел остров», а им не встретить «убогую одинокую старость». Герои прибывают на остров и сочетаются с лемниянками. Только один Геракл остается при корабле, чтобы затем усовестить товарищей и заставить их покинуть Лемнос. Сцена встречи и прощания Ясона с Гипсипилой спустя много времени вдохновила Вергилия и в переработанном виде была использована им в «Энеиде» для рассказа о пребывании Энея у Дидоны.

В этом же эпизоде у Аполлония описание плаща Ясона занимает немало стихов и также напоминает экфрасу. Отправляясь на первое свидание с Гипсипилой, Ясон надевает замечательный плащ, который ему подарила сама Афина, когда впервые пришла помочь строить Арго. Подробное описание плаща и перечень вытканных на нем сцен перекликаются с гомеровским описанием щита, который для Ахилла кует в своей лемносской кузнице Гефест. На щите Ахилла были изображены картины мироздания и мирной человеческой жизни. На плаще Ясона — эпизоды мифической истории давно прошедших событий, завершением которых была сцена беседы Фрикса с златорунным бараном.

Отплыв от Лемноса, аргонавты, держась Фригийского побережья, проходят в Пропонтиду (Мраморное море). В описании их пути Аполлоний впервые вводит в обиход местные легенды и предания, используя, вероятно, имевшиеся у него хроники Кия, Кизика, затем Гераклеи Понтийской и других грецизированных городов, где во времена Аполлония сталкивались постоянно интересы Египта и Сирии. Таким образом и тут поэт удовлетворяет интересы своей аудитории к тому, что носило общее название «Причины», т. е. к объяснениям происхождения различных названий, обрядов, обычаев, местных

необычных культов, странностей поведения людей и т. д. Невозможно из-за плохой сохранности «Причин» Каллимаха судить о тех социальных или политических функциях, которые несли в себе те или иные эпизоды. Аполлоний всегда откликается на запросы современной ему действительности, делая это почти незаметно, как бы изнутри всего повествования.

Первая книга, где образ Ясона все время затенялся образом Геракла, старшего по возрасту, более опытного и сильного, добровольно отклонившего честь возглавить поход, завершает пребывание Геракла в отряде аргонавтов. Непомерная сила Геракла, его нетерпение и желание трудиться сверх меры приводят к тому, что он ломает весло. Во время остановки у реки Киоса в Мисии Геракл отправляется в лес в поисках дерева, пригодного для нового весла. А тем временем его любимец юный Гил идет за водой, чтобы успеть приготовить ужин. Возле ручья местные нимфы водят хороводы, и нимфа ручья, очарованная красотой Гила, увлекает его под воду.

Наряду с Аполлонием историю пропавшего Гила использовали также его современники Каллимах и Феокрит. Каллимаховский рассказ объясняет обычай местных жителей в определенный день года бродить по лесам и выкликать громко Гила. Феокрита заинтересовало несоответствие образа Геракла и его исступленной привязанности к Гилу, ради которого он презрел подвиги, славу и свой долг перед аргонавтами. Для Феокрита силач Геракл оказался побежденным любовью. Аполлонию же исчезновение Гила позволило вывести Геракла из среды аргонавтов. Сохраняя свою роль рассказчика, он со всеми подробностями описывает, как выбирал Геракл подходящую для весла сосну, как рубил ее, спеша возвратиться. Далее следует такой же эпически спокойный рассказ, как Гил маленьким мальчиком попал к Гераклу, убившему его строптивого отца. И тут поэт нарочито прерывает свой неторопливый рассказ:

Впрочем, этот рассказ далеко увел бы от песни…

Тональность меняется. Действие переносится на вершину холма, где в блеске полной луны резвятся нимфы, воспевая Артемиду. Шум плясок и песен заставляет подняться на поверхность ручья его нимфу, и в ярком сиянии луны она замечает склонившегося над водой Гила. «К

ней в душу впорхнула Киприда». Она обхватывает его шею левой рукой, а правой увлекает к себе в пучину. Крик Гила слышит лишь аргонавт Полифем, который отправился встретить Геракла. Геракл, вне себя от горя, бросается на поиски, увлекая за собой Полифема. Проходит ночь. А поутру, тщетно прождав ушедших, аргонавты вынуждены сняться с якоря. Недоумение и ссору предотвращает морской бог Главк. Он появляется из морских глубин, объясняя случившееся волей Зевса и тем, что Гераклу не было суждено стать аргонавтом.

Первая книга представляет собой своеобразную «Гераклеаду» и в целом посвящена прославлению Геракла. В ранних версиях мифа Геракл назывался участником похода. Во многих прибрежных городах Пропонтиды, на побережье Черного моря он был эпонимом городов, имел свои святилища и культы. В Египте Гераклу оказывались божественные почести *[Геродот*, История, II, 43). Птолемеи официально называли себя потомками Геракла. Но присутствие Геракла мешало Аполлонию, не соответствовало его замыслу, с Гераклом не было бы «Аргонавтики». Поэтому Аполлоний был вынужден максимально корректно расстаться с Гераклом, однако, не забывая про него до самого конца поэмы.

Во второй книге продолжается повествование. Аргонавты плывут вдоль берегов Мисии и Вифинии. В столкновении с «диким племенем бебриков», вождь которых Амик убивает всех иноземцев, подплывающих к его берегу, Полидевк в поединке убивает страшного Амика, а аргонавты одерживают победу над большим отрядом бебриков, яростно напавших на пришельцев, несмотря на то, что их вождь погиб в честном бою. Это кровавое побоище со скрупулезным описанием нанесенных увечий и смертельных ударов должно было убедить читателей в «нечестии» и «беззаконных действиях» Амика и всех бебриков, которые в давние времена были уничтожены греческими колонистами, объявившими себя потомками аргонавтов.

Многогранность поэтического мастерства и разносторонность поэтических приемов Аполлония особенно наглядны при сравнении приключения в стране бебриков и трагического события в городе Кизик в Вифинии, про которое с такой грустью и сожалением было рассказано в первой книге. Там юный царь, эпоним города и всей области, радушно встретил своих гостей. В честь прибывших он устроил пир, и

вся ночь прошла в оживленной беседе. Напрасно ждала Кизика его молодая жена Клита, недавно привезенная из дома отца «за выкуп богатый». Утром аргонавты поплыли дальше, а следующей ночью буря и встреч ный ветер вернули их обратно. Ни они, ни местные жители не узнали друг друга. Люди Кизика решили, что на них нападают враги, и с оружием бросились на прибывших. В битве погиб Кизик. Лишь на рассвете те и другие поняли, что произошло. Три дня рыдали с жителями Кизика несчастные аргонавты. Затем после похорон была устроена поминальная тризна и насыпан курган, он «высится в память потомкам и ныне». Бедная Клита покончила с собой, а слезы плакавших по ней лесных нимф потекли ручьем, получившим имя несчастной. И с тех пор в Кизике местные жители и греки в день скорби не варят пищу и едят сырые лепешки.

Аполлоний знал, что ионийцы из Милета жили в Кизике с VII в. до н. э. в мире и согласии с местным населением. Поэтому столь трогателен этот рассказ. Автор словно забывает о своем беспристрастии. Он становится сам сопричастным данному событию, минуя грань между эпическим сказителем и лирическим поэтом. Такова среда эллинистического поэта, и таков он сам. Столь же нового уровня в эпической поэзии достигает он и в эпизоде о гибели Гила.

Архаический эпос, как правило, не знает пейзажных зарисовок. В «Аргонавтике» Гил подходит к ручью поздно вечером. Только что вышла луна, весь луг залит ее серебристым светом, в лучах которого кружатся в танце поющие нимфы. Мальчик опускает в воду свой кувшин, и вместе с всплеском воды появляется нимфа. Такая идиллическая картина переходит далее в свою противоположность — в бурное горе Геракла, когда он, шагая с огромной сосной на плече, узнает об исчезновении Гила.

Феокрит также обратился к двум аполлониевским эпизодам и написал две прекрасные идиллии о Гиле и Амике. Едва ли нужно здесь заниматься выяснением того, кто из двух поэтов, Аполлоний или Феокрит, первым использовал этот сюжет. Лучше прочесть их даже в переводах, чтобы установить различие между ними и высоко оценить каждого из двоих, не забывая о различии жанровой природы.

В отличие от Гомера, Аполлоний имел возможность обращаться к богатой сокровищнице прошлого словесного и драматического искусства. Динамичным драматизмом проникнута сцена встречи

аргонавтов со слепым прорицателем Финеем. Немощный больной старик наказан Зевсом за свою былую гордыню. Лишив его зрения, Зевс лишил также счастья наслаждаться пищей и питьем. Каждый раз, когда старик пытается утолить голод или жажду, ощупывая доброхотные дары своих соседей, появляются страшные крылатые чудовища Гарпии, полуженщины-полуптицы, и оскверняют или похищают все. Сыновья Борея, которые оказываются свойственниками Финея, бросаются в погоню за Гарпиями и навсегда освобождают от них Финея. Изображая первое появление Финея, Аполлоний опять отходит от своей роли повествователя, становясь то свидетелем, то участником происходящего. Финей настолько немощен, что не покидает ложа. Но, заслышав чужие голоса и шум приближающихся шагов, встает и идет навстречу. Он появляется как призрак, ощупьюая стены и опираясь на посох. Дрожат его ноги и руки, высохшее до костей тело покрыто грязью. Достигнув порога, он бессильно опускается на него и теряет сознание. Аргонавты толпой окружают несчастного и от ужаса и сострадания молчат, пока старик постепенно приходит в себя. После обильной трапезы, впервые получив возможность спокойно разделить ее с радушными пришельцами, Финей, вымытый, в чистых одеждах, всю ночь беседует с гостями. В благодарность он говорит им о предстоящем пути, указывает на способы преодоления трудностей, прибегая к иносказаниям, как и подобает прорицателю.

Наутро, действуя по советам Финея, аргонавты минуют плавучие скалы Симплегады и вводят Арго в Черное море. Огибая его южное побережье, которое кажется им далеким севером, они плывут дальше. Читатели вместе с ними проходят отроги Финии, видят страну мириандинов, мифических женщин-воительниц амазонок, далее проходят изобретателей плавки железа халибов. Сколько удивительного и необычного содержится в рассказах о всех этих людях, живущих по странным для греков законам и обычаям.

На острове Ареатида аргонавты отражают нападение стимфалийских птиц-людоедов, которые обычно осыпают свои жертвы стрелоподобными перьями. Там же им удается спасти четырех юношей, корабль которых разметала буря. Они оказываются сыновьями Фрикса и внуками Эета, эллинами по отцу и колхами по матери. Выполняя завет покойного отца, Фриксиды отправились в Элладу за сокровищами

Афаманта. Аполлоний смело меняет традиционную версию сказания, согласно которому Фриксиды прибыли в Иолк до отплытия аргонавтов. А старший из них, Арг, уже опытный моряк, строит для эллинов первый корабль, дав ему свое имя. В «Аргонавтике» Фриксид Аргявляется тезкой строителя. Аполлоний изменил предание, предпочтя стройность сюжета поэмы возможной путанице имен. Без Фриксидов аргонавты не смогли бы проникнуть в Колхиду. Братья Фриксиды явились той чудесной помощью «из соленого моря», о которой сказал им Финей. Увидев в аргонавтах своих спасителей и установив близкое кровное родство с Ясоном, их троюродным братом, Фриксиды ведут их в Колхиду и обещают свое содействие. В ночных сумерках Арго входит в устье Фасиса. Аргонавты укрепляют якорь в болотистом месте, скрытом тростником, и располагаются на ночлег.

Новый проэмий открывает третью книгу, действие которой начинается на Олимпе. Изящная шутка — обращение поэта к музе Эрато, покровительнице любовной поэзии, имя которой созвучно имени Эрота и греческому слову «эрос» («любовь»). Так в эпос вводится новая и доселе чуждая ему тема любви. Эта тема была известна в лирической поэзии, где она не отделялась от брачных обрядов (Сапфо) и от застольных песен (Алкей, Мимнерм и другие). В трагедию ее ввел Еврипид, за что подвергся жесточайшим нападкам своих современников (Аристофан). Аполлоний осмелился не только перенести ее в эпическую поэму, но закрепить за ней приоритет. Помощь «коварной Киприды» предсказал аргонавтам Финей. В трагедии Еврипид а «Медея», отвергнутой современниками, колхидянка Медея жестоко мстила обманувшему ее Ясону, убивая детей.

Медея впервые появляется в третьей книге «Аргонавтики», играя в ней главную роль и будучи совершенно иной.

Исследователи обычно не скупились на упреки Аполлонию. Его обвиняли в неоправданном делении поэмы на две части, в появлении двух проэмиев, в несоответствии третьей книги прочим трем и даже в том, что эта третья книга по своим художественным достоинствам несравнима с остальными. Поэтому третью книгу неоднократно издавали отдельно, щедро комментируя.

Вряд ли такой приговор справедлив. Прежде всего нельзя забывать о различии требований и эстетических критериев античности и Нового

времени.

Основное внимание поэта в первых двух книгах сосредоточивалось на походе и приключениях аргонавтов. Когда же путь благополучно завершился, героям предстояло достигнуть цели, т. е. добыть руно и вернуться с ним обратно. Так возник новый проэмий. Начало повествования первой части напоминало сказку про злого правителя, который хочет устранить героя. Тот же прием Аполлоний повторил во второй части, усложнив сказку введением мифа.

Девальвация мифологии продолжилась в эллинистическую эпоху особенно интенсивно. А требования эпической поэтики диктовали поэту вмешательство богов, которым надлежало стимулировать эмоциональную сферу поведения людей. Социальное сознание ранней истории человечества удовлетворялось подобными объяснениями. Со временем божественное вмешательство стало достоянием художественного сознания, т. е. подверглось метафоризации, о чем свидетельствует «Аргонавтика».

После проэмия действие в третьей книге переносится на Олимп. Гера и Афина, верные хранительницы и помощницы Ясона, всю ночь обдумывают план осуществления цели похода и спасения Ясона. Наутро они идут к дому Афродиты. Троянской войне предшествовал спор этих трех богинь. Тут они должны быть единомышленницами. Аполлоний не подражает, а преобразует Гомера. Гомеровские реминисценции в «Аргонавтике» постоянны. Но обычно они представлены завуалированными. В тени пребывает у Аполлония гомеровский певец Демодок, который на пиру у феаков в «Одиссее» развлекает всех веселой песней о любовном свидании Ареса и Афродиты, застигнутых ревнивым Гефестом.

Встречу трех богинь на Олимпе Аполлоний по-своему трансформирует, наполняя миф подробными бытовыми реалиями. Гера с Афиной застают Афродиту в спальне за утренним туалетом. Трудолюбивый супруг давно отправился в свою кузницу, а бойкий сынишка где-то бегает со сверстниками. Афродита готова помочь просительницам. Она заплетает волосы, одевается, и все втроем отправляются на поиски Эрота.

В чудесном саду Зевса Эрот с виночерпием богов маленьким Ганимедом увлеченно играют в бабки. Эта сценка обычной земной

игры, перенесенной на Олимп, раскрывается в экфрасе. Эрот выигрывает. Левую руку, полную золотых бабок, он крепко прижал к груди и, стоя во весь рост, с хохотом продолжает метать. Ганимед проиграл последние две бабки и поплелся прочь, столь огорченный, что даже не заметил Киприды. Та подходит к сыну, треплет его по щеке, шутливо бранит за нечестную игру и просит спуститься на землю, чтобы выстрелить в сердце Медеи. В награду Афродита обещает сыну удивительный подарок — мяч, которым некогда забавлялся маленький Зевс. Описание чудо-мяча и ссылка на Гефеста, которому вряд ли по силам создать подобный мяч, — шутливое напоминание о чудесном щите, выкованном Гефестом для Ахилла в «Илиаде». Маленький плутишка умоляет мать немедленно вручить ему подарок, но она, лаская и целуя его, отказывает.

Тогда он собирает все бабки, прячет их за пазухой матери, берет стоящий у дерева колчан с луком и летит на землю.

В «Илиаде» судьбу и исход всей Троянской войны предрешает выстрел троянца Пандара, произведенный по внушению Афины. В «Аргонавтике» ему будет соответствовать выстрел Эрота, маленького плутишки, соблазненного детским мячиком, Эрота, бездумно выполняющего просьбу матери и ее двух приятельниц. От выстрела Эрота зависел исход похода, столь удачный для Ясона, и судьба Медеи, драматизм которой еще до Аполлония раскрыл Еврипид, но предрешил Аполлоний.

Начиная с третьей книги, в «Аргонавтику» вошла Медея. Ее образ целиком создан Аполлонием. Конечно, утверждение такое голословно. Но из-за фрагментарности всего предшествующего наследия невозможно опровергнуть его. Выстрел Эрота, предшествующий ему замысел трех богинь и даже туалет Афродиты могли иметь аналогии в эпосе, хотя в каждом отдельном случае Аполлоний вносил свои коррективы, не скрывая стремления к комедийно-фарсовым сценам, делая это с едва заметной усмешкой, но, в отличие от Каллимаха, не прибегая к иронии.

Для эллинистических поэтов первостепенной была проблема становления личности и раскрытия эмоционального мира человека. Во второй половине IV в. до н. э. Аристотель никак не мог понять, как Ифигения, героиня еврипидовской трагедии «Ифигения в Авлиде», обманом вызванная в лагерь ахейцев под предлогом брака с Ахиллом,

сначала трагически воспринимает предстоящую ей участь, протестует против заклания, но потом добровольно идет на смерть. Еврипид, гениальный драматург, лишь интуитивно ощутил и констатировал то, что произошло с его юной героиней, когда она узнала, что ее смерть — залог спасения ахейцев и победы в Троянской войне. Через сто лет после Еврипида великий философ Аристотель не мог принять и допустить для человека возможность развития личности. По античным представлениям, характер человека формировался раз и навсегда уже в момент зачатия. Аполлоний сумел преодолеть эту догму. Необычно для античного поэта он раскрыл те изменения, которым подверглась его героиня на протяжении второй части поэмы. Можно только предположить, что ему не мешала традиция и он чувствовал себя свободным творцом, не боясь осуждения своих читателей и слушателей. Ведь Медея была варваркой, внучкой самого Гелиоса, племянницей колдуньи Кирки, которая посвящала девочку в таинства служения страшной подземной Гекате и знакомила со всякими зельями.

В день прибытия аргонавтов Медея случайно была дома. Встреча с чужеземцами испугала и поразила юную девушку. Чудесное одеяние Ясона, весь его облик показались ей необычными. А в это время маленький Эрот, никем не замеченный, спрятался за стулом напротив нее и выпустил стрелу в ее сердце. Вмешательство бога словно дублировало то, что помимо него происходило в сердце Медеи. Подобный прием отмечался исследователями уже у Гомера как закон двойного зрения.

Все то, что в дальнейшем произойдет с Медеей, поэт перенесет в четвертую книгу. Там он подвергнет ее таким испытаниям, что легко будет представить себе героиню Еврипида, которую хорошо знали все эллины, в новой для нее и негостеприимной Элладе, за пределами поэмы Аполлония.

Новое время увидело в Медее положительную героиню, страдалицу и жертву чужих низменных поступков и страстей. Такой особенно изображали ее в новой Колхиде, среди потомков тех народов, которых впервые узнали аргонавты. Для античности задолго до Еврипида Медея была варваркой, предавшей отчизну, братоубийцей, злодейкой и ведьмой. Руками дочерей Пелия она погубила их отца, отравила правителя Коринфа и его дочь, избранницу Ясона. Еврипид изменил традиционную версию, по которой детей Медеи и Ясона

убивала толпа коринфян, мстителей за смерть своего правителя. Афинские зрители осудили нововведение Еврипида. Читатели и слушатели «Аргонавтики» жили в другие времена, в другой эпохе.

Медея Аполлония очень юна и целомудренна. Она живет среди родных. Сестра Халкиопа с детства была ей второй матерью, а теперь их комнаты расположены рядом. Она росла вместе с детьми Халкиопы и Фрикса, дружила с ними, поэтому понятен страх за них, прибывших вместе с аргонавтами. Она прекрасно знает, какой смертельной опасности ее отец подверг Ясона и всех аргонавтов. Чувство первой столь внезапной любви наряду со страхом завладевает Медеей. Поэт должен передать ее волнение, смену настроений, мучительные колебания. За несколько столетий до Аполлония поэтесса Сапфо муки любви и ревности изобразила во внешних проявлениях тяжелых физических страданий. Аполлоний ненавязчиво упоминает о них, но ему необходимо вынудить Медею к решительным действиям в пользу аргонавтов. Служанка передает Халкиопе, что Медея горько плачет в своих покоях. Халкиопа, тревожась за судьбу сыновей, идет к сестре и добивается ее согласия помочь Ясону.

В классической трагедии герои раскрывали свои чувства в речах, жестах, во всем поведении. Эпос, будучи повествовательным жанром, ограничивал возможности Аполлония. Поэт обратился к эпическим развернутым сравнениям, которые в «Илиаде» совершенно уникальны и не имеют аналогов даже в мировой литературе. Спор о роли и функции таких сравнений до сих пор не решен в науке. Одно из объяснений, наиболее правдоподобное, сводится к тому, что их сюжеты, содержащие привычные для слушателей сцены, помогают устранять временные и пространственные преграды, проецируя нечто давнее и далекое в современный видимый и знакомый всем мир.

Аполлоний вполне сознательно обратился к сравнениям и наибольшее количество ввел в третью книгу. Но, в отличие от Гомера, с помощью сравнений он изобразил состояние души Медеи. Сначала ее тайные муки он сравнивает с горем юной жены, только что узнавшей о смерти любимого мужа и тайком рыдающей на своем ложе. Трепет девичьего сердца после ухода Халкиопы, добившейся согласия на помощь, сравнивается с солнечным зайчиком. В светлую комнату только что внесли сосуд с водой или молоком, и отраженный луч скачет и мечется по стенам и полу. Смущение и смятение Медеи и Ясона во

время их первого свидания поэт передает сравнением с высокими деревьями, которые стоят неподвижно до первого порыва ветра, когда, качаясь на горных вершинах, они начинают шуметь непрерывно. Чувство меры не изменяет поэту. Изображая состояние Медеи после возвращения домой, когда конфликт дочернего долга и любви уже разрешен, он прибегает к экфрасе, описывая статую или картину. Медея опустилась на низенькую скамеечку перед креслом, склонив голову и пряча полные слез глаза, она опирается щекой на левую руку, не слушая вопросов Халкиопы и не отвечая ей (ст. 1155 сл.). Возможно, упоминание левой руки должно быть символом неблагополучия и предстоящих опасностей.

Среди исследователей принято противопоставлять аполлониевскую Медею, как вершину творчества поэта, явно неудачному Ясону. Но их образы слишком различны и не могут быть сравниваемы.

Образ Медеи Аполлоний создавал заново. Своим поведением его героиня не оскорбляла моральные устои эллинов. С образом Ясона ему было труднее. Ясон — прямой потомок Эола, сына Зевса или Девкалиона. Эол же был одним из прародителей эллинов и эпонимом эолийского племени. Будучи героем по рождению, Ясон как персонаж микенской или даже домикенской очень давней традиции многое растерял в устных рассказах об его подвигах. В эллинистическую эпоху Ясон вступил обремененным некими подвигами, будучи героем мифов и сказок. Поэтому, создавая своего Ясона, Аполлоний не был свободным. Но его Ясон остался смелым и мужественным. — На пути в Колхиду он вел себя достойно. Он еще в Иолке без колебаний решился плыть за руном. Несмотря на молодость — Аполлоний говорит, что щеки Ясона едва покрыты первым пушком — авторитет его уже непререкаем. На его призыв откликнулись богатыри по всей Элладе. В желании видеть Геракла главой похода раскрывается его скромность. Отказ же Геракла — не прихоть своенравного героя, а признание за юным Ясоном права вождя. В гомеровском эпосе «деяния богов и людей» раскрывались в условиях длительной войны. Одиссей стремился попасть домой, и в «Одиссее» содержание подвигов героя было иным; герой действовал один. В «Аргонавтике» был представлен некий сплоченный коллектив героев с различными характерами, была

общая цель, была почетная и ответственная роль предводителя. Поэтому оказались неуместными боевые подвиги одного вождя.

Поведение Ясона в Колхиде столь же достойно. Коварное предложение Эета аналогично столь же коварному требованию Пелия. Когда Ясон без колебаний принимает его, он не рассчитывает на чью-либо помощь. Помощь приходит извне и помимо него. На встречу с Медеей, подготовленную Халкиопой и Аргом, Ясон отправляется по деловым соображениям, даже не подозревая, что встреча завершится любовным свиданием. Намек на таковое поэт дает в изящной сценке, полной мягкого юмора. Ясон отправляется на встречу с Медеей не один, его сопровождают двое товарищей, которых громким карканьем встречает ворона. Мопс, будучи прорицателем и понимая птичий язык, удерживает приятеля, предлагая Ясону следовать дальше одному, где его будут ждать «эроты и Афродита» (ст. 925–987).

Первые речи Ясона звучат натянуто и риторично. Он упоминает про критянку Ариадну, спасшую Тесея. Но такое сравнение может быть воспринято намеком на то, что спасенный Тесей бросил свою спасительницу и ушел один. Но далее все меняется. «При виде девичьих слез на Ясона вдруг низошла безоглядная страсть», — говорит Аполлоний (ст. 1074 сл.). Ясон искренне обещает Медее увезти ее с собой в Элладу, где ее будет ждать всеобщий почет за спасение всех аргонавтов, а он станет ее любящим мужем:

> И никто не разлучит нас в любви, кроме смерти.
> Смерти одной неизбежной дано разлучить нас обоих (ст. 1126).

Если бы Ясон не был решительным и смелым, даже помощь Медеи не выручила бы его. Он сам укротил и запряг медных огнедышащих быков, сам вспахал на них огромное поле, сам расправился с теми земнородными, которые не успели поразить друг друга в рукопашной схватке. В «Илиаде» троянец Гектор легко поднимает и бросает камень, который не под силу вкатить на повозку двоим сильным мужчинам (XII, 445 сл.). Ясон же поднимает с земли и швыряет в землеродных великанов камень, который четверо юных силачей не смогли бы даже немного приподнять (ст. 1364 сл.). Несмотря на сказочный характер всей этой сцены, подвиг достаточно характеризует храбрость и героизм

Ясона. Таким увидит его несколько веков спустя уже в Риме Овидий (Метаморфозы, VII, 104–146).

Ясон с честью выдержал свое испытание и ждет выполнения обещания Эета. Радуются его спутники в ожидании награды.

Четвертая книга приносит с собой крушение всех радостных надежд. Эет не собирается выполнять свое обещание. Нарастающее напряжение, опасность, которую даже не подозревает ни Ясон, ни остальные аргонавты, Аполлоний передает необычным приемом, т. е. столь редкой для античных жанров сменой мест действия. Эет у себя совещается с приближенными, подозревая участие дочерей в победе Ясона. Медея, знающая своего отца и понимающая, что Эет никогда добровольно не отдаст руно, покидает дом и ночью спешит к аргонавтам. Бегущую девушку встречает богиня Луна. Было время, когда Медея смеялась над Луной, влюбленной в красавца Эндимиона, осыпала ее насмешками, лишь только Луна спешила на свидание. Теперь Луна торжествует победу и вволю издевается над бегущей Медеей. Медея не отвечает на ее слова.

В IV идиллии Феокрита влюбленная Симефа поверяет Луне грустную историю своей любви и рассказывает о своем вероломном возлюбленном. Луна безмолвствует, не прерывая рассказчицу. Оба поэта — современники, и их перекличка не вызывает сомнений, хотя вопрос о первенстве использования подобного сюжета едва ли может быть решен. Эллинистические поэты часто использовали общие темы и сюжеты, чтобы продемонстрировать различие приемов и способов их раскрытия. У Феокрита божественная природа Луны в своем безмолвии как бы противопоставлена суетности и безысходности человеческих страданий. Его Симефа, выплакав свое горе, поведав Луне о намерении погубить изменника, с наступлением утра решает оставить все по-прежнему и терпеливо страдать дальше. Аполлоний начисто лишает свою Луну ореола божественности. Его богиня больше напоминает зловредную соседку.

Встретив на берегу аргонавтов, Медея уговаривает их немедленно бежать. Вместе с Ясоном она отправляется в рощу добыть золотое руно, и Ясон приносит его на корабль.

По законам сказки маршрут обратного пути не может повторять уже пройденный. Новый путь Арго позволяет Аполлонию лишний раз

продемонстрировать свои знания. Этот путь неотделим от всего идейного замысла поэмы.

На пути в Колхиду Финей лишь намекнул на то, что домой придется искать иную дорогу. Теперь АргФриксид раскрывает смысл этого пророчества, ссылаясь на свое знакомство с древними письменами колхов (ст. 254–290). Он говорит о доисторических временах, когда многих народов, включая эллинов, еще не существовало. Тогда среди всех был знаменит только Египет, возникший еще до появления Луны. Сведения Арга подтверждаются рассказом Геродота, который, как считают историки, в их числе С. А. Жебелев, сам был в Колхиде[8]. Арг рассказывает аргонавтам о каком-то полководце, прошедшем всю Азию и Европу и основавшем множество городов, куда он поселил тех, кто пришел с ним. Аполлоний не называет его имени. Но Геродот, Аристотель, Полибий и другие именуют его Сесострисом, т. е. каким-то фараоном из XII династии Сенусертов (начало II тысячелетия). Итак, продолжает Арг, колхи Эи те же египтяне. Они унаследовали от предков карты всех земных и морских путей, насеченные на каменных плитах. Он предлагает аргонавтам плыть назад по реке Истру (Дунай), которая спускается с Рипейских гор (Урал) и расходится на два рукава, из них один впадает в Черное море, а другой — в Тринакрийское (Адриатическое). Такое представление не было в античности общепринятым, однако существовало.

Большой отряд колхов под предводительством брата Медеи Апсирта, опередив аргонавтов, выходит им навстречу, требуя выдачи Медеи. Завоеванное Ясоном золотое руно должно остаться у аргонавтов.

Обида, страх перед возвращением в Колхиду охватывают Медею. В отчаянии она угрожает проклятиями Ясону, грозится сжечь Арго и погибнуть в пламени. Ясон утешает, ободряет ее, и они решают заманить Апсирта к себе под предлогом переговоров. Когда же тот, один, без охраны, приезжает, Ясон убивает его. Зевс требует очищения за неправедное убийство. Но Кирка, к острову которой прибывают аргонавты, совершив очистительные жертвы, выгоняет из своего дома Медею и Ясона.

После долгого и опасного плавания, преследуемые вторым отрядом колхов, аргонавты прибывают в страну феаков на остров

Дрепану (Керкира, современный Корфу). Колхи настигают их, грозя войной. Медея бросается к ногам царицы феаков Ареты, моля о защите. Ночью на супружеском ложе Арета убеждает Алкиноя спасти несчастную. Алкиной, честный и справедливый правитель, отвечает, что по закону девушкой владеет отец, а женщиной — муж.

Аполлоний, как уже не раз поступал в критических ситуациях, обращается и здесь к бытовой, почти юмористической сценке. Алкиной засыпает, Арета же потихоньку выходит из спальни, чтобы сообщить аргонавтам о решении Алкиноя.

Под покровом ночи в пещере справляется свадьба. Постелью новобрачным служит руно, а нимфы засыпают пещеру цветами. Описание свадьбы Медеи и Ясона имеет аналогию с феокритовским «Эпиталамием Елены», брачным гимном, который утром после свадьбы спартанские девушки поют в чертоге Менелая (*Феокрит*, Идиллия, XVIII). Вопрос о приоритете поэтов открыт. Главное в том, что Аполлоний свадебную тему ввел в «Аргонавтику», связав ее с основным сюжетом, отвел ей важную роль и в мажорном тоне, ярко и красочно смягчил трагизм всего предыдущего рассказа.

Наутро Алкиной выносит решение в пользу Медеи. Колхи, опасаясь гнева Эета, остаются навсегда у феаков. Гомероведами давно уже установлена ирреальность всей феакийской истории. В «Одиссее» сказочная страна счастливых людей, управляемая мудрым царем и доброй царицей, по воле разгневанного Посидона навсегда исчезает в морских волнах; в память о ней остаются лишь сказания и песни. Аполлоний в описании страны и ее людей послушно следует за Гомером, фиксируя главное внимание на образах Ареты и Алкиноя, приближая их к своим современникам. Но этнические и этиологические интересы эллинистического поэта не позволяют ему расстаться с феаками. Они продолжают жить в своих потомках, в тех колхах, которые населяют побережье Эпира и примыкающие к нему острова и помнят о своих египетско-колхских предках.

Установление причинно-следственных связей и внимание к ним обычно не входило в поэтику эпического жанра, законы которого Аполлоний предпочитает не обходить. Щедро одаренные феаками аргонавты уже предвидят окончание своих странствий. Им предстоит лишь обогнуть Пелопоннес и взять курс на родную Ахею.

Но вновь обрушивается грозный порыв ветра, и Арго оказывается у берегов Северной Африки. Девять суток терзает его северный ветер и наконец выбрасывает на песчаную Сиртскую отмель, где обычно мореплавателей ожидала гибель. Почему же корабль аргонавтов попал сюда? Аполлоний упоминает лишь о том, что они не могли спокойно вернуться домой. Кормчий Анкей говорит товарищам, утратившим всякую надежду: «…не захочет Зевс блаженным днем возвращенья / Увенчать наконец усилия трудные наши» (ст. 1265 сл.). Ни Гера, ни Афина не приходят на помощь. Несчастные аргонавты сравниваются с теми людьми, которые становятся неминуемыми жертвами стихий, войны, затмений или каких-нибудь страшных предзнаменований. Подобные призракам, бродят они в бездействии, ожидая смерти.

Аполлоний прямо не говорит о причине постигшего аргонавтов бедствия. Эпос не знает случайностей. Пребывание аргонавтов в устье Нила, на родине поэта, было продиктовано его замыслом и всем сюжетом. По отдельным намекам можно предположить, что вина аргонавтов была в убийстве Апсирта. Кирка хотя и свершила очистительные жертвы, но, узнав подробности преступления, выгнала Медею и Ясона из своего жилища. Перед этим Аполлоний упоминает о неистовом гневе Зевса после убийства Апсирта (ст. 511). Правда,

Зевс гневается на колхов, трусливо сбежавших от убийц. Нетрудно предположить, как должен был гневаться Зевс, блюститель справедливости и законности, на тех, кто совершил святотатственное дело. Олимпийские боги отвернулись от аргонавтов, и постоянные защитницы Ясона — Гера и Афина — не в силах ему помочь. Не случайно столь подробно и сочувственно изображает Аполлоний пребывание аргонавтов в Сирте, их отчаяние и безысходное горе Ясона. В этой части упоминается имя Афины, но не олимпийской богини, а местной, уроженки Египта.

Местные ливийские божества спасают аргонавтов от гибели. Никем не замеченные, они приходят к Ясону и указывают ему путь спасения. Двенадцать суток, утопая в песке и изнемогая от усталости, несут аргонавты на плечах корабль до Тритонова озера в пустыне Малого Сирта. После спуска на воду корабля все отправляются на поиски пресной воды и приходят в волшебный сад Гесперид. Незадолго до их появления здесь побывал Геракл, убил дракона-стража, похитил чудесные яблоки и пробил в скале родник. Так в последний раз он

облагодетельствовал своих былых спутников, чтобы покинуть их уже навсегда. Тщетными оказываются все попытки догнать его.

Путь из озера в открытое море указывает аргонавтам Тритон, бог и хранитель великого озера. В рассказе о встрече с Тритоном Аполлоний смело контаминирует две самостоятельные версии очень древнего мифа. В благодарность за спасение аргонавты передают Тритону священный жертвенник (*Геродот* История, IV, 179). Тритон дарит аргонавту Евфиму ком ливийской земли, приказав бросить его в Эгейском море, чтобы впоследствии из него поднялся остров Фера, куда переселятся с Пелопоннеса потомки Евфима, чтобы еще позднее вернуться к родной земле в Кирену *(Пиндар,* Пифийская ода, IV, 32 сл.). В «Аргонавтике» Тритону преподносится треножник. Независимо от этого дара бог одаривает Евфима земельным комом — не киренской, а ливийской, т. е. египетской, земли. А перед самым завершением похода Евфим видит странный сон, смысл которого раскрывает ему Ясон. Как подобает вождю, Ясон наделен даром провидения, важной чертой для всего его облика. По совету Ясона, Евфим кидает комок в воду, и из воды поднимается остров, который аргонавты сразу же прозвали «Прекрасным» (Каллиста). Затем, говорит Аполлоний, его назовут Ферой. Дальнейшая судьба этого острова не интересует поэта, так как «…это все было после Евфима» (ст. 1751). Пиндар же отмечал, что потомки Евфима в семнадцатом поколении под предводительством Батта поплывут с Феры в Африку и там заселят страну, которую назовут Киреной по имени возлюбленной Аполлона. Этот миф был хорошо знаком Геродоту. А в Александрии его многократно и подробно разрабатывал Каллимах, гордый своей принадлежностью к последним потомкам Батта.

События в Ливии, роль Тритона и местных богинь, приключение Евфима позволяют предположить, что «Аргонавтика» создавалась в разгар борьбы за Кирену, когда птолемеевский Египет отвергал ее самостоятельность, провозглашенную Магасом. Последнее приключение аргонавтов на острове Крит помогает предположить более точную дату. В истории о том, как Медея своими чарами помогла аргонавтам избавиться от медного великана Талоса, чудовищного стража острова, Аполлоний воссоздал очень древний средиземноморский миф. До 261 г., когда Египту пришлось смириться с поражением в Хремонидовой войне и утратой своего влияния в

Восточном Средиземноморье, Крит был главным форпостом для Птолемея II и его союзников в борьбе с Антигоном Гонатом. А Фера, самый южный из островов Кикладского архипелага, открывал египетскому флоту путь в Эгейское море. Аргонавт Евфим с его ливийской землей, колхидянка Медея, освободительница Крита, и, наконец, все аргонавты, предки греков, на союз с которыми так уповал Птолемей II, призывая их на борьбу против македонского ига, были злободневными персонажами среди современников Аполлония в 70 — 60-х годах. В свою очередь обращение за идейной поддержкой к северным соседям, и особенно к припонтийским народам, в борьбе против Сирии и Македонии для Птолемея II было чрезвычайно актуальным. В Византии, например, египетскому царю в это время был даже посвящен храм, где его чтили как бога.

Аполлоний был близок к птолемеевскому двору и видел в Птолемее II такого просвещенного монарха, который один со своим народом был достоин стать властелином всей ойкумены. Аполлоний не был придворным поэтом, не прославлял царя в хвалебных гимнах подобно Феокриту («Энкомий Птолемею») или Каллимаху (гимн Зевсу). Он искренне верил в высокое предназначение Египта и в его особую роль в истории своего времени.

Египтянин и просвещенный грек, знаток и ценитель поэтического искусства, Аполлоний прекрасно владел законами эпической поэтики. Поэтому в своей поэме он не отступил от архаического правила кольцевой композиции. В начале первой книги Орфей исполняет торжественный космогонический гимн, в котором анонимно излагается знаменитая доктрина Эмпедокла о возникновении вселенной. В четвертой книге на острове Кирки живут удивительные существа, лишенные какой-либо определенной формы и непохожие на обитателей Земли (ст. 667 сл.). Аполлоний и здесь не называет своего источника, но его просвещенные слушатели и читатели сразу же могли узнать этого же акригентского философа, жившего почти за два столетия до них. Философ Эмпедокл, ставший героем бесчисленных легенд, чудотворец и поэт, увлекался учением египетских мудрецов и воспроизводил его в своих произведениях. Поэтому неудивителен интерес к нему в Александрии и появление основных положений его учения о природе в начале и в конце «Аргонавтики». Второе композиционное и столь же ответственное для Аполлония повторение связано с богом Аполлоном,

эпонимом поэта. К нему Аполлоний обращается сам в первом стихе. Перед отплытием из Иолка к нему взывает Ясон. В самом конце поэмы, когда аргонавты, застигнутые полным мраком, уже не надеются на спасение, появляется Аполлон. Он стремительно спускается на ближайшую скалу, держа в руке золотой лук, наполнивший все своим ярким сиянием. Таковым был Аполлон Эглет, Аполлон Сверкающий, завершивший возложенную на него поэтом ответственнейшую миссию.

Милость явите, герои! Вы род богов преблаженных!
Пусть из года в год приятнее будет петь людям Песни… —

этими словами завершает Аполлоний свою поэму, вложив в них основной тезис своей программы. Опираясь на многовековую традицию словесного и изобразительного искусства, он создал «Аргонавтику», воспроизводя в ней образ ушедшего мира и мира своего времени, вписывая самого себя в эти оба различных и непохожих друг на друга, но для него одинаково прекрасных мира.

Смысл этой скрытой полемики с инакомыслящими состоял в том, что он верил в бессмертие этих древних героев и стремился доступными для себя средствами утвердить их актуальность для новой, якобы воскресшей Эллады. Он полагал, что некогда великая Эллада теперь передала пальму своего первенства Египту, подобно тому как боги Египта в незапамятные времена пришли на помощь аргонавтам — великим предкам эллинов.

Как и Аполлоний, Каллимах не отвергал мифологию, используя ее в качестве мифологизированной истории Эллады. Но обращение к ней, помимо прославления своей Кирены, стало для него средством самоутверждения и самовыражения. Мыслитель и блестящий поэт, он, пожалуй, единственный среди эллинистических поэтов ощутил постепенную утрату былых мировоззренческих основ, сожалел о них и укрылся с помощью иронии и мягкого юмора. Феокрит, не столь глубокий поэт, в фольклоре своей родной Сицилии нашел для себя новых героев, пастухов и землепашцев. Он также не пренебрегал мифами, но устранял в них героику подвигов, добавлял обыденные подробности с образами страдающих современников. Но и в этом он следовал за Каллимахом.

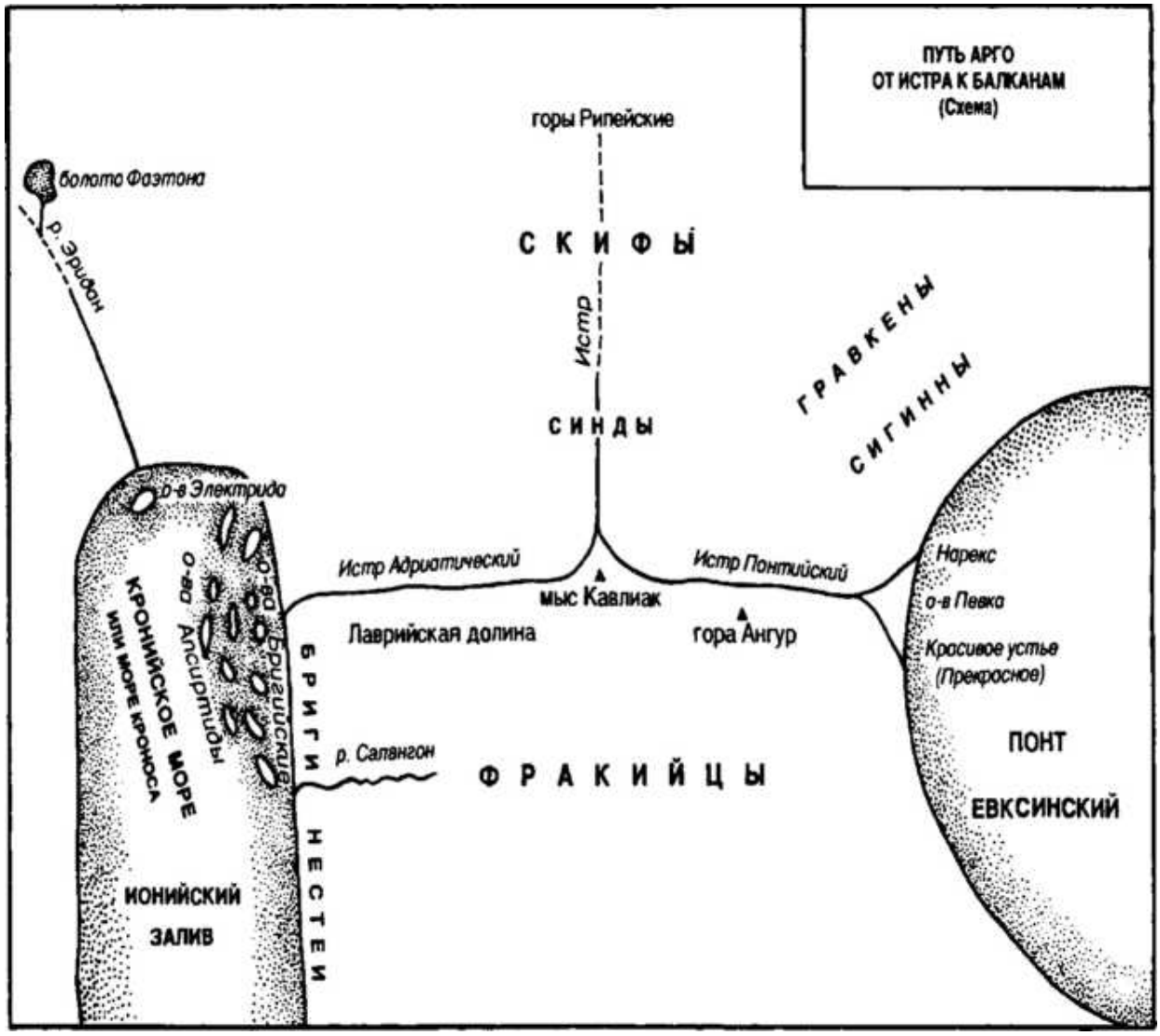
Оба основных направления эллинистической поэзии различными способами и средствами, но в общей художественной манере выражали свое время. «Аргонавтика» Аполлония Родосского, единая эпическая поэма со сквозным единым действием, сумела воспроизвести свое время в более широких масштабах и включила разнообразные идеологические пласты в соответствии с требованиями и задачами эпического жанра, начиная с Гомера. Но эллинистический эпос не мог быть гомеровским ни в стилистике, ни в поэтике, ни в лексике, не говоря уже об его цели и назначении.

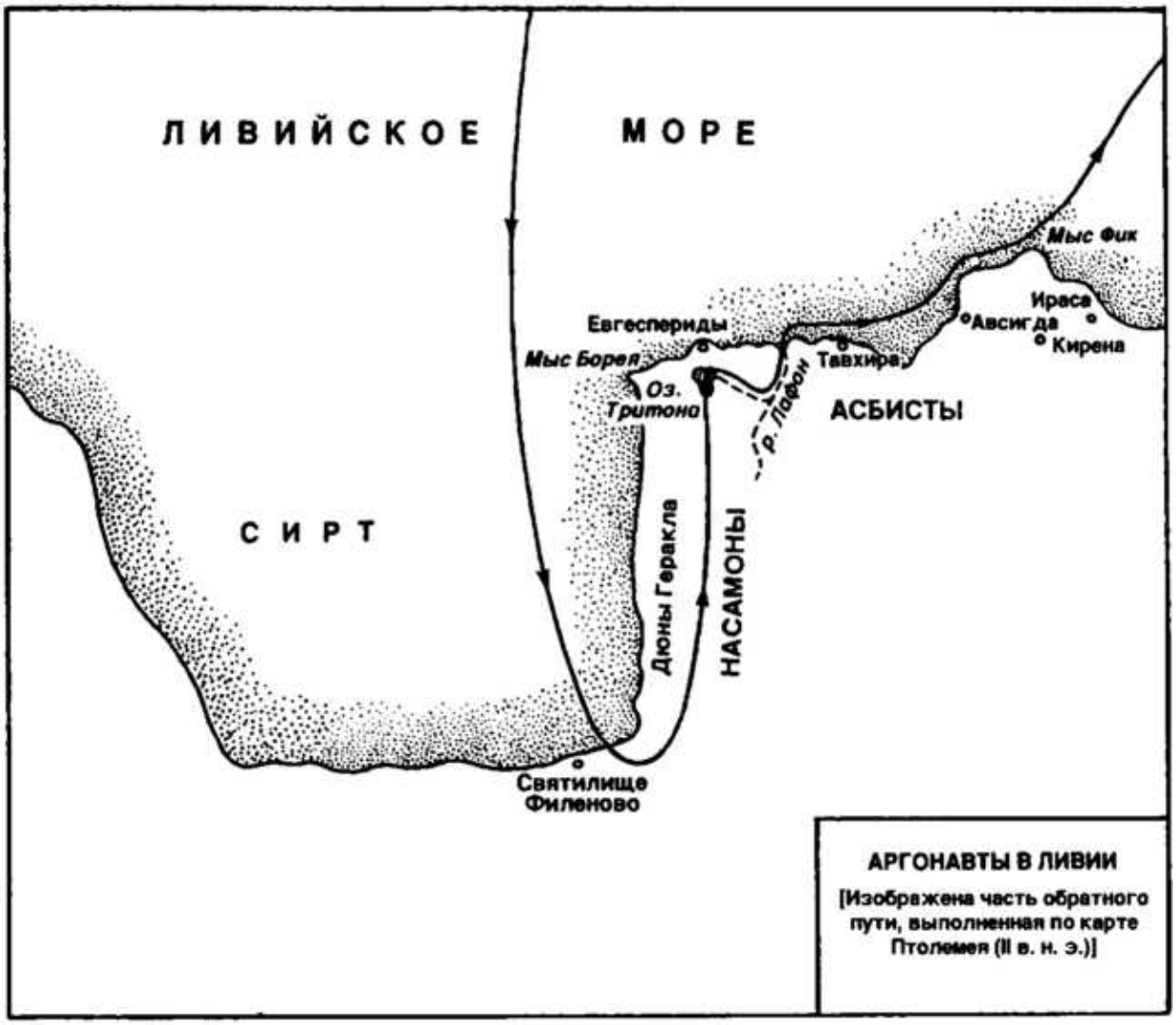
Поэма не лишена недостатков, которые обнаруживаются в излишних длиннотах, в шероховатости отдельных стихов, в пристрастии к отдельным лексическим и фразеологическим раритетам и т. д. и т. п. Но за всем этим нельзя забывать, что перед нами оригинальный и интересный поэт, открывший наиболее полно и ярко блестящую и смутную переходную эпоху раннего эллинизма.

В героях поэмы, якобы пришедших из далеких, забытых времен, предстали такие люди, которых видел и хорошо знал поэт. Он сам вошел в поэму вместе с ними. Волнения, страх перед возможными и неожиданными опасностями, житейская неустойчивость и напряженность эмоционального мира, сложность характеров, в том числе женских, — все это и многое другое предстало в поэме.

Неудивительно, что библия аргонавтов впоследствии надолго затмила Гомера, оставив гомеровский эпос предметом ученых штудий. Для позднего эллинизма и эллинистическо-римской эпохи Гомер был непонятным и слишком далеким. С середины I в. до н. э. в Риме Аполлония читали уже на латинском языке. Из «Аргонавтики» взросла «Энеида» Вергилия, для которого Август занял место аполлониевского Птолемея II Филадельфа как символ мирового величия Рима. Еще позднее, после латинских подражаний и переводов, уже в Средние века на основе «Аргонавтики» возникла «Троянская история», вскоре переведенная на все европейские языки, включая русский. В 1496 г. во Флоренции Франческо из Алопы опубликовал еще неполное печатное издание «Аргонавтики», выполненное при непосредственном участии знаменитого первоиздателя и гуманиста Яна Ласкариса. С этого времени интерес к Аполлонию уже не угасал. Новые издания выходили одно за другим во Франции, Германии, Англии, дополняясь переводами, комментариями, словарями и т. д. и т. п.

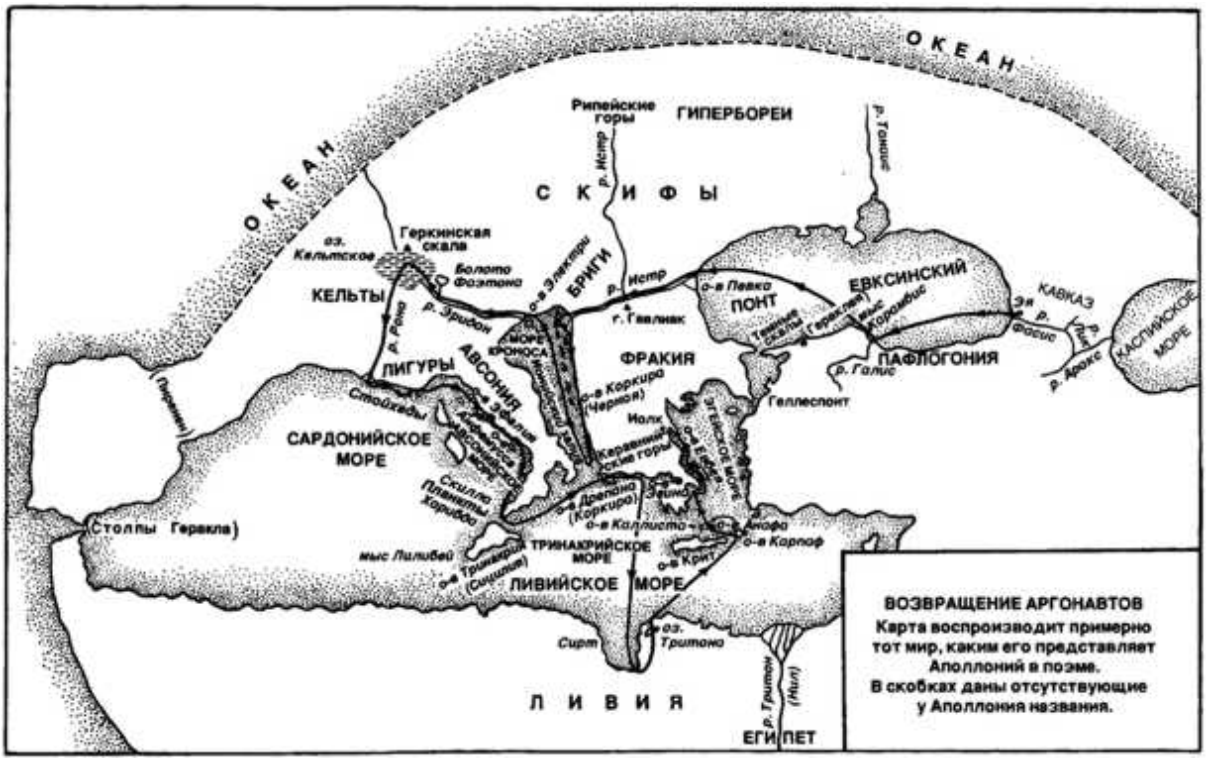
ГРЕЦИЯ АРГОНАВТОВ
Отмечены гавани.
Географические названия даны по Аполлонию
0 10 20 30 км
ФРАКИЯ
БИСТОНИЯ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТРИНАКРИЙСКОЕ МОРЕ
КРИТСКОЕ МОРЕ
ПЕЛАСГОТИДА
ГЕМОНИЯ
ПЕЛОПОННЕС
ЭЛИДА
АРКАДИЯ
АХЕЯ
БЕОТИЯ
ФОКИДА
ЭТОЛИЯ
ЭВБЕЯ
МАГНЕСИЯ
ПИЕРИЯ
ПАЛЛЕНА
ДОЛОПЫ
ДРИОПЫ
ЭВБЕЯ
МИНОИДЫ (Циклады)
СПОРАДЫ
Ларисса
Гиртон
Еврименa
Гомола
Мелибоя
Пагасы
Афета
г. Пелион
Феры
Иолк
Фтия
Ктименa
Офрида
Алопа
оз. Ксинида
Пимплея
Петра
г. Олимп
Осса
Трикка
Додона
Дримей
Энипей
Апидан
Аэропос
Пенея
Эрименa
Элимея
Орестида
Линкестида
Пелагония
Эордея
Мигдония
Халкидика
Фракия
Бистония
Зона
р. Гебр
р. Эргин
мыс Сарпедон
о-в Самофракa
залив Черный
Херсонес
Абарния
Перкота
Абидос
Дардания
Ретейон
Ида
г. Афон
о-в Имброс
Мирина
о-в ЛЕМНОС
мыс Канастрон
о-в Скиаф
о-в Скирос
о-в Эвбея
Керинф
Халкида
Аулида
Орхомен
Фивы
Фермопилы
Эхалия
Фессалия
Трахин
Олонт
Парнасс
Олен
Плеврон
Калидон
Пифон
Офрида
Амбракия
о-в Дрепана (Коркира)
о-в Тафос
Эхинады
Пеллена
г. Эриманф
Аргос
Микены
Тегея
Лерна
Арена
о-в Строфады (Пловучис)
Пилос
Терапны
Спарта
Амиклы
Менал
Парфений
Элейская Калаврия
Мегара
Элевсин
Саламин
Акрополь (Афины)
Герестий
Илисс
Кефиз
Эфира
Асоп
о-в Тенос
о-в Кеос
о-в Делос
о-в Наксос
о-в Сикин
о-в Анафа
о-в Каллиста (Фера)
о-в Фера
о-в Самос (Парфения)
мыс Тенар
о-в КИФЕРА
о-в Дия
мыс Салмонийский
о-в КРИТ
г. Ида
Кносс
г. Дикта
1
2
3
4
5


ПУТЬ АРГО
ОТ ИСТРА К БАЛКАНАМ
(Схема)
горы Рипейские
болото Фаэтона
р. Эридан
С К И Ф Ы
Истр
С И Н Д Ы
Г Р А В К Е Н Ы
С И Г И Н Н Ы
о-в Электрида
о-ва Апсиртиды
о-ва Бригийские
КРОНИЙСКОЕ МОРЕ
ИЛИ МОРЕ КРОНОСА
Истр Адриатический
Истр Понтийский
мыс Кавлиак
Лаврийская долина
гора Ангур
Нарекс
о-в Певка
Красивое устье
(Прекрасное)
ПОНТ
ЕВКСИНСКИЙ
р. Салвнгон
Ф Р А К И Й Ц Ы
Б Р И Г И
Н Е С Т Е И
ИОНИЙСКИЙ
ЗАЛИВ



АРГОНАВТЫ В ЛИВИИ

[Изображена часть обратного пути, выполненная по карте Птолемея (II в. н. э.)]



ВОЗВРАЩЕНИЕ АРГОНАВТОВ

Карта воспроизводит примерно тот мир, каким его представляет Аполлоний в поэме. В скобках даны отсутствующие у Аполлония названия.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемый перевод поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика» выполнен по последнему изданию Германа Френкеля (Оксфорд, 1986). В нем учтены все известные рукописи и новонайденные фрагменты поэмы на основе тщательной текстологической работы. Первое издание Г. Френкеля было опубликовано в 1961 году и трижды переиздавалось (1964, 1967, 1970). Издание 1986 года было пересмотрено заново. В переводе было также использовано комментированное и снабженное большим критическим аппаратом трехтомное французское издание Франсуа Виана с прозаическим переводом Эмиля Делажа. Помимо публикации античных схолий, выполненной Карлом Венделем, и отдельных изданий третьей книги поэмы, я обращалась к словарю М. Кэмпбелла[9]. «Аргонавтика», первое полное печатное издание которой вышло в 1521 году в венецианской типографии Альда Мануция, неоднократно переводилась на все европейские языки, начиная с латинского перевода I в. до н. э. В Риме в эпоху поздней античности и на протяжении всего Средневековья поэма Аполлония Родосского наряду с ее переложениями и пересказами привлекала всеобщее внимание.

Единственный перевод на русский язык был завершен в 1936 году и принадлежал профессору Григорию Филимоновичу Церетели, воспитаннику Петербургского университета, выдающемуся ученому и педагогу. В 1920 году Церетели покинул Петроград и был вынужден переехать в Тбилиси. Там под его непосредственным руководством была создана кафедра классической филологии в Тбилисском университете, а сам Григорий Филимонович получил возможность плодотворно и спокойно работать более пятнадцати лет. Возможно, обращение его к поэме Аполлония Родосского было данью благодарности второй родине, где был локализован и пользовался исключительной популярностью миф об аргонавтах. Но, с другой стороны, Г. Ф. Церетели много лет занимался историей древнегреческой литературы, и еще в Петрограде и Дерите (Тарту) его внимание привлек великий греческий комедиограф Менандр, стоявший на пороге эллинистической эпохи (кон. IV — нач. III в. до н. э.). Однако

в традициях всего XIX и первой четверти XX века эллинистическая литература, подобно всей культуре эллинизма, аттестовалась как второстепенная, эпигонская и подражательная в сравнении с эпохой классической.

Поэтому Аполлоний Родосский и его знаменитая поэма рассматривались лишь на фоне гомеровского эпоса и неизменно оценивались в сопоставлении с «Илиадой», а главным образом с «Одиссеей».

Эталоном русского перевода гомеровского эпоса признавался перевод «Илиады» Н. И. Гнедича. Первый русский переводчик «Аргонавтики» естественно ориентировался на Гнедича, и Аполлоний предстал в тени Гомера и Гнедича. Будучи тонким знатоком греческого языка и крупнейшим эллинистом, Г. Ф. Церетели не мог преодолеть устойчивые традиции, благодаря которым его перевод оказался перегруженным фразеологическими и лексическими архаизмами. Интуитивно он сам чувствовал это противоречие и в январе 1936 года после завершения перевода писал: «До сих пор не могу окончить Введения к „Аргонавтике“. Все выходит как-то пресно, безвкусно, бесподъемно и серо»[10].

Однако к этому введению и к завершению примечаний к переводу Г. Ф. Церетели уже никогда не вернулся. В 1964 году, спустя четверть века после его трагической гибели, ученики и друзья опубликовали в Тбилиси в издательстве «Мецниереба» по машинописной копии с параллельным греческим текстом перевод, введение и примечания Церетели. Послесловие и статьи о Григории Филимоновиче написал Ф. А. Петровский. Издатели включили также небольшое количество иллюстраций, преимущественно из собрания Эрмитажа. К сожалению, книга вышла тиражом всего в тысячу экземпляров и была напечатана на газетной бумаге. Ныне она давно стала библиографической редкостью.

Новое обращение к Аполлонию Родосскому и необходимость нового перевода «Аргонавтики» продиктованы тем, что на протяжении XX века чрезвычайно пополнились наши сведения об эпохе эллинизма, ее культуре и литературе.

Мы стали лучше понимать, что между Гомером и Аполлонием прошло более пяти столетий. У Аполлония Родосского и его выдающихся современников — Каллимаха, Феокрита, Арата и других

— сложились совершенно новые взгляды на действительность, в том числе и на ту действительность, которую они унаследовали от классики.

Герои Аполлония со своими именами, одеждой, доспехами пришли из далеких мифических, догомеровских времен. Но для эллинистического поэта они были современниками, с которыми вместе он жил, страдал и радовался. Аполлоний гордился своими познаниями о прошлом, полемизировал с современниками и раскрывал свой собственный мир. В его время эпическая поэзия утратила объективность и мнимую бесстрастность. Итак, в XX веке обращение к Гнедичу утрачивало свою безусловность.

Впервые в России об этом заговорил М. А. Кузмин, который по совету А. И. Пиотровского взялся за перевод знаменитой сцены прощания Гектора и Андромахи из «Илиады» Гомера. В предисловии к своему переводу он писал:

«Я считаю, что перевод Гнедича всецело лежит еще в XVIII веке, когда на „Илиаду“ смотрели как на образец искусственной поэмы (ставили рядом с „Энеидой“), благородно, торжественно и отвлеченно рисующей деяния и быт героев. У Гнедича явная архаизация и стилизация»[11].

Для меня обращение к Аполлонию Родосскому и его поэме имеет полувековую историю. В 1943 году О. М. Фрейденберг, доктор филологических наук, заведующая кафедрой классической филологии Ленинградского университета, предложила мне заняться «Аргонавтикой» для предстоящей дипломной работы. Она сама рассматривала «Илиаду» и «Одиссею» как классические образцы фольклорного внеавторского творчества и предполагала, что авторская «Аргонавтика» поможет наиболее полно подтвердить различие между фольклором, народным творчеством и литературой.

Чтение «Аргонавтики» и занятия эллинистическим эпосом после окончания университета я продолжала и далее, вплоть до защиты кандидатской диссертации. Эллинистическая эпоха и ее место в культуре античного мира оказались в центре моих интересов. Для себя я установила, что эллинистическая поэзия периода ее расцвета (первая половина III в. до н. э.) не была ни подражательной, ни эпигонской. Публикации новых находок только подтвердили мое мнение о том, что эта литература отвечала духу своего времени и в ее разносторонности

отражены актуальные взгляды на все предыдущее наследие и бесспорное право на него, а также поиски новых творческих задач и путей.

«Аргонавтика» — единственный памятник эпической эллинистической поэзии времени ее расцвета, не только полностью дошедший до нас, но и сохранившийся во множестве рукописей. Перевод Г. Ф. Церетели был выполнен по устаревшему изданию Р. Меркеля (1854), где использовались всего две, и нелучшие, рукописи поэмы. При всем уважении к Г. Ф. Церетели и его подвижническому труду, стремление предоставить читателям, не имеющим возможности читать по-гречески, новый перевод «Аргонавтики» побудило меня предпринять столь ответственную и сложную попытку.

Несколько замечаний об отдельных особенностях русского перевода:

1. Большую трудность представляла транскрипция собственных имен и географических названий, так как в ряде случаев пришлось отказаться от современной тенденции, принятой в науке, и сохранить привычную для русского языка традицию. Так, например, греческая 'эта' ('η) должна бы передаваться через русское 'и', но Медея не стала Мидией, Адмет — Адмитом, Леда — Лидой, Арес — Арисом. Исключение составляют по традиции имена Евфим и Полифем. Как правило, интервокальная 'сигма' ('σ') передается через русское 'с' — Ясон, но — Азия и т. д. Согласная 'тэта' ('θ') должна звучать как 'ф', но наряду с «Фетидой», «Ферой» и т. д. как исключение читается «Тесей», «Терапны» и др. Единство сохраняется в передаче 'дзеты' как 'з' — Зевс, затем 'кси' передается через 'кс' — Ксанф, Ксениада и т. д. Начальные дифтонги 'ευ' и 'αυ' передаются как 'ев' и 'ав' — 'Евбея', 'Авлида'; дифтонг 'αι' — через 'э' — Эсон, Эгла; дифтонг 'ει' — через 'э' — Элатид (Полифем) и т. д.

2. В переводе Г. Ф. Церетели имеются сноски по различным чтениям в обеих рукописях и по поправкам издателей. Мною были также учтены разночтения и конъектуры, представленные в изданиях Френкеля и Виана, но во избежание чрезмерной перегруженности такими ссылками в тексте перевода их пришлось опустить. Ведь настоящее издание не предназначено для тех, кто имеет возможность обращаться к оригиналу текста и его полным современным изданиям.

3. В разделе «Приложения» даны «Каталог участников похода», генеалогическое древо Ясона и Эета, избранная библиография, указатель имен собственных, патронимов, народов и географических названий. Кроме того, по изданию Виана я позволила себе включить шесть географических карт и одну схему, полностью соответствующих представлениям о Греции (Элладе) времен аргонавтов, их пути в Колхиду и возвращения на родину.

В заключение остается добавить главное: выразить сердечную благодарность Михаилу Леоновичу Гаспарову, без активной помощи которого этот перевод — основное в книге — никогда бы не смог появиться.

Родословие Ясона и Эета

КАТАЛОГ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА (сохранена последовательность упоминания имен в поэме)

1. Ясон, сын Эсона, из г. Иолка в Фессалии.
2. Орфей, сын Эагра и музы Каллиопы, из Пиерии на юге Фракии.
3. Астерион, сын Комата, из г. Пиресий в Фессалии.
4. Полифем, сын Элата, лапиф, из г. Лариса в Фессалии.
5. Ификл, сын Крефея, дядя Ясона, из г. Филака в Фессалии.
6. Адмет, сын Ферета, из г. Феры в Фессалии.
7. Эрит, сын Гермеса, из г. Алопа в Опунтской Локриде.
8. Эхион, его брат, оттуда же.
9. Эфалид, его брат, оттуда же.
10. Корон, сын Кенея, из г. Гиртона в Фессалии.
11. Мопс, сын Ампика, из г. Титарона в Фессалии.
12. Евридамант, долоп, сын Ктимена, из г. Ктимена в Фессалии.
13. Менойтий, сын Актора, отец Патрокла, из г. Опунта в Локриде.
14. Эвритион, сын Ира, из Опунтской Локриды.
15. Эрибот, сын Телеонта, из Опунтской Локриды.
16. Оилей, сын Годедока, отец младшего Эанта, из Опунтской Локриды.
17. Канф, сын Канефа, из г. Керинф на о. Евбея.
18. Ифит, его брат.
19. Клитий, сын Еврита, из Эхалии в Этолии.
20. Теламон, сын Эака, отец Эанта-старшего, о. Саламин.
21. Пелей, его брат, отец Ахилла, из г. Фгии в Фессалии.
22. Бут, сын Телеонта, из г. Афины в Аттике.
23. Фалер, сын Алкона, из г. Афины в Аттике.
24. Тифис, сын Гагния, из г. Феспии в Беотии.
25. Флиант, сын Диониса, из г. Арифиреи в Арголиде.
26. Арий, его брат.
27. Талай, сын Бианта, из г. Аргос.
28. Лаодик, его брат.
29. Геракл, сын Зевса и Алкмены, из г. Фивы в Беотии.
30. Гил, сын Дриопа Феодаманта, из южной Фессалии.

31. Навплий, сын Клитонея, из г. Аргос.
32. Идмон, сын Аполлона или Абанта, из г. Аргос.
33. Полидевк, сын Зевса или Тиндарея и Леды, из Спарты.
34. Кастор, его брат.
35. Линкей, сын Афарея, из г. Арена в Мессении.
36. Ид, его брат.
37. Периклимен, сын Нелея, брат Нестора, из Пилоса (Пелопоннес).
38. Кифей, его брат, из г. Афидант в Аркадии.
39. Амфидамант, сын Алея, из г. Тегея в Аркадии.
40. Анкей, сын Ликурга, внук Алея, из Аркадии.
41. Авгий, сын Гелиоса, из г. Элиды (запад Пелопоннеса).
42. Амфион, сын Гипересия, из г. Пеллены Ахейской.
43. Астерий, его брат.
44. Евфим, сын Посидона и Европы, с мыса Тенар (юг Пелопоннеса).
45. Анкей, сын Посидона.
46. Эргин, сын Посидона, из г. Милет (Малая Азия).
47. Мелеагр, сын Ойнея, из г. Калидон (Этолия).
48. Лаокоонт, сводный брат Ойнея, *дядя* Мелеагра, из г. Калидон.
49. Ификл, сын Фестия, дядя Мелеагра, из Этолии.
50. Палемоний, сын Гефеста или Лерна, из г. Олен в Этолии.
51. Ифит, сын Навбола, из г. Пифона в Фокиде.
52. Зет, сын Борея и Орифии, с мыса Сарпедон во Фракии.
53. Калаид, его брат.
54. Акаст, сын Пелия, из Иолка.
55. Арг, сын Арестора, из г. Иолк в Фессалии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ПАТРОНИМОВ, НАРОДОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ

Абант I 77, 141

Абантида (Евбея) IV 1127 сл.

Абарнида, город на Геллеспонте I 923

Абидос, город на Геллеспонте I 922

Авгий, сын Гелиоса, из г. Элиды (запад Пелопоннеса) I 170, 195; III 362, 443

Авлида, прибрежный город Беотии IV 1763

Авлион, пещера Диониса на Евксинском Понте II 902

Авсонийское море TV 590

Авсония (Италия), страна IV 550, 655, 836

Авсонская Скилла TV 818

Автесион, сын Фереса, потомок Евфима IV 1747

Адмет, сын Ферета, из г. Феры в Фессалии 149

Адрастея:

1) кормилица Зевса III 132

2) город и равнина в Пропонтиде I 1105 *Автолик*, сын Дэмаха, или Деимаха. С Гераклом выступал против амазонок II 949

Агаместор, культовое имя Идмона в г. Гераклее II 842

Агана, город гиллеев на побережье Адриатики IV 534

Агенор:

1) отец Финея II 177, 236, 239, 291, 424, 939

2) отец Кадма III 1182

Азия, континент I 442; II 770; IV 269

Аид II 352, 605, 636, 729; III 61, 806; IV 1651, 1682, 1684

Акакаллида, или Агакалида, дочь Миноса IV 1483

Акаст, сын Пелия, из Иолка I 222, 317, 321, 1031, 1073

Акмонион, роща в стране амазонок II 985

Актор, локриец, отец Менетия I 68

Алей, аркадянин, отец аргонавтов Амфидаманта, Кефея и Ликурга I 161, 169; II 1040

Алкимеда, мать Ясона I 45, 230, 249, 256, 273, 898

Алкиной, царь феаков IV 990, 1004, 1008, 1062, 1115, 1151, 1159, 1166, 1193, 1200, 1211, 1710

Алкон, афинянин, отец аргонавта Фалера 196

Алоады, сыновья гиганта Алоя, врача Аполлона I 480 сл., 487

Алопа, город Фессалии I 50

Амазонки II 370, 385, 955, 958, 978 сл., 988, 1166–1169

Амазонские горы у Фермодонта II 968

Аманты, народ, жители Эпира IV 1206

Амарантские горы в Колхиде II 398

Амарантийский Фасис III 1215

Амбракийский залив TV 1219

Амик, правитель бебриков II 1, 47, 50, 90, 96, ПО, 136, 301, 747, 760, 785

Амиклы, святилище Аполлона в Лаконии IV 1689

Амимона (Данаида), возлюбленная Посидона, мать Навпла I 135

Амир, река в Фессалии I 592; IV 614

Амнис, река, посвящена Артемиде и нимфам III 878 сл.

Ампик, отец Мопса I 1073, 1095; II 916; III 913, 922; IV 1494

Амфидамант, сын Алея, из г. Тегея в Аркадии I 160; II 1040

Амфион, сын Гипересия, из г. Пеллены Ахейской I 174, 730, 734

Амфитрита, богиня, супруга Посидона IV 1314, 1347

Амфифемис (Амфитемис), ливийский герой, сын Аполлона и Акакалиды IV 1489 сл.

Амфрисс, река в Фессалии I 54

Анавр, река в Магнесии I 10; III 67

Анафа, один из островов Спорад IV 1703 сл., 1730

Ангур, гора в Скифии IV 324

Анкей, сын Ликурга, внук Алея, из Аркадии I 162, 166, 396, 425, 428, 528; II 118

Анкей, сын Посидона I 185; II 857, 885 сл., 889, 1266; III 207; IV 1251

Антианира, дочь Менетия, кормилица Гермеса I 55

Антиопа:

1) дочь Асопа, мать Амфиона и Зета I 729

2) правительница амазонок II 385 сл.

Анхиала, критская нимфа I 1121 сл.

Анфемоесса, остров Сирен в Тирренском море IV 883, 886
Аоний, равнина в центральной Беотии III 1174, 1181
Апид, Пелопоннес IV 1555 *Апидан*, река в Фессалии I 36 сл., 38 сл.; II 510
Апиданийцы, народ Аркадии IV 260
Аполлон I 303, 355
его имена:
Έμβάβιος I 401
ΆκΤιος Έμβόβιός ΐε, I 408, 482, 754
Έκβασιος, II 488
ΜανΤηιος, II 501, 505, 513, 679, 694, 921, 945; III 1178, 1276; IV 527, 1211, 1539, 1702–1704, 1714, 1716, 1729
ΈκαΤος I 958; II 513; IV 1747
Έκηβολος I 88, 420
Ίηιος II 708
Παιήων IV 527
Υκώβξος IV 1427, 1699, 1715, 1716
Аполлон Экбасий I 355, 957, 1177 *Летоид* I 65, 142, 437; II 179, 692; IV 1691 сын Лето II 213, 256, 667 сл., 763 *Феб*\ 297, 349, 400, 534, 753; II215, 501, 505, 696, 708, 839; IV 1484, 1539
Апсирт, сын Эета и Астеродеи, звался Фаэтон IV 222, 302, 310, 397, 403, 420, 455 сл., 471, 481, 489, 515
Араке, река в Колхиде близ Фасиса IV 131
Арг, сын Арестора, из г. Иолк в Фессалии I 20, 111, 224, 317, 321, 363, 903, 1109;II 609, 1114, 1132, 1149, 1179, 1192, 1252, 1271; III 317, 367, 443, 476, 556, 569, 573, 611, 720, 820, 898, 910, 940, 1195; IV 80, 120, 253, 293
Арганфонейская гора в Мисии I 1169, 1215
Аргест, северо-восточный ветер II 954, 986
Арго, корабль I 4 и далее *Аргойский залив* (бухта):
1) на острове Эфалии IV 653
2) в Ливии IV 1607
Аргос, город или страна Арголида I 118, 124, 139, 1312; IV 1066
Аргос или Арг, старший сын Фрикса I 20; II 1114, 1132 сл., 1181, 1252, 1271
Арена, город в Мессении I 151, 468

Арес Эниалий, бог войны I 737; II 959, 981 сл., 1026, 1198; III 560, 1282 сл., 1366

Арета, царица феаков, жена Алкиноя IV 1008, 1024, 1061, 1114, 1212

Ариадна, дочь Миноса и Пасифаи III 994 сл., 1000, 1071 сл., 1092 сл., 1112; IV 424 сл.

Арий, брат Флианта I 117

Аристей, *сын* Аполлона и Кирены, его называли Агреем и Номием II 501 сл.; IV 1124 сл.

Арит, бебрик II 65, 114, 117

Арифирея, город I 114

Аркадиняне, жители Аркадии IV 260

Аркадия, область Пелопоннеса I 124, 160; II 1046

Арктур, звезда II 1092

Артак, герой долион I 1037

Артемида, богиня, патронесса Иолка и всей Магнесии, Летоида

Асклепий, сын Аполлона и Корониды, убитый Зевсом IV 613 сл.

Асоп, река:

1) на Пелопоннесе I 116

2) отец Антионы I 729

Ассирия, область на Черном море II 939, 957

Астерий, брат Амфиона I 174

Астерион, *сын* Комата, из г. Пиресий в Фессалии I 35

Астеродейя, нимфа Кавказская, мать Апсирта III 240

Астифалия, самиянка, возлюбленная Посидона и мать Анкея II 859

Аталанта, охотница на Мэнале I 764 сл.

Афамант:

сын Эола, брат Крефея II 1146, 1155; III 265, 360 сл.

отец Фрикса II 647; IV 115 *Афамантийская долина Фтии II* 509

Афарей, отец Ида и Линкея 1 150, 483; III 559, 1248

Афидант, аркадянин, отец Алея I 161

Афина I 20, 108

Афон, гора в Халкидине I 597 сл.

Ахейя (Ахейида, *Ахейская зелия):*

1) область Пелопоннеса I 175

2) вся Греция I 241; III 603, 638, 772, 1077; IV 193, 1217, 1318, 1410

Ахелой:

1) река Эголии IV 290
2) возлюбленный Терпсихоры и отец Сирен IV 884, 888
Ахеронт (прилаг. ахеронтский):
1) река подземного мира I 639
2) мыс или скала и река, очень шумная, недалеко от г. Гераклея II 354 сл., 723, 799, 836, 892
Ахилл, сын Пелея и Фетиды I 553; IV 859 сл., 865, 867
Баран, спасший Фрипса I 254 сл., 758 сл.; II 649, 1136
Бакхиады, знатный род. из Эпиры, переселившийся на Дрепану IV 1202 сл.
Басилей, долионский герой, убитый Теламоном I 1033
Бебрики, народ, живший в Вифинии II 2, 13,
69, 98-153, 751, 760, 790 *Бебрикия*, страна бебриков II 136 *Беотийцы,* колонисты в Гераклее II 839 *Бехиры*, народ в Евксинском Понте II 392,
1234 сл.
Биант из Аргоса, отец Талая, Ария и Лаодика 1 118; II 62, 111
Бизиры, народ, живущий на Черном море II 394, 1236
Бистония, область Фракии или вся Фракия I 34; II 698; IV 899
Борей, северный ветер, отец Бореадов 1211 сл., 647, 1290, 1298; II 233 сл., 361, 1008; IV 284, 1223
Боспор, пролив из Пропонтиды в Черное море 1 1103; II 168 сл.
Бриги, народ, живущий на Бригидских островах IV 470
Бригийские острова, около устья Истро в Адриатике, посвящены Артемиде IV 326 сл.
Бримо, другое название Гепаты III 856 сл., 1207
Бут, сын Телеонта, из г. Афины в Аттике I 94; IV 905
Вифинида, нимфа, эпоним Вифинии II 4
Вифиняне, народ, живший на Евксинском Понте II 346, 350, 614, 780
Гагний, отец Тифиса I 104, 557, 1286; II 551, 846
Галис, река II 365, 947, 956; IV 242
Гамадриады, лесные нимфы II 472 сл.
Ганимед, любимец Зевса III 115–127
Гармония:
1) нимфа, возлюбленная Ареса и мать амазонок II 983 сл.
2) жена Кадма IV 517

Гарпии, служанки Зевса II 187–193, 222 сл., 250, 263–269, 275, 279, 285, 296, 429 сл., 458

Геката, дочь Титана Перса (Бримо, Дэра и др. имена) возлюбленная Форса и мать Скиллы III 251, 480, 531, 734, 838, 911, 981, 1207; IV 243, 819

Гелиады, дочери Гелия IV 601 сл., 620

Гелика, созвездие Большой Медведицы II 359; III 742, 1191

Гелиос, бог Солнца, его дети — Эет, Авгий, Кирка, Гелиады, Лампериа, Пасифая, Фаэтон, Фаэфуса III 231; IV 227

Гелла, дочь Афамаита, сестра Фрикса, эпоним Геллеспонта I 253 сл.

Гемонийцы, народ II 502; IV 1067

Гемония:

1) гора III 1239

2) страна Фессалия II 494, 683; III 1086; IV 994, 1030

Генитейский, мыс на Черном море II 375, 1002 сл.

Гера, супруга Зевса, богиня брака, патронесса Пеласгиды, Самоса. Активная участница всех событий I 15, 186, 852, 983; II 215, 858; III 7, 18, 24, 29, 31 сл., 55, 83, 91, 106, 208, 212, 813, 927, 1129, 1142; IV 11, 21, 95, 239, 510, 521, 634, 641

Геракл, сын Зевса. Активный участник сюжета I 121, 195, 337, 344, 395, 425 сл., 528 сл., 847 сл., 855, 983, 988, 1030, 1158, 1161 сл., 1999, 1202 сл., 1233, 1244, 1252, 1261, 1281, 1305, 1310, 1332,1341, 1346; II 146,150, 759, 765 сл., 770 сл., 775 сл., 905, 959 сл., 1046; III 1228; IV 537 сл., 1392, 1450 сл., 1469 сл., 1474

Герест, Герэстийский мыс на Евбее, посвящен Посидону III 1239

Геркиний, Геркинийский утес в стране кельтов IV 635

Гермес, сын Майи и Зевса. Вестник Зевса I 51, 637; II 1137; III 195, 588, 1171; IV 19, 1129

Героини, три ливийские богини IV 1298 сл.,

1302 сл., 1306–1312, 1338–1350

*Гесперид*ы, Эгла, Эрифеида, Геспера, Ним фы Океаниды, живут на Западе IV 1390, 1397 сл., 1398 сл.

Гефар, долион, убитый Пелеем I 1032

Гефест, бог огня, кузнечного ремесла, сын Геры и Зевса, муж Афродиты. Патрон Лемноса I 201, 843; III 40, 135, 220, 227, 231 сл.; IV 753, 767, 808, 921, 950

Гея, богиня Земли, порождение Тифия, мать богов I 756; II 38 сл., 1202 сл., 1263 сл.; III 698, 713

Гиакинф, герой долионов, убитый Клитием I 1034

Гил, сын Дриопа Феодаманта, из Южной Фессалии I 130, 1212 сл., 1220, 1225, 1235, 1998

Гилл, гавань на Дрепане IV 1118

Гилл, феакиец, сын Геракла и Мелиты IV 536 сл, 542, 548

Гиллеи, феаки, переселившиеся на берега Адриатики IV 525 сл.

Гиперборейцы, северный народ II 668 сл.; IV 611 сл.

Гиппий, река в Вифинии II 797

Гипподамия, дочь Эномая, жена Пелопа I 748

Гипполита, царица амазонок в Фемискире, сестра Меланиппы II 771 сл., 960 сл., 991

Гиппурида, один из Спорадских островов IV 1697

Гипсипилла, царица Лемноса, дочь Фоанта I 616, 632 сл., 645, 649, 669, 692, 712 сл., 779 сл., 829 сл., 845, 864, 877, 888, 891 сл.

Гиртон, город в Фессалии I 56

Главк, морское божество I 1300–1315; II 759

Гомола, город в Фессалии I 590

Горгона, Медуза, убитая Персеем IV 1507 сл.

Данаи (данайцы), одно из названий греков IV 258

Данай, отец Амимоны I 132, 135

Даная, мать Персея IV 1083 сл., 1506

Даскил, правитель мариандинов, отец Лика II 769, 795, 806

Девкалид, сын Прометея, герой Фессалии[13] III 1083 сл.; IV 262 сл.

Деимах, правитель Трикки, отец Деимонта, Автолика, Флогия II 948 сл.

Деимонт, *сын* Деимаха, вместе с Гераклом воевал с амазонками II 949 сл.

Дейант, герой-эпоним долины, где живут амазонки II 370

Делос (Ортилия), один из Киклидских островов, посвящен Аполлону I 304, 534

Дельфин, дракон, живший на Парнасе и убитый Аполлоном II 700 сл.

Деметра (Део), богиня злаков, мать Персефоны III 415; IV 891, 982 сл.

Дикте, гора на Крите, грот там же. Там скрылись Гарпии I 506, 1121 сл.; II 297, 432 сл., 1226 сл.; III 133

Диндим, вершина горного массива к северу от г. Rusuna со святилищем Реи I 976 сл., 1083 сл, 1114, 1136

Дионис (нисиец), бог I 115 сл.; II 897 сл.; IV 424 сл, 432, 539, 1126 сл.

Дипсак, сын Филлея и нимфы, гостеприимен Фрикса во время его бегства II 647 сл.

Дискелад, один из Либурнийских островов IV 564

Дия, остров в Эгейском море (Наксос?), место, где Тесей оставил Ариадну IV 425, 435

Додона, святилище Зевса, откуда Афина взяла говорящее бревно I 524; IV 583

Долионы, население Кизика I 939 сл, 943, 952 сл, 1008 сл, 1012 сл, 1016 сл, 1029, 1048 сл, 1062 сл.

Долионский край, их страна II 757

Долоп, их эпоним I 581 сл.

Долопы, фессалийские жители г. Ктимены — 167

Дракон, змей:

1) хранитель родника Ареса в Фивах III 1025, 1052, 1174 сл.

2) хранитель руна в Колхиде II 403 сл, 1201 сл, 1260; IV 88, 148, 156 сл.

3) хранитель яблок Гесперид (Ладон) IV 1389 сл, 1425, 1498, 1510 сл.

Дрепана (Коркира), остров феаков IV 761, 986, 1214 сл.

Дриопы, народ, с которым боролся Геракл I 1205, 1209 сл.

Евбея, остров в Эгейском море I 76; IV 1126, 1764

Евполемия, дочь Мирмидона, мать Эфалидов, кормилица Гермеса I 53 сл.

Евридамант, долоп, сын Ктимена, из г. Ктимена в Фессалии I 66

Евримены, город на берегу Магнесии I 593

Еврином, океанида, жена Офиона I 500 сл.

Еврисфей, правитель Микен I 1306 сл., 1337

Еврит, правитель Эхалии, отец Клития и Евфима I 86 сл.; II 114, 1036

Евритион, сын Ира, из Опунтской Локриды I 70, 73

Европа:

1) континент IV 268

2) дочь Тития, возлюбленная Посидона, мать Евфима I 179 сл.

3) дочь Агенора, сестра Кадма, возлюбленная Зевса III 1175; IV 1630

Евсер, отец Энеты, дед Кизика I 940

Евфим, сын Посидона и Европы, с мыса Тенар (юг Пелопоннеса) 1177; II 530, 549, 555, 582, 887; IV 1458, 1475, 1553, 1718, 1741, 1749

Египет, страна, где жили первые обитатели Земли IV 263, 266 сл.

Зевс, верховный бог, сын Кроноса и Реи I 988, 1061, 1154, 1178, 1304; II 162, 182, 195, 214, 274, 286, 311, 375, 494, 517 сл., 897, 941 сл., 1091, 1113 сл., 1123 сл., 1139, 1205, 1226; III 8 сл., 38, 114 сл., 156, 191, 364, 588, 916, 1397; IV 2, 94 сл., 117, 182, 227, 330, 354, 379, 555, 576, 583 сл., 648, 702, 708, 784, 953, 1092, 1126, 1143, 1265, 1299, 1658

Зелие или Дзелиос, долион, убитый Пелеем I 1032

Зет:

1) сын Антиопы, строитель стен Фив I 730–733

2) сын Орифии I 210

Зет, сын Борея и Орифии с мыса Сарпедон во Фракии I 209, 279

Зефир, западный ветер II 275, 716,891; IV 760, 811,827, 877, 903, 1611, 1614

Иапет, Титан, отец Прометея III 860, 1083

Ид, брат Линкея I 150, 460, 467, 483, 1034; II 823

Ида:

1) гора в Троаде, культовое место Реи I 1118

2) гора на Крите II 1227; III 133 *Идмон,* сын Аполлона или Абанта, из г. Аргос I 138, 434, 437, 447, 473; II 807, 818, 824, 840 сл.

Иллирик, река IV 516

Имброс, остров в Эгейском море I 914 сл.

Имбросийская, эпитет реки на Самосе I 186; II 858

Иолк, город в Фессалии, родина Пелея и Ясона I 5, 8, 568, 897; III 89, 1087, 1104, 1109, 1129; IV 1153

Ионийцы, потомки Нелея, колонисты из Милета, переехавшие в Кизик I 951, 1067

Ирида:

1) вестница богов II 283 сл., 296, 430; IV 746–770

2) река в Ассирии II 365 сл., 956 сл.

Йемен, река в Фивах со святилищем Аполлона I 534

Исса, один из островов в Либурнии IV 564

Истм, перешеек в Коринфе, знаменит святилищем Посидона III 1221 сл.

Истр, Дунай, вытекает из Рипейских гор IV 278–290, 299 сл., 321 сл.

Итимонай:

1) долион, убитый Мелеагром I 1036

2) бебрик, убитый Полидевком II 104 сл.

Итонида, богиня I 715, 762

Ифиада, жрица Артемиды в Иолке 1307—310

Ификл, сын Крефея, *дядя* Ясона, из г. Филака в Фессалии I 44, 47, 120, 199

Ификл, сын Фестия, дядя Мелеагра, из Этолии I 44, 47, 199

Ифиноя, служанка Гипсипилы на Лемносе 1 697–711,782

Ифит, брат Клития I 85; II 114

Ифит, сын Навбола, из г. Пифона в Фокиде I 205, 208

Кавказ, горы в Колхиде II 1203 сл., 1240 сл., 1258; III 240, 849, 1218, 1269

Кавлиак, утес там, где разделяется Истр IV 320

Кадм, сын Агенора, основатель Фив III 1175 сл.; IV 516 сл.

Калабрия, остров в Сароническом заливе,

святилище Посидона III 1238 *Калаид,* брат Зета I 209, 279

Калидон, город в Этолии I 188

Калипсо, дочь Атланта IV 573 сл.

Каллиопа, муза, мать Орфея I 24 сл.

Каллиста, древнее название острова Фера IV 1743–1748

Каллихор, река близ Гераклеи Черного моря II 896 сл.

Калпис, река в Вифинии II 653

Канастрия, мыс (Канастрейский) на краю Паллены, одной из оконечностей полуострова Халкидики I 595

Каниф, евбеец, отец Канфа I 77

Канф, сын Канифа, из г. Киринф на о. Евбея

I 76; IV 1459, 1463, 1477, 1489, 1492 *Карамбис,* мыс в Пафлагонии II 360 сл., 937;

IV 297 сл. *Карпаф,* остров возле Крита IV 1623 *Кастор,* брат Полидевка I 146; II 62, 102; IV

589

Кафавр, ливиец, убийца Канфа IV 1482–1495
Кей, титан, отец Лето II 704
Кекропия, Аттика I 95, 212; IV 1763
Кельты, народ, живущий в бассейнах По и
Роны IV 608 сл., 615 сл., 642
Кеней, лапиф, отец Корона I 56–63
Кентавры, воинственные соседи лапифов, полукони-полулюди I 42, 59–63
Кеос, остров, один из островов Киклад, архипелага в Эгейском море II 515–522
Керавнические горы в Эпире IV 519 сл., 575 сл., 1205 сл.
Керкира:
1) дочь Асопа, возлюбленная Посидона IV 566 сл.
2) остров IV 565, 570
Керосс, река в Иллирии IV 572
Керы, божества смерти I 683; II 258; IV 1477, 1650 сл.
Кизик, сын Энея и Энеты, муж Клиты, правитель долионов I 939 сл., 953, 967–977, 1027–1029, 1045–1050
Килен, демон г. Ида I 1116 сл.
Киос, река и город в Мисии I 1169, 1311, 1344 сл.; II 758
Киприда (Афродита, Киферея), богиня, супруга Гефеста 1610 сл., 736 сл., 795 сл., 842, 852, 1223 сл.; II 422 сл.; III 1–5, 25–29, 35–54, 76, 90, 101 сл., 112 сл., 126, 552 сл., 561, 932 сл., 937
Кирена, фессалийская нимфа, перенесенная Аполлоном в Ливию, мать Аристея II 495–504
Киринф, город на Евбее I 78
Кирка, дочь Гелиоса и Персы, сестра Эета III 309 сл.; IV 557, 587 сл., 591 сл., 657–687, 692 сл., 705–723, 729–744
Китеец, Китаида = колхи, Колхида II 397, 401, 1258; III 226; IV 512
Китиссор, сын Фрикса и Халкиопы II 1148
Китор, город в Пафлагонии II 935
Кифей, брат Амфидаманта, из г. Афидант в Аркадии I 160; III 108
Кларос, святилище Аполлона в Ионии I 304
Клеопатра, дочь Борея, погибшая жена Финея II 238
Климена, дочь Миния. мать Алкимеды I 230 сл.
Клита, дочь Меропа, жена Кизика I 966 сл., 1065 сл.
Клитий, сын Еврита, из Эхалии в Этолии I 85, 1034; II 117, 1036

Клитоний, аргивянин, сын Навбола, отец Навплия I 133
Колхида, страна на Черном море, окруженная горами I 172
Колхи, ее жители, первоначально были египтянами I 173
Корик:
1) пещера на Парнасе, жилище нимф II 705
2) город в Киликии III 850
Корон, сын Кенея, из г. Гиртона в Фессалии 156
Коронида, героиня из Лакарии, возлюбленная Аполлона, мать Асклепия IV 614 сл.
Крефей, сын Эола, брат Афаманта, отец Эсона II 1155 сл.; III 357 сл.
Крит, остров I 1119 сл., II 297, 1226 сл.;
IV 1578, 1636–1693 сл.
Кробиал, город в Пафлагонии II 935
Кромна, город там же II 935
Ксанф, река Ликии I 305
Ксинида, озеро в Фессалии I 66 сл.
Куреты:
1) критские демоны, обитают на Иде II 1227
2) жители Акарнании IV 1220
Лаврий, Лаврион, равнина в бассейне Истра, населенная синдами IV 318 сл., 322
Ладон, хтонический Змей, сторож яблок Гесперид IV 1389–1396, 1425 сл.
Лакрея, город на реке Амир. Родина Корониды IV 613 сл.
Лампетия, старшая дочь Гелиоса, пастушка его коров IV 967 сл.
Лампея, река в Аркадии I 125
Лаодик, брат Талая I 117
Лаокоонт, сводный брат Ойнея, дядя Мелеагра, из г. Калидон I 187 сл., 193
Лапифы, фессалийский народ, боровшийся с кентаврами I 41 сл.
Лариса, город в Фессалии I 40
Латмос, грот в пещере Карий, где спит Эндимион IV 57
Леда, этолиянка, жена Тиндарея, мать Кастора и Полидевка, сыновей Зевса I 145 сл.
Лемнос, остров в Эгейском море, населенный синтиями I 598 сл.
Лерн:

1) аргивянин, сын Прага, отец Навбола 1134

2) этолиец из Олена, отец Палемония 1200 сл.

Лерна, источник в Арголиде, посвящен Посидону III 1237; IV 1395

Лето (Латона), дочь титана Кэя, мать

Аполлона и Артемиды (Летоидов) I 482; II 179, 213, 254, 704, 763, 930; III 872; IV 609

Либурнийские (Лигистийские и т. д.) острова, острова на побережье Иллирии: Исса, Дискелад, Питиейя, колонии колхов IV 561 сл.

Ливия, континент (Африка) I 80; II 500; IV 1218, 1302, 1350, 1377, 1469, 1477, 1484, 1506, 1552, 1728, 1739

Ливия, эпоним страны, мать Героинь, жена Тритона IV 1728

Лигийцы (лигуры), кельтский народ, живущий по побережью Роны IV 640

Лигистийские (Лигустидские) острова = Стойхады IV 550

Лик:

1) река в Гераклее II 719

2) правитель мариандинов в Гераклее, сын Даскила II 140 сл., 745 сл., 753 сл., 763 сл., 803 сл., 830

3) река в Колхиде, приток Фасиса IV 130 сл. *Ликаон*, правитель Аркадии II 516 *Ликастия*, одна из трех частей страны амазонок II 992

Ликия, область Азии, посвящена Аполлону I 305; II 667

Ликорей, слуга Амика II 50 сл.

Лили бей, западный мыс Сицилии IV 912

Линкей, сын Афарея, из г. Арена в Мессении I 150, 152; IV 1458, 1470

Лира, местность в Пафлагонии, где Орфей посвятил лиру Аполлону II 923 сл.

Локры, народ Греции IV 1764

Луна (Селена, Мика), богиня Луны, дочь Титана Гипериона IV 54 сл., 261

Магнесия, область Фессалии в районе Пагасс I 236 сл., 580 сл.

Майя, мать Гермеса IV 1719

Макрида:

1) дочь Аритейя, нянька Диониса на Евбее IV 539, 984, 1123 сл., 1129 сл.

2) озеро ее имени на Дрепане IV 1165

Макрийцы пеласгийский народ, воевавший с долонами I 1014 сл.

Макроны, жители побережья Черного моря II 391 сл., 1234

Мариандины, жители Гераклеи II 140 сл., 351–356, 719, 741 сл.

Мегабронт, долион, убитый Гераклом 11030 сл.

Мегалоссак, долион, убитый Тиндаридами I 1035 сл.

Медея, дочь Эета и Идии, волшебница и жрица Гекаты III 3,151,246 сл., 252,283 сл., 295, 452,613 сл., 663,670 сл., 680 сл., 695, 704 сл., 722, 738 сл., 821, 838 сл., 1016, 1022 сл., 1066 сл., ИЗО, 1145 сл., 1241, 1361; IV 11, 20 сл., 51, 66 сл., 81 сл.

Меланиппа, амазонка, дочь Ареса, пленница Геракла II 959 сл.

Мелантийские скалы, возле острова Фера IV 1692 сл.

Мелас, сын Фрикса II 1149

Мелеагр, сын Ойнея, из г. Калидон (Этолия) I 189, 194

Мелита:

1) наяда, дочь реки Эгейя, возлюбленная Геракла, мать Гилла IV 537 сл. Ее имени гора на Дрепане IV 1141

2) остров на море у Иллирии IV 571 *Мелия,* Вифинская нимфа, мать Амика II 2 сл.

Менетий, отец Антианиры I 55

Менойтий, сын Актора, отец Патрокла, из г. Опунта в Локриде I 69

Менторы, прибрежные жители Адриатического моря IV 547

Мероп, правитель Перкоты, отец Клиты I 966 сл.

Мигдоны (фригийцы), население Мисии II 778

Микены, город в Арголиде I 128

Милет, эпоним и основатель Милета I 184

Мимас или Мимант:

1) бебрик, убитый Полидевком II 105 сл.

2) гигант, убитый Аресом III 1222 *Миний,* потомок Эола, основатель Орхомена III 1089, отец Климена I 231

Минийцы, его потомки (Фрикс, аргонавты, его дети и т. д.) I 228 сл, 703, 757, 1044 сл.; II 97; III 579; IV 334 сл, 509, 1066, 1211, 1356, 1447 сл.

Минойские острова = Киклады II 511

Минос, правитель Крита II 297; III 996 сл.; IV 434, 1483 сл.

Мирина, столица Лемноса I 630

Мирмидон, житель Фгии, отец Евполемеи 153

Мирмидонцы, жители Эгины IV 1755 сл.

Миртил, возница Эномая I 749

Миртосийская гора в Кирене II 500

Мисийцы, ее жители I 1170 сл, 1312, 1336; II 773, 778

Мисия, область в Пропонтиде рядом с Киосом, ее горы I 1103, 1155, 1288, 1339, 1348; II 758

Мойры, богини судьбы IV 1208 сл.

Мопс, сын Ампика, из г. Титарона в Фессалии I 64, 79, 1073, 1076, 1080, 1095; II 916; III 545, 912, 934; IV 1494, 1511 сл.

Моря:

Авсонийское = Тирренское IV 590, 654 сл, 836, жилище Скиллы IV 818 *Восточное* = Черное II 739; IV 286 *Ионийское:*

1) Адриатическое IV 305, 627

2) Тринакрийское IV 288, 989

Кавказское, восточная часть Черного моря IV 133

Каспийское, восточнее Черного моря Ш854

Керавнийское, часть Адриатического моря IV 977

Критское, к северу от Крита IV 1679 *Кронийское,* северная часть Ионийского моря IV 318, 508, 545

Ливийское IV 1224

Минойское = Критское IV 1555

Сардонийское, часть Средиземного моря у Родана (По) IV 628 сл. *Сирт,* залив Ливийского моря IV 1226

Черное, залив на севере Эгейского моря I 919

Эгейское I 824 сл.; IV 764 сл.

Моссинеки, жители побережья Черного моря II 376 сл, 1009 сл, 1021, 1110 сл.

Музы, богини, дочери Зевса, покровительницы поэтов (см.: Каллиопа, Терпсихора, Эрато) 123 сл.; II 506 сл, 836 сл.; IV 1 сл, 978 сл, 1373 сл.

Мэнал:

1) горы в Аркадии I 166

2) жилище Аталанты I 764

Навбол:

1) аргивянин, сын Лерна, отец Клитонея I 133 сл.

2) фокеец, сын Орнита, отец Ифита I 206

Навплий, сын Клитонея, из г. Аргос 1132, 135 сл.; II 887

Навсифой, правитель феаков до Алкиноя, убит Гераклом IV 539–546

Нарикс (Арикс), северное устье морского лимана Истра IV 309 сл.

Насамон, ливиец, сын Амфифемиса и нимфы Тритониды IV 1488

Наяды, водные божества IV 704 сл, 803 сл. См. Эноя, Мелита

Нелеиды, ионийцы, переселившиеся в Кизик 1950

Нелей, правитель Пилоса, отец Периклимена и Перо I 119 сл, 156 сл.

Непейская долина, около Адрастейи I 1105

Нереиды, сестры Фетиды IV 834, 849, 923, 930 сл, 941, 947, 956, 960

Нерей, бог моря, отец Нереид I 1301; IV 764, 771, 1587, 1729

Нестеи, жители Иллирии IV 332, 1205

Никтей, мучитель, истязатель дочери своей Антиопы IV 1082

Нимфейский остров в Иллирийском море, обитель Калипсо IV 573 сл.

Нимфы, низшие божества, служительницы Артемиды, живут в горах, лесах, водах 1 1056, 1214, 1217 сл, 1314; II 2 сл, 472 сл, 495 сл, 649, 705, 813, 982 сл.; III 240, 877 сл, 1213 сл.; IV 541 сл, 1135 сл, 1145 сл, 1186, 1208, 1404 сл, 1487

Нот, южный ветер I 917; IV 1528 сл, 1614

Огигийские, эпитет Фив по их правителю Огигу III 1174

Оилей, сын Годедока, отец младшего Эанта, из Опунтской Локриды I 74; II 1030

Океан, река, омывающая Землю I 500 сл.; II 1231; III 952, 1225; IV 278, 626, 632, 1405

Океаниды, дочери Океана: Идейя, Еврином, Филира, Гесперида IV 1390, 1397 сл.

Олен, город в Этолии I 200

Олимп, Олимпийская гора в Фессалии, местопребывание богов 1501,594,1089; II 298, 598, 1226; III 113, 157, 1355; IV 94, 762, 772

Онхест, город Беотии со святилищем Посидона III 1237 *Опунт,* город в Локриде I 68; IV 1764

Орик, город в Эпире IV 1206

Орион, созвездие I 1192; III 742 сл.

Орит, бебрик, ранивший Талая II ПО — 113

Орифия, дочь Эрехфея, жена Борея I 210 сл.

Орнит:

1) фокеец, отец Навбола I 203 сл.

2) бебрик, слуга Амина II 65 *Ортигия* = Делос IV 1690

Орфей, сын Эагра и музы Каллиопы, из Пиерии на юге Фракии 124, 32 сл., 491,509,537, 906, 1125; II 161, 678, 706, 923; IV 898, 902, 1149, 1401, 1538

Орхомен, город в Беотии II 648, 1086, 1146, 1179; III 264, 1069, 1090; IV 254

Отрира, правительница амазонок II 385 сл.

Отрис, гора в Фессалии II 509

Офион, супруг Евриномы, древний правитель Олимпа, свергнутый Кроносом и Реей I 502 сл.

Пагасы, гавань Иолка в Магнесии I 236, 314 сл., 409, 521; IV 1765

Пактол, река в Малой. Азии IV 1289 сл.

Палемоний, сын Гефеста или Лерна из г. Олен в Этолии I 200

Паребий, житель Вифинии II 453 сл., 460, 462,485

Парнас, горный массив в Фокиде II 699

Паррасий, житель Аркадии II 516

Парфений, река в Причерноморье II 930 сл.; Ш873

Парфения, местность на Самосе II 863 сл.

Пасифая, дочь Гелиоса, жена Миноса III 995 сл., 1071 сл, 1102

Пафлагоняне, пафлагонцы, народ Причерноморья, соседи мариандины II 356 сл, 782; IV 242 сл, 297

Певка («Сосна»), остров при впадении Истра в Черное море IV 305 сл.

Пеласги:

1) фессалийцы I 15, 576, 897; II 1231; III 1321; IV 240, 263

2) макрийцы (переселены из Евбеи или Фессалии) I 1014

Пелей, брат Теламона, отец Ахилла, из г. Фгии в Фессалии I 93, 554, 1031; II 819, 821, 860, 869, 1210; III 507; IV 494, 806, 843, 845, 859, 871, 1361

Пелий, правитель Иолка, сын Посидона I 2, 6, 13–16, 222 сл, 240, 275, 319, 893, 972, 1294; II 619, 756; III 64, 75, 1131; IV 239 сл.

Пелион, гора в Магнесии I 383, 517 сл, 577; II 1181 сл.

Пеллена, полуостров Халкидики I 595

Пеллес, эпоним г. Пеллена в Ахайе I 176 *Пелоп:*

1) прародитель пафлагонцев II 357 сл, 782

2) победитель Эномая I 747 сл.
3) эпоним Пелопоннеса IV 1222, 1561, 1569
Пелопейя, сестра Акаста I 322 сл.
Пеней, река в Фессалии II 495
Периклимен, сын Нелея, брат Нестора, из Пилоса (Пелопоннес) I 155
Перифой, обитатель подземного царства, спустившийся туда с Гераклом I 102 сл.
Перкота (Леркопа), город на Геллеспонте I 922, 967
Перо, дочь Нелея, жена Бианта, мать аргонавтов Талая, Арийя и Лаодика I 119
Перс, титан, отец Гекаты III 471, 480, 1032; IV 1015
Перса, жена Гелиоса, мать Кирки IV 591 сл.
Персей, сын Зевса и Данаи, убийца Медузы Горгоны IV 1505 сл.
Персефона, богиня, дочь Деметры, повелительница подземного царства II 908 сл.
Пиерия, область Фракии I 31 сл.; IV 1373
Пилос, город на западе Пелопоннеса I 157
Пимплеида, гора во Фракии I 25
Пиресии:
1) город в Фессалии у слияния рек Апидана и Енипея I 37сл.
2) город на берегу Магнессии I 580 сл.
Питиейя:
1) город в Пропонтиде (Лампсак) I 924
2) один из островов Либурнийских IV 564
Пифо, название Дельф 1207, 304, 410 сл, 536; П 700 сл.; IV 529, 1689
Плавучие острова, вероятно, Строфады П 282, 294 сл.
Планкта, остров III 43
Планкты, скалы при входе в Тирренское море IV 777–783, 850 сл, 932–936
Плеяды, созвездие III 223
Плист, отец Корикийских нимф II 706
Полидевк, сын Зевса или Тиндарея и Леды, из Спарты I 145; II 20, 53, 74, 92, 100, 104, 749; IV 589
Поликса, старая кормилица Гипсипилы I 662–702

Полифем, сын Элата, лапиф, из г. Лариса в Фессалии I 40, 1232, 1246, 1311, 1337; IV 1462, 1464 сл. *Понт*, Черное море I 3; II 345, 411, 416, 535, 573, 976, 1238, 1253; IV 301, 997

Посидон, бог водной стихии I 14, 136,157, 178, 942 сл., 1149; II 3, 858; III 1235 сл.; IV 566 сл., 1315, 1348, 1549, 1608

Посидонов мыс в Мисии I 1270

Прекрасная гавань, гавань Артаки близ г. Кизика I 945 сл.

Приол, сын Даскила II 773 сл.

Промей, долион, убитый Идом I 1034

Прометей, титан, сын Иапета, отец Девкалиона II 1241–1249; III 840, 846–849, 1083 сл.

Пропонтида, море, омывающее Европу и Азию (совр. Мраморное) I 927, 974

Ретейский (берег или мыс) на Геллеспонте 1920

Рея, жена Кроноса, правительница Олимпа до олимпийских богов I 503 сл, 1083 сл., 1107 сл., 1114 сл., 1129, 1135 сл., 1141сл.; II 1228 сл.

Риба, река в Вифинии II 348, 644, 781

Риндак, река во Фригии I 1156

Рипейские горы (совр. Уральские) в Стране гиперборейцев, где истоки Истра IV 283 сл.

Родан, река Рона; плывя по ней, аргонавты через Эридан (По) попадают в Сардонийское море, затем к Океану IV 622–630

Руно барана II 1137 сл.; IV 115 сл.

Савроматы, скифский народ III 352 сл., 394 сл.

Салангон, река в Иллирии IV 332 *Салмонийский мыс* на востоке Крита IV 1678 *Сангарий*, река в Причерноморье II 718 *Сапиры*, народ Причерноморья II 393, 1235

Сарпедонова скала во Фракии возле Эргина и ее грот I 214 сл.

Сепиадов мыс в Магнесии I 578 *Сербонийское озеро* в Египте II 1208 сл.

Сигинны, население побережья реки Истра IV 317

Сикин, сын Фоанта и нимфы Энои, эпоним острова I 618 сл.

Симплегады, темные скалы при входе в Босфор с юга II 316 сл., 320 сл., 410, 418,547–601, 639 сл.; IV 301, 996, 1244

Синды, население побережья Истра, жители долины Лаврион IV 317 сл.

Синопа, дочь Асопа, нимфа, эпоним города II 940 сл.

Синты, древние жители Лемноса I 604; IV 1744

Сирены, дочери Ахелоя и музы Терпсихоры IV 885–896

Сириус, яркая звезда в созвездии Большого Пса II 512 сл., 518 сл.; III 952 сл.

Сирт, мелководный залив в Ливии IV 1226–1231

Сифеи, род жителей Феспий I 104 сл.

Скиаф, остров недалеко от Магнесии I 579, 902–913

Скилла, дочь Форка и Гекаты, живет в пещере скалы Авсонийского моря IV 780,

818 сл., 915.

Скифы, народ, живущий на севере Фракии и по Истру IV 285, 316

Спаситель кораблей, часть реки Ахеронта П 742

Спарта, город на Пелопоннесе I 147; IV 1746 сл.

Спорады, острова в Эгейском море (Анафа, Гиппурий, Фера) IV 1696

Стимфалийское озеро в Аркадии, где первоначально жили птицы II 1047 сл.

Стойхады, острова в Сардоническом море IV 551 сл., 645 сл.

Строфады (Поворотные) острова II 294

Сфенел, сын Актора, друг Геракла II 903–906,911-919

Сфодр, долион, убитый Акастом I 1031

Талай, сын Бианта, из г. Аргос I 117

Талос, великан, страж Крита IV 1626–1635, 1655 сл.

Тафийцы и *телебои,* население одноименных городов, убитые сынами Персея Гелектриона I 742 сл.

Тегея, город в Аркадии I 162, 396

Теламон, сын Эака, отец Эанта-старшего, о. Саламин I 92, 1033, 1279, 1320; III 194, 363, 443,517, 1170

Телекл, долион, убитый Гераклом I 1030

Телеонт:

1) локриец, отец Эрибота I 71 сл.

2) афинянин, отец Бута I 95 сл.; IV 905

Тенар, мыс на Пелопоннесе I 101, 177; III 1236

Тенос, остров в Эгейском море, где Геракл убил Бореадов I 1295

Терпсихора, муза, мать Сирен IV 886 сл.

Тесей, афинянин, супруг Ариадны, сын Эгея I 100 сл.; III 993 сл.

Тибарены, жители Черноморского побережья II 374, 1003 сл.

Тиндарей, супруг Леды I 147; III 519
Тирренские берега IV 655, 846
Тисейский мыс в Магнесии I 564
Титаны, сыновья Урана и Геи, правители мира до Кроноса 1504; II 1226; III 860; IV 983
Титаниды, их дочери IV 54, 130, 984
Титий:
1) демон Иды I 1116 сл.
2) миридиец, убитый Гераклом II 776 сл.
3) сын Элары, посягнувший на Деметру и убитый Аполлоном I 755 сл.
Тифаон, порождение Геи, повергнутый Зевсом II 37 сл, 1204 сл.
Тифаонийская гора на Кавказе II 1203 сл.
Тифис, сын Гагния, из г. Феспии в Беотии I 104, 519, 556, 947, 1265, 1286; II 551, 567, 578, 605, 617, 846, 852
Травкенийцы (или гравкены), полускифы, жители побережья Истра IV 317
Трахин, город в Мисии I 1345 сл.
Трикка, город Фессалии II 948
Тринакрия (Сицилия) IV 959
Тритон:
1) река Нил IV 265 сл.
2) озеро Ливийского залива IV 1300 сл, 1383 сл, 1436 сл, 1529 сл.
3) сын Посидона, владыка Тритонского озера IV 1542–1552, 1578 сл, 1587, 1741 сл.
Тритонида:
1) эпитет Афины I 108; III 1179
2) ливийская нимфа, мать Насамона и Кафавра IV 1487 сл.
Фалер, сын Алкона, из г. Афины в Аттике 196
Фасис, река и город в Колхиде II 309, 1253; III 1215; IV 132, 215
Фаэтон:
1) сын Гелиоса IV 597 сл, 619 сл.
2) прозвище Апсирта III 243, 1230 *Фаэтуса*, младшая сестра Гелиоса, пастушка его овец IV 964 сл.
Феаки, население острова Дрепаны IV 538 сл, 545, 761, 812, 985 сл, 1131, 1169–1201 сл, 1707
Фемискира, город амазонок II 369, 988

Феодамант, отец Гила I 1204, 1206 сл.
Фера, остров, сначала назывался Каллиста IV 1748 сл.
Ферес, сын Автесиона, эпоним острова Фера IV 1747 сл.
Фермодонт, река в Причерноморье II 368, 797, 963–976
Феры, город в Фессалии I 48
Феспии, город в Беотии I 104 *Фетида:*
1) жена Океана, мать Идии III 242 сл.
2) Нереида, мать Ахилла IV 751 сл, 765, 771 сл, 774 сл, 823 сл, 835–841, 924 сл.
Фива, нимфа, дочь Тритона, эпоним египетских Фив IV 257
Фивы, город в Беотии I 731; II 898; III 1174 сл.
Филак, отец Алкимеды, эпоним Филаки I 45
Филака, город в Фессалии I 44
Фмлиря, океанида, возлюбленная Кроноса, мать кентавра Хирона II 1231–1241
Филирида, остров в Черном море II 1224
Филирцы, жители острова II 392
Филлеада, река в Вифинии II 646
Филлейон (Филлейская круча), гора в Фессалии I 37
Финеида, финейский, финейцы, область по европейскому берегу Босфора, ее население и города II 176, 457 сл, 542 сл.; остров II 349
Финей, сын Агенора II 177–269, 276 сл, 301–426, 433–492, 525, 613, 641, 761, 1027, 1045, 1083 сл.; III 551 сл, 557, 939; IV 251, 258
Флегра, мифическая страна, где боги сражались с гигантами III 232, 1222
Флиант, сын Диониса, из г. Арифиреи в Арголиде I 114
Флионтида, город в Арголиде IV 567
Флогий:
1) долион, убитый Тиндаридами I 1035
2) сын Димаха, спутник Геракла на войне с амазонками II 949–961
Фоант, правитель Лемноса, отец Гипсипилы, сын Диониса I 616, 620, 633, 706, 712, 792, 822; IV 425
Фок, сын Эака, убитый своими братьями 191 сл.
Форк, морской бог, супруг Гекаты, отец Скиллы IV 818 сл., 1587
Фракия, страна на севере Эгейского побережья; фракийцы, народ I 26, 211 сл., 610, 627, 672, 789, 793, 1102, 1290; II 237, 424
Фракийский мыс I 29

Фракийская бухта, восточная гавань Кизика I 1099

Фригийцы, население Фригии I 1128 *Фригия*, страна в Малой Азии на берегу Пропонтиды I 928, 1115, 1157

Фрикс, сын Афаманта и Нефелы I 253 сл., 287, 757 сл.; II 648 сл., 1086 сл., 1133 сл., 1139 сл., 1187 сл.; III 187 сл., 262, 330, 338, 361, 373, 585 сл., 603

Фриксиды, его сыновья: Аргос, Китиссор, Фронтис и Мелас II 1086, 1100, 1111, 1189; Ш 175, 194, 523, 596, 602

Фтия, область в Фессалии 153, 93; II 509, 515

Хадисия, одна из трех областей амазонок II 992

Халибы, народ Причерноморья, металлурги П 372 сл., 994 сл., 1002; IV 1466

Халкиопа, дочь Эета, сестра Медеи, жена Фрикса II 1142; III 247 сл., 253, 255, 370, 451, 607, 612 сл., 648, 666, 669, 687, 716, 737, 772,898, 1151; IV 32

Халкодонийская гора в Фессалии I 48

Харибда, морская скала возле Сицилии IV 781, 815 сл., 916

Херсонес (Херонес), полуостров во Фракии 1916

Хирон, сын Кроноса и Филиры, живущей на г. Пелион I 33, 550 сл.; II 504, 1232 сл.

Эак, сын Зевса и Эгины Лосидорна, отец Пелея и Теламона III 363

Эгей, река в стране феаков IV 541

Эгейское море, I 824; IV 764

Эгеон, могильный холм в Мисии I 1156

Эгиал, область Ахейи I 176

Эгиалий:

1) остров (Пафлагония) II 363

Эгина, остров I 90; IV 1751, 1761

Эгла, Гесперида IV 1419 сл.

Эет, владыка колхидян, отец Медеи I 173, 242 сл., 333, 1305; II 456, 767, 1087, 1141–1144, 1190, 1195, 1200, 1214, 1269; III 12 сл., 27, 86, 141, 174, 213, 226, 238 сл., 245, 267, 301 сл., 330, 367, 397, 429 сл., 435 сл., 451, 494, 511, 577, 1078, 1101, 1169, 1180, 1220–1240, 1264, 1268, 1311, 1370, 1401; IV 6, 84, 101, 194, 209, 216 сл., 225 сл., 233, 337 сл., 511, 733, 999, 1002, 1038, 1045, 1068, 1080, 1093, 1194

Эея (то же, что *Эя)*, мыс с жилищем Кирки на Тирренском море III 311,1070,1088; IV 656 сл.

Эеянка:
1) Кирка IV 557
2) Медея III ИЗО; IV 240 *Элара,* мать Тития I 756 сл.
Электра, дочь Атланта, правительница Самофракии I 907 *Электры остров* = Самофракa I 907 сл.
Элисейская долина, место обитания Ахилла после смерти IV 801
Энай, отец Кизика I 939, 1045
Эндимион, пастух из Латома, возлюбленный Селены IV 58
Энипей, река в Фессалии I 38
Энита, дочь Евсора и мать Кизика I 940
Энхелийцы, иллирийцы, живущие в Керавнийских горах IV 518 сл.
Эол:
1) бог, сын Гиппота IV 756 сл., 769, 809 сл.
2) человек III 360
Эолиды I 142; III 334, 589
Эолид Афамант III 360
Эолид Меламп I 120
Эолид Фрикс II 1133 сл.; III 585; IV 117
Эос (Эригена), богиня зари I 516, 1271; II 446, 1275; III 1219; IV 180, 876, 975, 1160,1699
Эрато, муза поэзии III 1–5
Эргин, сын Посидона, из г. Милет (Малая Азия) I 189; II 887
Эрехфиды, потомки Эрехфея, правителя Афин I 100, 200
Эрибот, сын Телеонта, из Опунтской Локриды I 70, 72; II 1030
Эридан, река По IV 506, 595 сл., 618 сл., 623 сл.
Эрик, гора в Сицилии, посвящена Афродите IV 910
Эриманф, болото в Аркадии, где жил вепрь I 126
Эрит, сын Гермеса, из г. Алопа в Опунтской Локриде I 51
Эрот, сын Афродиты и Гефеста III 5, 85, 91сл, 119–127, 143 сл., 152–157, 161, 274–285, 968, 1014 сл.; IV 63 сл., 445 сл.
Эсип, река в Пропонтиде I 932, 1104
Этолийцы, жители Этолии в центральной Греции I 145, 196
Эфалид, брат Эрита, из г. Алопа в Опунтской Локриде I 52, 636, 644; III 1171
Эфалия, Эфалийский остров около Тирренского моря. Сохранил следы пребывания аргонавтов IV 649
Эфиопы, народ III 1188

Эфира (Коринф) IV 1203
Эхет, ослепивший свою дочь IV 1085 сл.
Эхинады, острова возле Акарнании IV 1221
Эхион, брат Эрита, из г. Алопа в Опунтской Локриде I 51
Эя:
1) город, столица Эета 415, 420, 454, 881, 1087, 1134, 1135, 1157, 1178; III 210, 211, 305,330,611,889,1264; IV 47,130,251,273
2) остров III 1070, 1088; IV 656
3) берег IV 840
Ясон, сын Эсона из г. Иолка в Фессалии I 9, 16, 35, 206 сл, 230, 289 сл, 312, 323, 345, 404, 407, 433, 491, 531, 714, 762, 828, 863, 877, 951, 962, 979, 1074, 1080, 1092, 1122, 1277, 1319; II 122, 210 сл, 434, 486, 616, 754, 763, 864, 1152, 1271; III 2, 27, 58, 66, 75, 86, 141, 280, 287, 317, 357, 365, 384, 396, 400, 425, 442, 446, 476, 486, 493, 567, 575, 912, 915, 935, 951, 963, 969, 1007, 1011, 1014, 1073, 1114, 1185, 1196, 1241, 1252, 1272, 1301, 1333, 1340, 1361, 1378, 1389, 1404; IV 63, 79, 92, 106, 112, 160, 163, 168, 174, 180, 204, 351, 392, 454, 469, 490, 583, 683 сл, 775, 1076, 1114, 1132, 1143, 1151, 1302, 1687

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ[14]

1. *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Пер. с древнегреч. Г. Ф. Церетели. Тбилиси, 1964.

2. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем. Э. Д. Фролова. М., 1982.

3. *Дройзен И. Г.* История эллинизма: В 3 т. / Пер. с нем. М. М. Шелгунова. 1890–1893.

4. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

5. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Ранний эллинизм. М., 1979.

6. *Чистякова Н. А.* Эллинистическая поэзия. Л., 1986.

7. Apolloni Rhodii Argonautica recognovit brevique adnotatione critica instruxit Hermann Frankel. Oxford: Oxford University Press, 1986.

8. Apollonios de Rhodes Argonautiques / Texte établi et commenté par Francis Vian et traduit par Emile Delage: 3 т. Paris, 1976–1981.

9. *Bacon J. R.* The Voyage of Argonautes. L., 1925.

10. *Bulloch A. W.* Hellenistic Poetry // Cambridge History of Classical Literature: In 2 v. Cambridge. V. I. P. 541–652.

11. *Campbell M.* Index verborum in Apollonium Rhodium (Alpha — Omega). Hildesheim; Zürich; New York, 1983.

12. *Campbell M.* Studies in the TTiird Book of Apollonius Rhodius's Argonautica. Hildesheim, 1983.

13. *Cary M. A.* History of the Greek World from 325 to 145 B. C. L., 1932.

14. *Cole S. G.* Theoi Megaloi: The Cult of the Great Gods of Samothrace. Leiden, 1984.

15. *Clause J. J.* The Best of the Argonauts: The Redefinition of the Epic Hero in the Book I of Apollonius's Argonautica. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1993.

16. *Corbato C*Riprese Callimachee in Apollonio Rhodio. Trieste, 1955.

17. *Couat A.* La poésie Alexandrine sous des Trois Ptolémées. Ed. 2. Bruxelles, 1968.

18. *Delage E.* Biographie d'Apollonios de Rhodes. Paris, 1930.

19. *Delage E.* La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodes. Paris, 1930.

20. *Frankel H.* Noten zu den Argonautika des Apollonios. München, 1968.

21. *Frazer P. M.* Ptolemaic Alexandria: In 3 т. Oxford, 1972.

22. *Fowler B. H.* The Hellenistic Aesthetic. Madison, 1989.

23. *Galinsky Karl G.* The Herakles Theme. Oxford, 1972.

24. *Giangrande G* Zur Sprachgebrauch, Technik und Text des Apollonios Rhodios. Amsterdam, 1972.

25. *Gilles M. M.* The Argonautica of Apollonius Rhodius: In 3 т. / Ed. with Introduction and Commentary. Cambridge, 1928.

26. *Goldhill S.* The Poet's Voise: Essays on Poetics and Greek Literature. Cambridge, 1991.

27. *Hasluck F.* Cyzicus. Cambridge, 1910.

28. *Hutchinson G 0.* Hellenistic Poetry. Oxford, 1988.

29. *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus: 2 Bde. Leipzig; Berlin, 1926–1927.

30. *Kerényi K.* Töchter der Sonne. Zürich, 1944.

31. *Körte A.* Die hellenistische Dichtung / Zweite vollständig neubearbeitete Auflage von P. Händel. Stuttgart, 1960.

32. *Lesky A.* Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer. Wien, 1947.

33. *Meuli K.* Odyssee und Agronautica. Berlin, 1921.

34. *Nagy G.* The Best of Achaeans. Baltimore, 1979.

35. *Nagy G.* Greek Mythology and Poetica. Ithaca, 1990.

36. *Nätzel St. A.* Frauen in den «Argonautica» des Apollonios Rhodios. Trier, 1992.

37. *Newman J. K.* The Classical Epic Tradition. Madison, 1986.

38. *Paduano G.* Studi zu Apollonio Rodio. Roma, 1972.

39. *Paduano G.* Apollonio Rodio: Le Argonautiche. Milan, 1986.

40. *Pavlock B.* Eros, Imitation and the Epic Tradition. Ithaca, 1990.

41. *Pollit J. J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986.

42. *PreiningerJ.* Der Aufbau der Argonautica des Apollonios Rhodios. Wien, 1976.

43. *Roux R.* Le problème des Argonautes: Recherches sur les aspects religieux de la légende. Paris, 1949.

44. *Rzach A.* Grammatische Studien zu Apollonios Rhodios. Wien, 1878.

45. *Schneider C.* Kulturgeschichte des Hellenismus: Bd. I–II. München, 1967–1969.

46. *Schneider C.* Die Welt des Hellenismus: Lebensformen in der spätgriechischen Antike. München, 1975.

47. *Schwinge E.-R.* Kunstlichkeit von Kunst: Zur Geschichtlichkeit der alexandrinischen Poesie. München, 1986.

48. *Segal C. P.* Orpheus: The Myth of the Poet. Baltimore, 1989.

49. *Stössel F.* Apollonios Rhodios: Interpretationen zur Erzählungskunst und Quellenverwertung. Bern, 1941.

50. *Susemihl F.* Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandriener-Zeit: Bd. I–II. Leipzig, 1891–1892.

51. *Thierstein P.* Bau der Szenen in den Argonautica des Apollonios Rhodios. Bern, 1941.

52. *Toynbee A. J.* Hellenismus: The History of Civilisation. Oxford, 1959.

53. *Webster T. B.* The Hellenistic Poetry and Art. L., 1964.

54. *Weichert M. A.* Uber das Leben und Gedichte des Apollonius von Rhodos. Meissen, 1821.

55. *White H.* Stidies in Theocritus and other Hellenistic Poets. Amsterdam, 1979.

56. *Wendel C.* Scholia in Apollonium Phodium vetera. Berolini, 1958.

57. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos: Bd. I–II. Berlin, 1924–1925.

58. *Wifstrand A.* Kritische und exegetische Bemerkungen zu Apollonios Rhodios. Lund, 1929.

59. *Zanker G.* Realism in Alexandrian Poetry: A Literature and its Audience. L., 1987.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ, КАРТ И СХЕМ

стр.
1. Кратер из Апулии. IV в. до н. э. 133

(Кратер из Апулии. IV в. до н. э. Гос. Эрмитаж В центре — дерево, вокруг которого обвивается страж висящего руна — дракон (змей). Над ним крылатый юноша с поднятым в правой руке копьем. Надпись — ΚΑΛΑΙΣ. Это один из Бореадов — Калаис. Влево от него идет Медея. На ее голове фригийская шапка. В руке у нее шкатулка с зельями. Над головой надпись ΜΗΔΕΙΑ. За ней на камне сидит крылатый Эрот. Внизу юноша с двумя копьями. Надпись ΙΑΣΩΝ, т. е. Ясон. Напротив него с-дубиной и в львиной шкуре Геракл — ΗΡΑΚΛΗΣ. Остальные персонажи безымянные.)

2. Краснофигурный кратер ок. 400 г. из Южной Италии. 133

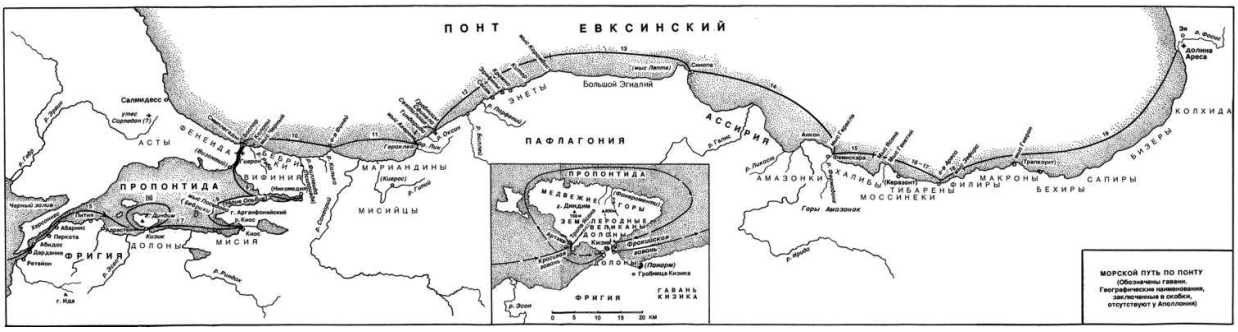
(Краснофигурный кратер ок. 400 г., из Южной Италии (Мюнхенская глиптотека). Ясон убивает дракона. Сзади с ларцом в руке стоит Медея.)

3. Краснофигурный аттический кратер сер. V в. до н. э. из Южной Италии. 134

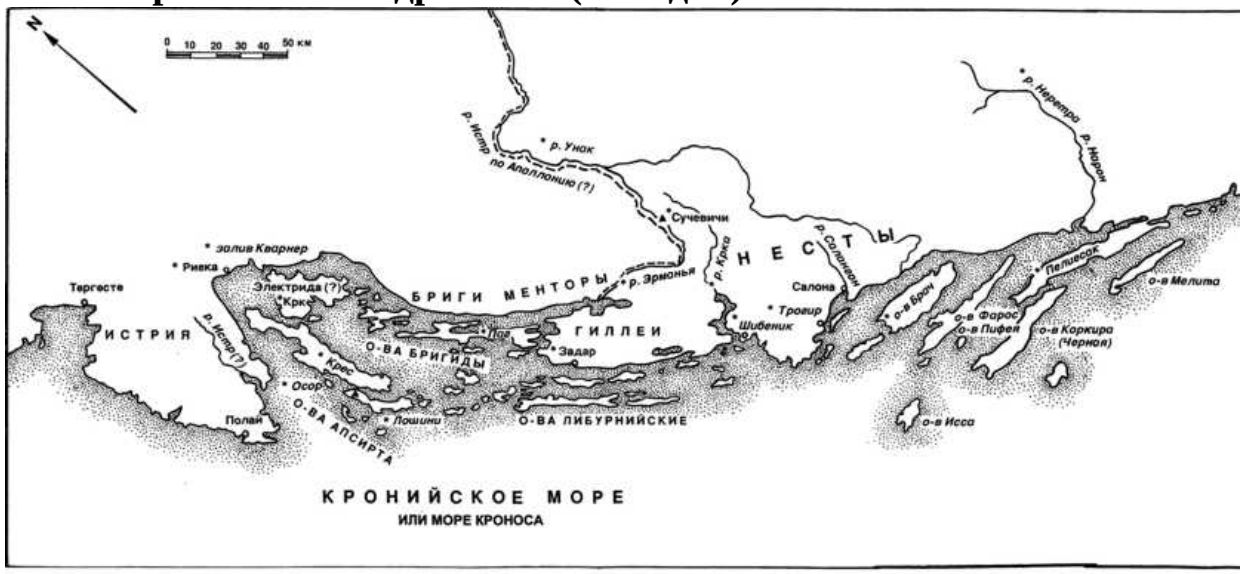
(Краснофигурный аттический кратер сер. V в. до н. э. из Южной Италии. Медея поражает великана Талоса. Внизу маленький крылатый бог смерти Танатос.)

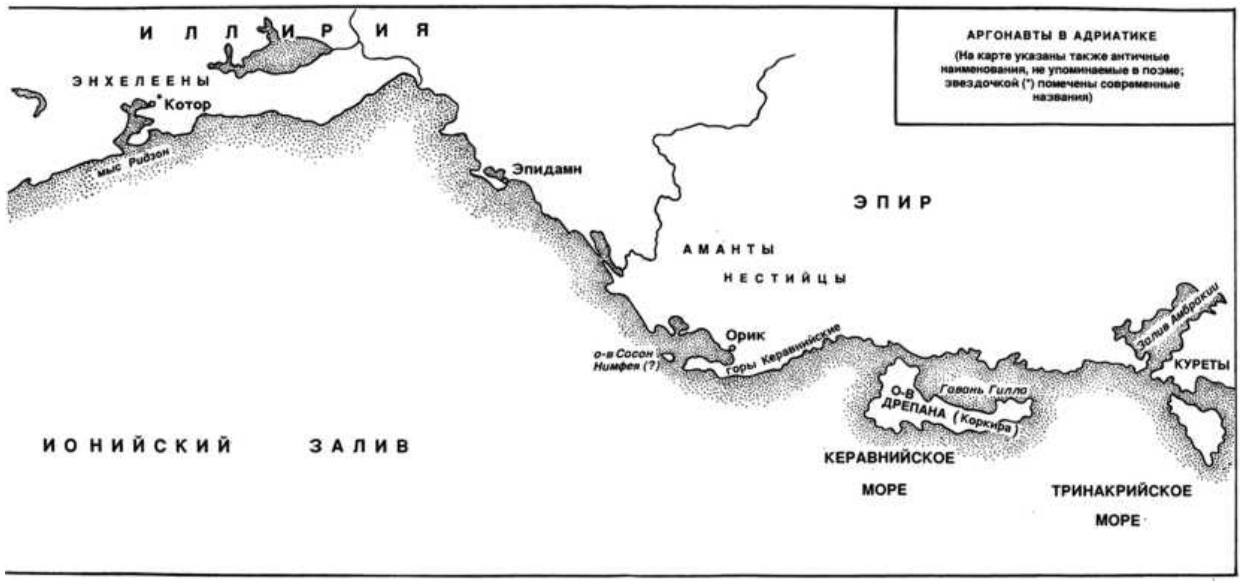
4. Греция аргонавтов. 173

5. Морской путь по понту (вкладка).

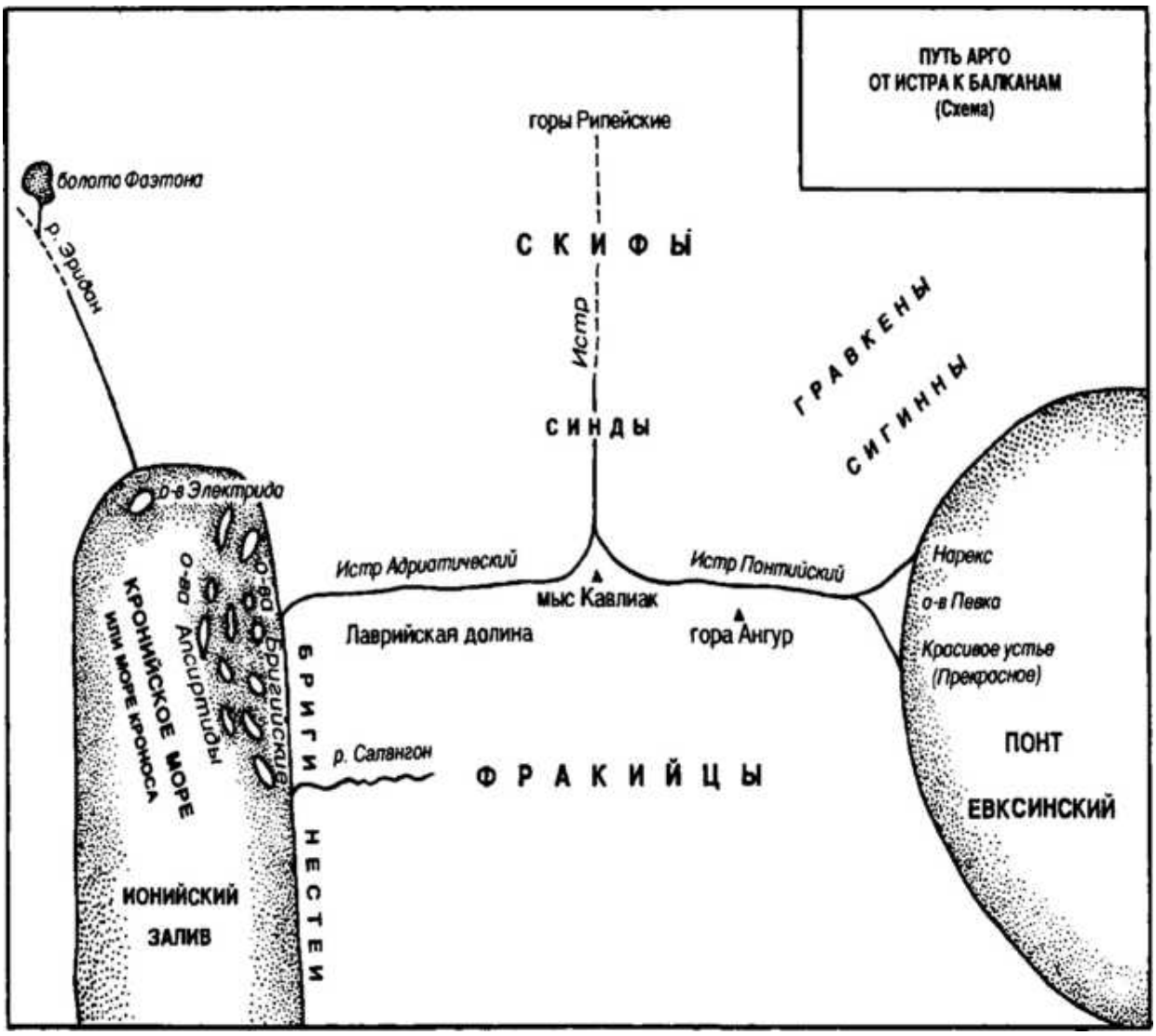


6. Аргонавты в Адриатике (вкладка).

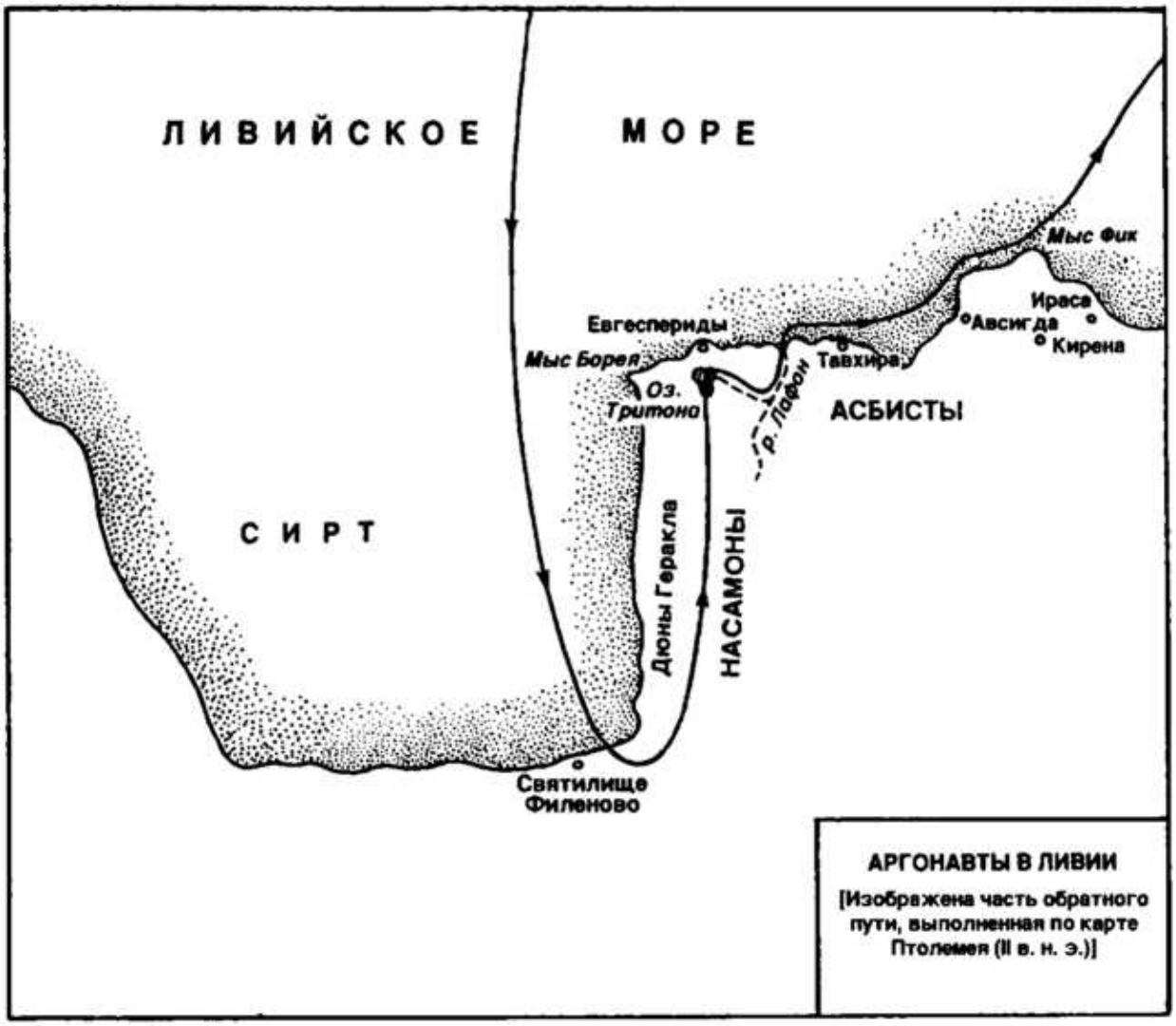




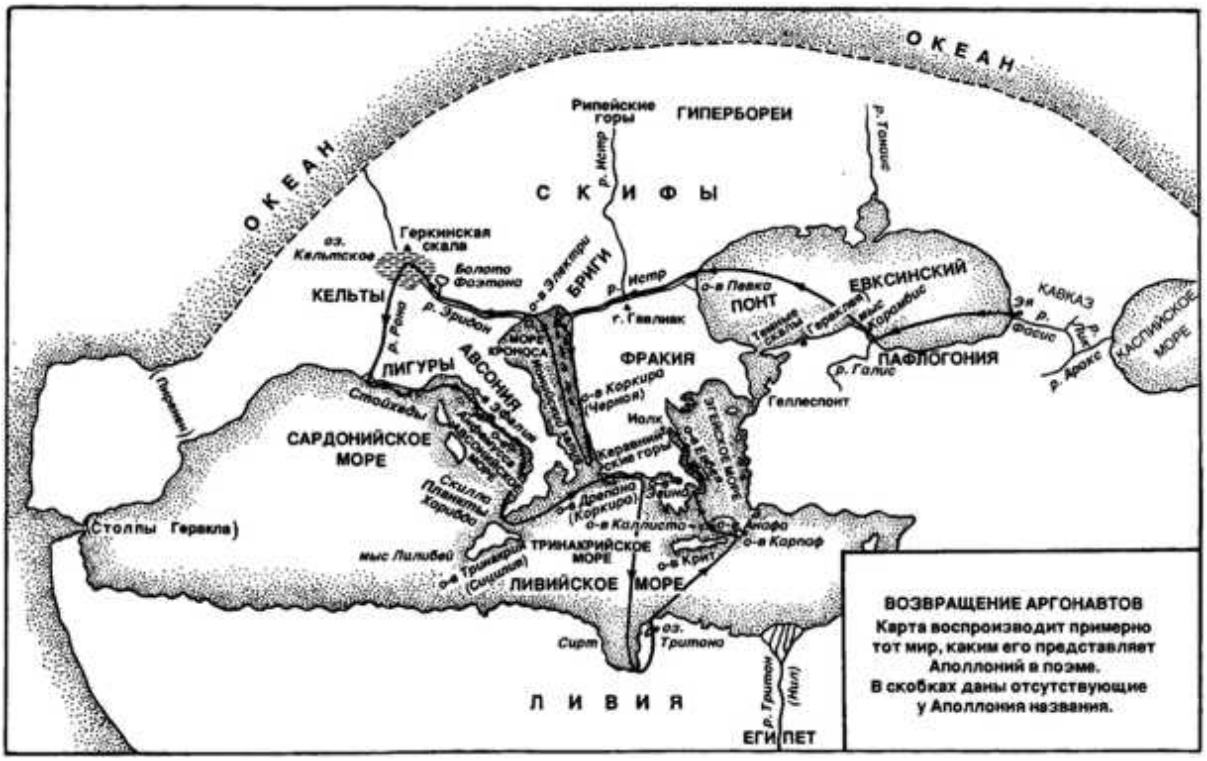
7. Путь Арго от Истра к Балканам. 174



8. Аргонавты в Ливии. 174



9. Возвращение аргонавтов. 175



10. Родословие Ясона и Эета. 178

Родословие Ясона и Эета

notes

Примечания

1

1 Фасис (совр. Риони) — быстроходная река Закавказья, начало которой в Месхетских горах. Она впадает в Черное море, в ее устье в VTQ в. до н. э. греки из г. Милета основали одноименный город.

2

2 Все эти свидетельства на языке их подлинников собраны в кн.: *Урушадзе А. В.* Древняя Колхида в сказании об аргонавтах. Тбилиси, 1964. Переводы и сопровождающее их исследование выполнены на грузинском языке с кратким русским резюме.

3

3 Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида: Миф и археология. Тбилиси, 1979; *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. Там же приведена обширная библиография.

4

4 Meuli K. Odyssee und Argonautica: Untersuchungen zur griechischen Sagengeschichte und zum Epos. Berlin, 1921.

5

5 Все сообщения Страбона о Грузии в оригинале автора, т. е. на греческом языке, см.: *Каухчишвили Т. Г.* География Страбона: Сведения о Грузии. Тбилиси, 1957.

6

6 Для облегчения чтения основная литература по эллинизму, его культуре, о птолемеевском Египте, «Аргонавтике» и т. д. приводится в порядке тематического наложения в конце статьи.

7

7 В жизнеописаниях отец Аполлония назван Силлеем или Иллеем, а мать — Родой.

8

8 Северное Причерноморье: Сб. статей. Л., 1953. С. 320.

9

1 Полное библиографическое описание работ см. в разделе «Библиография».

10

2 Письмо к П. В. Ернштедту от 14 января 1938 г. //Архив РАН. Фонд П. В. Ернштедта. 877, 3, 105.

11

3 Звезда. 1933. № 5. С. 70.

12

1 Мески — мулы.

13

1 Первый основатель городов, почитания богов и первый правитель.

14

Составлена в алфавитном порядке русских и иностранных работ (не включены отдельные статьи и диссертации). Из старых работ приведены лишь наиболее значительные.

*

Ст. 6—18. Пелию сказано было… — В 461 г. до н. э. Пиндар воспел победу на состязаниях Аркесилая Киренского. В этом эпиникии (IV Пифийская ода), написанном в честь потомка аргонавта Евфима, история аргонавтов занимала немалое место (стихи 78 — 123). Там Ясон отправился в Иолк с намерением лишить власти Пелия и передать престол законному правителю Эсону, отцу Ясона и одноутробному брату узурпатора. Напуганный Пелий обещал уступить Ясону при условии, что он привезет символ Иолкской власти — Золотое руно. Версия Аполлония, вероятно, более древняя. Она могла восходить к писателю VI в. до н. э. Ферекиду. Пелий пригласил Ясона на праздник в честь бога Посидона. Но, устроив пир в честь своего покровителя и пригласив остальных богов, Пелий пренебрег Герой. Пеласгийская Гера, прославленная богиня всех фессалийцев, имела в Иолке свой храм. Поступок Пелия был не только дерзким, но и святотатственным. А Гера, как будет сказано дальше, оказалась покровительницей и хранительницей Ясона и всех его спутников.

Таким образом, в самом начале поэмы дана уже характеристика Пелия. Мотив появления в Иолке однообутого человека предвещал Пелию, по оракулу, неизбежную смерть. Этот мотив вошел в сюжет Очень давно и сам по себе существовал с древних времен в мифах и сказках древнего мира Запада и Востока.

*

Ст. 21 сл. Я же теперь… — Каталог аргонавтов соответствовал требованиям эпической поэтики и повторял гомеровские каталоги ахейских и троянских войск (Илиада, П). Предшественниками Аполлония были драматурги Эсхил и Софокл, во фрагментах несохранившихся драм которых перечислялись участники похода Ясона (*Эсхил*, Кабиры; *Софокл*, Лемниянки). Двадцать стихов отвел Пиндар перечислению аргонавтов в IV Пифийской оде. После Аполлония каталог аргонавтов вошел в «Библиотеку» Аполлодора (I, 9, 16), в рассказ Гигина (№ 14), в «Аргонавтику» Валерия Флакка (I, 350–487) и в «Орфическую Аргонавтику» (118–229).

Каталог Аполлония открывается именем знаменитого певца Орфея, которого Ясон пригласил из далекой Фракии, вняв совету своего наставника кентавра Хирона. По Аполлонию, Орфей родился к северу от горы Олимпа в Пиерии возле горы Пимплеиды. Он был правителем Бистонской Фракии, и его владения распространялись далеко на северо-запад до области Зона. Тут были объединены две версии предания об Орфее. Одна была фессалийской, в ней обитель пиерийских Муз сочеталась с Пимплеидой (совр. Македония). Другая, фракийская, возникла во Фракии и упоминала о далекой Бистонии и Зоне.

В дальнейшем Аполлоний столь же смело объединял различные и разновременные источники. Первоначально в походе участвовали только минийцы, жители отдельных областей Фессалии и Беотии. Они называли себя потомками мифического Миния, сына Эола и первого правителя города Орхомена. Затем их ряды пополнились другими героями, жившими поблизости. Таковыми были уроженцы Опунтской Локриды (Актор, Евритион, Эрибот). Сюда же попал фиванец Геракл. За ним вошли герои — уроженцы острова Евбея (Кайф, Клитий и другие). Позднее аргонавты пополнились уроженцами Кекропейи, т. е. Аттики (Бут, Фалер). По мере того как история аргонавтов вошла в круг общегреческих сказаний, в нее были включены персонажи пелопоннесских мифов Арголиды, Аркадии, Мессении, Пилоса, Лаконии и т. д. В период колонизации малоазийского побережья (VIII в. до н. э.) вошли герои Милета (Эргин и Анкей). Когда-то, может быть с

Орфеем, вошли крылатые сыновья бога Борея. Так в течение нескольких столетий создавался каталог Аполлония, где оказались столь различные герои, даже некоторые тезки.

*

Ст. 23 сл. Пусть Музы подскажут мне песню. — Аполлоний рассматривает Муз как своих вдохновительниц и руководительниц в отличие от своего современника и соперника Каллимаха Киренского. Последний в сборнике «Причины», которым он занимался всю жизнь, сам предлагал Музам вопросы, подсказывал интересные для себя сюжеты и перелагал стихами их ответы. Полемика двух поэтов была рассчитана на современников и поэтому замаскирована.

*

Ст. 40 сл. Следом шел Полифем… — Герой Полифем, не имеющий ничего общего со своим тезкой из гомеровской «Одиссеи», был лапифом, т. е. принадлежал к древнейшему коренному населению северной Фессалии, и был уроженцем города Ларисы, столицы лапифов, расположенной на берегу Пенея. Аполлоний подчеркивает, что Полифем был немолод и принимал некогда участие в героическом сражении лапифов с дикими кентаврами, в котором столь отличился его брат Кеней. Аполлоний связал сказание об этой битве, впоследствии нашедшее широкое распространение в греческом изобразительном искусстве и литературе, с сюжетом своей поэмы, подчеркивая непрерывность преемственности поколений.

*

Ст. 46. Филака — город во Фтиотиде. Как и большинство городов, имел своего мифического основателя-эпонима. Этот Филак был дедом Ясона и отцом его матери Алкимеды, которую Гесиод называл Полимелой. В выборе ее имени Аполлоний следовал за Ферекидом. Ификл же, *дядя* Ясона и брат Алкимеды, упомянут в «Илиаде». Старец Нестор называет его прославленным бегуном (XXIII, 636). Дети же Ификла были участниками троянского похода. О них, Протесиале и Подарке, см.: *Гомер,* Илиада. II, 713–715.

*

Ст. 49 сл. Адмет — сын Ферета и сестры Алкимеды Периклимены, был двоюродным братом Ясона. Сын его Евмел участвовал в Троянской войне *[Гомер*, Илиада, II, 713 сл.). Сам же Адмет был одним из главных действующих лиц в драме Еврипида «Алкестида».

*

Ст. 50 сл. Не остались в Алопе… — Город Алопа, расположенный на северном берегу Малийского залива, у Гомера оказывается в Пеласгическом Аргосе, в стране мирмидонян *[Гомер,* Илиада, II, 682). О мирмидонянах см. ниже в примечаниях к ст. 1772 IV книги. Аполлоний выходит из положения, объединив обе версии, он называет матерью Эфалида фтиянку Евполемею, дочь Мирмидона. Сводные же его братья, Эрит и Эхион, были сыновьями Антианиры. Каллимах называл ее дочерью Ферета, т. е. сестрой Адмета (Гимн Аполлону. 48 сл.). У Аполлония она дочь Менетия, т. е. сестра Патрокла. Схолиаст замечает, что впервые имена троих сыновей Гермеса объединил Аполлоний, которому следовали Гигин и Валерий Флакк.

*

Ст. 56 сл. Прибыл, покинув Гиртон… — Город Гиртон, гомеровская Гиртона *[Гомер,* Илиада, II, 758), находился у реки Пенея, недалеко от Ларисы. Сказание о Кенее, о популярности которого совершенно справедливо говорит Аполлоний, неоднократно привлекало поэтов, начиная с Гесиода и Пиндара, прозаиков, с древнего логографа Акусилая и кончая много веков спустя Плутархом. Для Аполлония Кеней принадлежит к поколению отцов аргонавтов. Для Гомера борьба лапифов и кентавров — живая история великого прошлого. Сын же Кенея Леонтей доблестно сражался под Троей (П, 746).

*

Ст. 64. Мопс прибыл Титарисийский. — Мопс-прорицатель был внуком Титарона, основателя одноименного с ним города на реке Титарисий, которая светлым и чистым потоком вытекала из Пенфея. Гомер называет Титарисий желанным или прелестным (ιμερτος). Что Мопс был немолод, указывает Аполлоний, говоря об его участии в битве лапифов с кентаврами. В «Аргонавтике» Мопс погибает на обратном пути. По другим источникам, он принимал участие в охоте на Калидонского вепря и затем в играх на тризне Пелия, т. е. с остальными аргонавтами вернулся назад. (Описание ларца Кипсела у Павсания — V, 17, 10.)

*

Ст. 68 сл. Актор пришел и сына… — Менойтий, сын Актора, был отцом друга Ахилла Патрокла *[Гомер*, Илиада, XI, 785 сл.; *Пиндар*, Олимпийская ода, IX, 70). Город Менойтия Опунт, центр Локриды, был расположен на берегу Евбейского залива. У Аполлония Менойтий, Евритион, Еврибот и Оилей пришли к Ясону из Опунтской Локриды. В традиции имена Евритиона и Еврибота нередко звучат иначе, меняется зачастую также их родина (Гесиод, Аполлодор, Гигин). Гомер и Гесиод называют Оилея отцом Эанта Младшего, одного из героев Троянской войны. Стоит отметить, что Оилея первым Аполлоний включает в число аргонавтов и переносит на него гомеровскую характеристику сына:

> Боле же всех поразил Оилеев Аякс быстроногий;
> С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
> Всех бегущих, которых ужасом Зевс поражает.
> (Илиада, XIV, 520–523. Пер. Н. Гнедича)

*

Ст. 76 сл. Шел еще Канф… — Каниф, отец аргонавта Канфа, считался эпонимом горы на острове Евбея. В свою очередь, Абант, дед Канфа, был эпонимом абантов, древнего населения острова *[Гомер*, Илиада, II, 53–58). История трагической гибели Канфа в Ливии связывает его с Мопсом. Колхида же и Ливия во времена Аполлония, как крайние точки востока и запада, нередко сосуществовали вместе *[Арат*, Феномены, 62).

*

Ст. 86 сл. Славной Эхалии… — Гомеровский город Эхалия находится в Фессалии *[Гомер,* Илиада, II, 730). Аполлоний вслед за Софоклом (Трахинянки, 74, 354), а может быть, знакомый с поэмой «Взятие Эхалии» эпического поэта Креофила, современника Гомера, помещает Эхалию на Евбее. Точное местонахождение остается неизвестным.

*

Ст. 89 сл. Далее за ними… — Эакиды, Пелей и Теламон, были сыновьями Эака, правителя Эгины, и Ендеиды. Они оба убили своего сводного брата Фока, сына Нереиды Псамафы, за что и были изгнаны отцом (Гесиод и киклическая поэма «Алкмеонида»). Теламон бежал на остров Саламин, а Пелей — в город Фгию в Фессалии. Аполлоний как бы оправдывает их преступление, ссылаясь на то, что они поступили неразумно, т. е. то ли были очень юными, то ли действовали в состоянии аффекта. Впрочем, он не интересуется их прошлым. Их сыновья, Эант (Аякс) Старший и Ахилл, были доблестными воинами и сражались под Троей, играя большую роль в гомеровских поэмах, в киклическом эпосе и во всей поэтической традиции Древней Греции.

*

Ст. 94 сл. Вслед им Бут появился… — Афинянин Бут был прославлен как основоположник знаменитого рода Этеобутадов. Бута считали сыном Пандиона и братом Эрехфея. Аполлоний же называет его отцом Телеонта, т. е. братом евбейца Еврибота. Дальнейшая традиция, которой следует Аполлоний, объединяет двух одноименных персонажей, как свидетельствует IV книга «Аргонавтики» — эпизод с Сиренами (ст. 891 сл.). Там с аттическим аргонавтом Бутом смешивается сицилийский любимец Афродиты, отец сына богини, Эрикса, эпонима одной из сицилийских гор. Эпоним афинской южной гавани аргонавт Фалер был обожествлен и имел в Фалерской гавани алтарь *[Павсаний*, I, 1, 4). Отца Фалера Алкона называли внуком Эрехфея. С Тесеем Фалер участвовал в битве с кентаврами.

*

Ст. 100 сл. Только Тесея, кто всех… — У позднейших авторов (Аполлодор, Стаций) Тесей оказывается участником похода аргонавтов. В «Одиссее» сохранились отголоски какой-то эпической поэмы, возможно Гесиода, о спуске в Аид Тесея и Перифоя (XI, 631).

*

Ст. 104 сл. Тифис, Гагния сын… — Кормчий Арго Тифис неизменен во всех версиях сказания об аргонавтах. Он уроженец Феспий, города на юго-западном берегу Беотии. Известный в истории феспийский дем Тифии или Сифии называл его своим прародителем.

*

Ст. 111. Сын Арестора Арг… — Ферекид говорит, что корабль был назван Арго по имени Арга, старшего сына Фрикса, который был его строителем. Аполлоний предпочитает другую версию, по которой строителем корабля был Аргили Аргос, сын Арестора, из города Аргоса, расположенного на северном берегу Арголидского залива на Пелопоннесе. Старейшая традиция, использованная Ферекидом, называет Арго первым морским судном. Аполлоний не принимает ее, определяя Арго лишь самым лучшим. Он знает о наличии судов у колхов и в Афинах, откуда на Крит к Миносу плыл Тесей. У Аполлония в строительстве корабля участвовала Афина; в «Аргонавтике» Валерия Флакка — Гера (I, 305).

*

Ст. 114 сл. Флиант или Флиунт — сын Диониса, был эпонимом города Флиасии, на месте которого был возведен впоследствии Флиунт. Арифирея же упоминается в «Илиаде» и называется «приятной» и «любимой» (П, 571). Весь этот район был прославлен своими виноградниками и лучшими сортами вина.

*

Ст. 119 сл. Дочь Нелея Перо… — Нелей, сын Посидона и Тиро, был братом Пелия. В борьбе за власть в Иолке братья Нелей, Меламп и Биант были вынуждены удалиться на Пелопоннес в Мессению. Нелей стал правителем Пилоса. Всем женихам своей дочери Перо Нелей объявлял, что выберет того, кто пригонит ему из Филаки стадо Ификла. Прорицатель Меламп помог брату Бианту выполнить требование Нелея. За это Мелампу пришлось провести год в темнице у Ификла. После его возвращения он и Биант переселились в Аргос. Исто рия Мелампа дважды упоминается в «Одиссее» (XI, 281–287; XV, 226–242). В «Библиотеке» Аполлодора (Ш, 6, 4) Леодик, который у Аполлония назван мощным, — участник похода семерых против Фив.

*

Ст. 121 сл. Ведомо, сам Геракл… — Схолиаст указывает, что версия Аполлония об участии Геракла в походе аргонавтов была общей и первым о ней сказал логограф Гелланик в начале V в. до н. э. У Пиндара Геракл был в походе до конца (Пифийская ода, IV, 171 сл.).

*

Ст. 124 сл. Сразу, пройдя из Аркадии… — Лиркейская гора отделяет Арголиду от Аркадии, ее имя носит также долина реки Асоп. Другая форма этого названия «Линкейская» считается связанной с мифом о сыне Египта Линкее, которого одного из всех братьев, обреченных Данаидам на смерть, пощадила Гиперместра (трилогия Эсхила «Данаиды»). Павсаний рассказывает, что в Арголиде есть местность Лир кия, которая, после того как туда с Гиперместрой прибежал Линкей, стала называться Линкеей (П, 25, 4).

*

Ст. 132 сл. Навплий — по свидетельству Ферекида, был потомком Посидона и Данаиды Амимоны. Упоминаемый дальше Навплиад (ст. 135) был внуком Гиперместры, сестры Амимоны. Таким образом, все персонажи этого отрывка связаны кровным родством с Данаидами. А сам Аполлоний авторской ссылкой «мы знаем» подчеркивает значительность и общую известность этого предания.

*

Ст. 138 сл. Далее Идмон пришел… — Генеалогия прорицателя Идмона считалась спорной. Аполлоний намекает на то, что эти споры были вызваны той славой, которой пользовался Идмон. Геродор называет Идмона сыном Абанта и внуком Мелампа, от которого Идмон унаследовал искусство прорицания. Про Мелампа, или Мелампода, неоднократно упоминает Геродот. Для него он великий пророк и основоположник культа Диониса в Элладе (П, 49). Аполлоний с осторожностью объединяет обе версии происхождения Идмона, зная, что впоследствии потомки Идмона были жрецами Аполлона.

*

Ст. 145 сл. А этолиянка Леда… — По версии Гесиода, которую воспроизводит Аполлоний, уроженка Этолии Леда, дочь Фестия, была женой правителя Спарты Тиндарея. Поэтому ее близнецов, Кастора и Полидевка, называли Тиндаридами. По существовавшему у греков представлению, что в случае рождения близнецов одного следовало считать дитятей бога, Полидевка называли сыном Зевса, а Кастора — сыном Тиндарея *(Гомер,* Илиада, Ш, 236; Одиссея, XI, 228). Современник Аполлония Феокрит называет их обоих сыновьями Зевса (Идиллия XXII, 1). Эта версия также была широко известна и отражена в их патрониме Диоскуры, т. е. сыновья Зевса. Славные герои, покровители мореплавателей, выделяющиеся среди прочих аргонавтов, каждый из них был знаменит в своей области: с Кастором никто не мог сравняться в укрощении коней, а с Полидевком — в кулачном бою.

*

Ст. 150 сл. И сыновья Афарея… — Линкей и Ид пришли из-под Арены, эпонимом этого города в Мессении была их мать, а отец, Афарей, был родным братом Тиндарея. Жители Арены пополнили войско Нестора, которое отправилось в Трою *(Гомер*, Илиада, II, 591). Аполлоний на протяжении всей поэмы подчеркивает различие характеров братьев Афареидов, восхищаясь зоркостью взгляда старшего, наглостью и дерзостью младшего.

*

Ст. 160 сл. Также Кифей пришел… — Подробную генеалогию аркадских героев знает Павсаний (VIII, 3–5). Сын Зевса Аркад и его жена Каллисто имели сына Афиданта, ставшего правителем Тегеи и всех ее земель. Его наследник Алей был отцом троих сыновей — Ликурга, Амфидаманта и Алея — и дочери Авги. В такой же последовательности перечисляет Афидантидов схолиаст Аполлония. К аргонавтам присоединились два сына Алея. Ликург, который не мог оставить старого отца, послал с братьями своего юного сына Анкея. Алей был известен в Тегее возведением храма Афины. Именем Афиданта была поименована одна тегейская фила. Анкей же после возвращения участвовал вместе с Мелеагром в охоте на Калидонского вепря, где и погиб.

*

Ст. 170 сл. Прибыл и Авгий. — У Феокрита Авгий назван сыном Гелиоса (Идиллия XXV, 54). Этим объясняется его непреодолимое желание повидать Колхиду, страну своего сводного брата.

*

Ст. 174 сл. Гипересия дети пришли… — В «Илиаде» упоминаются города Пеллена и Гипересия (П, 573 сл.). Павсаний говорит, что город Гипересия, носивший имя своего эпонима, затем назывался Эгирой. Пеллена же лежала на границе Ахейи (у Гомера — Эгиала) и Сикиона. Жители Пеллены и во времена Павсания именовали свой порт «Аристонавты» (т. е. «Наилучшие мореходы»), сохраняя воспоминание о некогда пристававших сюда аргонавтах (VII, 26). У Валерия Флакка место Астерия заменяет Девкалион.

*

Ст. 177 сл. Евфим — предок первых основателей Кирены, страны и города, древней греческой колонии на севере Африки, западной соседки Египта в первой половине III в. до н. э. Играет в поэме Аполлония особую роль. Не случайно его история занимает особое место в заключении поэмы. Об Евфиме идет речь во фрагментах гесиодовских каталогов, упоминает его Пиндар в IV Пифийской оде, много говорит о нем киренец Каллимах.

*

Ст. 184 сл. Первым Эргин, покинув… — Пиндар (Олимпийская ода, IV, 19) называет Эргина сыном упоминаемого в «Одиссее» Климена (П, 452). Существовало предание, что правитель Орхоменских минийцев Климен был убит Гераклом. Впоследствии сын Климена Эргин отомстил Гераклу за смерть отца. У Аполлония Эргин живет в Милете, т. е. на Малоазийском побережье, а его сводный брат Анкей — на острове Самосе. Упоминание Самоса предрешает будущее лемносское приключение аргонавтов. По рассказу Павсания, аргонавты воздвигли на Самосе по дороге в Колхиду храм Геры и поместили там статую богини, вывезенную ими из Аргоса. Самосцы же утверждали, что богиня Гера, будучи покровительницей их острова, родилась у них, под священной ивой на реке Имбрасе (VU, 4, 4).

*

Ст. 188. Калидон — большой город Этолии. Об его правителе Энее и «русоголовом Мелеагре», его сыне, говорится в «Илиаде» (П, 641 сл.). Во фрагментах гесиодовских «Каталогов» отцом Мелеагра назван бог Арес. Аполлониевский Мелеагр еще очень юн, и его сопровождает брат отца Лаокоонт.

*

Ст. 197 сл. Также и брат его… — Ификл Второй был сыном Фестия и братом матери Мелеагра Алфеи. После окончания похода аргонавтов, во время охоты на Калидонского вепря, Мелеагр убил Ификла и погиб сам жертвой разгневанной матери *(Аполлодор,* I, 7, 10 и I, 8, 2–3).

В «Илиаде» упоминаются пять городов Этолии (П, 638–644). Аполлоний называет лишь Калидон, родину Мелеагра, город Ификла — Плеврон и Олен, которым правил Палемоний или Палемон. Будучи сыном бога Гефеста, он именуется сыном Лерна. Аполлодор называет его земного отца Этолом, эпонимом страны.

*

Ст. 205 сл. А из Фокиды явился… — В «Илиаде» участниками похода ахейцев названы сыновья аргонавта Ифита:

> Вслед ополченья фокеян Схедей предводил и Эпистроф,
> Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
> (II, 517 сл.)

Аполлония не интересуют будущие дети Ифита. Он говорит, что Ифит был сыном Навбола, сына Орнита, и были они все потомками знаменитого сына Посидона Фока, который, покинув Коринф, переселился на север и стал эпонимом новой страны, Фокиды. Имена На-впол, Навбол, Навплий, Орнит были родовыми именами потомков Фока, в большинстве своем связанные с морской стихией. Перед походом Ясон ходил в Дельфы к оракулу Аполлона и, проходя через Фокиду, был гостем Ифита.

*

Ст. 209 сл. Зет и *Калаид* — Бореады, т. е. сыновья Борея, были уроженцами «холодной» и «далекой» Фракии. Так обычно характеризовали греки северо-восточные районы Фракии. Жилище Борея, «прославленная сарпедонская скала», не имеет никакого отношения к мысу Сарпедону, лежащему в устье реки Гебра (совр. Марица). Мифический грот Борея находится где-то очень далеко в снежных полях Фракии (Аргонавтика, I, 826). У Каллимаха говорится о пещере Борея в горном массиве Геме, и она семивратна (Гимны, III, 114; IV, 63). Эргин — одна из рек восточной Фракии, ее устье граничило с городом Энусой. Геродот называл эту реку Агрианом (IV, 90). Агрианами звался народ, населявший ее берега. В схолиях к «Аргонавтике» говорится о какой-то реке Астике или Аттике, протекающей рядом. Скорее всего название реки связано с астами, народом, жившим к западу от Эргина. В любом случае Бореады должны были жить около города Салмидесса, резиденции Финея.

Черный цвет типичен для Борея и его сыновей. Поэтому на ногах у Бореадов колеблются черные крылья, а на головах вьются черные кудри. Однако золотые пятнышки на крыльях — наследие матери — афинянки Орифии.

*

Ст. 222 сл. Акаст — сын Пелия, упомянут в «Каталоге» Гесиод а. Впоследствии — участник охоты на Калидонского вепря и организатор поминальных игр на похоронах своего отца. В некоторых поздних источниках называется сыном Пелея.

*

Ст. 235 сл. Прямо герои пошли… — Гесиод (Теогония, 997) и Пиндар (Пифийская ода IV, 188) помещают город Иолк непосредственно на морском побережье. Аполлоний же следует указаниям тех историков и географов, которые отделяют Иолк от его гавани Пагасы. По словам Страбона, эта гавань была расположена в 20 стадиях от города, т. е. примерно на расстоянии 3,5 километра. Впоследствии гавань была переименована в Акте.

*

Ст. 395. Среднее место досталось… — Центральной, т. е. самой почетной, скамьей был удостоен Геракл. Здесь поэт подчеркивает избранность Геракла. Но далее приводит более реалистическую причину: иначе корабль не сумел бы вынести тяжести веса героя (I, 530).

*

Ст. 403 сл. А между тем… — Пара быков, которых приносит в жертву Ясон, посвящен двум ипостасям бога Аполлона: Аполлону Прибрежному ('Ακτιος) и Аполлону Покровителю, вступающим на корабль (Ἐμβάσιος). В схолиях отмечается, что подобные жертвы должны приносить молодые люди. Непонятно, означает ли это молодость участников похода или же указание на то, что все участники были новичками в предстоящем походе.

*

Ст. 408 сл. Начал молиться, воззвав… — Слова молитвы Ясона напоминают молитву Хриса в «Илиаде». Хрис начинает с перечисления ближайших общеизвестных святилищ бога. Схолиаст, ссылаясь на Ферекида и Пиндара, указывает, что отец Ясона Эсон жил в отдалении от Иолка, в одном из городов Магнесии. А Пифоном называли то место, где юный Аполлон поразил одноименного дракона. Впоследствии этот город нарекли Дельфами. А Ортигия — место рождения Аполлона — получила название Делос. Прибрежные города неизменно чтили берегового Аполлона, ожидая от него постоянной защиты в течение всего года. Но мореходы столь же давно молились Аполлону Эмбасию, которому полагалось их защищать от первого шага на судно до возвращения в родную землю.

*

Ст. 467 сл. Труд твой не завершен… — У Аполлония Ид еще молод, и его запальчивость можно объяснять возрастом. Однако в «Одиссее» пожилой Ид столь же вспыльчив и необуздан (IX, 277). В «Илиаде» же Ид, защищая от посягательств Аполлона свою жену, прицелился из лука в самого бога (XI, 359 сл.).

*

Ст. 493 сл. Пел он о том… — По словам схолиаста, Орфей в своей песне излагает основы учения Эмпедокла, очень популярного в эллинистическую эпоху, хотя, как и раньше, проблемы космогонии и теогонии рассматривались в привычных мифологических образах. Известны фрагменты подобной космогонической поэмы. Там супружеская чета, Офион, или Офиной, и океанида Еврином, управляла Вселенной до того, как их свергли Кронос и Рея. После этого Офион и Еврином, будучи бессмертными, ушли в воды Океана. Эту же историю рассказывал Ферекид. У Гесиода Еврином названа одной из жен Зевса и матерью Харит (Теогония, 907 сл.). В схолиях к поэме Ликофрона «Александра» (к ст. 1191) отмечается, что Опион, или Офион, боролся с Кроносом врукопашную, подобно тому как Еврином дралась с Реей. Аполлоний знал обе версии, о чем свидетельствует его неоправданный переход к рассказу о раннем детстве Зевса. Кронос с Реей правили Вселенной, пока Зевс был еще младенцем и киклопы ковали для него молнию и перуны. Грот, где скрывали Зевса, был расположен на Диктейской горе острова Крита. Гесиод уточняет: грот Зевса находился возле Ликта, древнейшего города на восточном Крите. Аполлоний также говорит здесь о Критском гроте (см. далее: II, 1226). В другом месте (Ш, 133) говорится об Идейском гроте. Скорее всего речь идет об одном и том же Критском горном массиве, а не о малоазийской Троаде. Такое отождествление наименований различных географических названий было типичным для ранних эллинистических поэтов, современников Аполлония (Каллимах, Арат).

*

Ст. 534. Йемен — река, течет в Беотии; на берегу ее расположены Фивы со знаменитым древним святилищем Аполлона Исмения.

*

Ст. 547. Нимфы Пелейские в страхе… — Афина Итонская, или Итонида, с древнейших времен почиталась в Фессалии. Местом ее рождения считался город Итон, расположенный к югу от Фив. О нем, как матери овечьих стад (по-гречески город женского рода), сказано в «Илиаде» (П, 696). Нимфы Пелейские — нимфы ореады, жившие на горе Пелион.

*

Ст. 550 сл. Хирон — сын Кроноса и Филлиры, кентавр, жил на Пелионе и был достойным воспитателем многих героев. Среди апокрифов Гесиода была знаменита поэма «Наставления Хирона». Его воспитанником был также Ясон, которого Хирону передала мать, опасаясь козней Пелия (Гесиод, Пиндар). Жена Хирона Хариклея, или Харикло, была кормилицей Ахилла. О браке родителей Ахилла, Пелея и Фетиды, см. ниже: IV, 805 сл., 854 сл. Версия Аполлония была представлена в киклических поэмах «Киприи» и «Титаномахия» и у Гесиода. -

*

Ст. 564. Тисейский мыс — один из самых острых мысов Магнесийского побережья. Далеко простирается в море. Обогнув этот мыс, аргонавты с порывами попутного южного ветра (Нот) поплыли на север.

*

Ст. 565. Начал петь для них… — Песня Орфея — гимн Артемиде, построенный по всем правилам гимнографии.

*

Ст. 569 сл. Меж тем рыбы… — Рыбы, провожающие корабль, обычно считаются дельфинами, которым греческая мифология и искусство уделяют немало внимания. Г. Френкель сравнивает этот эпизод с началом первого стасима еврипидовской «Электры»:

> Славой горды, когда-то триеры во Трое
> Мириадами плещущих весел
> В вихорь пляски морских увлекали нимф,
> А меж них, очарованный
> Трелью флейты, дельфин играл,
> Вияся меж синих…
> (Ст. 432 сл. Пер. И. Анненского)

*

Ст. 578 сл. Мыс Сепиад (Сепиаф) — самый крайний мыс на юго-восточной оконечности Магнесийского полуострова. На нем был расположен одноименный город *[Геродот*, История, VQ, 179, 183; *Еврипид*, Андромаха, 1266). Город Пиресия расположен на Магнесийском берегу. Курган сына Гермеса Долопа, героя эпонима долопов, живущих в фессалийском городе Ктимены, святыня народа, стоял на Магнесийском берегу.

*

Ст. 582 сл. Одолевая ветер противный… — Причалив к берегу, аргонавты провели у кургана Долопа два дня, пережидая непогоду. Их местопребывание и берег с тех пор стали называться Афетами, т. е. «отпустившими» Арго. Геродот рассказывает, что в этом месте Ясон со спутниками покинули Геракла, который отправился на поиски пресной воды. Затем они вышли в открытое место, и поэтому это место стало называться Афетами (VU, 193). Таким образом в это наименование Геродот вкладывает двойной смысл, обыгрывая значение глагола αφίημι — «покидать». В Спарте Павсаний сам видел статую Аполлона Афетия, от которой якобы когда-то начали состязание в беге женихи Пенелопы (III, 13, 6).

*

Ст. 588—589. пропущены у Валерия Флакка и в орфической «Аргонавтике». На этом основании некоторые издатели полагают, что они оказались в тексте случайно, попав из первой публикации поэмы (προέκδοσις). Начиная со старого издания Меркеля, их часто ставят в скобки. Несомненно, небольшое несоответствие здесь бросается в глаза. Ведь выше сказано, что аргонавты ждали погоды два дня и пустились в путь лишь на третий день. Здесь же говорится, что утром третьего дня, очень рано (ἠῶθεν) пройдя Мелибею, приморский город Магнесии, они увидели на берегу город Гомолу. Другими словами, прошли очень далеко на юг, держа курс в открытое море. Отсюда возникает трудность во времени. Известно, что в мифах, как правило, игнорируется категория времени. Поэтому указанная ошибка могла быть в источниках Аполлония. Следы своеобразной поэтики мифа прослеживаются и далее в уточнении дальнейшего маршрута Арго. Так, указывается, что они проплыли через устье Амира (ст. 592). В действительности река Амир не имеет выхода в море, а впадает в Бебеидское озеро возле города Лакерии, родины Корониды, матери бога Асклепия (далее IV, 614 сл.).

Впрочем, город Евримены, горы Гомолу и Оссу, от которой аргонавты круто повернули на восток, они могли видеть вполне реально. К вечеру перед ними предстал Канастрейский мыс, т. е. южная оконечность полуострова Халкидики, носящая название Паллена.

*

Ст. 597 сл. Утром явились пред ними… — На восточной оконечности Халкидики возвышалась гора Афон. Спустя сутки они увидели город Мирину, столицу острова Лемноса, в древности называемого Синтеидой, по жившему там племени синтиев. Страбон называет синтиев переселенцами из Фессалии (XП, 3, 20). Гомер неоднократно упоминает Лемнос и синтиев, называя их любимцами бога Гермеса (Илиада, I, 593 сл.; Одиссея, VII, 283 сл., 294).

*

Ст. 618 сл. Его же спасли… — Энойя, или Сикин — маленький остров Кикладского архипелага в Эгейском море вблизи острова Иоса. По словам схолиаста, название Энойя (Οἰνοίη) образовано от слова οἶνος, т. е. «вино». Нимфа Энойя, мать Сикина, стала женой Фоанта, спасенного от смерти своей дочерью Гипсипилой. Фоанта Аполлоний называет сыном Диониса (IV, 425). Сикинидою назывался особый танец, который исполняли сатиры в сатировских драмах. Афиней называет изобретателем этой пляски некоего Сикина (Пирующие софисты I, 20 e). Аполлоний взял лемносский эпизод из очень древней традиции, уходящей в историю распространения в Греции культа Диониса и становления первичной драмы.

*

Ст. 631 сл. На кровожадных вакханок… — Поэтому вполне оправданы сравнение вооруженных лемниянок с фиадами, т. е. вакханками, исступленными приверженками Диониса (Вакха), которые разрывали на части жертвенных животных и поедали сырое мясо *(Еврипид*, Вакханки, ст. 1126–1147).

*

Ст. 636 сл. Эфалид — сын Гермеса и смертной матери, не мог получить бессмертия, такова была участь героев, детей богов и смертных. Но он сумел оставить среди людей по себе бессмертную славу. Весь этот отрывок с его синтаксическими повторами и неожиданными противопоставлениями представляется странным. Особенно эта странность ощущается в оригинале. Аполлоний как бы извиняется за его неуместность (ст. 643 сл.). А между тем читатель знакомится с актуальными для эпохи Аполлония представлениями о смертном теле и бессмертной душе, которая выпадает лишь избранным на долю.

*

Ст. 646 сл. Уже ведь с рассвета… — Здесь интересно замечание схолиаста, что при благоприятном для них ветре аргонавты не отчалили от Лемноса, оставив причальные канаты. В действительности Борей был им не нужен, вопреки словам поэта. Они могли плыть дальше только при южном, вернее юго-восточном, ветре (Нот). Вполне возможно, что северный ветер (Борей) и вынудил их пристать к Лемносу.

*

Ст. 729 сл. Было там двое сынов… — Об Антиопе и ее сыновьях шла речь в «Одиссее» (XI, 259–265) и в одноименной трагедии Еврипида, известной только во фрагментах. История происхождения Фив была широко распространена в ранней античной традиции, и, кроме Гомера, ее знали по «Каталогам» Гесиода, киклическому эпосу, по Евмелу Коринфскому и другим. В эллинистическую эпоху поэты и писатели сочиняли различные «Ктисисы», т. е. произведения о происхождении городов, стран, селений и т. д. Несколько «Ктисисов» сочинил и Аполлоний.

*

Ст. 736 сл. Дальше Киприда была… — Афродита со щитом, который она держит перед собой и любуется на свое отражение в нем, часто становилась объектом изобразительного искусства. В мифах, начиная с Гомера, Афродита выступает возлюбленной бога войны Ареса. В культе Афродиты и его реалиях связь богини с военной тематикой легко прослеживается. Так, например, в годы греко-персидской войны коринфские женщины принесли в храм Афродиты богатые дары и молили богиню вдохнуть мужество в мужчин и защитить Элладу от вражеского вторжения. Сохранилась древняя надпись, сопутствующая дару коринфянок, которую часто цитировали и для большего авторитета и достоверности называли ее автором современника войны, знаменитого поэта Симонида. В схолиях к XIII Олимпийской оде Пиндара сказано, что историк IV в. до н. э. Феопомп сам видел этот дар и читал надпись. В эллинистическую эпоху и позднее, в годы заката античного мира, этот мотив зазвучал в книжных эпиграммах, начиная с друга Платона Антимаха из Кларoса и кончая поэтами VI в. н. э. (Палатинская антология, IX, 321; XVI, 171–177). Примечательно, что последние семь стихотворений включил в свой сборник эпиграмм ученый монах XIII в. Максим Плану да.

*

Ст. 742 сл. Телебои с сынами… — Электрион, или Гелектрион, сын Персея и отец матери Геракла Алкмены, был правителем Микен. Его сыновья защищали отцовские стада от пиратских нападений тафийцев, которых Гомер в «Одиссее» называет разбойниками (XV, 427; XVI, 427). Остров Тафос — один из маленьких островов около самой северо-западной области Эллады, так называемой Акарнании. В древности ее жители вместе с населением прилегающих островов назывались телебоями и тафийцами и пользовались очень дурной славой. Аполлоний опускает дальнейшую историю упомянутой им борьбы (см.: *Геродот*, История, V, 59; *Аполлодор*, Библиотека, II, 4).

*

Ст. 746 сл. Было вытканo также… — Миф о состязании колесниц Эномая и Пелопа был изображен на фронтоне храма Зевса в Олимпии и неоднократно воспроизводился в сюжетах вазовой живописи. О нем см.: *Пиндар,* I Олимпийская ода.

*

Ст. 754 сл. Стрелы метал он свои… — История великана Тития, сына Геи (Гомер), или сына Зевса и Элары (Ферекид), изложена в «Одиссее» (VII, 324; XI, 576–581). Аполлон застрелил Тития, когда тот пытался оскорбить его мать Латону (Лето). В Тартаре он был распростерт на спине и два коршуна беспрестанно терзали его печень, которая регулярно вырастала вновь. В Фокиде, возле города Панопеи, на границе с Беотией, высокий курган считался могилой Тития (Вергилий, Тибулл, Овидий).

*

Ст. 757 сл. Выткан был Фрикс… — Фрикс назван минийцем как уроженец города Орхомена. Как и предыдущие сцены, эта также экфрастическая, т. е. воспроизводящая какой-то памятник искусства, где бы он ни был (ткань, живопись, скульптура и т. д.). Изображение Фрикса сохранилось на одной метопе Дельфийского храма.

*

Ст. 765 сл. Встреча столь радушной была… — Аркадянка Аталанта, дочь Иаса и Климены, сразу же после рождения была выброшена отцом на гору Мэнал. Там ее подобрала и выкормила медведица (зооморфная ипостась Артемиды Аркадской). На отрогах Мэнала Аталанта прославилась своим бесстрашием и охотничьими удачами. Она была участницей охоты на Калидонского вепря. Одна из версий похода аргонавтов повествует об ее участии в походе *(Диодор Сицилийский*, IV, 48, 5; *Аполлодор*, I, 9, 16).

*

Ст. 791 сл. Я расскажу откровенно… — В рассказе Гипсипилы искусно объединены вымысел с правдой. Примечательно упоминание о гневе Афродиты. Гнев, первое слово, с которого начинается «Илиада», становится тем чувством Ахилла, из-за которого происходят все события поэмы. Но тут же Гомер ссылается на волю Зевса, объясняющую высший смысл происходящего. Аполлоний также пользуется этой, обязательной в эпосе, каузальной двойственностью. Но он ничего не говорит, на кого и за что гневается богиня. Поэтому мотив «гнева бога» представляется у него лишь неизменным атрибутом эпической поэтики.

Однако в распоряжении Аполлония были какие-то лемносские предания или песни этиологического содержания, где население острова называлось потомками минийцев, претерпевшими немало невзгод *(Геродот*, История, IV, 145).

*

Ст. 855 сл. Если б Геракл, поодаль… — Разгневанный Геракл, упрекающий аргонавтов, изображен на одном из кратеров Лувра.

*

Ст. 892—893. вызывали определенные трудности в их истолковании, начиная со схолиаста. Он объяснил их «негероический» тон желанием Ясона утешить плачущую Гипсипилу.

Поэтому Ясон и просит ее вспоминать о нем лучше, чем он есть на самом деле. Ведь она считает его виновником ее горя, изменником. Такое объяснение позволяет сохранить глагол ἴσχανε, т. е. «удержи» или «сохрани».

*

Ст. 907 сл. К острову Атлантиды… — Дочь титана Атланта Электра некогда правила на острове Самофракa. Остров был расположен примерно в пятидесяти километрах от побережья Фракии и устья реки Гебра (Эргин). Слава этого маленького острова основана была на особых таинствах и на культе древних пеласгийских божеств, так называемых кабиров, которых чтили хранителями мореплавателей. В Самофракийские таинства был посвящен Филипп Македонский *[Плутарх,* Александр, 2). Известны фрагменты не-сохранившейся сатировской драмы Эсхила «Кабиры». Во времена Аполлония Самофракa входила во владения первых Птолемеев. Не исключено, что это обстоятельство заставило Аполлония привести сюда своих героев и по совету фракийца Орфея посвятить их всех в таинства.

*

Ст. 913 сл. Темного моря пучину… — «Темным морем» здесь называется залив между Фракией и Херсонесом. Остров Имброс, один из островов Спорадского архипелага, лежит напротив Херсонеса Фракийского, мимо него аргонавтам открывается путь в Геллеспонт («море Афамантовой дщери»).

*

Ст. 920 сл. За ночь они обошли… — Войдя в Геллеспонт (совр. Дарданеллы), корабль Арго взял курс на побережье Троады, т. е. на азиатский берег. Они плыли мимо Ретейской горы, или мыса, мимо городов Дардании, Абидоса, Перкоты, Абарниды и Питии. Гомер также хорошо знает все эти города:

> Нашего предка Дардана
> Зевс породил громовержец;
> Он основатель Дардании; сей
> Илион знаменитый В поле еще не стоял…
> (Илиада, XX, 215–217. Пер. Н. Гнедича)

О Перкоте и Абидосе говорится там же (П, 835 и далее). Абарнида была соседкой Лампсака, самого значительного города Мисии. В древние времена Лампсак назывался Питией. Схолиаст Аполлония поясняет, что новое слово намекало на сокровище, увезенное Фриксом. Фракийское слово πυτίη означало «сокровище». В отличие от других городов, Аполлоний называет Питию «священной», что может намекать на ее отношение к Фриксу.

*

Ст. 927 сл. Некий остров скалистый… — Пропонтидой греки называли Мраморное. море.

*

Ст. 937 сл. С той и другой стороны берега (букв, «обоюдные берега») — эти слова требовали объяснения и вызывали различные споры. Все становится ясным при взгляде на карту той области, которой владеет Кизик и населяют долионы. Эти владения расположены на полуострове, соединенном с материком довольно узкой перемычкой. На этой перемычке находится город, позднее названный в честь трагически погибшего Кизика. Аполлоний почему-то называет этот полуостров островом, может быть из-за того, что волны постоянно захлестывают перемычку. Аргонавты могли зайти в гавань с западной стороны, но, может быть, обогнув Медвежью гору, пошли вперед и вошли с востока. В любом случае они оказались бы в гавани города. Поэтому город имел два одинаково безопасных входа. Понятной становится и ошибка аргонавтов, имевшая столь трагические последствия. Очевидно, они плыли с западной стороны, а затем, когда расстались с долионами, пошли на северо-восток, в темноте были отброшены назад и попали в другую гавань, где были приняты за врагов.

*

Ст. 934 сл. Землеродными их прозвали… — С северной стороны полуострова, где возвышалась гора Медвежья с вершиной Диндим, жили великаны, сыновья Геи, т. е. землеродные. Описание их очень близко к рассказу Гесиод а о сторуких (Теогония, 147–153).

*

Ст. 945 сл. Охотно его приняла… — Прекрасная Гавань, куда вошли аргонавты и где был родник Артакия, открывала им путь в Панорм. Так, Каллимах называет безымянный у Аполлония город Кизика (фр. 10 Пфейффер). Там был оставлен якорь Арго и заменен другим. Впоследствии нелеиды, т. е. ионийцы, перенесли этот якорь в храм Афины. Нелеидами Аполлоний называет тех жителей Милета, которые в VII в. до н. э. переселились на Кизик. Аборигены же страны принадлежали к мисийско-фригийскому населению. Все вместе они стали называться долионами.

*

Ст. 966. Клита, супруга прекрасноволосая… — По словам Гомера, Мероп, отец Клиты, не хотел отпускать двоих своих сыновей под Трою, предвидя их гибель (Илиада, II, 831 сл.).

*

Ст. 1014. Макрийцы — соседи долионов. Они были фессалийцами или евбейцами пеласгического происхождения. В Мисию они переселились до ионийцев и постоянно совершали набеги на долионов. В дальнейшем, в батальных сценах сражения аргонавтов с долионами, Аполлоний пользуется многими гомеровскими формулами (Илиада, V, 43 сл.; XIV, 513 сл., 520 и т. д.). Помимо того, схолиаст отмечает здесь близость с трагедией *(Эсхил*, Агамемнон, 1611; *Софокл*, Эант, 60; *Еврипид*, Медея, 986).

*

Ст. 1047 сл. И напролет три дня… — Вся сцена погребения Кизика и тризны — своеобразная перекличка с гомеровским описанием похорон Патрокла, хотя никаких заимствований здесь нет.

*

Ст. 1053 сл. Клита, супруга погибшего… — Горе Клиты, ее самоубийство, плач нимф и сочувствие богинь, чьи имена не названы — типичный сюжет эллинистической поэзии с этиологическим колоритом (слезы нимф слились в ручей, названный Клитой).

*

Ст. 1074 сл. Вдруг одна гальциона… — Легенды о чайках-вещуньях, хранительницах мореплавателей, были широко распространены в греческих мифах. Они вошли в сказания и песни, будучи неизбежны среди людей, чья повседневная жизнь была связана с морем.

*

Ст. 1083 сл. чтобы молиться богине… — «Матерью всех богов» Аполлоний называет Кибелу, Рею, Великую матерь всего сущего. Ее знают Гомер и Гесиод (Илиада, XIV, 203; Теогония, 453 сл.). Ее культ, малопопулярный в Греции, был первоначально критским. Позднее он нашел широкое распространение в Троаде, где богиня, первоначально носящая имя Реи, отождествилась с малоазийской Кибелой, или Кибебой. Основным местом ее культа был город Пессинунт во Фригии, где ее называли Диндименой. Там на горе *Диндим* находилось ее центральное святилище. Там ей молились аргонавты. Оттуда они увидели *Макридские кручи*, скалы вокруг города Кизика, и лежащую слева от них *Фракию*. Также слева к югу простирались Адрастейская долина с прибрежным городом *Адрастеей* и поток реки *Эсопа*. Там же находился город Непей. Аполлоний говорит, что этот вид открылся аргонавтам с горы (см. схему). «Темные воды» Эсопа упоминаются в «Илиаде» вместе с городом Адрастеей (П, 825 сл.).

*

Ст. 1116 сл. Тития также с Киленом… — Подробно описав жертвенник, воздвигнутый богине, не преминув рассказать об его изготовлении и зная, что дуб был вегетативной ипостасью Кибелы, Аполлоний считает необходимым связать свое повествование с неизменным местным обычаем. Титий и Килен — мифические служители богини, называемые дактилями. По преданию, многочисленные дактили родились на острове Крите в Диктейском гроте. Аполлоний называет их матерью нимфу Анхиалу, эпонима реки и города в Киликии или же во Фракии. Эакской, или Эаксийской, землей является Крит, получивший имя реки Оак, текущей с Иды. От критских, или же малоазийских, милетских демонов ведут происхождение кизикские дактили. Согласно мифу эпонимом Милета был уроженец Крита. Для современников Аполлония типичен синкретизм всевозможных религиозных представлений, объединяющий различные, разновременные, разноэтнические верования, и реальный в жизни птолемеевского Египта.

*

Ст. 1156 сл. Риндакийские устья… — Риндакий — река на границе Фригии и Мисии. Эгеон — живший на острове Евбее гигант, которого в битве олимпийских богов с гигантами преследовал бог Посидон. Эгеон добежал до Фригии, где был убит и похоронен под островом Бесбиком возле мыса Посидона.

*

Ст. 1169 сл. Возле Арганфонейской горы… — Река Киос и одноименный город на ее берегу находились к востоку от Кизика. Над городом возвышается Арганфонейская гора. Туда вечером, еще до основания города, прибыли аргонавты и расположились на ночлег.

*

Ст. 1177. Аполлон Экбасий — все тот же Аполлон Пагасийский (см.: I, 957), благоприятствующий мореплавателям при выходе на сушу.

*

Ст. 1192. когда Орион… — Созвездие Ориона состоит из двух больших и множества мелких звезд. Заход Ориона в ноябре предрешает наступление зимней непогоды.

*

Ст. 1198 сл. Гил между тем… — История Геракла и Гила, начиная от похищения Гила и кончая исчезновением юноши и его поисками со всеми последствиями, привлекала к себе поэтов, современников Аполлония, во-первых, своей этиологической темой и особой трактовкой древних мифов, сближающей их с реальной действительностью в сочетании с интересами к негероическим, личностным мотивам. Каллимах включил эту историю в сборник «Причины» (фр. 24 сл. Пфейффер). У Феокрита ему посвящена целиком отдельная идиллия (XIII). Установить приоритет среди троих поэтов невозможно: хронология полностью отсутствует.

В переводе текст приводится по изданию Г. Френкеля, который переставляет два стиха, объясняющие намерение Полифема, первым услышавшего крик Гила, отыскивать Геракла, и вставляет их после ст. 1234.

*

Ст. 1256 сл. Как подгоняемый оводом бык… — Сравнение поведения Геракла, узнавшего об исчезновении Гила, напоминает гомеровское сравнение поведения героя в аналогичных ситуациях (Илиада, XI, 548 сл.; Одиссея, VI, 130 сл.). Но аналогии только подчеркивают различие; героя Аполлония движет любовь к Гилу, т. е. чувство, неведомое воинам Гомера.

*

Ст. 1295. Тенос — остров из группы Кикладского архипелага, лежит в Эгейском море между островами Андросом и Миконосом.

*

Ст. 1300 сл. А тогда из ревущего моря… — Еврипид называет Главка пророком Нерея (Орест, 364). С давних времен он был богом рыбаков и моряков города Анфедона в Беотии, где и попал в сказание об аргонавтах. В странах Причерноморья Главка почитали как прорицателя (Филострат). В одной из версий сказания об аргонавтах Главк был одним из строителей корабля Арго и его первым кормчим. После битвы аргонавтов с тирренцами он бросился в море и стал прорицателем. Обычно Главка изображали старцем, туловище которого завершалось рыбьим хвостом; у него была длинная косматая борода и такие же волосы.

*

Ст. 1345. Трахин — древнейший город Фессалии, по преданию основанный Гераклом на склонах горы Эты, на которой погиб Геракл *[Еврипид*, Геракл). Город находился к западу от реки Асопа *[Геродот*, История, VU, 198 сл.; *Страбон*, География, IX, 23).

*

Ст. 2 сл. Он у бебриков правил… — Бебриками называли народ, живший прежде в Мисии и Вифинии, а к VII в. до н. э. полностью истребленный вифинцами. Посидон Генетлий, т. е. Родитель, как говорит схолиаст, упомянут здесь, с тем чтобы указать на автохтонное происхождение бебриков. Личное же имя матери Амика Мелей, т. е. ясеневой нимфы-дриады, свидетельствует о том, что ей поклонялись как эпониму древнего названия Вифинии (об этом см.: *Каллимах*, Гимн I, 47).

*

Ст. 37 сл. Был подобен Амик Тифию… — Чудовищный Тифий, или Тифон, был порожден Геей для борьбы с Зевсом *[Гесиод,* Теогония, 820 сл.). О другом сыне Геи, чудовище Титии, см. выше: I, 755 сл.

*

Ст. 39. Тиндарид — Полидевк, сын Зевса или Тиндарея.

*

Ст. 51. С двух сторон положил… — Обязательной принадлежностью кулачных боев были сыромятные сухие и отвердевшие ремни, которыми бойцы обматывали руки *[Гомер*, Илиада, XXШ, 683; *Феокрит*, Идиллия, XII, 22, 80 сл.).

*

Ст. 81. Бьют молотками, и поочередно… — В оригинале встречается всего один раз в греческом языке наречие ἐπιβλήδην (гапакс). По словам схолиаста, оно, как производное от глагола επιβάλλω, означает, что удары наносились по очереди, попарно, т. е. друг за другом.

*

Ст. 140. Лика и мариандинов… — Правитель вифинского народа мариандинов был злейшим врагом Амика и бебриков.

*

Ст. 162. Ферапнийский Зевсов сын — Полидевк. Ферапны — город в Лаконии на Пелопоннесе. Там находилось знаменитое святилище Зевса и могила обоих Диоскуров *(Алкман,* фр. 4, 8; 7, 8; 4 б Пейдж; *Пиндар*, Немейская ода, X, 55 сл.; Истмийская ода, I, 31).

*

Ст. 176. Против Финейской земли… — Во всех рукописях «Аргонавтики» нечетко и противоречиво обозначено местопребывание царства Финея Финеиды. Одна группа рукописей устанавливает пределы Финеиды или Финиды. В другой говорится о Вифинии или Вифини-де. По одним источникам Финей — правитель фракийского города Салмидесса, расположенного на восточном берегу Фракии к северу от Византия, возле Боспора *(Аполлодор*, Библиотека, I, 9, 21; *Валерий Флакк*, Аргонавтика, IV, 424). Другие же указывают на Вифинию, т. е. на малоазийский берег (Орфическая Аргонавтика, 688). В античности во Фракии существовал народ финийцы и был город и гора Финиада, лежащие к северу от Салмидесса. Сказание называет Салмидесс столицей Финея, сына Агенора. Бореада Клеопатра была первой женой Финея. Финей был любимцем Аполлона, который даровал ему искусство прорицания. Но Зевс ослепил провидца, так как тот начал выдавать людям тайны богов. В античную эпоху Салмидессом называлось все Фракийское побережье по Евксинскому Понту (Черное море) от Финийского мыса до Фракийского Боспора *(Геродот*, История, IV, 93; *Ксенофонт*, Анабасис, VII, 5, 12; *Страбон*, География, VII, 6, 1). В схолиях к «Аргонавтике» Финей назван правителем Фракии в Асии. Эсхил помещает Салмидесс вблизи страны амазонок (Прометей, 726). Софокл переносит его, как страну Финея, за каменные ворота Боспора (Антигона, 966 сл.).

*

Ст. 186 сл. Но внезапно, стремительно… — Гарпии, групповое имя которых восходит к греческому глаголу «αρπάζω» — «похищать», «хватать», у Гомера представлены как грозные богини — похитительницы живых людей (Илиада, XVI, 151; Одиссея, I, 241). По Гесиоду, они крылатые, кудрявые богини, дочери Фавманта и океаниды Электры (Теогония, 265 сл.). Гомер называет имя одной — Подарги, у Гесиода — их две — Аелло и Окипета, схолиаст говорит о трех. Аполлоний не называет ни числа, ни имен. Изображаются Гарпии обычно в виде крылатых чудовищных птиц с девичьими лицами. По Аполлонию, Гарпии олицетворяют силы разрушения и похищения. На Строфадских островах, куда Гарпий загнали Бореады, с ними встречался герой Вергилия Эней (Энеида, Ш, 209 сл.).

*

Ст. 215 сл. Ради Феба молю… — Финей молится своему покровителю Аполлону и покровительнице аргонавтов Гере.

*

Ст. 219 сл. Ведь не Эриния только… — Симптоматично, звучит здесь обращение к Эринии. Она является древнейшим божеством проклятия, мести и кары. Гомер называет то одну Эринию, то нескольких без имен и числа. Гесиод знает их как дочерей Геи (Теогония, 185 сл.; Труды и дни, 803). В «Евменидах» Эсхил называет их дочерями Ночи (321), а Софокл в «Эдипе в Колоне» — детьми мрака (40, 106). Финею Эриния мстит за то, что он, повинуясь жене, умертвил своих сыновей от первого брака.

*

Ст. 233 сл. По прорицанью, Борея сыны… — Согласно прорицанию, Финей ожидает помощи от Бореадов, родных братьев его первой жены.

*

Ст. 245 сл. Не оскорбил ли богов… — На преступление Финея, совершенное по недомыслию (ἀφραδίη), намекает Зет, опасаясь, что боги накажут Бореадов за нечестие. А выше Аполлоний уже сказал, что они понесут наказание и будут убиты Гераклом, но за другой свой поступок (I, 1292 сл.).

*

Ст. 288. Так сказав, водою… — Ирида клянется водами Стикса, т. е. величайшей клятвой богов, которую в «Илиаде» произносит Гера, а в «Одиссее» Калипсо (XV, 96 и V, 185).

*

Ст. 295 сл. Раньше «Плевтами» их… — Плавучие острова впоследствии получили название Строфад, т. е. «Поворотных», так как, оставив по воле богов на этом месте Гарпий, Бореады полетели обратно. Эти острова Гесиод отождествляет с Эхинадами, расположенными возле Кефаллении (фр. 150–154 Меркельбах — Вест). Схолиаст «Аргонавтики», ссылаясь на другие источники, считает их какими-то островами возле Сицилии, и с ним согласен Страбон *(Аполлоний Родосский,* Схолии к ст. И, 271, 285, 296–297; *Страбон*, География, II, 5, 20). Так, в устных легендах с ними отождествляли также вулканические Липарские острова в Тирренском море. Схолиаст, стремясь сгладить противоречия, предполагает, что Строфадами могли быть и Калидонские острова, о которых говорит Гомер (Илиада, II, 675).

*

Ст. 297. В недра они опустились… — Критский грот, куда опустились Гарпии, находился на горе Аргинус.

*

Ст. 317 сл. Две их темных стоят… — Темные скалы, или Плегады, лежат у северного выхода из Боспора в Черное море. Легенда о Плегадах или Симплегадах впервые нам известна у Симонида (фр. 546 Пейдж) и в IV Пифийской оде Пиндара (ст. 207–211).

*

Ст. 341. *Уранидами*, т. е. потомками Урана, здесь названы все Олимпийские боги.

*

Ст. 348 сл. Будет вам Черный мыс… — Река Риба течет в Вифинии ив 16 км от Боспора впадает в море. К востоку от нее находится скала, называемая «Черным мысом» (ακτή или άκρη Μέλαινα). В первом случае чтение по рукописям, во втором — поправка издателей, которые справедливо заменяют обиходную форму на равную по значению, но эпическую, поэтическую.

*

Ст. 351. Мариандины — жители будущей Гераклеи, у Аполлония — страны Лика. *Ст. 354. Ахеронт* — мыс, около которого текла очень бурная Ахерусийская река возле Гераклеи.

*

Ст. 357 сл. Там, в Пафлагонии, правил… — По описанию Аполлония, причерноморская страна Пафлагония расположена от реки Биллея до реки Галиса, захватывает часть приречных земель и граничит с другой причерноморской страной Ассирией. Границей обеих стран считается Синопский мыс. Античная историческая традиция воспроизводит генеалогию мариандинских правителей следующим образом:

Этой же традиции следует Аполлоний, (см.: *Диодор Сицилийский*, IV, 74), назвавший Пелопа пафлагонцем. Об этом же много говорит ранее Пиндар (Схолии к I Олимпийской оде, 37). О пафлагонцах, их правителе и городах см.: *Гомер*, Илиада, II, 851 сл. *Энетами* Страбон называет тех пафлогонцев, которыми правил Пелоп (XII, 3 и 8).

*

Ст. 360. Карамбис — пафлагонский мыс.

*

Ст. 363 сл. Пред обогнувшим его… — Большим Эгиалием — Великим, или Большим, Берегом — здесь названа одна из областей Пафлагонии от Карамбиса и почти до Синопского мыса. Дальше в море впадала река Галис, одна из самых крупных местных рек. Далее к востоку текла река Ирис, а еще дальше Фермодонт, в устье которой на Фемискирейском мысу был расположен город Фемискира.

*

Ст. 370 сл. Дейант (Дэант) — герой-эпоним долины, где живут воинственные женщины амазонки, города которых расположены по берегам Фермодонта. По Геродоту, эти мифические воительницы пришли в Скифию на берега Меотидского озера (Азовское море) и к Танаису (р. Донец и Дон) (IV, 110–117). Другие источники указывают, что амазонки изначально жили среди савроматов и скифов, а уже оттуда направились к Фермодонту. Миф об амазонках, вероятно, отразил скифские легенды, сохранившие воспоминание о временах матриархата. Подробнее об амазонках см. ниже. *Халибы* — народ металлургов, живший к востоку от Фемискиры. По словам Страбона, они были первыми изобретателями обработки руды (ХП, 549, 551).

*

Ст. 374. Далее села стоят тибаренов… — За халибами по побережью жили тибарены, у границ которых возвышалась Генетийская гора, или мыс, посвященная Зевсу. Об этих местах см.: *Ксенофонт*, Анабасис, V, 4–5; *Страбон*, География, XП, 3 и всюду. За ними последовательно располагались моссинеки, филиры, макроны и всевозможные мелкие племена, обитающие в пределах юго-восточного побережья Черного моря. Аполлоний прекрасно знает вкусы и интересы своих современников, для которых границы обитаемого мира (ойкумена) столь широко распространились на северо-восток. Поэтому поэт обращается ко всем доступным ему «Периллам», т. е. описаниям морских путешествий.

*

Ст. 381 сл. В последних изданиях «Аргонавтики» эти стихи обозначаются литерами а и б, считаясь вставкой, повторяющей почти дословно стихи 1026–1027. Первым это заметил в 1780 г. Брунк.

*

Ст. 397 сл. В море ущелью подобное… — Амарантские горы и народ амарантов находились уже в Колхиде перед истоками Фасиса. Китаидой называлась Колхида, где находилась Китейская столица Эета (ср. Кутаиси). В Колхиде же была Киркейская равнина, а рядом — одноименное кладбище. Обо всем этом см.: *Каллимах,* фр. 7, 25 Пфейффер; *Ликофрон,* Александра, 1312; *Диодор Сицилийский,* IV, 45–47; *Страбон,* География, XI, 3, 5; 14, 7 и другие.

*

Ст. 415. Эя — страна Эета и город, резиденция правителя.

*

Ст. 453. Паребий — по словам схолиаста, один из персонажей сказания о Финее, основного источника Аполлония.

*

Ст. 471 сл. Тот однажды, деревья в лесу вырубая, вниманья / Не обратил на моленье нимфы гамадриады. — Гамадриады — нимфы деревьев, каждая из них живет жизнью своего дерева. История отца Паребия и оскорбленной им гамадриады очень близка к истории Эрисихтона из V гимна Каллимаха (ст. 738–779). Приоритет поэтов установить невозможно. В истории аргонавтов рассказ о Паребий и его отношение к Финею необходим, благодаря ему герои, отплывают, зная, что при Финее остается верный ему человек.

*

Ст. 493 сл. Утром напали пассатные ветры… —Пассатные ветры — постоянные северовосточные ветры, дующие по направлению к экватору. О них подробно рассказывает схолиаст. В Южном полушарии пассаты дуют в обратном направлении, т. е. с юго-восточной стороны. Упоминание о них позволяет Аполлонию перейти к истории фессалийской нимфы Кирены. Для современников поэта история Кирены имела особое значение, так как нимфа была эпонимом соседней с Египтом страны и города, некогда заселенных выходцами из Греции. Во времена Аполлония вопрос о присоединении Кирены к Египту был центральным в политике первых трех Птолемеев, и в 245 г. до н. э. он завершился династическим браком будущего Птолемея III Евергета и Береники, дочери киренского правителя Магаса. Содержание мифа о Кирене следующее.

В Фессалии, на берегу Пенея, жила дочь лапифа Гипсея, или же бога реки Пенея, нимфа Кирена. О ней в «Каталогах» рассказывал Гесиод (фр. 215 сл. Меркельбах — Вест). Пиндар семьдесят первых стихов посвятил Кирене в IX Пифийской оде. Аполлоний использовал многочисленные источники, включая эти два. На родине Кирена пасла стада, и там ее увидел и полюбил Аполлон. Бог унес ее в Северную Африку (Ливия), и там она вышла победительницей в единоборстве со львом, о чем подробно говорит схолиаст Аполлония и упоминает во втором гимне Каллимах (ст. 91). Кирену приняли местные нимфы и очень ее полюбили. Они увели ее на Миртийский холм, где находилось святилище Аполлона. Там Кирена родила сына и назвала его Аристеем. Аполлон передал сына на воспитание кентавру Хирону, а когда тот вырос, перенес его в Фессалию. Места пребывания Аристея, имя которого является одним из эпитетов Зевса, называются самые различные. Это и город Фгия, и Афамантские луга, и гора Отрис, и берега реки Апидана. Во всех этих местах Аристей выступает как культовый герой, врачеватель и прорицатель, владеющий искусством Аполлона и Хирона. Его постоянно окружала вереница Муз, живущих в Фессалии. Диодор Сицилийский рассказывает, что, когда трагически погиб сын Аристея охотник Актеон, Аристей по воле Аполлона отправился на остров Кеос. Там под лучами безжалостного Сириуса от

жажды и голода погибали люди (IV, 82). На пути Аристей посетил Аркадию и взял с собой жителей Паррасии, области и города, носящих имя своего основателя Паррасия, сына Ликаона. Этот Ликаон, сын Пеласга и аркадской нимфы Киллены, почитался как первый правитель Аркадии. На Кеосе существовал древний культ Зевса Икмейского, или Икмийского, т. е. Подающего влагу (Илиада, XVQ, 392 и I, 479). По преданию святилище этого Зевса возвел Фрикс, затем украсили его сыновья и аргонавты. Помимо предшественников Аполлония это же рассказывает Каллимах (фр. 75 Пфейффер).

*

Ст. 526. Двенадцать богов — Зевс, Гера, Посидон, Деметра, Афина, Аполлон, Артемида, Афродита, Гермес, Гефест, Арес и Дионис. В различных источниках и в разные эпохи этот перечень меняется, будучи неизменным по числу (12).

*

Ст. 536 сл. Словно странник, вдали… — Это сравнение напоминает гомеровское: покинув гору Иду, Гера стремительно летит к Олимпу, подобно путнику, который думает о пройденном пути и вспоминает оставленные позади земли (Илиада, XV, 80 сл.). Но близость с Гомером только подчеркивает различие между поэтами, различие эпох и представлений. Странствующие люди у Аполлония, находясь далеко от родных мест, все время вспоминают отчизну и думают о доме. Сравнение Аполлония начинается с обобщенного множественного числа (мы, люди…), затем с той же характеристикой (τετληότες- τηλουρός) речь идет о любом уже в единственном числе. Здесь у эллинистического поэта меняется диапазон художественного сознания от неопределенного общего к столь же неопределенному частному. У Гомера путники вспоминают, у Аполлония — тоскуют. Эта тоска о родине и о доме мучительна для всех и для каждого.

*

Ст. 541 сл. Так, заметив корабль… — Беспокойство Афины за аргонавтов вполне обоснованно, так как, минуя Симплегады, им предстоит выйти в море, которое мореплаватели называют Негостеприимным — 'Αξεινος *(Пиндар, TV* Пифийская ода, 203; *Еврипид,* Ифигения в Тавриде, 218; *Аполлоний,* Аргонавтика, II, 984; *Страбон,* География, VII, 3, 6).

*

Ст. 558 сл. Обе на миг застыли… — Г. Ф. Церетели сохраняет современную ему оценку эллинистической поэзии, уступающей предшествующей, как упаднической и второстепенной. Однако описание прохода через Боспор у Аполлония вызывает его восхищение (с. 316).

*

Ст. 593 сл. Тут-то Афина, левой рукой… — В самый ответственный момент Афина из наблюдательницы становится активной помощницей. С немалыми даже для богини усилиями она проталкивает Арго вперед. В эллинистическую эпоху боги могут присутствовать в человеческой жизни, но они уже не управляют людьми, как это было в гомеровском эпосе. Функции богов теперь сводятся к моральной поддержке, укреплению воли и надежды. Аполлоний не отказывается от эпической поэтики, но основное внимание уделяет эмоциям своих героев.

*

Ст. 599. А утесы почти вплотную… — Аналогия между пролетевшим голубем и кораблем завершена. Легендарные Кианейские, т. е. Темные, скалы, Плегады, Симплегады, уже в античности пытались реально локализовать, начиная с Геродота (IV, 85; *Еврипид*, Медея, 2; *Страбон*, География, I, 21, 3 и др.). Скорее всего, ими названы два маленьких скалистых островка, которые лежат у выхода из Боспора в Черное море.

*

Ст. 644 сл. Рибу, реку быстроводную… — Между рекой Рибой и Черным морем (см.: II, 348) находится мыс, или *утес*, *Колоны,* а далее устье реки Филлеиды. Бог реки был отцом того Дипсака, который вместе со своей матерью, луговой нимфой, принимал у себя бегущего в Колхиду Фрикса. Стефан Византийский и Аммиан Марцеллин называют реку Филлиду Псиллидой. Вероятно, местное население нечетко выговаривало начальный гласный, или же различие было в греческом произношении. Повествование Аполлония о Дипсаке выдержано в буколических тонах и лишено реальной локализации.

*

Ст. 653. дол и реку глубокую… — Река Калпис, или Калкас (мужской род), упомянута у Ксенофонта. Он знает ее устье и одноименный город (Анабасис, VI, 4, 1 сл.).

*

Ст. 666 сл. Очень усталыми вышли… — Город Финиада и одноименная гавань во времена Аполлония назывались Гераклеей, процветающей колонией жителей Коринфской Мегары, основанной еще в середине VI в. до н. э. Там аргонавтам и встретился Аполлон Утренний, или Рассветный, чей культ был одним из главных в Гераклее. *Ликией* называлась область и полуостров в Малой Азии, где чтили Аполлона Ликийского и находилось его святилище.

*

Ст. 668 сл. Гипербореи — мифический народ, живший где-то далеко на севере. В их существовании сомневался уже Геродот, сказав, что о них ничего не известно ни скифам, ни другим народам (IV, 32–36). Миф о них возник, вероятно, в северной Фессалии, где местное население отождествляло Аполлона с каким-то божеством своих далеких соседей и, не имея еще представлений о возможных далеких северных жителях, живших «за пределами Борея», причисляло также их к почитателям своего бога. Так мог возникнуть миф о том, что у гипербореев был убит Зевсом сын Аполлона Асклепий.

*

Ст. 700 сл. Стрелами насмерть бог… — В гомеровском гимне Аполлону «Иэй Пэан» обычно понимается как сочетание восклицания с эпитетом бога (ст. 272). У Гомера «Громкий пэан Аполлону ахейские юноши пели / Славя его…» (Илиада, I, 473). Таким образом, какой-то эпитет бога, вошедший в его имя, перешел в название гимна в честь бога. У Аполлония Орфей («отпрыск Эагра») под звуки лиры («бистонской форминги») поет, как отрок Аполлон убил страшного змея Пифона (здесь: Дельфина). Эллинистические поэты увлекались игрой слов и комбинировали их различные, часто противоположные, значения. У Аполлония здесь имеется только одно восклицание «иэй», слово «пэан» отсутствует. Поэт рассчитывает, что зрители мысленно его добавляют. А в тексте гимна-пэана поэт намекает на значение слова Παίω, «бить», «ударять», и существительного Παις — «мальчик», «отрок». Юный бог насмерть поражает дракона. Каллимах в финале гимна к Аполлону (ст. 98 сл.) говорит, что местные жители наблюдали за борьбой юного бога со змеем и кричали «Иэ, Иэ, о Пэан!». Первое восклицание Каллимах как бы возводит к глаголу ιημι — «пускать» или «метать», намекая на то, что Аполлон — метатель стрел. Весь гимн Орфея построен на такой игре. Когда змей был поражен, Аполлон швырнул его гнить и разлагаться под лучами солнца. Поэтому змея впоследствии стали называть Пифоном, т. е. Гнилью (Πύθω — «гнить»). Тот храм, который был заложен на месте победы в долине у горы Парнас в Фокиде по приказу Аполлона, люди назвали Дельфийским, так как своим первым жрецам бог явился в образе дельфина (гомеровский гимн).

*

Ст. 705. Корикийские нимфы, т. е. живущие в Корикийской пещере на южном склоне Парнаса к северу от Дельф. О них см.: *Эсхил*, Евмениды, 22–25; *Софокл*, Антигона, 1126 — ИЗО; *Каллимах*, фр. 75, 56 Пфейффер. Схолиаст Аполлония и Павсаний (X, 6, 3) приводят иную версию о происхождении этих нимф, названия их пещеры и близкого к ней города Ликореи (древнее название Дельф). Аполлоний называет Ликором сына нимфы Корики. Ликор стал эпонимом города, а его мать — пещеры, где он появился на свет.

Мать Аполлона Латона (Лето) была дочерью титана Кея. Нимфы же вели свое происхождение от реки Плиста, протекающей возле Дельф (Ликореи).

Гимн Орфея только внешне выдержан в традициях древней гимнической поэзии. По-настоящему он очень далек от нее и, сохраняя приметы древнего благочестия, весь пронизан этиологическими сведениями.

*

Ст. 713. Храм Гемонеи благой… — Храм богини Согласия (Ὁμονίη) заложили аргонавты. Возможно, и здесь греческое звучание имени богини воспринималось близко к названию родины большинства аргонавтов Гемонии (Αἱμονίη).

*

Ст. 718 сл. Быстрой реки Сангария… — Сангарий — вторая крупнейшая река Малой Азии после Галиса. Она течет по Галатии, Вифинии и впадает в Черное море. О сражении с амазонками при Сангарий вспоминает в «Илиаде» Приам (Ш, 187). Река *Лик*, приток Ириса, впадает в море возле города Гераклея. Ксенофонт рассказывает, что там гераклейцы снабдили его отряд продовольствием (Анабасис, VI, 2, 3). Антемоисской топью Аполлоний называет топкое устье Лика. Дальнейший комментарий см. выше, в прорицаниях Финея: 729 сл. = 352; 734 сл. = 354 сл.; 749 сл. = 355 сл.

*

Ст. 740. мегарцы нисийские дали названье… — Гераклея была основана жителями Коринс]> ской Мегары, которые переселились сюда из мегарской гавани Нисы. См. выше: ст. 667, а также: *Каллимах*, фр. 43; 52 Пфейфс]эер; *Феокрит*, Идиллия, ХП, 27.

*

Ст. 769. Здесь у отца моего… — Имя Даскила, правителя мариандинов и отца Лика, было распространено в топонимике и в личных именах в Малой Азии. Например, был город Даскилион и озеро Даскилита возле Кизика.

*

Ст. 770 сл. Пешим Геракл пришел… — В трагедии Еврипида «Геракл» хор фиванских старцев поет:

Через бездну Евксина
К берегам Меотиды,
В многоводные степи,
На полки амазонок
Много витязей славных
За собой он увлек.
Там в безумной охоте
Он у варварской девы,
У Ареевой дщери
Златокованый пояс
В поединке отбил;
Средь сокровищ микенских
Он висит и доселе…
(Ст. 408–420. Пер. И. Анненского)

*

Ст. 773 сл. Брат мой умер тогда… — У Аполлония Приол — старший брат Лика. Схолиаст же называет его сыном Лика, а не Даскила (П, 759). Он является эпонимом города Приолы, соседки Гераклеи. Титий — мариандинец, павший в кулачном бою с Гераклом. По схолиям он эпоним города Тития. Схолиаст отмечает также, что жалобную песню («Элегию») сочинил Ворм, или Варин, сын Тития, на похоронах отца. В античности мариандины славились сочинением и исполнением ритуальных песен. В схолиях к «Персам» Эсхила (ст. 780–783) говорится в аналогичной ситуации о сыне Тития. В византийском словаре Гесихия под словом Βώρμον, т. е. Бормон, называется тот же сын Тития, знаменитый поэт и певец. В одной из версий Приол и Лик названы сыновьями Тития. Источники Аполлония были явно различными и часто противоречивыми.

*

Ст. 783. Биллей — река протекает возле Гераклеи. Возможно, Аполлоний объединяет под одним названием две разные реки — Биллей и Парфений.

*

Ст. 787. Гиппий — река, протекающая по Вифинии, но скорее всего здесь говорится о Сангарии.

*

Ст. 842. Жители этой страны… — Агаместора почитали как основателя мегаро-беотий-ской Гераклеи. Затем с ним отождествлен Идмон, и таким образом малоизвестный местный герой Агаместор обрел достойную для гераклейцев генеалогию.

*

Ст. 846. Умер, как говорят… — У Аполлония причина смерти Тифиса неизвестна. В трагедии Сенеки «Медея» Тифис погибает в Ливии от укуса змеи (ст. 651 сл.).

*

Ст. 857. Анкей — любимец Геры, культ которой издавна был главным на островах Самосе и Имбросе.

*

Ст. 896 сл. К устьям реки Каллихора. — Река Каллихор, букв. «Прекрасная (своими) хороводами», недалеко от Гераклеи впадает в Черное море. О ней говорит Каллимах (фр. 600 Пфейффер). По словам схолиаста, у нее было еще другое название — Оксин, или Оксинас. *Сын Нисийский* — Дионис, сын Зевса и смертной женщины Семелы. Семела пожелала, чтобы ее возлюбленный, который являлся к ней в облике простого человека, доказал ей, что он бог. Зевс, неосмотрительно связав себя клятвой Семеле, был вынужден предстать перед ней с молнией и перунами. Дом Семелы загорелся, и она погибла. Зевс вынул недоношенного младенца из чрева матери и зашил себе в бедро. Отсюда эпитет Диониса — «дважды рожденный». Младенца Зевс отдал на воспитание нисийским нимфам. Мифическая Ниса не имела точной локализации. Ее помещали, начиная от места рождения Семелы (Фивы в Беотии) и далее по Индии и Египту, где Нисой называлась гора и долина Сербонидского, или Тритонова, озера. В Причерноморье Диониса почитали как основателя вифинского города Тиея, расположенного к востоку от Гераклеи у реки Биллея. Сказание об индийском путешествии Диониса было обязано своей популярностью походам Александра Македонского, армия которого достигла берегов Инда. Об этом переходе первым написал современник Александра, историк, этнограф и географ Мегасфен, фрагменты сочинения которого сохранились.

Название Авлийской пещеры, где отдыхал Дионис, восходит к названию святилища Великой матери Кибелы. Авлий, или Метроон, был расположен примерно в 12 километрах от Гераклеи.

*

Ст. 903. Сфенел — сын Актора, сопровождал Геракла в походе на амазонок. Он погиб в одном из сражений и был похоронен на берегу моря, где аргонавтам, которые плыли мимо его кургана, явился призрак Сфенела.

*

Ст. 908. Персефона — Персефона, дочь богини Деметры, супруга Аида, богиня мертвых.

*

Ст. 923. Лиру Орфей возложил… — Место Лира возле кургана Сфенела, расположено близ города Амастриды, или Сесама, в Вифинии.

*

Ст. 930. Самой спокойной реки… — Река Парфений («Девственная») течет на границе Вифинии и Пафлагонии и к западу от Амастриды впадает в море *(Геродот*, История, II, 104; *Ксенофонт*, Анабасис, V, 6, 9; VI, 2, 1). По мифу, здесь находилась купальня Артемиды, дочери Латоны. Здесь Аполлоний, подобно Каллимаху (фр. 75, 24 сл. Пфейффер), обращается к этиологическому мифу, как отмечает его схолиаст. Эти же места хорошо известны Гомеру. В каталоге союзников троянцев говорится:

> Вождь Пилимен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
> Выведший их из Генет, где стадятся дикие мески[12],
> Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
> Окрест потоков Парфения в славных домах обитали,
> Кромну, кругом Эгиал и скалы Эрифйн населяли.
> **(Илиада, II, 851 — 855. Пер. Н. Гнедича)**

Сесам (Амастрида) — город в Пафлагонии. Эрифйны — горная цепь возле Сесама. Кробиал и Кромна — города Пафлагонии. Китор — гора там же. Карамбис — прибрежный горный массив с одноименным мысом там же.

*

Ст. 939 сл. земли ассирийской— прибрежной части Каппадокии, так называемой Левкосирии, с городами Синопой, Карусой, Амисом. Город Синопа был основан выходцами из Милета примерно в 630 г. до н. э. К этиологическому мифу о нимфе *Синопе*, жившей в Беотии, по другой версии — на Пелопоннесе, неоднократно обращались античные авторы начиная с Евмела Коринфского (VI в. до н. э.). О ней писал Коринна, Аристотель, Диодор Сицилийский, Плутарх и другие. Аполлон считался главным богом Синопы. С этим городом были связаны первые Птолемеи. На главной площади города была возведена статуя Птолемея I. Уроженцами Синопы были философ Диоген и комедиограф Дифил, соперник Менандра.

*

Ст. 948. Деимах — мифический герой из города Трикки в южной Фессалии. Спутниками Геракла в походе на амазонок были его сыновья, которые задержались в Синопе и встретили аргонавтов.

*

Ст. 954. Аргест — северо-западный ветер.

*

Ст. 959 сл. Там однажды Геракл… — Весь эпизод пребывания Геракла до появления в тех же местах аргонавтов был известен как по источникам Аполлония, так и по другим версиям. Страбон, например, включает Автолика в состав аргонавтов (XII, 3, 11). У Аполлодора Автолик назван сыном Гермеса и дедом Одиссея. Из троих братьев старший, Автолик, почитался как основатель Синопы. У схолиаста Аполлония сказано, что Геракл, уходя, поручил всем братьям очистить Синопскую область от варваров. Когда же жители Синопы получили известие о смерти Геракла, братья решили принять участие в походе аргонавтов. Плутарх сам видел в Синопе статую Автолика работы Стенида (TV в. до н. э.) и слышал предание о том, что Автолик с братьями ушли из Фессалии, чтобы участвовать с Гераклом в походе на амазонок. На обратном пути его корабль разбился на полуострове возле Педалиона. Однако Автолик со своими спутниками и доспехами сумел спастись и отвоевал у сирийцев Синопу *(Плутарх,* Лукулл, XXШ, 4–5).

*

Ст. 961 сл. Пояс свой за сестру… — Пояс Гипполиты постоянно фигурирует в сказании об амазонках. В «Илиаде» подобные пояса часто подробно описываются (IV, 186, 215, 132 сл.). Амазономахия Геракла была излюбленным сюжетом в античной архитектуре и скульптуре.

*

Ст. 980 сл. Все они живут… — Дойантская долина простирается у реки Фермодонта. Около устья этой реки находится большой горный массив — Амазонские горы. У самого устья Фермодонта расположен город Фемискира. На берегах реки Ликасия — города Ликасия и Хадисия, т. е. все три города амазонок. Об амазонках Хадисии писал предшественник Геродота Гекатей Милетский (VI в. до н. э.). Аполлоний располагал множеством ценных источников, учитывая интерес правителей Египта и их сановников к этим областям. По его сведениям, халибов от тибаренов отделял мыс Зевса Генетлия («Родителя»). Священная гора и остров Ареса ограничивали земли моссинеков. За ними простирались земли филиров, потом — макронов, или макрокефалов, с центром в городе Трапезонте-. Ксенофонт в «Анабасисе» подробно рассказал о поразивших эллинов моссинеках (IV, 4, 26, 33 сл.).

*

Ст. 1023 сл. Близко от острова Аретиады… — Установить местонахождение мифического острова Ареса, Аретиады, невозможно. Предполагают, что им мог оказаться небольшой остров напротив города Керасунта, колонии Синопы. Птицы Ареса, жившие раньше в Аркадии у Стимфалийского озера, прилетели сюда, спасаясь от Геракла. Стрелы Геракла не могли поразить этих птиц, и ему пришлось воспользоваться трещоткой (Ферекид, Гелланик, Диодор Сицилийский, Аполлодор).

*

Ст. 1040. Сын Алея Амфидамант… — Алей, отец Амфидаманта, является эпонимом аркадского города Алей, лежащего на берегу Стимфалийского озера.

*

Ст. 1092. Влажный путь Арктура… — Появление на небе Арктура, яркой звезды между Большой Медведицей и Волопасом, означало время дождей.

*

Ст. 1140. Зевс Фиксий — покровитель беглецов и изгнанников.

*

Ст. 1145. Мы же, его сыновья… — После этого стиха была еще одна строка, которую убрал Брунк, заметив ее повтор в стихе 1270, где она выглядит в тексте органичной.

*

Ст. 1187 сл. Жертву за Фрикса свершить… — Зевс был разгневан на всех потомков Эола из-за того, что Афамант Эолид, отец Фрикса и Геллы, повинуясь требованию своей второй жены Ино, был вынужден принести в жертву Зевсу своих детей. Но Зевс спас их, послав к ним златорунного барана (см.: *Геродот*, История, VII, 197).

*

Ст. 1205 сл. Из-за того, что на Зевса… — Этот стих Г. Френкель несколько видоизменил, ссылаясь на разнобой в рукописях. Вместо винительного падежа множественного числа «мощные руки» он предложил дательный падеж единственного числа, т. е. «мощной рукой устремился…». По версии Аполлона, борьба Зевса с Тифоном (Тифаоном) происходила в горах Кавказа. Но Сербонидское озеро находится в Нижнем Египте под Касийской горой. Ф. Виан полагает, что Аполлоний, конечно, знал, что на горе Касий находится святилище Зевса, а близость звучания слов в греческом оригинале (Καυκάσιου-Κασίου) вызвала столь неожиданную идентификацию.

*

Ст. 1225 сл. Остров, где Кронос… — О Кроносе и Рее см. примеч. I, 505 сл. Там же дальше следует рассказ о детстве Зевса на Крите.

О любовном приключении Кроноса, о его свиданиях с океанидой Филирой, о ревнивой Рее, о бегстве Филиры и, наконец, о рождении кентавра Хирона, получеловека-полуконя, Аполлоний повествует с несомненным юмором, затеняющим первоначальный серьезный этиологический аспект. Тут налицо и переосмысление тематики мифа, перенесение его в обстановку быта и пикантный адюльтер, отвечающий вкусам эллинистических читателей. Задолго до Аполлония историю кентавра Хирона поведал Гесиод (Теогония, 1002 сл.).

*

Ст. 1239 сл. И постепенно стали расти… — Первая встреча аргонавтов с Кавказскими горами связана в «Аргонавтике» с историей Прометея. О титане, недруге Зевса, также первым поведал Гесиод (Теогония, 521–525), затем ему же была посвящена тетралогия Эсхила. Образ страдающего Прометея заканчивает аполлониевский мотив гигантомахии и титаномахии, а с другой стороны, завершает длинную цепь преданий о Геракле, которому в будущем суждено помочь Прометею и облегчить его страдания. Прямо и косвенно Геракл постоянно присутствует в первых двух книгах поэмы. Теперь его роль почти завершена до эпилога «Аргонавтики». Греческое сказание о Прометее, потомком которого является Ясон, во времена Аполлония находит аналогию с преданиями малоазийского и кавказского населения о богатырях, распятых на скалах, например об Амирани.

*

Ст. 1261. В реку стал Эсонид… — Завершение пути требует необходимого ритуала. Ясон совершает возлияние несмешанным вином Гее, богам подземного мира и усопшим героям. Стоны Прометея и обращение главного героя к высшим богам и хтоническим силам являются своеобразной прелюдией к новой части поэмы, к тому, что ожидает Ясона и его спутников в стране Эета.

*

Кульминацией всей «Аргонавтики» является ее третья книга. Получить и вывезти золотое руно Ясон смог лишь с помощью влюбленной в него Медеи, дочери сурового правителя Эи Эета. В этой же книге наиболее полно раскрываются характеры главных героев поэмы — Ясона и Медеи.

Среди многочисленных источников Аполлония была ныне известная лишь фрагментарно поэма о Навпактских деяниях, автор которой неизвестен; затем IV Пифийская ода Пиндара и лишь фрагментарно сохранившаяся трагедия Софокла «Колхидянки».

Павсаний, описывая глазами очевидца знаменитый ларец Кипсела (VU в. до н. э.), рассказывает, что среди прочих изображений была там сидящая на троне Медея, справа от нее стоял Ясон, а слева Афродита. Надпись гласила: «Ясон женится на Медее по воле Афродиты». Сюжет и его мотивы не были созданы Аполлонием. Но новое видение мира, новое осмысление древних преданий и мифов, географическая локализация мифов и сказок полностью принадлежит ему, эллинистическому поэту.

Вся третья книга легко делится на пять взаимосвязанных эпизодов, каждый из которых внешне самостоятелен:

1. Олимпийский пролог — ст. 6 — 166.
2. Аргонавты во дворце Эета — ст. 196–608.
3. Медея и Халкиопа — ст. 609–824.
4. Свидание Ясона и Медеи — ст. 948 — 1172.
5. Подготовления и подвиг Ясона — ст. 1173–1407.

*

Ст. 1 сл. Ныне ко мне подойди… — Муза Эрато ведает любовной поэзией (τα ερωτικά). Новый проэмий открывается той же этиологической игрой. В третьей книге место бога Аполлона, главного покровителя аргонавтов, решительно занимает Афродита. Впервые о роли Эрота (Эроса), одной из первозданных сил вселенной, сказал Гесиод:

> Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
> Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
> Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
> И, между всеми богами прекраснейший, — Эрос,
> Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
> Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
> (Теогония, 116 сл.)

В этом тексте Хаос — зияющая пустота, Гея — Земля, Тартар — подземная бездна.

Со временем образ Эрота подвергся существенным изменениям. Из аморфной стихии он становится антропоморфным богом любви, затем преображается в прекрасного юношу с колчаном, полным стрел, поражающих всех без разбора. В эллинистическую эпоху он представляется капризным ребенком, сыном Афродиты (Киприды) и Гефеста (или Ареса).

*

Ст. 2. Молви, как увез Ясон… — Эта строка представляется перифразом стиха Мимнерма (VI в. до н. э.) из сборника «Нанно»: «Никогда бы Ясон сам не увез из Эи великое руно» (φρ. XI, 1. Вест).

*

Ст. 7 сл. Их заметили Гера с Афиной. — Действие пролога переносится на Олимп. Здесь повествование сохраняет все приметы эллинистического эпиллия, маленького эпического произведения, в лучших образцах которого (Каллимах, Феокрит) обязателен тонкий юмор, изящество и снижение высоких божественных образов перенесением их в быт. Аполлоний уже подготовил к этому своих читателей в конце второй книги историей Кроноса и Филиры.

*

Ст. 22. Обе богини потупили взоры — Скрытый перифраз стиха «Илиады» (III, 217), где Приам рассказывает, как в Трое выступал Одиссей: «Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи…»

*

Ст. 25 сл. Сходим к Киприде… — Схолиаст Аполлония ссылается на то, что Сапфо называла Эрота сыном Урана и Геи, т. е. Неба и Земли. У Гесиода (см. выше) Эрот лишен родителей, так как он изначален. Поэт Ивик (кон. VI в. до н. э.) говорит, что матерью Эрота была Афродита. У Аполлония Эрот — сын супругов, Афродиты и трудолюбивого Гефеста. Гера говорит, что Медея искусна в зельях. В «Одиссее» (X, 276) так характеризуется Кирка.

*

Ст. 37. супругом ее хромоногим — Хромота Гефеста, сына Зевса и Геры, объясняется различно. По одной версии этот бог огня и кузнечного мастерства, искусный мастер и мудрец, хром от рождения. По другой — Гера поссорилась с Зевсом и в гневе сбросила Гефеста с Олимпа на землю.

*

Ст. 42. В грот просторный… — Местонахождение мифического острова Планкты неизвестно. В «Илиаде» мастерская Гефеста находится на Олимпе (XVIII, 470). Другие источники указывают гору Этну в Сицилии или же остров Лемнос. У Аполлония кузница Гефеста находится на Олимпе. Гомер называет Афродиту дочерью Зевса и титаниды Дионы (Илиада, V, 370). В «Одиссее» сказано, что Афродиту и Гефеста сосватал Зевс (VDI, 318). Аполлоний, ориентируясь на посещение Фетидой Гефеста в «Илиаде», по-своему описывает устройство дома Афродиты и Гефеста. К этому же сюжету дважды обращается Феокрит (Идиллии, XIV, 2; XV, 1–7).

*

Ст. 62. Иксион — сын Флегия, по мифу, был правителем лапифов. Его полюбил Зевс и, одарив бессмертием, сделал своим сотрапезником. Гордый Иксион осмелился посягнуть на Геру. Разгневанный Зевс послал в объятия Иксиона облакоподобный призрак Геры, а затем сбросил Иксиона в Тартар, где он вечно вращается, привязанный к колесу.

*

Ст. 64 сл. Чтобы Пелий, ликуя… — Гера еще раз напоминает о своем гневе на Пелия (см.: I, 14 сл.; 534). Олимпийские боги были злопамятны и никогда не забывали своих обидчиков *(Стесихор*, фр. 223, Пейдж; *Софокл,* Аякс, 175 сл.; *Еврипид*, Ипполит, 145 сл.).

*

Ст. 72. Он пожалел меня… — Мотив появления божества в человеческом облике общеизвестен. В гомеровском гимне Деметре богиня приходит в Элевсин в образе старушки. В «Илиаде» в таком же облике приходит на башню в Трое Афродита, чтобы вызвать Елену, и т. д.

*

Ст. 91 сл. Вас он послушал бы много скорее… — Нововведением Аполлония является строптивость и непослушание Эрота. Эти черты бога после Аполлония широко используются в литературе (Мосх; эпиграммы Мелеагра, Диалоги богов у Лукиана и т. д. и т. п.).

*

Ст. 114 сл. Вскоре нашла его далеко… — Во всех видах эллинистического искусства впервые большое место отводится детям и раскрывается им свойственный, не похожий на взрослых, мир. Ганимед, сын Троя, или Лаомедонта, был похищен богами и взят на Олимп (Илиада, XX, 232 сл.). Там же похитителем называется только Зевс (V, 266). На Олимпе Ганимед стал виночерпием богов.

*

Ст. 121 сл. Рдели жарким румянцем. — Говоря, что на щеках Эрота цвел румянец, Аполлоний обращается к привычному словосочетанию — цвет лица, но делает это по-своему (см.: *Солон*, 27, 6; *Эсхил*, Прометей прикованный, 23). Бытовая же игра мальчуганов в поэзии также часто переосмысляется. Так, у Анакреонта бабками Эрота названы любовные безумства и смятения (фр. 398, Пейдж). У Асклепиада (IV–III вв. до н. э.) мучителей-Эротов оказывается несколько, и поэт, жалуясь на несчастную любовь, восклицает:

> Если несчастье случится со мною, что вы станете делать?
> В кости беспечно играть будете вы, как всегда.
> (Палатинская антология, XII, 46, 3–4)

Асклепиаду вторит Мелеагр (кон. II — нач. I в.):

> Сыздетства, в матернем чреве, Эрот, забавляясь игрою,
> Жизнь мою проиграл в кости, не зная забот.
> (Там же, XII, 47)

По мнению Ф. Виана, Аполлоний по памяти описывает известную скульптуру Поликлета «Играющие в бабки».

*

Ст. 132. Адрастея — одна из нимф, кормилица Зевса (см.: *Каллимах*, I гимн, 47 сл.).

*

Ст. 159. Гор высоких две оси… — Свод небес поддерживают два столба, как в «Одиссее», I, 54. Горы же, о которых говорит Аполлоний, скорее всего Парнас и Кавказ.

*

Ст. 168 сл. «Вам, друзья, открою… — Речь Ясона построена по всем правилам греческой риторики. Главное в ней — еще раз подчеркнуть мирные намерения предстоящего посольства к Эету. Ясон ждет от Эета миролюбия и дружеского приема (φιλότης) и хочет убедить его в своем нежелании прибегать к силе (αλκή).

*

Ст. 170. Общая ведь нужда… — В этом стихе появляется довольно редкий у Аполлония хиат, воспроизведенный в переводе.

*

Ст. 195 сл. С Авгием следовать он… — Скипетр в руках Ясона — символ мирных намерений аргонавтов. В спутники Ясон выбирает четырех Фриксидов, внуков Эета, и Авгия, сводного брата Эета. Оба они — сыновья Гелиоса. Характер же четвертого брата, Теламона, его мужественность и пылкость, его преданность Ясону и общему делу, достаточно раскрыты в предыдущих книгах «Аргонавтики».

*

Ст. 198 сл. Плоский там виднелся холм… — О Киркейском холме и долине (см.: II, 398) упоминают историк IV в. Тимей, Валерий Флакк и другие. По словам Г. Ф. Церетели (с. 320), в Абхазии все еще существует древний обычай подвешивать на деревья тела людей, убитых молнией. Аполлоний вряд ли прибегает к обобщению, а пользуется своими источниками, удостоверяющими существование повсеместного обычая кавказских народов.

*

Ст. 208 сл. Гера, путникам этим… — Гера стремится обезопасить своих любимцев и скрывает их в тумане. Такой же мотив в «Энеиде» Вергилия, но вместо Геры (Юноны) там действует Афродита (Венера), мать Энея (I, 411 сл.).

*

Ст. 213 сл. Встали в преддверьях они… — Прибытие аргонавтов ко дворцу Эета Аполлоний мог моделировать по образцу прихода Одиссея в город феаков. В аполлониевском эпизоде много гомеровских слов. Аполлонию тут следует Вергилий (Энеида, IV, 421 сл.). Тут же, в «Аргонавтике», типичен любимый прием эллинистических поэтов — описание реальных памятников искусства (экфраза). Триглиф — украшение во фризе антаблемана на колоннах дорического стилях >стоящее из столбиков с двумя целыми желобками в середине и двумя полужелобками по краям.

*

Ст. 223. Плеяды — группа звезд в созвездии Тельца, из них семь наиболее ярких звезд, по мифу, считались дочерями Атланта и Плейоны.

*

Ст. 231 сл. Гелиос в дар его получил… — На Флегрейских полях во Фракии, согласно мифу, произошла битва олимпийских богов с гигантами, детьми Урана и Геи. Гиганты, полулюдиполузмеи, отличались необыкновенной силой, но были смертными. Колесница Гелиоса была изображена на метопе афинского храма Афины-девы (Парфенон).

*

Ст. 236. Портик выстроен был. — Портик, в который вошли аргонавты, мог быть украшен скульптурами или картинами. Не случайно схолиаст называет его «Пестрой стоей», подразумевая замечательную галерею-музей в Афинах.

*

Ст. 241 сл. В жены Эет себе деву… — Гесиод знает океаниду Идию, мать Медеи и жену Эета. Также у Софокла в несохранившейся драме «Скифянки» (фр. 546) и у Ликофрона (Александра, 1024). По другой версии, Кирка и Медея были дочерьми Эета и Гекаты. Алсирт обычно считался не старшим, а младшим братом Медеи. Второе имя, Фаэтон, Апсирт получил в память о погибшем сыне Гелиоса, брате Эета. Матерью Апсирта Софокл называет не Астеродейю, а нереиду Неэру.

*

Ст. 274 сл. Между тем Эрот невидимкою… — Здесь Эрот уже непохож на того капризного озорника, каким он был на Олимпе. Новый образ Эрота в греческом тексте передан формой перфекта, т. е. совершенного вида от глагола ταράττω («возмущать», «волновать»). Эрот возмущен и сердит. Именно такой Эрот обычен в античной поэзии. Г. Ф. Церетели неточно переводит его определение прилагательным «злобный». Столь же типично сравнение Эрота с безжалостным оводом. Оно встречается у Анакреонта, Симонида, Феокрита, поэтов-эпиграмматистов и т. д. В целом все действия аполлониевского Эрота традиционны в античной поэзии, начиная с Архилоха и Сапфо. Персонифицированный Эрот передает свои свойства своей жертве и даже тому чувству, которое он возбуждает, стреляя в людей. Под сердцем Медеи, куда нанесена невидимая рана, стал пылать жгучий эр от (ούλος ερως — букв, «гибельный», «пагубный»).

*

Ст. 310 сл. В глубь вечерней земли… — Гомер и Гесиод помещают владения Эета на Крайнем Востоке (Одиссея, XII, 3–4; Теогония, 956 сл.). По словам Гесиода, Кирка же обитает на далеком Западе. Эти представления существовали и в V в. до н. э. Аполлонию свойственно объединять реальные и мифические географические сведения. Кирка путешествует на колеснице отца Гелиоса в Западную (Гесперийскую) землю. В схолиях указывается, что путешествие Кирки на колеснице Гелиоса описывалось в «Каталогах» Гесиода. Где-то на Западе находится и ее остров Эя, где провел целый год Одиссей, а всех его товарищей коварная волшебница превратила в свиней (Одиссея). Диодор Сицилийский, называя матерью Кирки богиню Гекату, знает об их ссоре (IV, 415).

Тирренским морем называется море, омывающее западные берега Италии от Лигурии до Сицилии.

*

Ст. 333.Насильственный этот правитель… — В IV Пифийской оде Пиндар останавливается на злодеяниях Пелия, лишившего престола и ограбившего своего сводного брата Эсона. Аполлоний пользуется пиндаровской темой, чтобы в речи Арга подчеркнуть благородное намерение Ясона отомстить злодею за отца.

*

Ст. 353 сл. Он услыхал от меня про савроматов… — По рассказу Геродота, савроматы, или сарматы, жили по берегам Танаиса, т. е. Дона (IV, 110–117). Колхам постоянно приходилось отражать их набеги (*Диодор Сицилийский*, IV, 415).

*

Ст. 382. Эакид — Теламон.

*

Ст. 447 сл. Искоса, скрыв глаза… — Встреча Медеи с Ясоном невольно вызывает в памяти аналогичную встречу Навсикаи с Одиссеем, хотя внешнее различие велико. Аполлоний повторяет даже отдельные гомеровские обороты, например, ст. 446 и «Одиссея», VI, 237.

*

Ст. 469. Персеида — Геката.

*

Ст. 520. Сын Ойнея — Мелеагр. В «Илиаде» его трагическая судьба — прошлое, о котором в назидание Ахиллу вспоминает старый Феникс. В «Аргонавтике» он молод и прекрасен.

*

Ст. 559 сл. Ид, негодуя ужасно… — Иду в поэме отведена роль карикатурного персонажа, антипода Ясона. Отсюда комедийные черты его образа, а его речь построена по типу шаржа на речь Геракла, упрекающего аргонавтов в эпизоде на Лемносе.

*

Ст. 580 сл. Он обещал… — Варварская необузданность Эета с достаточной яркостью раскрыта в его речи, которую Аполлоний пересказывает, словно не желая излагать эту речь от первого лица. Эет готов не только уничтожить всех аргонавтов, но и сжечь их корабль, несмотря на то, что его собственные челны и лодки были значительно хуже Арго.

*

Ст. 598 сл. Он слышал однажды и помнит… — Схолиаст специально останавливается на предсказании Гелиоса, о котором знали уже историки V в. до н. э. и упоминал Софокл в «Колхидянках». Это предсказание поясняет неприязнь Эета к внукам и желание отправить их из Колхиды.

*

Ст. 618 сл. А Медею крепкий сон… — В вещих снах Медеи намечено все ее будущее, вплоть до предательства по отношению к родителям. Таким образом, Аполлоний полунамеком заставляет вспомнить значение ее «говорящего» имени. Греческий глагол μήδομαι означает «размышлять» и «замышлять», т. е. ее имя переводится как «Ведунья».

*

Ст. 655 сл. Так молодая жена… — Предшествующая традиция знакомила греков с Медеей-женщиной, коварной и злой колдуньей. Медея Аполлония — девушка, почти девочка, которая отличается от своих сверстниц не только близким родством с Киркой, но и причастностью к культу страшной Гекаты; она живет в ее святилище как жрица. Аполлоний умышленно обходит эти мрачные черты ее будущего образа. Плачущую Медею он сравнивает с неожиданно овдовевшей юной женщиной, плач которой становится по сути своей похоронным, т. е. треном. Такой же плач будет звучать в покоях Халкиопы, где обе сестры начнут оплакивать предстоящую гибель Фриксидов. Халкиопа называет *Эринию*, богиню мщения и кары, наказывающую за преступления внутри семьи.

*

Ст. 712. Ведает гордая клятва… — О клятве Ураном и Геей см.: Илиада, XV, 36. В данном случае они являются главными божествами в пантеоне колхов.

*

Ст. 757 сл. Солнечное пятно так скачет… — Сравнение сердцебиения влюбленной героини с движением солнечного зайчика не имеет аналогий ни у предшественников, ни у современников Аполлония. Им воспользовался Вергилий (Энеида, VIII, 18–25) и еще позднее Аристенет (II, 5). Г. Френкель предполагает здесь влияние стоической философии. Отдаленная аналогия, возможно, существует с «Илиадой» (X, 1 — 10). Гомер сравнивает настроение обеспокоенного Агамемнона и его вздохи из глубины сердца с молнией, проливным дождем, градом и метелью, сосредоточив в таком сравнении психофизиологическое состояние своего героя.

*

Ст. 762 сл. То про себя говорила… — Здесь Аполлоний в поэтической форме излагает теоретические воззрения Герофила и Эрасистрата, своих современников-врачей. Те считали нервы основными проводниками чувств, способствовавшими их эмоциональному выражению.

*

Ст. 770. От Артемиды стремительных стрел… — Скоропостижная смерть женщин приписывалась обычно стрелам Артемиды *(Гомер,* Илиада, VI, 205, 428; ХГХ, 59. Одиссея, XI, 172, 199; XVI, 202 сл.; XX, 61 и т. д.).

*

Ст. 823. Девушка, лишь увидела свет… — Утренняя заря прогоняет черные мысли, навеянные Гекатой. Далее без всякого основания исследователи обычно сопоставляют утренний туалет Медеи с туалетом Геры, совершенным для обольщения Зевса *(Гомер*, Илиада, XIV, 170–186).

*

Ст. 840 сл. Как говорят, оно Прометеевым… — О Прометеевом зелье упоминает Софокл в трагедии «Колхидянки» (фрагменты). Впоследствии о нем постоянно говорят римские поэты *(Проперций*, I, 12, 10; *Сенека*, Медея, 708; *Валерий Флакк*, Аргонавтика, VII, 355–365; *Авсоний*, 345, 10 сл.). Описание этого растения и его корня до некоторой степени соответствует описанию того волшебного корня «моли», который вручает Одиссею Гермес, чтобы предохранить его от козней Кирки (Одиссея, X, 302–306). В античности и то и другое отождествляли с мандрагорой, или адамовой головой, с аконитом и прочими ядовитыми растениями, включая сюда безобидный крокус, или шафран.

*

Ст. 854. В ракушку с Каспия… — Схолиаст отмечает, что воды Океана несут с собой множество раковин. Рукавом же всемирного Океана он считает Каспийское море, омывающее Колхиду.

*

Ст. 856. Семь раз и семь раз призвала… — Семь (седьмица) — волшебное число в магии.

*

Ст. 857. Бримо — эпитет Гекаты, заменяющий ее имя (табу) в фессалийских Ферах. *Ст. 861. Начетов сын* — Прометей, сын титана Иапета.

*

Ст. 866 сл. Вожжи и кнут… — Отъезд Медеи в сопровождении служанок сопоставим с выездом к морю Навсикаи, где ей предстоит встреча с Одиссеем (Одиссея, VI, 81 сл.). Сравнение же Медеи с Артемидой также восходит к «Одиссее». В дальнейшем им же воспользовался Каллимах в гимне к Артемиде и в других произведениях, сохранившихся фрагментарно. В пантеоне колхов Артемида нередко отождествлялась с Гекатой, на что и намекает Аполлоний.

*

Ст. 873. Амнис — река и город на Крите возле Кносса.

*

Ст. 888 сл. Что общаться нельзя… — Начало этого стиха в рукописях дефектно. Поэтому издатели вносят свои поправки, на которых нет необходимости останавливаться, так как смысл речи Медеи, обращенной к служанкам, не вызывает сомнений. Медея должна любыми средствами оправдать свое поведение перед спутницами.

*

Ст. 915 сл. Ни единый красавец… — Постоянным мотивом античной поэзии, восходящим к народным поверьям, является преображение избранников богов.

*

Ст. 928 сл. «Тот бесславен пророк… — Речь предостерегающей вороны, возможно, сочинена как юмористический выпад Аполлония против Каллимаха, в эпиллии которого есть серьезная беседа двух ворон (Гекала, фр. 260, 17–62 Пфейффер). Кроме того, в гимне к Аполлону у Каллимаха бог Аполлон говорит, что он не любит певца, который не поет подобно морю, а умеет только лепетать как дитя (II, 105 сл.). Приоритет остается неизвестным, хотя у Аполлония имеются несколько буквальных совпадений с текстом Каллимаха в «Гекале».

*

Ст. 952. Быстро идущий, словно Сириус… — Сравнение героя с выходящим из Океана Сириусом было уже в VII в. до н. э. у Алкмана *(Парфений,* I, 62 Пейдж).

*

Ст. 992 сл. Так однажды Тесея спасла… — Тесей *(миф.)* — афинский герой, сын царя Эгея и Эфры, дочери правителя Трезена Питфея.

Афиняне каждые девять лет были вынуждены отправлять на остров Крит к царю Миносу семерых юношей и семь девушек в жертву чудовищному быку Минотавру, живущему во дворце Лабиринте. С третьей партией вызвался отплыть юный Тесей. Когда он прибыл со своими спутниками в столицу Крита город Кносс, его увидела дочь царя Ариадна. Она дала Тесею клубок ниток и научила с помощью него в случае удачи вернуться из Лабиринта. Тесей в жестокой схватке одолел Минотавра и благодаря нити Ариадны вышел назад. Ночью Тесей с Ариадной и афинскими спутниками тайно покинули Крит. В пути они остановились на острове Наксос, где Ариадну похитил влюбленный в нее Дионис. По другой версии, ее, спящую, покинул Тесей. В обоих случаях Дионис украсил драгоценностями брачный венец Ариадны и перенес его на небо, поместив в созвездие Волопаса (немного восточнее этого созвездия). Сравнивая себя с Тесеем и Медею с Ариадной, Ясон не упоминает ни об измене Тесея, ни о появлении Диониса. Более того, говоря, что Минос примирился с Тесеем и боги наградили Ариадну, превратив в звезду ее венец, он словно намекает на возможную аналогию Эета с Миносом. Для сюжета «Аргонавтики» версия Ясона играет важную роль, и ее значение подчеркнуто еще тем, что Ариадна и Медея, живущие столь далеко друг от друга, двоюродные сестры, так как Эет и Пасифая — брат и сестра.

Во времена Аполлония предание об Ариадне было очень популярно скорее всего из-за неприглядной роли изменника Тесея. Это давало возможность намекнуть на разногласия Египта и Афин *(Каллимах,* фр. 67, 13 сл., ПО, 59 сл.; гимн IV, 307–315; *Феокрит,* Идиллии, II, 45 сл.; *Арат,* Феномены, 71–73). Один из демов Александрии в дионисийской филе назывался Ариадниным. Аполлоний сам неоднократно возвращается к этому мифу (III, 1070 сл., 1097–1101, 1102–1108; IV, 431 сл.).

*

Ст. 1029 сл. зарежь ты овечку. — Как отмечал Аристотель, обязательные правила магических действий требовали, чтобы в жертву приносился не баран, а овца, желательно черная. Возлияние должно совершаться Гекате только медом, а отнюдь не вином. Подробно процедура жертвоприношения описывается в «Илиаде» (I, 461 сл.).

*

Ст. 1084 сл. Породил там Иапетид… — Одним из ближайших потомков Эола является титан Прометей, отец первого земного человека Девкалиона, о чем говорилось в «Каталогах» Гесиода (фр. 2–4, 9 — 10 Меркельбах — Вест). Предшественник Геродота, логограф Гелланик называет Девкалиона первым правителем Фессалии и первым воздвигшим алтарь олимпийским богам. Но эта версия оспорена в «Аргонавтике» в речи Арга Фриксида, называющего первыми людьми на земле египтян и аркадян (IV, 261 сл.).

*

Ст. 1129 сл. Гера задумала так… — Многовековая традиция связывала судьбу Медеи с замыслом Геры, покровительницы Ясона. Но такая эпическая трактовка не могла устроить Аполлония, который внес свои психологические нюансы и даже главное внимание в III книге уделил Медее, создав новый, доселе не известный образ колхидской девушки. Искренность Медеи, ее непосредственные чувства невольно увлекают Ясона, поэтому его ответ и волнения воспринимаются искренними. Отсюда упоминание о вмешательстве Геры оказывается как бы лишним.

*

Ст. 1148 сл. И вступила на повозку свою… — Возвращение Медеи описано в соответствии с гомеровским описанием возвращения Навсикаи *[Гомер,* Одиссея, VI, 253 сл. 316 сл.).

*

Ст. 1155 сл. села на малой скамейке — Реальные скульптуры греческих девичьих надгробий словно оживают в аполлониевском описании живописной позы Медеи. Беспокойство и нетерпение Халкиопы словно подчеркивают ее самоуглубленность.

*

Ст. 1165 сл. Ид в отдаленье… — Поведение разгневанного Ида (букв, «вцепившегося зубами в свое сердце», или «душу») дополняет его непривлекательный образ отрицательного персонажа поэмы.

*

Ст. 1174 сл. Аонийского змея. — Аония — т. е. Беотия. Аон *[миф.)* — сын Посидона, был первым правителем той части Беотии, где находился Геликон и источник Аганиппа, который Овидий называет Аонийскими водами (Фасты, Ш, 456). *Огигея Фиванская.* — Огиг *[миф.)* — сын Беота или Посидона, первый автохтон Беотии, которая в старину называлась Огигией. Фивы, главный город Беотии, также назывался Фивой (Одиссея, IX, 264 и 274). Со временем единственное число сохранилось лишь в названии части фиванского акрополя, Кадмеи. Кадм *[миф.)* — *сын* финикийского царя Агенора. Когда Зевс похитил дочь Агенора Европу, тот приказал сыновьям отыскать сестру и не возвращаться без нее. Кадм отправился во Фракию, а оттуда в Дельфы, где оракул Аполлона велел ему прекратить поиски и идти вслед за коровой. Где корова ляжет на землю, бог приказал Кадму заложить город. После того как корова легла, Кадм вознамерился принести жертву богам и послал своих спутников за водой к ближайшему источнику Ареса. Все они были убиты драконом, стражем источника. Кадм сам отправился к источнику и убил дракона, зубы которого взялась раздавать Афина, чтобы засеять ими землю. Для Аполлония, чьими источниками были не дошедшие до нас сочинения греческих логографов, постоянно важно установление связей Запада и Востока, Египта и Причерноморья. Афина Тритонида (см. выше) пригоршню змеиных зубов сама вручила Эету.

*

Ст. 1193 сл. Тайному вору подобно… — Приготовления Ясона и подробное описание всего происходящего имеют прямые аналогии в текстах магических папирусов, изданных К. Прейзенданцем и в сатире Лукиана (Менипп, 9 — 10).

*

Ст. 1222 сл. С мертвого тела Миманта… — Гигант Мим ант во времена гигантомахии был противником Ареса. Сражение олимпийских богов с гигантами происходило в мифической Флегрийской долине (см. выше), которая обычно отождествляется с реальным полуостровом Палленой на западном побережье Халкидики.

*

Ст. 1236 сл. Истмийские игры — конные состязания, происходили на Коринфском перешейке, который раньше назывался Истмом. Эти игры входили в общегреческие состязания и были посвящены Посидону. Далее Аполлоний перечисляет основные места, связанные с культом этого бога. *Тенар* — полуостров и мыс в Лаконике. *Лернейская заводь.* — Лерна — озеро в северо-восточном Пелопоннесе. *Онхест* — город в Беотии на юго-восточном краю Копаидского озера, где на холме была знаменитая роща с храмом Посидона и происходили конные ристания. *Калабрия* — остров в Саронийском заливе близ Арголиды. *Гемонийская гора* — одна из возвышенностей Гемонии, т. е. Фессалии. *Герест* — мыс на острове Евбее.

*

Ст. 1255 сл. Словно конь боевой… — Подобные сравнения с боевым конем были широко распространены, см.: *Гомер,* Илиада, VI, 506 сл., XV, 263 сл.; *Эсхил,* Семеро против Фив, 393 сл.; *Софокл,* Электра, 25 сл. и другие.

*

Ст. 1263. поплыли к равнине Ареса. — Аргонавты поплыли вверх по Фасису и прошли около 300 м, чтобы подойти к самой Эе, а за ней — к полю Ареса.

*

Ст. 1277—1400. «Вся картина борьбы Ясона сперва с быками, потом с землеродными отличается редкой наглядностью и производит сильное впечатление. По сравнению с ней бесцветным и бледным кажется рассказ Овидия о тех же самых событиях. Равно и образ Медеи, вся история ее любви, начиная от возникновения страсти, обработаны с удивительной правдивостью, жизненностью и глубиной…» *(Церетели Г. Ф.* Аргонавтика. С. 323). Присоединяясь к этой оценке, считаю, что столь же высоко теперь следует оценить всю поэму.

*

Ст. 1382 сл. Или кто вышел уже… — После этого стиха явно пропущена в рукописи еще одна строка, которая в изданиях либо отмечается многоточием, либо вообще опускается.

*

Ст. 1 сл. Ныне, богиня, сама… — Инвокация близка к гомеровской, см.: Одиссея, I, 1 сл. и 10. Основное содержание — кульминация всего сюжета: руно добыто, но его предстоит благополучно привезти в Иолк. В этой книге Аполлоний не именует свою Музу. В предыдущих Аполлон, бог, и Муза Эрато выполнили свою задачу.

Вполне возможно, что новое обращение к какой-то Музе, на которую надеется поэт, содержит в себе намек на Каллимаха. В сборнике элегий «Причины» Каллимах доверительно беседует с Музами, спрашивает их не только с целью удовлетворить свою любознательность, но и подтвердить достоверность рассказов (Фр. *3,7*, 19–22; 43, 46–57; 759; см. также: гимн I, 4 сл.).

Медея и в IV книге продолжает оставаться главной героиней повествования. *Ст. 16 сл. Ее очи…* — Состояние Медеи Аполлоний описывает, следуя знаменитым строкам Сапфо:

Бедный нем язык, а по жилам тонкий
Знойным холодком пробегает пламень,
Гул в ушах; темнеют, потухли очи;
Ноги не держат…

(Фр. 31, 10 сл. Лобель — Пейдж. Пер. В. Вересаева)

*

Ст. 20 сл. Тут, судьбе вопреки, Медея… — Медея думает о самоубийстве, как и в третьей книге (ст. 802–824). Она сама преодолевает свою слабость, а обязательная в эпической поэтике ссылка на вмешательство Геры становится неоправданной, так как противоречит характеру героини Аполлония.

*

Ст. 27 сл. Вырвала прядь густую… — Срезание пряди волос представляет собой очень древний обычай, символизирующий переход человека из одной возрастной стадии в другую (инициация). Мальчик становится отроком, отрок — юношей, юноша — мужчиной. Девочка становится девушкой, затем женщиной, женой и матерью. Этот обычай многократных смертей ради жизни в новом качестве отражен в многочисленных посвятительных надписях, подлинных и книжных. См.: *Эсхил*, Хоефоры, 198, *Каллимах*, фр. ПО, 51 Пфейффер. В данном случае отрезанная прядь волос Медеи означает вступление девушки в новую жизнь и тризну по девичеству. В рукописях сказано, что она «вырвала» (ρηξαμένη) прядь. Первым Н. Маас предположил ошибку переписчика в архетипе и предложил чтение «срезала» (τμηξαμένη). Обычай требовал срезать, а не вырывать прядь волос. В переводе оставлено рукописное чтение, так как с ним может быть связано состояние Медеи, ее нетерпение и экзальтация.

*

Ст. 35 сл. Словно пленница… — Сравнение юной Медеи с пленницей, захваченной из б огатого дома, еще не познавшей своей участи, но уже трепещущей перед хозяйкой, схолиаст объясняет невольным страхом Медеи перед ожидающей ее неизвестностью.

*

Ст. 41. Сами собой перед ней… — Двери, которые распахиваются сами собой, — одно из проявлений античной магии.

*

Ст. 46 сл. Нижний край хитона… — Хитоном, или туникой, называлось нижнее одеяние, на которое набрасывался плащ, в данном случае — покрывало.

*

Ст. 54 сл. Вдруг Титанида богиня… — Богиня луны Селена, дочь титана Гепириона, была сестрой Эос и Гелиоса *(Гесиод*, Теогония, 651). Ее возлюбленный, прекрасный юноша Эндимион, был героем сказаний Элиды и Карий. Миф называл его охотником или пастухом, которого боги погрузили в вечный сон, и он спал в гроте горы Латма в Карий. Туда каждую ночь на свидание с ним спускалась Луна-Селена. Предание о Эндимионе имеет несколько версий. По Гесиоду, он был наказан из-за любви к Гере (Теогония, 651). У Сапфо его погрузила в сон влюбленная в него Селена (фр. 199, Лобель — Пейдж). Именно эта версия стала впоследствии основной (Аполлоний, Феокрит, Аполлодор, Квинт Смирнский и другие).

*

Ст. 57 сл. «Видно, не я одна… — Монолог Селены предваряет драматическую сцену бегства Медеи и всех последующих событий. Поэтому здесь очень уместен его комический колорит. Подобно образам Геры, Афины и Афродиты, образ Селены снижен в традициях антропоморфизации мифов, типичной для всей эллинистической идеологии, литературы и искусства.

Процедура ворожбы и приготовления зелий всегда требовала полной тьмы, что давало возможность Селене покидать небо и скрываться в гроте Эндимиона. В это время над ней и смеялась Медея. Теперь Селена чувствует себя отмщенной и сама смеется над Медеей.

*

Ст. 70 сл. В сумерках голосом громким… — Нерешительность и стыд заставляют Медею обратиться к младшему из своих племянников.

*

Ст. 94 сл. Зевс Олимпиец пусть сам… — Ясон обещает Медее законный брак с ним и скрепляет свое обещание клятвой. Здесь важна эта клятва, обращенная к Зевсу Хранителю клятв, как социально юридическая гарантия.

*

Ст. 133. Кавказское море — Черное море.

*

Ст. 139 сл. Быстро взвиваются к небу… — Рассказ о драконе имеет отдаленное сходство с текстом «Илиады» (XX, 5).

*

Ст. 143 сл. Голосом сладким взывая… — Древние считали Сон братом Смерти, ее близнецом, обитающим в подземном мире *(Гомер*, Илиада, XVI, 672; *Гесиод*, Теогония, 211). Овидий (Метаморфозы, XI, 592) поселяет его в стране киммерийцев, в тихой и темной пещере, где его постоянно окружают грезы. Поэтому Медея вместе со Сном призывает богиню ночную, т. е. Гекату.

*

Ст. 154. Тут Медея, сломав можжевельника ветку… — В античности можжевельник наделялся различными целебными средствами, в частности, его считали средством против змеиных укусов (*Никандр*, Средства от укусов, 584; *Плиний*, Естественная история, 24, 54).

*

Ст. 161 сл. А она, стоя рядом… — Ясон был поглощен созерцанием руна и невнимательно следил за действиями Медеи. Этот психологический нюанс заключен в противопоставлении действий и поведения обоих. Она продолжала усыплять дракона, а он тем временем побудил, или приказал (ἤνωγε), уходить. Реакция Медеи остается не вполне понятной из-за испорченного рукописного чтения. В одних рукописях говорится, что Ясон и Медея вместе покидали рощу (λείπον). В других рукописях дается единственное число, т. е. покидала одна Медея (λείπε). Г. Френкель и Ф. Виан, последние издатели, предпочитают первое чтение, относя второе к случайной ошибке переписчика. Мне кажется, что в общем контексте более оправдано второе, относящееся к одной Медее, она не сразу покинула место и пошла за Ясоном. Ведь во всей этой сцене главное место занимает Медея. В старом издании Меркеля выбрано второе чтение, и на нем останавливается Г. Ф. Церетели.

*

Ст. 166. В спальню с высот… — Женские покои всегда помещались наверху (см.: *Гомер*, Илиада, II, 504).

*

Ст. 169 сл. в бороде светло-русой… — Греческое прилагательное ξανθός переводится как «русый», «светлый», но отнюдь не «смуглый», как перевел Г. Ф. Церетели. Ясон молод и русоголов (см.: I, 1074). Здесь же русой бородкой опушены его щеки, и их цвет сливается с цветом золотого руна.

*

Ст. 185 сл. Медею ввел он с собой… — Подняв и поставив Медею на разложенное руно, Ясон, по мнению Г. Френкеля, еще раз, теперь уже при всех, подчеркивает непреложность той клятвы, которую он дал Медее. Его жест символичен при похищении невесты, где руно должно быть веном, т. е. выкупом.

*

Ст. 200. Ныне мы держим в руках… — В трагедии Эсхила «Персы» победа греков в битве при Саламине над огромной армией Ксеркса расценивается как торжество греков над варварами, свободных над рабами. Такой подход был оправдан всем ходом истории (ст. 401–405). Возможно, эта тема стала актуальной в современной Аполлонию действительности, в период передела между эпигонами сфер влияния по всей ойкумене. Иначе трудно объяснить появление в мифологическом сюжете такой переклички с Эсхилом.

*

Ст. 225 сл. А Эет в помраченье от гнева… — Как и раньше, речь Эета передается косвенной с обязательной концовкой: «так говорил Эет». Этот прием входит в характеристику Эета, отрицательного персонажа.

*

Ст. 243 сл. Здесь приказала Медея сойти… — Медея и аргонавты воздвигли какое-то святилище или же очертили священный участок, так как в таком контексте греческое слово εδος («сидение», «седалище») остается неясным.

*

Ст. 255 сл. Неложный пророк — Финей. Рассказ Арга о предполагаемом маршруте возвращения Аполлоний излагает по своим источникам, старым и современным ему авторам, преимущественно по их Периллам. Сведения о восточных краях, о Фасисе, Океане, о Красном море, о Ливийской пустыне вплоть до переноса Арго имелись уже у Пиндара и Антимаха. О Ниле знал в конце VI в. до н. э. Гекатей, предшественник Геродота. Очень много данных содержалось у Геродота, Аристотеля и особенно у современника Аполлония Эратосфена. Перечень этих авторов дается в схолиях. Общие данные с Аполлонием представлены у Каллимаха, но первенство в разработке одних и тех же сюжетов установить невозможно.

*

Ст. 257. кто Тритонидскую Фиву покинул… — Нимфа Фива, дочь Тритона, была эпонимом египетских Фив, величайшей и древнейшей столицы Верхнего Египта. Автохтоны Пелопоннеса аркадяне названы апиданийцами по древнему названию Пелопоннеса (Апия и Апида).

*

Ст. 262. И не владели еще Девкалиды… — Девкалиды — потомки Девкалиона, сына Прометея, которого почитали как первого жителя Фессалии. *Страна Пелагийская*, догреческая страна, чье население — пеласги. Они считались древнейшими обитателями Эллады. Аполлоний называет их страной Фессалию.

Ст. 265. Река Тритон — Нил.

*

Ст. 268 сл. Некто, как говорят… — Геродот рассказывает, что египетский фараон Сесо-стрис прошел из Азии в Европу и дошел до Скифии и Фракии. На обратном пути, рассказывает Геродот, он заселил своими воинами, египтянами, берега Фасиса, и так было положено начало Колхиде и колхам. Но нигде не называются основанные Сесострисом города. По другим источникам, этот легендарный фараон именовался Сесонхосисом или Сесосисом. По мнению современных востоковедов, речь могла идти о каком-нибудь правителе между XII и XIX египетскими династиями. Для Геродота Он был необходим, чтобы нейтрализовать славу Дария. В античных источниках версия Геродота нашла широкое распространение и была особенно популярна в Египте, где первые Птолемеи во внутренней политике стремились завоевать расположение местного населения, а во внешней — укрепить свое влияние на побережье Черного моря.

*

Ст. 276. Там на трехгранных столбах… — Столбами (κύρβεις) назывались вращающиеся пирамиды, на трех сторонах которых чертились карты.

*

Ст. 280. Кто ее Истром назвал… — По Геродоту, самая большая река Истр (Дунай) течет с Рипейских гор (Урал) через Скифию и Фракию (IV, ^8 — 51). Аполлоний же говорит, что Истр впадает в Черное море семью устьями. По одному из них, Наркийскому, поплыли колхи, по другому, называющемуся Прекрасным, направились аргонавты, но были обойдены колхами.

*

Ст. 306. Остров есть в этом самом заливе… — Маленький треугольный остров Сосна (Πεύκη) расположен напротив впадения Истра в море. Об этом острове и его необычной форме упоминает Эратосфен, современник Аполлония.

*

Ст. 316 сл. Их не знали ни скифы… — Истр разделяет скифские и фракийские племена. По словам Геродота фракийские сигинны живут к северу за Истром и считают себя потомками мидийцев. Травкены, по другим рукописям гравкены, являются соседями синдов, живущих у Киммерийского Боспора (V, 9; IV, 28, 86). У Аполлония загадочно упоминание Лаврийской долины, якобы находящейся в бассейне Истра. Название Лавриак в античности встречалось лишь для обозначения одного из городов будущей Австрии. Местонахождение горы Ангур также неизвестно. Геродот говорит о реке Ангр, притоке реки Бронга (совр. Морава или Дрина; IV, 49). Утес Кавлиак, кроме Аполлония, называет историк Полемон (II в. до н. э.). Предполагается, что Кавлиаком, по-греч. Καυλός «ствол», «стебель», в источниках Аполлония была названа одна из высоких гор массива Окра, который разделял воды Тимава и Истра в Истрии, на севере Адриатики. Кронийское море — северная часть Ионийского моря. Британские острова — два острова в Адриатическом бассейне Истра, посвященные Артемиде. Местные жители называли их Бригами.

*

Ст. 332 сл. Заняли от Салангона и далее… — Салангон — река в Иллирии. Нестидская земля и ее жители нестейцы находились в Иллирии.

*

Ст. 363 сл. Вот потому я считаю… — Произнесенные Медеей слова должны напомнить читателям Аполлония то, что говорила Гектору плачущая Андромаха:

> Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
> Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
> (Илиада, VI, 429–430. Пер. Н. Гнедича)

*

Ст. 369 сл. Правда и с ней договор… — В оригинале Медея говорит о Δίκη и Θέμις, имея в виду два аспекта греческого брачного соглашения. С одной стороны, социальный аспект обязывает жить по справедливости, так как она является основой общества (Δίκη). С другой же — надлежит придерживаться перед богами принесенной клятвы (Θέμις). Для греков не было сомнения в том, что и то и другое находится в ведении Зевса.

*

Ст. 379. вседержавная Зевса супруга! — Покровительница Ясона богиня Гера одновременно является неизменной хранительницей браков.

*

Ст. 386 сл. Ибо ты нарушил жестоко… — Медея вновь напоминает Ясону о его клятве. Ее речь звучит словно предсказание того будущего, которое ожидает ее на чужбине, в Элладе. Отсюда ее упреки и отсюда угроза о неминуемой каре, которая может постигнуть Ясона, и страх Ясона, далеко не труса (ὑποδείσας).

*

Ст. 403. станет худшей бедой для Апсирта. — Ясон, получив, из слов Медеи, возможность не считать Апсирта ее защитником, намекает на его возможную смерть, и Медея понимает намек.

*

Ст. 422 сл. священный покров Гипсипилы… — Аполлоний возвращается к истории о Гипсипиле и Ариадне. Остров Наксос некогда назывался Дней. В «Одиссее» Дия была дочерью Миноса, т. е. сестрой Ариадны (XI, 325). Для Каллимаха она эпоним острова (фр. 601 Пфейффер). В сборнике «Причины» он же рассказывает о Харитах, дочерях Диониса и наксосской нимфы Корониды. Нисийцем обычно называется Дионис, так как на Нисе его пестовали нимфы. Но впоследствии Ниса утратила всякую географическую локальность и сделалась обозначением того места, которое могло быть связано с мифической биографией Диониса и его культом. Так, Арриан называет Нисой город и гору в Индии, неизвестно где. У Геродота Ниса — город в Эфиопии близ Сербонидского озера. Для Страбона город Ниса расположен в Карий на южном склоне Месогетских гор. Города с этим названием называются в Писидии, Каппадокии, Фракии, в Беотии (Илиада, II, 598), в Египте, на Наксосе, на Евбее и на Кавказе. Подаренный же Ясону «пеплос багряный» (пурпурный плащ) Гипсипила получила от своего отца Фоанта, сына Диониса, о чем неоднократно говорилось в первой книге. Плащ сохранил дивный запах своего первого владельца. В дальнейшем плащ перешел к Медее. В драме Еврипида «Медея» именно его послала Медея в дар новой жене Ясона Главке, пропитав смертельным ядом.

*

Ст. 445 сл. Дерзкий Эрот! — Обращение поэта к капризному и злокозненному Эроту — отступление, составленное по правилам древней лирической поэзии (Феогнид, Симонид, хоровые песни Эсхила и т. д.). Здесь же это отступление должно подготовить читателей к ужасному злодеянию, братоубийству, как к началу той цепи деяний, которая явилась для Медеи следствием ее любви.

*

Ст. 460 сл. Так пытается мальчик… — Сравнение доверчивого Апсирта с глупым мальчиком, который опрометчиво бросается перейти бурный поток, аналогично гомеровскому, но в иной ситуации. В «Илиаде» Ахилл умоляет Зевса не губить его, застигнутого бурным осенним потоком, подобно молодому пастуху, безрассудно бросившемуся переходить пучину и погибшему в ней (XXI, 282 сл.).

*

Ст. 477 сл. Тут же отсек Эсонид… — Отвратительные подробности действий Ясона после убийства Апсирта: расчленение тела и отсечение рук и ног, так называемые μασχαλισμός или 'ακρωτηριασμός, необходимы для того, чтобы отвратить Эринию, как будущую месть и кару, и очиститься от убийства. См.: *Эсхил,* Хоэфоры, 439 сл. В трагедии Софокла Электра говорит о матери: «Она ж его убила / И, как врагу поруганному, руку / Отсекла, и затем, чтоб скверну смыть, / Живую кровь, пятнавшую секиру, / О голову убитого обтерла!» (Электра, 444 сл.).

*

Ст. 481 сл. Где и теперь лежат… — Страбон знает острова Апсиртиды. На них указывает Плиний. Местоположение их остается неизвестным, хотя их ищут где-то в устье Дуная, где расположено много мелких островов. В настоящее время высказывается предположение, что так назывались некогда совр. Керсо и Озеро.

*

Ст. 506 сл. Он Электридой зовется… — Античные и византийские географы называли несколько островов под названием Электрида. Электром (ἤλεκτρον) греки называли янтарь. Эридан — река По. Иллирийской рекой, может быть, является река Ридзон, по берегам которой, как говорит Аполлоний, поселились колхи. По преданию, там была могила Кадма и его жены Гармонии. Согласно мифу, там, в стране энхелийцев, у них родился сын Иллирик, который после смерти отца стал эпонимом и правителем всей страны.

*

Ст. 519. В тех горах… — Керавнийские, т. е. «Грозовые», горы простираются на северо-западе Балканского полуострова между Эпиром и Иллирией, где изрезанный берег очень опасен для мореплавателей. Свое название они получили из-за обволакивающих их грозовых туч.

*

Ст. 523 сл. Гиллейская земля и *гиллеи* — вероятно, какие-то северные Либурнейские острова и побережье с их населением. Среди этих прибрежных островов могла быть аполлониевская Мелита.

*

Ст. 534. у града Аганы Гиллейской. — Город Агана Гиллейская, как предполагают, находился на острове или на побережье где-то возле Черной Коркиры.

*

Ст. 537 сл. Гилл был Гераклу рожден… — Эпонимом города и его жителей был *Гилл*, сын Геракла и нимфы Мелиты. Феакийской землей Аполлоний называет остров Дрепану (Коркиру, совр. Корфу). В «Одиссее» народ феаков, их правители, страна и судьба сказочны. Аполлоний стремится преодолеть эту сказочность, но полностью освободиться от нее не может. Отсюда возникают некоторые трудности, мимо которых не смогли пройти даже переписчики рукописей. В некоторых из них имеется лишний стих о том, что Гилл, будучи ребенком, жил некогда у Навсифоя, затем же ушел с его острова: «Τυθόϛ έών ποτ εναιεν αύταρ λίπε νήσο ν έπειτα». Другие же издатели, начиная с Брунка, вставляют эту строку как 543-й и 544-й стихи. Так же поступил Г. Френкель, что и отражено в переводе.

*

Ст. 539 сл. к Навсифою с Макридой… — Гомер знает Навсифоя и называет его отцом

Алкиноя (Одиссея, VI, 7, 11; VII, 56–63). По мифу, Навсифой был сыном Посидона. Нимфа Макрида, супруга Навсифоя, была кормилицей Диониса, которого вручил ей Гермес. По одной из версий мифа, Макрида была эпонимом острова Дрепаны, раньше называемого Макридой. Историки предполагают, что острова Коркира, Дрепана, Макрида были в VIII в. до н. э. заселены переселенцами из Евбеи. *Детоубийство.* — В припадке безумия, ниспосланного Герой, Геракл убил свою жену Мегару и детей (трагедия Еврипида «Безумный Геракл»).

*

Ст. 547. Там он остался… — Менторы, убившие Гилла, жили недалеко от Либурнских островов к северу. Их знает Гекатей Милетский (VI в. до н. э.).

*

Ст. 550 сл. У Авсонийской земли… — Авсонийская земля — Италия. Лигистиды или Стой-хады — пять островов у южного берега Галлии, к востоку от Массилии (совр. Марсель).

*

Ст. 561. Мимо прошли острова… — Либурнийские острова расположены вдоль побережья Иллирии между Истрией на севере и Далмацией на юге. Их население — либуры или либурны (либурнийцы).

*

Ст. 565 сл. Керкира — Коркира Черная (Μέλαινα). Ее эпоним — дочь реки Асопа нифма Керкира. *Флиунтийская*, или Флиунтийская *страна*, — область на северо-востоке Пелопоннеса.

*

Ст. 572 сл. Керосс крутой простирался… — Керосс, Нимфея — острова в Иллирийском море. Гомеровская Калипсо, богиня или нимфа, дочь титана Атланта, в «Одиссее» живет на сказочном острове Огигии, который Гомер называет пупом моря (I, 50). Неизвестно, сам Аполлоний или же его источники поселяют похитительницу Одиссея в ином месте.

*

Ст. 580 сл. Вдруг возглашать человеческим голосом… — Сказочный голос корабля Арго является одновременно и голосом Зевса. Гера покоряется, не имея права выступать против хранящего законы людей и богов своего супруга.

*

Ст. 586. Что скитания долгие… — Рукописное чтение «труды тяжкие» (πόνους). Однако еще в XV в. его заменили на «пути, дороги» (πόρους). Г. Ф. Церетели в греческом тексте, следуя Меркелю, предпочел второе чтение, а в переводе использовал первое: «трудов среди моря». Полная аналогия со вторым чтением есть и в самой «Аргонавтике» (I, 21).

*

Ст. 595 сл. устремился в залив Эридана. — По воле Зевса аргонавты от Либурнских островов направились на север и вошли в устье Эридана (По). Они прошли мимо города Электриды (?), где, согласно мифу, в янтарь превращались, плывя вниз, слезы сестер несчастного Фаэтона. А немного выше по реке в болотной низменности лежал сам сын Гелиоса Фаэтон, убитый молнией Зевса за то, что слишком высоко направил коней отца, рискуя сжечь весь мир *(Гесиод,* Теогония, 72).

*

Ст. 601. Дочери Гелия, встав… — Эта строка в рукописях дефектна, и смысл ее неясен. Гелиады, сестры Фаэтона, либо уже превращены в тополя или же способны превращаться, чувствуя опасность.

*

Ст. 608 сл. А кельты молвят… — Кельтами Аполлоний называет все население бассейна Эридана и Родана (Рона). Кельтская легенда о слезах Аполлона связана с историей Корониды и Асклепия. Дочь правителя лапифов Флегия Коронида была возлюбленной Аполлона и матерью врача Асклепия. Зевс испугался, сочтя, что искусство Асклепия даст тому возможность воскрешать мертвых, и молнией поразил Асклепия, своего внука. Аполлон, мстя за смерть сына, убил киклопов, которые ковали молнии для Зевса. Но сам понес наказание и был изгнан далеко на север, в страну гипербореев.

*

Ст. 613. Лакрея — город в Фессалии, где правил отец Корониды. *Амир* — река там же.

*

Ст. 623 сл. Он переходит в реку… — Представление о фантастическом маршруте Арго вверх по Эридану и далее дано в прилагаемой схеме.

*

Ст. 632 сл. Некий рукав вел… — В «Одиссее» рассказывается о реках подземного мира, куда ведут ворота Ночи (X, 513 сл.). Аргонавты поднялись вверх по Эридану против течения и достигли «глубоких» вод, т. е. Кельтского озера, откуда поплыли вниз к югу в Сардонийское море, т. е. в ту часть Средиземного моря, где течет Родан, а на северо-западе оттуда же вытекает Рейн, впадающий в Океан (см.: карту возвращения аргонавтов № 1). Аргонавты намеревались идти дальше на север, где им грозила гибель. Гера, следящая за ними с Геркинской скалы, вероятно с высот Шварцвальда, спасла их, направив решительно вниз. Античных географов и историков, начиная с Тимея (IV в. до н. э.), несомненно дезориентировали близкие звучания названий малознакомых рек — Эридан, Родан и Рен (Рейн). Гера же действовала подобно Афине, которая спасла мореплавателей при проходе через Симплегады (П, 537–548, 593–603 и т. д.).

*

Ст. 642. Лигийцы (лигуры) — жители Стойхад.

*

Ст. 645 сл. Стойхады — Эти небольшие острова, которые греки назвали «Стоящими», окаймляют берега современных Марселя и Антиба. Со времен активной колонизации греками Западного Средиземноморья (VQI–VU вв.) широко распространился в этих краях культ Диоскуров (Кастора и Полидевка — Тиндаридов), и они стали почитаться как покровители моряков.

*

Ст. 649 сл. Эфалия (Ильва) — нынешняя Эльба, остров в Тирренском, или Авсонийском, море между материковой Этрурией и островом Корсика. Тимей, Диодор Сицилийский, Сграбон упоминают об этом острове и о необычной расцветке его прибрежной гальки. Ликофрон переносит этот эпизод в Сицилию (Александра, 854 сл.).

*

Ст. 652 сл. Цвета кожи… — В рукописях здесь множество разночтений. Поэтому считают, что около полутора стихов были испорчены уже в архетипе.

*

Ст. 667 сл. Звери, нисколько на зверей… — В «Одиссее» Кирка превращала людей в свиней, но сохраняла им человеческий разум (X, 239 сл.). У Аполлония ее свита представлена как разнообразные гибриды, не похожие ни на людей, ни на животных. Далее он объясняет, что эти чудесные создания возникли в результате эволюции. Аполлоний следует очень популярному в его время учению Эмпедокла. Согласно этой зоогенетической теории, всякая жизнь представлена в соединениях четырех основных элементов — земли, воды, воздуха и огня. Все они постоянно двигаются силой взаимного притяжения (Любовь) и противостояния (Вражда). Время формирует из этих элементов различные особи и постоянно совершенствует их. Так создается все живое. Свита Кирки еще не обрела своей постоянной формы в каждом отдельном виде.

*

Ст. 688 сл. Молча, безгласные… — Ритуал требует молчания для очищения от убийства (см.: *Эсхил,* Евмениды, 277 сл.).

*

Ст. 753 сл. Где наковальня Гефеста… — В «Илиаде» кузница Гефеста находится на Олимпе (XVIII, 369 сл.). Затем ее местонахождение было перенесено на землю, где были вулканы. У Каллимаха это была Этна. У Фукидида, Пифея, Феокрита, Ограбона — Липарские острова. Аполлоний предпочитает здесь последнюю версию.

*

Ст. 777 сл. Тут же Фетида, покинув… — У Гомера морское божество Нерей с дочерями, Нереидами, живет под островами Самосом и Имбросом (Илиада, XXIV, 77). У Аполлония богиня-вестница Ирида летит за Фетидой также в Эгейское море, но не говорится куда.

*

Ст. 780 сл. Скилла и *Харибда* (миф.) — страшные морские чудовища, живущие в Сицилийском проливе и уничтожающие там все проходящие суда. У Скиллы двенадцать ног и шесть голов с тремя рядами железных зубов. Харибда лежит по другой стороне пролива и трижды в день поглощает и извергает потоки воды (Одиссея, XП, 85 сл., 245 сл.).

*

Ст. 796 сл. Но тебе средь людей… — В античности существовало много версий о браке Пелея и Фетиды. В «Илиаде», как и в «Аргонавтике», Гера говорит, что она выдала за Пелея свою любимицу (XXIV, 59 сл.). Аполлодор, ссылаясь на киклическую поэму «Киприи», рассказывает, что Зевс и Посидон домогались вступить в брак с Фетидой, но узнали от Фемиды, что сын Фетиды превзойдет силой отца (Библиотека, Ш, 13, 4 сл.). По другой версии, продолжает Аполло дор, этой тайной владел Прометей. Он открыл ее Зевсу и добавил, что, если у Зевса родится от Фетиды сын, он свергнет отца и займет его место. Как известно, браки богов не бывают никогда бесплодными. По третьей версии Фетида отказала Зевсу, так как не хотела обижать любившую ее Геру, и тогда разгневанный Зевс отдал ее смертному. Аполлоний использует все три версии. Он только умалчивает о Посидоне, но усиливает роль Геры и подчеркивает достоинства выбранного ею для Фетиды смертного супруга.

*

Ст. 802 сл. Ныне нянчат его… — Гера не оставляет своей заботой и маленького Ахилла, сына Пелея и Фетиды. Она следит за ним и, зная, что он смертен, готовит ему после смерти счастливую судьбу, посмертную жизнь. О браке в царстве теней (Элизиум) Ахилла и Медеи задолго до Аполлония упоминали Ивик и Симонид (фр. 291 и 558 Пейдж). Впоследствии — Ликофрон (Александра, 175 сл., 798) и схолиаст Аполлония. По другой версии Ахилл после смерти был перенесен на остров Левку (Белый) в Черном море, где супругой его стала Елена *(Павсаний*, Ш, 19, 13). О культе Ахилла и Елены на этом острове см.: *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

*

Ст. 818 сл. Скилла — дочь морского бога Форка и Гекаты. В «Одиссее» она именуется Кратейей (XII, 124). Это второе имя античные комментаторы считали эпитетом Скиллы со значением «Сильная» или «Мощная» (греч. κράτος).

*

Ст. 850 сл. Мимо опасных скал… — Скалы Планкты, т. е. «Странствующие», через которые не может пролететь даже птица *(Гомер*, Одиссея, ХП, 59 сл.), не нашли в литературе удовлетворительного объяснения. Существуют различные версии их местоположения.

*

Ст. 858 сл. Он ее не видел с тех пор… — О ссоре Фетиды с Пелеем не упоминает Гомер. Причина их размолвки в античности излагалась по-разному. По наиболее популярной версии, которой следует Аполлоний, Фетида хотела сделать сына бессмертным и ночью держала его в огне, другие считают — в воде. Однажды Пелей проснулся и, увидев действия жены, закричал. Тогда Фетида бросила ребенка и скрылась. Эллинистические поэты, увлекаясь этиологическими экскурсами, добавляли, что, когда Пелей извлек младенца из золы очага, у ребенка была обожжена верхняя губа. Поэтому его и прозвали Ахиллом, т. е. Безгубым (à — отрицание, χέλος — губа).

*

Ст. 885 сл. Пели Сирены… — О встрече Одиссея и его спутников с Сиренами подробно рассказывается в «Одиссее» (XП, 49 сл., 159 сл.). Этих полудев-полуптиц помещали на мысе Пелоре в Сицилии или же чаще на Сиренусском мысе в Кампании, недалеко от Сорренто и ближе к острову Капри. Музу Сирену упоминал Алкман (VH в. до н. э., фр. 70 Пейдж). Аполлоний называет родителями Сирен бога реки Ахелоя в Этолии и Музу Терпсихору. Чаще ее называли Мельпоменой или Каллиопой. В трагедии Еврипида «Елена» Сирены также подруги Персефоны (с. 167). Аполлоний первым засвидетельствовал существование в италийском фольклоре предания о Сиренах. В греческом оригинале их остров называется Анфемоессой, т. е. «Цветочным».

*

Ст. 899 сл. Струн Бистонийской лиры… — Лира Орфея должна была заглушить голоса Сирен и поэтому звучала слишком громко. Ее пронзительных звуков не мог вынести Бут.

*

Ст. 905—913 сл. Сын Телеонта Бут… — Эта сцена отмечена изящной юмористической окраской, очень частой в любовной поэзии, начиная с гомеровского гимна к Афродите (VH — VI вв. до н. э.). Эрик — гора в Сицилии, где находилось знаменитое святилище Афродиты. Лилибей — мыс на западном берегу Сицилии.

Вся история аргонавта Бута представляет собой храмовую сицилийскую легенду о возлюбленном Афродиты, Буте, возникшую в V в. до н. э. в период знакомства афинян с Сицилией. Об этой легенде рассказывает Диодор Сицилийский (V, 23, 2 и 83, 1). Афинского героя Бута, брата Эрехфея и жреца Афины, объединили с его сицилийским столь же мифическим тезкой, и он стал эпонимом и родоначальником афинского рода Бутадов или Этеобутадов.

*

Ст. 923 сл. Вдруг отовсюду навстречу… — О сцене прохода Арго между Планктами Г. Ф. Церетели пишет: «Великолепная картина, описывающая проход корабля промежду „Бродячих“ скал, принадлежит, наравне с картиной прохода через Симплегады, к числу лучших мест „Аргонавтики“. Величественная картина усиливается введением в нее фигур богов-зрителей — спокойно стоящего, опираясь на свой молот, Гефеста и двух богинь, Афины и Геры, с волнением и страхом наблюдающих за постепенным движением корабля, которому помогают то здесь, то там появляющиеся Нереиды» (с. 328).

*

Ст. 941 сл. Были похожи на дев… — Сравнение Нереид, которые перебрасывают Арго от одной к другой, с девушками, играющими в мяч, лишь очень отдаленно напоминает сравнение бога Аполлона, сокрушающего укрепления ахейцев, с ребенком, который на морском берегу возводит и легко разрушает свои песчаные крепости *(Гомер*, Илиада, X, 360 сл.). Значительно ближе аполлониевское сравнение к знаменитой сцене из «Одиссеи». Навсикая со своими служанками, окончив работу, так же как и Нереиды, играет в мяч (VI, 100 сл.). В целом этот яркий и динамичный эпизод напоминает экфрасу, т. е. описание какой-нибудь картины, хорошо известной Аполлонию. А мощный Гефест, стоящий на скале, облокотясь на свой молот с длинной рукояткой, очень похож на известную скульптуру Геракла Фарнезе.

*

Ст. 959. Тринакрия — мифический остров, впоследствии отождествленный с Сицилией *(Гомер*, Одиссея, XII, 135 сл.).

*

Ст. 976 сл. Остров есть большой… — С того времени как греки перенесли свое внимание с Востока на Запад, мифическая гомеровская страна феаков Схерия стала отождествляться с островом Коркирой (Керкира, Корфу). Первыми этот остров заселили коринфские колонисты. Процесс его освоения нашел отражение в анонимной эпической поэме «Навпактика» и в сочинении логографа Гелланика (VI в. до н. э.). По преданию, эпонимом острова была дочь реки Асопа, возлюбленная Посидона и мать Феака. Причудливые очертания острова отражены в его втором названии Дрепана, т. е. «Серп». А это название сразу нашло этиологическое объяснение. По одной из версий, под островом лежал серп, которым Кронос оскопил своего отца Урана (логограф Акусилай, Алкей и Аполлоний). По другой версии, это был серп Деметры, с помощью которого она научила титанов земледелию (Аристотель, Каллимах). Версия Аполлония названа древнейшей, и поэт считает феаков автохтонами Дрепаны. Таким образом он спорит с Гомером, сказавшим, что Навсифюй со спутниками пришел в Схерию издалека (Одиссея, VI, 4 сл.).

*

Ст. 989 сл. И Тринакрийское море покинув. — Тринакрийским морем называлась часть Адриатического моря от юго-западного побережья Балканского полуострова до Сицилии.

*

Ст. 991 сл. Город весь ликовал. — Радушный прием, оказанный аргонавтам, — свидетельство этнической близости с ними у Алкиноя и феаков.

*

Ст. 1005 сл. Сдерживать стал Алкиной… — Миролюбивые действия Алкиноя подтверждают авторитет правителя не только в своем народе. Они же побуждают Медею молить о защите жену Алкиноя Арету. Взаимосвязь этих двух эпизодов — удачный художественный прием Аполлония; однако образы этой примерной супружеской четы были уже в «Одиссее».

*

Ст. 1036 сл. Бойтесь же договоров… — Трудность перевода этого места в речи Медеи — в ее ссылке на Эринию. Аргонавты не совершали никакого преступления против Медеи, и им не должна грозить Эриния, богиня кровной мести и кары. Можно предположить, что Аполлоний отождествляет здесь Эринию с Немесидой. Аргонавты были свидетелями клятв Ясона и поэтому могут ждать от нее отмщения.

*

Ст. 1055 сл. Так бывает, когда… — Сравнение отчаяния Медеи с горем недавно овдовевшей многодетной женщины-труженицы скорее всего вызвано некоторой отдаленной аналогией с Гомером (Илиада, XП, 433 сл.; Одиссея, XX, 25 сл.). Используя отдельные гомеровские элементы, Аполлоний по-своему преображает ситуацию с целью раскрыть чувства своей героини и углубить ее образ.

*

Ст. 1064 сл. просила законного мужа — Аполлоний намеренно называет Алкиноя *законным* супругом Ареты. Ему нужно подчеркнуть юридическое несоответствие двух пар: Алкиной — Арета и Ясон — Медея. Так он подготовляет и обосновывает закономерность следующего эпизода — поведение Ареты, столь важное для движения сюжета.

*

Ст. 1082 сл. Что, например, учинил… — Возлюбленная Зевса, дочь правителя Фив Никтея, красавица Антиопа была матерью близнецов Амфиона и Зета. Правитель Фессалии Эпопей похитил Антиопу. В сражении с ним Никтей отобрал дочь, но был тяжело ранен и вскоре умер. Его брат Лик унаследовал власть над Фивами. Жена Лика возненавидела Антиопу и, считая ее своей рабыней, жестоко ее мучила. Когда сыновья Антиопы выросли, они отомстили Лику и его жене за мать (см.: примеч. I, 729 сл.). Легенда об этом неоднократно перерабатывалась в словесном и изобразительном искусстве античного и нового мира. Даная, единственная дочь правителя Аргоса Акрисия, была заключена отцом в темницу, так как оракул предсказал Акрисию смерть от руки внука. В темницу к Данае золотым дождем проник Зевс, и она родила Персея. Тогда Акрисий приказал запереть Данаю с младенцем в ларец и бросить в море. Волны прибили ларец к острову Серифу, и узники были освобождены. История Данаи, которой были посвящены трен Симонида (фр. 543 Пейдж), фрагментарно известная сатировская драма Софокла и множество других произведений литературы и искусства, имела самые многочисленные отклики. Эхет, правитель Эпира, страны близкой к Коркире, был известен своей жестокостью. Подобно Амику (см.: П, 1 сл.), Эхет умерщвлял всех, вступавших в его владения. Он же в приступе ярости ослепил свою единственную дочь Метопу или Амфиссу (Одиссея, XVIII, 84–87). Схолиаст Аполлония цитирует неизвестный нам «Каталог безбожных деяний» какого-то Лисиппа Эпирского.

*

Ст. 1105 сл. Быстро служанки сбежались… — Служанки спали перед входом в царскую опочивальню (см.: Ш, 838 сл.).

*

Ст. 1138 сл. Он зажигал в их очах… — В фольклоре брачные обряды обязательно включали эротическую тематику самого разнообразного вида. Эти же правила сохранялись в жизни и в искусстве. Отсюда полный юмора намек Аполлония на любвеобильных и милых нимф. С другой стороны, поэтика эпического произведения требует вмешательства богов, и в роли такой богини, покровительницы Ясона и аргонавтов, постоянно выступает Гера.

*

Ст. 1201. Долго на острове у феаков… — Остров Коркира-Дрепана имеет две гавани *(Гомер,* Одиссея, VI, 263; *Фукидид,* Ш, 72, 3; *Каллимах,* фр. 15 Пфейффер).

*

Ст. 1203 сл. Эфира — город, расположенный на границе Арголиды. Обычно идентифицировался с Коринфом, о чем говорит эпический поэт Евмел Коринфский. В «Аргонавтике» содержится намек на то, что на Коркире была коринфская колония, основанная Бакхиадом Херсикратом. Сведения о ней сообщил историк Тимей, и пользовался ими также Каллимах (фр. 12 Пфейффер).

*

Ст. 1206. Где аманты… — В рукописях встречается «аманты» и «абанты». В первом случае имеются в виду жители Эпира, во втором — Евбеи. Этот разнобой свидетельствует о том, что впоследствии различие между ними было уже забыто, как и их генеалогия. Их общие потомки жили к югу от иллирийского города Аполлония у Керавнийских гор, неподалеку от города Орика. Плиний свидетельствует, что эти места были заселены потомками колхов (Естественная история, Ш, 45). Нестеями называли аборигенов Иллирии.

*

Ст. 1209. Номий т. е. Пастушеский, — один из эпитетов Аполлона. По словам Тимея, алтари, воздвигнутые Медеей, были посвящены Нереидам и нимфам. Первые спасли аргонавтов при проходе через Планкты, вторые организовали торжественную свадьбу.

*

Ст. 1219 сл. Вот уже позади… — Аргонавты плывут к югу от Коркиры, и слева от них у города Амбракии находится одноименный залив. Эхинады — острова у берегов Акарнании. Пелопова земля — Пелопоннес.

*

Ст. 1226. В Сирт пловцы, откуда… — Два больших залива Ливийского моря, глубоко врезающиеся в северный берег Африки, называются Большим и Малым Сиртом. Их песчаные берега были крайне опасны, так как попавшие туда люди и суда часто оказывались засыпанными песком, поднятым неожиданным ветром. Геродот рассказывал об ужасных последствиях песчаных бурь в Сиртах. Знали о них также Страбон, Лукиан и другие.

*

Ст. 1286—1293. Девушки в стороне, толпой… — В двух сравнениях раскрывается поведение служанок Медеи. В первом они стонали и рыдали подобно выпавшим из гнезда птенцам. Это сравнение обычно сопоставляется с текстом «Илиады», хотя аналогия очень приблизительная. У Гомера Ахилл, отказываясь примириться с Агамемноном, говорит Одиссею, что ощущает себя птицей, которая, забыв о себе, беспрестанно ищет корма неоперившимся птенцам (Илиада, IX, 323 сл.). В другом — Артемида убегает от разгневанной Геры подобно голубке, которая мечется в страхе и прячется от преследующего ее коршуна (Там же, XXI, 495 сл.). Во втором сравнении Аполлония плач девушек подобен хору лебедей, поющих у истоков Пактола, их песням вторят воды рек и луг цветущий. В «Илиаде» ахейские дружины сравниваются с бесчисленными стаями перелетных птиц, гусей, журавлей и лебедей, которые носятся взад и вперед… радуются… и луг оглашают (II, 459–463). Нетрудно заметить, насколько далек Аполлоний от Гомера. Каллимах в IV гимне говорит о лебедях, которые летят петь на Делосе, покидая меотийский Пактол, чтобы приветствовать младенца Аполлона (ст. 1249 сл.). Лебедь почитался священной птицей Аполлона, будучи его зооморфной ипостасью. Пактол — небольшая река в Лидии, знаменитая своими златоносными водами. Ее называли любимым местом пребывания лебедей.

*

Ст. 1299 сл. Те, что, когда явилась… — Посещение богов в критические часы для героя — одна из типических сцен в поэтике эпоса. Ливийские героини (ἡρώσαι, ἡρώιδες) — дочери Посидона и Ливии, покровительницы страны и ее божественного эпонима. Редкое слово «героини» впервые засвидетельствовано в надписях острова Феры, затем в папирусных фрагментах Каллимаха и в рукописях «Аргонавтики».

*

Ст. 1314 сл. Амфитрита — дочь Нерея и океаниды Дориды, супруга Посидона, богиня морских волн, мать Тритона *(Гесиод,* Теогония, 990).

*

Ст. 1328 сл. Грязный от пыли… — Покрытый песком и грязью Ясон, скликающий аргонавтов, сравнивается с рычащим львом, который бредет за своей львицей. В «Одиссее» идущий навстречу Навсикае Одиссей сравнивается со львом, который, терзаемый голодом, невзирая на дождь и ветер, рыщет, пугая ревом стада и пастухов (VI, 130 сл.). Эти аналогии опять призваны подчеркнуть собственную манеру эллинистического поэта.

*

Ст. 1364. Нашей матерью… — Корабль Арго назван *матерью* аргонавтов, носившей их в своем чреве, так как по-гречески слово «корабль» (ναυς) женского рода. Г. Ф. Церетели, чтобы выйти из затруднения, говорит о «ладье» или «лодке», но Аполлоний где только возможно подчеркивает исключительность Арго перед всеми другими судами.

*

Ст. 1373. Муз это повесть… — Аполлоний вновь призывает Муз, своих вдохновительниц. Эта инвокация дает ему возможность подтвердить правдивость подвига аргонавтов, которые двенадцать суток без воды и пищи шли по пустыне и несли на плечах тяжелый корабль, не зная своего будущего.

*

Ст. 1383 сл. Залив Тритона — Тритоново озеро. Находится к югу за Сиртом, недалеко от Ливийского залива. Его упоминают Пиндар, Тимей, Каллимах, Страбон и Лукиан. Есть свидетельство, что там на одном из маленьких островов было святилище Афродиты.

*

Ст. 1390 сл. При нем Гесперид резвились — Местопребывание Гесперид, дочерей титана Атланта, в текстах различно, начиная от Крайнего Запада и до страны Гипербореев. Ливийский, т. е. Африканский, вариант известен как самый поздний. Аполлоний знал различные версии сказания. У Аполлония Гесперид — нимфы-дриады, способные превращаться в деревья. Гесиод называет их Гесперой, Эрефеидой и Эглой. В других вариантах Геспера именуется Гесперэфусой, а место, где они обитают, Святилищем. Дракона Гесиод именует сыном Форка и Кето, а Ферекид — Тифона и Ехидны. У Аполлония он хтоническое существо, т. е. порождение Земли. Имя *Ладон* не поддается этимологизации, его считают древнеаркадским или кирено-ливийским. Возможно, оно было испорчено уже в архетипе, так как у Ограбона, Лукиана, Плиния и других имеется форма Лафон или Лифон (Λάθων, Λήθον). Эпический поэт Паниассий (вторая половина VI в. до н. э.) рассказывал про расправу Геракла с драконом. Об этом же в трагедии Еврипида «Елена» (ст. 394).

*

Ст. 1395 сл. Лишь оставалась в теле… — Геракл около источника Лерны в Арголиде убил страшную гидру, обладавшую ядовитой желчью. Ею Геракл обмазал свои стрелы.

*

Ст. 1400 сл. Стали с их появленьем… — Гесперидыпревращались не только в деревья, но в пыль (κόνις) и землю (γαία). Молитва Орфея подействовала на них, и они приняли свой прежний облик.

*

Ст. 1444 сл. Как возле узкого входа… — В сравнении жаждущих аргонавтов с муравьями, чьи эпитеты в традиции рукописей и у издателей вариативны, Аполлоний «облагораживает» гомеровские аналогии, где толпа людей сравнивается… с мухами (Илиада, II, 469; XVI, 641 сл.).

*

Ст. 1464 сл. А Полифем, воздвигнув… — Рассказ о судьбе Полифема является отступлением, которое должно подготовить рассказ о трагической гибели Канфа. Канф собирался догнать Геракла и расспросить его о Полифеме. Этим приемом Аполлоний возвращает читателей к финалу первой книги, где пара Геракл — Гил сопоставляется с парой Полифем — Канф.

*

Ст. 1471—1472. Ибо видел он… — Существует предположение, что Вергилий в «Энеиде» почти дословно перевел эти стихи:

> Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
> Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
> (VI, 453 сл. Пер. В. Брюсова)

(В русском переводе это сходство утрачено.)

*

Ст. 1482. Ликорейский — эпитет Аполлона. Ликорея — высочайшая вершина Парнаса, у подножия которого находились неизвестный теперь город Ликорея и знаменитый город Дельфы.

*

Ст. 1483 сл. И Акакаллиды, девы стыдливой… — Дочь Миноса Акакаллида почиталась прародительницей многих героев — эпонимов, рожденных ею от Гермеса и Аполлона. В Ливии от Аполлона она родила Амфитемиса-Гараманта, родоначальника гарамантов, живших во внутренней Ливии с главным городом Гарамой. Восточными соседями псиллов около Киренаики были насамоны. Это была территория по берегам Сирта (Большого), куда пришли аргонавты и где погиб Канф. Орфография имен в рукописях остается спорной. Так, например, имя Кафавр, — возможно, испорченное имя ливийского правителя Капера, на что указывают исследователи истории античной Кирены.

*

Ст. 1492. Тело же Канфа… — Остается неясным, откуда аргонавты узнали о гибели Канфа. Возможно, в архетипе было что-то пропущено или же здесь опять имеет место авторское умолчание. Остается предполагать, что тело Канфа могли найти, возвращаясь, Евфим, Линкей или Бореады.

*

Ст. 1497 сл. Там в песках залегал… — Начиная с Гесиода, имеются сведения о подобных ядовитых змеях. Специально о противоядиях от их укусов написал целую поэму Никандр (III–II вв. до н. э.). Здесь, возможно, говорится о кобре.

*

Ст. 1505 сл. Ибо когда богоравный Персей… — Современник Аполлония Евфорион называет Персея Евримедонтом. Персей летел в город Сериф на одноименном острове к правителю Полидекту (рассказ Ферекида). Гесиод же говорит, что Горгоны жили на западе недалеко от Гесперид (Теогония, 270). Из всех Горгон самой страшной была Медуза. Одним своим взглядом она обращала в камень всех противников. Но из трех сестер, имевших вместо волос змей и во рту страшные клыки, а за плечами золотые крылья, смертной была Медуза. Персей сумел убить ее, глядя на ее отражение в своем щите.

*

Ст. 1514. Рану кровавую смело — В рукописях рядом дважды повторяется слово «рана» (ἕλκος). Уже первые издатели во втором случае поменяли слово «рана» на ἄλγος, т. е. «боль», «страдание». Г. Френкель принял эту поправку, Ф. Виан отверг.

*

Ст. 1531. Словно петляющий змей… — Это сравнение обычно сближают с гомеровским, но в «Илиаде» ситуация совершенно иная (XXII, 93 сл.).

*

Ст. 1552. Об Еврипиле из Ливии… — Еврипил, сын Посидона и брат Тритона, был правителем страны, куда пришла нимфа Кирена и сумела убить льва, который уничтожал стада Еврипила *(Каллимах*, Гимн II, 91 сл.).

*

Ст. 1555. Апид или Апис — Пелопоннес. *Минойское море* — Критское море, часть Средиземного моря к северу от Крита.

*

Ст. 1592 сл. Словно коня быстроногого… — Бог Тритон вел Арго за канат, подобно тому как на арену ведут коня перед состязанием. Примечательно, что с конем сравнивается не только Арго, чтобы передать характер его движения. Морское пространство, по которому идет Арго, расцвечивается благодаря сравнению бушующих волн с белой пеной, клубящейся около удил коня. Образ коня, который кусает свои удила, не изобретен Аполлонием. Но он уникален в этой ситуации.

*

Ст. 1607 сл. Там и доныне есть… — В схолиях к поэме Ликофрона отмечается, что Аргойский залив проложили аргонавты, желая прославить Тритоново озеро и установить святилище Геракла. Позднее залив и гавань были названы Гесперидами *(Страбон*, География, ХУЛ, 3, 20).

*

Ст. 1614. Вскоре утих Зефир. — В «Илиаде» (XI, 305 сл.) говорится, что Зефир гонит облака друг на друга, подгоняя их бурными порывами холодного Нота.

*

Ст. 1623. Карпаф — остров, лежащий к востоку от Крита за Родосом. Современное его название Скарпанто.

*

Ст. 1625 сл. Талос — медный великан, был последним из рода ясенеродных, т. е. отпрысков ясеневых дриад нимф Мелий, дочерей Урана. Талос был неуязвим, но имел одну жилу от головы до пят. Зевс или Гефест подарил его Европе, а Минос, сын Европы и Зевса, отправил Талоса сторожить Крит. Там трижды в день Талос обегал весь остров. Горы же в районе города Феста были собраны Талосом для обороны.

*

Ст. 1649 сл. И там она песней… — Медея припевала и чаровала Талоса, т. е. производила какие-то магические пасы, чтобы призвать демонов смерти (Керы) и вызвать для Талоса привлекательные сновидения.

*

Ст. 1665 сл. Ихор, кровь, потекла… — В медицине термином ихор обозначается беловатая жидкость (сыворотка, лимфа, гной). У греков ихором называли кровь бессмертных богов и демонических существ (см.: *Гомер*, Илиада, V, 339 сл.).

*

Ст. 1667 сл. Но подобно тому… — Сравнение рухнувшего наземь Талоса с подрубленным деревом, оставленным дровосеками и упавшим под порывом ветра, в поэзии типично: *Гомер*, Илиада IV, 482; XIII, 389 сл.; XVI, 482 сл.; дважды в первой книге Аргонавтики 1003 сл. и 1196 и т. д.

*

Ст. 1678. Мыс Салмонидский (Салмонийский, совр. Сидеро) — расположен на северо-востоке Крита, и там стоит святилище Афины Салмонийской. Во времена Аполлония весь этот район был оккупирован Египтом.

*

Ст. 1680 сл. Этой гибельной ночи… — Схолиаст отмечает, что такая беспросветная ночь является губительной и очень страшной.

*

Ст. 1689 сл. Много в Дельфы он обещал… — Перечисляются основные центры культа Аполлона.

*

Ст. 1692. К Мелантийским утесам… — Мелантийские скалы, как указано в схолиях, названы по имени Меласа, который погиб там, потерпев кораблекрушение возле острова Феры.

*

Ст. 1715 сл. Женщины спорят с мужчинами… — Этиологический экскурс, объясняющий обычай на острове Анафе во время праздника Аполлона устраивать спор женщин с мужчинами, осыпая друг друга шутками.

*

Ст. 1743 сл. Тотчас остров Каллиста… — Геродот рассказывает, что пеласги изгнали потомков аргонавтов, живших на острове Лемносе, за то, что те похитили афинянок. Изгнанники отправились в Спарту, назвали себя минийцами и детьми аргонавтов и были радушно приняты. Оттуда одним из них пришлось отплыть на остров Каллисту и назвать его Ферой по имени своего вождя *(Геродот*, История, IV, 145–149). История потомков Евфима не переставала находиться в центре внимания в первой половине III в. до н. э. в связи с отношениями Египта и Кирены (см. выше, с. 126).

*

Ст. 1751 сл. Скоро они к побережью… — Большой остров Эгина расположен в Сардонийском заливе между Арголидой и Аттикой. Рассказом о состязании юношей-гидрофоров, т. е. несущих кувшины с водой, Аполлоний завершает свою этиологическую тематику. Также он намекает здесь на происхождение жителей острова. По Гомеру, мирмидоняне жили прежде в южной Фессалии (Илиада, II, 681; XVI, 65; XIX, 278). По Гесиоду, когда все население острова вымерло от чумы, сын Зевса Эак попросил отца превратить в людей муравьев и назвал их мирмидонянами (μύρμηκες). А остров получил имя матери Эака нимфы Эгины. Овидий включил этот миф в «Метаморфозы»(VII, 520 сл.).

*

Ст. 1763. Вы Кекропейскую землю… — Страна Кекропа — Аттика. Авлида — прибрежный город Беотии. Опунт — главный город Локриды.